

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 27.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрѣля 5 дня, 1855 года.

Ну, если голова больна,
То это запускать опасно:
Превредная болѣзнь!... и въ наши времена
Распространилася опасно!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Статья шестая) (*).

Я родился, воспитывался, вступилъ въ службу въ Москвѣ; родители мои привыкли жить въ ней безвыѣздно, и попому мнѣ не было никакого случая получить понятіе о провинціяхъ. Въ 1812 году мы уѣзжали во Владиміръ, жили всё въ самомъ городѣ; припомъ же, еслибъ жили и въ деревнѣ, всё провинціальнѣе бытъ не могъ оспаться въ памяти у девятилѣтняго ребѣнка.

Въ прошломъ 1818 году медики предписали мнѣ, для поправленія здоровья, помыкаться по бѣлу-свѣту и пожить на югѣ отъ Москвы. Я выпросился на четыре мѣсяца въ опускъ; заплакалъ, прощаясь съ добрыми родителями, сѣлъ въ коляску, лошади двинулись, и

Москва скоро исчезла изъ глазъ. Я пляжко вздохнулъ, разспавшись съ мѣспомъ, гдѣ было всё любезное моему сердцу, всё мои воспоминанія, всё мои надежды. Путешествіе мое съ мѣсяць было самое своенравное; я оспанавливался тамъ, гдѣ встрѣчалъ живописное мѣстоположеніе и здоровый воздухъ; жилъ дня по три въ крестьянской свѣпѣлкѣ, пилъ молоко. Скуку мою улаждали письма, копорья надо было посылать въ Москву къ роднымъ и друзьямъ, и чтеніе обожаемаго мною *Шекспира*. Не смотря на эти оспановки, довольно частыя, мнѣ удалось въ мѣсяць опгѣхать отъ Москвы верспъ 500.—«Пора приискывать постоянное жильѣ», подумалъ я. Вдругъ, почно по неожиданному щастію, въ одномъ уѣздномъ городѣ *** губерніи, узнаю отъ почпмейстера, что въ 30 верспахъ селеніе Ивана Львовича *Подушкина*, и что онъ самъ пупъ живетъ. *Подушкинъ* былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти; всегда дружный съ нашимъ домомъ и любившій меня, не смотря на разность лѣтъ. Врожденный умъ въ немъ еще болѣе былъ развернутъ основательнымъ просвѣщеніемъ, а доброе сердце не измѣнилось среди больша-

---

(*). Доставлена Издашею изъ Москвы отъ неизвѣстной особы. — В.

го свѣта. Лѣтъ пять назадъ онъ лишился отца, принужденъ былъ оставить довольно значительную должность и ѣхать въ деревню для поправленія дѣлъ, разспроенныхъ грабителемъ - управителемъ. Съ тѣхъ поръ Московскіе приятели совсѣмъ потеряли его изъ вида.

Почти невозможно изъяснить радость, съ какою обнялъ меня *Подушкинъ* и съ какою самъ я бросился къ нему въ объятія. Узнавъ о цѣли моего путешествія, *Иванъ Львовичъ* закричалъ мнѣ: Sta, viator (остановись, путникъ)! Тебя не пускаютъ далѣе. Здѣсь мѣстоположеніе прекрасное, воздухъ истинно цѣлебный, въ молоко недоспайка не будетъ, а тебѣ вѣрно не наскучитъ бѣсѣда стараго Московскаго пріятеля. Невозможно было отказатья отъ такого предложенія, и я рѣшился поставить на время въ уголъ своей дорожной посохъ. Послѣ многихъ распросовъ о Москвѣ, о такомъ-то, о такомъ-то, о такихъ-то, мы пошли осматривать домъ. Онъ въ старинномъ вкусѣ, видно что построенъ богатымъ бариниомъ; *Иванъ Львовичъ* украсилъ его своею Московскою библиотекою. Всѣ принадлежности: сады, теплицы, разные дворы, кухня, дворня,—всѣ было отлично отстроено. «Этимъ я обязанъ покойному батюшкѣ; но деревню самъ выстроилъ; завтра ты её увидишь;» сказалъ онъ.

На другой день осматривали мы деревню; всё, что можно придумать для удобствъ крестьянскаго обихода, было соблюдено при постройкѣ. Противъ линіи избъ возвышался храмъ Божій; подлѣ него съ одной стороны свѣтлый домикъ священника, съ садомъ; съ другой—школа, въ которой священникъ пріидя въ недѣлю училъ крестьянскихъ мальчиковъ грамотѣ, катихизису и Священной исторіи; въ прочіе дни учили свѣтскій преподавалъ имъ четыре правила ариеметики; кромѣ эаго сельскаго математика, въ школьномъ домѣ жили еще врачъ и бабка, знающая припомъ и костоправное искусство. Вы отецъ своихъ крестьянъ! сказалъ я съ восторгомъ почтенному *Подушкину*.—«Они меня кормятъ, одѣваютъ, снабжаютъ не только всѣмъ нужнымъ, но даже

излишнимъ; я обязанъ пещься о ихъ щастьи и довольствѣ!» отвѣчалъ почтенный хозяинъ.

Послѣ обѣда я его спросилъ: не ужьли онъ не желаетъ возвратиться въ столицу? «Я жалю о службѣ, о моихъ друзьяхъ и знакомыхъ, и чрезъ два года возвращусь въ Москву къ дѣду и въ свой кругъ; но ежегодно буду прѣзжать сюда недѣли на три, въ рабочую пору. Ты, какъ житель столичный, безвыѣздный, не имѣешь понятія о пріятности сельской жизни. Ловля рыбы на удъ, охота съ ружьемъ, надзоръ за сѣнокосомъ, посѣвомъ, жнивною, молотбою,— всё это имѣетъ свою занимательность.»— Но въ дурную погоду, *Иванъ Львовичъ*?— «Чтеніе, игра съ докпоромъ на биліардѣ и проч.»—Но мы еще не каснулись до важнѣйшаго: люди? сосѣди? Я сколько слышался о провинціалахъ... «Худаго?» возразилъ *Подушкинъ*: «мой другъ, не вѣр односпоннымъ описаніямъ. Въ три года я узналъ всѣхъ своихъ сосѣдей и убѣдился, что въ провинціи, какъ и въ столицѣ, умъ и глупость, доброта и злость, дѣлаютъ людей на два разряда, съ тою разницею, что просвѣщеніе болѣе проникло столицу, нежели провинціи, и потому здѣсь менѣе средствъ изобрѣсти личны для порока и глупости. Я тебѣ представляю сперва картину домовъ, куда ѣзжу; потомъ очерчу дома, куда не ѣзжу, но откуда, по несчастію, ко мнѣ ѣздитъ: и ты увидишь, что если первыхъ меньше теперь, то, есль надежда, что чрезъ нѣсколько лѣтъ число ихъ прибавится. Но пойдемъ обѣдать.»

Послѣ сыпнаго деревенскаго обѣда, пошли мы въ библиотеку; я просилъ *Ивана Львовича* исполнить свое обѣщаніе.—«Изволь, сказалъ онъ, только сперва отвѣчай мнѣ: всѣ ли эти книги равно хороши?»—Нѣтъ, отвѣчалъ я; истинно хорошихъ двадцатая доля; остальные идутъ поспепенно хуже и хуже.—«Такъ и люди, но не въ одной провинціи, а вездѣ. Я назову тебѣ домовъ пять, шесть, въ которыхъ ты найдешь истинное просвѣщеніе, общежительность и любовь. Родители и дочери знаютъ при,

четыре языка иностранных, и занимают-ся Русскою словесностью; на форпепиано разбрызываются всѣ новѣйшія произведенія *Гуинеллы*, *Фельды* и другихъ, и новѣйшіе романы Парижскіе и наши. Въ кабинетѣ сполъ уложенъ лучшими журналами иностранными и всѣми Русскими.—Напрасно! вскричалъ я невольно.—«Согласенъ, ошвѣчалъ *Иванъ Львовичъ*, но:

Опечесива и дымъ намъ сладокъ и пріятель!

Эти дома составили между собою родъ благороднаго собранія; въ положенные дни они сѣзжаются, чередуя и мѣсто сѣзда; и въ эти дни нѣкого изъ нихъ нѣтъ дома для профановъ, сосѣдей другаго разбора. Во всѣхъ этихъ домахъ ты найдешь порядокъ, спокойствіе, опеческое обращеніе съ слугами и крестьянами, и безпредѣльную любовь крестьянъ къ помѣщикамъ. Вотъ въ доказательство происшествіе, недавно случившееся: у помѣщика А*** загорѣлся домъ; пожаръ начался съ приспроенной кухни, и потому успѣли всё выпацишь. Между тѣмъ крестьяне, съ помощію одной трубы и ведеръ, лезли въ самый огонь и, подвергаясь опасности, спарались гасить.—«*Пусть горитъ!*» закричалъ хозяинъ: *бросьте: вы сами сгорите!*»—Либо сгоримъ, либо нѣтъ, ошвѣчали крестьяне, а домъ опспоймъ; а то вѣдь ты не будешь спройшь новаго и уѣдешь ошъ насъ жить въ Москву; а мы не хотимъ съ побою распашься!—Хозяинъ со слезами принужденъ былъ имъ божиться, что выспройшь другой домъ: они не слушая его, продолжали трудиться и только дали сгорѣть кровль и пошолку въ двухъ комнатахъ (*).

За сими домами слѣдуютъ тѣ, куда просвѣщеніе не сполко проникло, но гдѣ общепіе и врожденные добрыя качества хозяевъ сохраняютъ порядокъ и успройство. Слугамъ и крестьянамъ жить хорошо; еспь въ семействахъ закоснѣлыя спарухи, спарики, но они убѣгаютъ гостей. Въ эти дома я также ѣзжу съ удовольствіемъ; иногда радуюсь появленію спаршихъ въ родѣ: они

представляютъ въ лицахъ прошлый вѣкъ въ его срединѣ. Этихъ домовъ больше, чѣмъ перваго разряда. Теперь должно слѣдовать описаніе худшей части каршины; но я это оспавлю на вечеръ.»

За чаемъ ошъ продолжалъ свое повѣствованіе:—«другая часть ошпъ подраздѣляется на два разряда: въ первомъ свирѣспвуется каршочная игра и долги; праздность, привычка съ молоду—причиною первой; долги произошли ошъ игры и забвенія послловицы: по одежкѣ прошигивай пошки. Просвѣщеніе иногда толкалось въ шугля ихъ двери, но всегда было оппалкиваемо, какъ испочникъ всего дурнаго. Второй разрядъ или съ суевѣрнымъ спрахомъ запыкаетъ уши при словѣ просвѣщеніе, или осполбѣнѣвъ спрашиваетъ: «а что-жь это? и къ чему пригодно?» Карпы имъ извѣсны только по наглядкѣ на сосѣдей, и попому, чшо жены, сеспры и дочери гадаютъ запачканною колодою. Замѣчено, что съ тѣхъ поръ, какъ почувспвовали надобность положить предѣлы спрогому обращенію съ крестьянами, они косятъ на нихъ, какъ на чужихъ. Но ссоры съ женами сдѣлались чаще, ядовитѣе, и мелочныя распри другъ съ другомъ, за то, что по малости выгона загнали пеленка, чшо лошадь сосѣдская пробыва десяти минушь въ овсѣ, что кучеръ одного проѣхалъ мимо оконъ другаго, не снявъ шапки—почти не прекращаются. Должно замѣтншь, что всѣ такіе помѣщики родня между собою и также причипаются въ родню къ первымъ домамъ въ уѣздѣ. Эпа черта, спрашная въ нѣкоторомъ отношеніи, приносншь нѣрѣдко пользу: богатые, принужденные родные, берутъ часпо дѣпей у причипающихся имъ въ родство и доставляютъ малюткамъ лучшее воспитаніе. Впрочемъ, изъ молодыхъ людей этого разряда, иные почти съ ребячества работа въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, послѣ дѣлаются хорошими чпновниками по выборамъ.— Я забылъ забавный анекдотъ: ты знаешь, что батюшка купилъ это имѣніе; когда я въ него прѣхалъ, человекъ прдцалъ сосѣдей увѣрили меня, что я имъ родня.

(*) Истинное происшествіе.

Теперь должно описать тебѣ посѣщеніе втораго разряда этой части карпшины; ибо карпѣжники не знаютъ моихъ воровъ. Сперва въ самой дали зазвенишь колокольчикъ, потомъ приближается повозка паромъ, или тройкою. Иногда не скажусь дома, гость приспаненъ у староспы, живетъ два, три дня; его цѣль не меня видѣшь, но покормишь самому, покормишь слугу, кучера и добрыхъ коней; онъ опсправился, можетъ бытъ, на мѣсяцъ изъ дому, объѣхавъ всѣ богатые дома. Когда приму, онъ садится и начинаешъ меня душишь дымомъ папушнаго табаку; предлагаю ему Турецкаго, Вахштабу, Американскаго. «*Нѣтъ-съ,*» говоритъ онъ, попреывая свой кисетъ: «*это поваляженье!*»—Подчиваю его виномъ... «*Прикажете дать травнижку: это по серьезнѣ!*»—Начинаются разговоры: онъ мнѣ сообщаетъ семейныя пайны сосѣдей, карпочные обороты; рассказываетъ о щаспливыхъ правляхъ, о загнанномъ скопѣ: всё очень для меня занимательно. Сказываюсь нездоровымъ и пѣмъ избавляюсь отъ гостя, но не отъ убытка. Однажды я ввелъ одного въ свою библіотеку; онъ всплеснулъ руками:—«*какая пропасть книгъ! Не ужьли вы ихъ всѣ прочли?*» Не только эти, но еще много другихъ.—«*Такъ кажись, на что бы держать у себя книги прочтенныя и извѣстныя? Вотъ я, когда прочлишлю гдѣ прочесть отъ безсонницы какой романчикъ, то и не держу его послѣ.*»

Травникъ играешъ важную роль въ обществѣ людей, составляющихъ впорую часть моей карпшины. Они пьютъ его только что не въ жажду. Вотъ происшествіе, случившееся между проигравшимся помѣщикомъ и родственникомъ его: трудно сказать, въ кошоромъ колѣпѣ. Родственникъ пріѣхалъ въ госпни къ бывшему игроку; хозяинъ принялъ его очень ласково, спросилъ правнику; потомъ сдѣлали чаю въ спаканчикахъ съ Кизляркой; потомъ, по испребленіи Кизлярки, явились мадера, наливки и проч. Хозяинъ, расшевелившись немного, сказалъ: «*снѣтъ, брашъ, скучно пить, сидя сполбами; ты молчишь, я молчу—скучно! Сдѣлаемъ вотъ что: ѡна комната будетъ мой домъ, а кошорая возлѣ—пвой, мы и спанемъ по*

«очереди ѣздишь другъ къ другу въ госпни.» Сказано—сдѣлано; гость вышелъ въ другую комнату; двери зашворили; чрезъ минуту входилъ хозяинъ: *добро пожаловать, кричишь помѣщикъ заль, садитесь; эй, травнику!*—Подали, выпили; повторяя нѣсколько разъ этотъ пріемъ, помѣщикъ госпиной вспаешъ и прощаетъ:—«*посидѣли бы еще.*» Нельзя; ешь дома дѣла; милости просимъ къ намъ.—«*Будель.*»—Чрезъ минуту, помѣщикъ заль ѣдетъ въ госпиною; правникъ опять въ ходу.—Словомъ, они повторяли этотъ фарсъ до того, что легли безъ чувствъ въ границѣ своихъ владѣній, попому, что обоимъ даругъ захопѣлось въ госпи.»

Мы посмѣялись и погрустили послѣ этаго разсказа; но упѣшились мыслію, что просвѣщеніе исподоволь испребишь пороки, происшедшіе отъ празности и невѣжества. «*Завпра,*» сказалъ *Подушкинъ*: «я ожидаю забавнаго явленія. Магистръ ***скаго Университета, желая составить статистическія паблицы здѣшней губерніи, началъ съ нашего уѣзда. Онъ опспеша ко мнѣ на щепъ казенныхъ селеній, я далъ ему письмо къ умному, дѣятельному и справедливому нашему исправнику, и мой ученый оспался очень доволенъ этою частію своего объѣзда.—Сосѣди перваго разряда сами сообщили ему всѣ свѣдѣнія, радуясь такому полезному предпріятію.—Сосѣди втораго разряда, думая, что ученый присланъ изъ города, ворча, опсправили его къ староспамъ.—Теперь онъ проѣхалъ, по близости опсюда, къ Пепру Пепровичу *Хайлову*. Это человекъ лѣтъ семидесяти, Преміеръ-Маіоръ; былъ подъ Туркою съ *Рулицовыми*; съ *Суворовыми* ходилъ въ Италію, въ Швейцарію; имѣешъ природный умъ и веселость; но по несчастію прочелъ Древнюю и Римскую исторію *Роллена*, предложенную чрезъ *Василія Тредіаковскаго*: съ снхъ поръ почитаетъ себя ученымъ и никакъ не споръ съ нимъ. Вѣроятно, онъ нынче озадачилъ статистика и завпра пріѣдетъ мнѣ рассказывать, какъ онъ *надулъ его!*—Въ ожиданіи, поужинаемъ и уснемъ.»— — —

На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, къ крыльцу подѣхала линейка, изъ

неё вышелъ спарикъ, довольно высокаго роста, въ полевомъ кафтанѣ, еще свѣжій и бодрый. «Вотъ обѣщанный госпъ и, вѣрно, обѣщанное повѣспованіе; предупреждаю, что онъ начнетъ съ разсказа, и до окончанія онаго мы должны молчать.»—Вошелъ *Хайловъ*.—Здравствуйте, любезный сосѣдъ, закричалъ онъ весело; прикажите придвинуть спарикку кресельцы; вотъ такъ! А я вчера попѣшился, и хочу васъ попѣшити: вчера прѣхалъ ко мнѣ какой-то ученый, видите, будто собираетъ какія-то спатистическія, или спатистическія свѣдѣнія, то есть, сколько у меня крестьянъ, земли, хлѣба, скота и проч. Это человекъ, вѣрно, кѣмъ нибудь подосланъ подшунити надо мною, подумалъ я;—кромя меня, кому нужно знать о всѣхъ эпихъ подробностяхъ? По-спшой же! за шупку опшлачу шупкою.—«А если это почно ученый?»—Такъ ему наука: учись, а въ чужія дѣла не мѣшайся.—Я пригласилъ его опкушать, сказавъ, что займемся послѣ стола.—Опобѣдавъ, мы пошли въ кабинетъ, сѣли къ бюро; мой госпъ спросилъ бумаги и всѣхъ къ ней принадлежностей, и началъ меня допрашивать: «Сколько у васъ душъ?»—300 мужеска пола и 127 женска.—«Помидуйте, така несоразмѣрность...»—Ни чушь не удивительна: половина моихъ крестьянъ въ нынѣшнемъ году возьметъ невѣспъ опъ сосѣда, подобно, какъ Спаршанцы похитили Сабинянокъ; только мои купятъ своихъ невѣспъ.—«Не Спаршанцы, но Римляне.»—Я, сударь, читалъ два раза исторію *Роллена*, какъ *Тредіаковскій* дважды переводилъ его. Извольте продолжать.—«Сколько у васъ работниковъ?»—59. Вновь удивленіе ученаго.—«Земли сѣнокосной?»—Десятинъ 600.—«Сколько накашиваея сѣна?»—Пудовъ до тысячи.—«Сколько земли засѣваея рожью?»—60 десятинъ.—«Какъ бываетъ средній урожай?»—По 7-ми копенъ съ десятины, по 3 чепверка изъ копны и по 30 пудъ муки изъ чепверпи.—Мой ученый переспалъ спрашивать о хлѣбѣ.—«Какъ у васъ родятся овощи?»—Да прошлаго года было 500 огурцовъ, 47 рѣдекъ, 1000 кореньевъ моркови, 1 свекла, 15 чепвериковъ картофелю и 100 чепвершей

рѣпы.—«А дыни и арбузы?»—Я прошлаго года снялъ съ бакшей 115 чепвериковъ дынь, 83 чепверка арбузовъ.—Ученый вскочилъ: «кто-жъ мѣряетъ дыни и арбузы чепвериками!»—Я. У всякаго барона свол фанпазія, сказалъ Римскій орапоръ *Велистокъ*.—Собесѣдникъ мой вздохнулъ и продолжалъ: «сколько у васъ лошадей?»—Семь заводскихъ, двѣ мапки, десять жеребятъ и четыре упряжныхъ.—«Сколько рогатаго скота?»—Пять коровъ и 60 телятъ. Я цѣлый годъ содержу домъ молочнымъ и продаю 150 пудъ масла.—«Сколько домашней птицы?»—80 куръ и 3 пѣпуха: всегда къ столу цыплята и яйца. Три гуся даютъ 90 пудъ пуху и 40 перьевъ мнѣ записывать приходъ и расходъ.

Ученый вспалъ съ мѣста: «я сначала на-шей бесѣды замѣнилъ, что вамъ неугодно «ощаспливить меня свѣдѣніями.»—Именно, сударь, неугодно; знай сверчокъ свой шестокъ. Я не ѣжу освѣдомляться, сколько у васъ книгъ, какихъ изданій, какой величины, въ какомъ переплетѣ и какъ расправлены; не касайтесь и вы до моего хозяйства. Оно извѣсно мнѣ, старостѣ и добрымъ пріятелямъ. Ваша повозка у крыльца; прощайте!—А! сосѣдушка, каково я его опдѣлалъ?

«Васъ на это взялъ, *Петръ Петровичъ*,» опвѣчалъ съ усмѣшкою *Иванъ Львовичъ*.

Во мнѣ кровь закипѣла, видя поржество безспыднаго невѣжества.—Мнѣ кажется, сказалъ я, не замѣчая знаковъ моего хозяина, что вы напрасно такъ поступили съ эпимъ человекомъ; ученость всегда заслуживаетъ уваженіе, особенно у насъ, гдѣ просвѣщеніе такъ еще слабо. Припомъ же собираніе спатистическихъ...

У спарика глаза засверкали; онъ выпрямился въ креслахъ, загладилъ рукою сѣдины, бѣлые, какъ ковыль спешной.—Сколько вамъ лѣтъ, сударь?—«Двадцать чепыре.»—А чинъ?—«Коллежскій Секретарь.»—Мнѣ семдесятъ шесть лѣтъ и я Преміеръ-Маіоръ, такъ вамъ не досталось меня учить.—Не правда ли, сосѣдушка, что не должно разболпывать о своемъ хозяйствѣ ученымъ, Рускіе ли, Нѣмцы, Французы, Англичане, даже будь хопя Италіанецъ?—До свиданія!

«Ты напрасно погорячился,» сказалъ *По-душкинъ*; «его не исправишь; ученый не въ накладъ: онъ всё узнаеть подробно отъ старослѣды за осьмуху вина, а *Хайловъ* проѣздишь недѣлю по уѣзду, хвастаясь своею умною уверткою.

Л.

СЛОВЕСНОСТЬ.

В А М П И Р Ъ.

Разсказъ изъ хроники Сако-грамматика.

Два вождя или князя Нормандскихъ поклялись другъ другу быть ратными братьями, и клятва сія обязывала ихъ не только подавать взаимную себѣ помощь во всѣхъ приключеніяхъ ихъ брачнаго острова, но даже не переживать другъ друга. *Асвейтъ* погибъ первый въ сраженіи, и *Асмондъ*, его соплеменникъ, вѣрный ихъ ужасному условію, хотѣлъ быть погребенъ живой въ его гробницѣ. По обычаю стѣвера, сія гробница была обширный погребъ, въ который, вмѣстѣ съ прахомъ усопшаго, опускали его коней и военные трофеи. Когда обрядъ погребенія былъ совершенъ, *Асмондъ* сошелъ въ послѣднее жилище своего ратнаго брата, и ни одинъ взглядъ, и ни одно движеніе не обнаружили въ немъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Воины обоихъ вождей завалили входъ въ погребъ однимъ изъ пѣхъ огромныхъ камней, кои отличаютъ еще до сѣихъ поръ мавзолей храбрыхъ Нормандцевъ, засыпали землю, и, простясь съ своими вождями, разсѣялись какъ стадо, поперявшее своего пастыря.

Годы прошли за годами; уже пропекло сто лѣтъ, какъ однажды нѣкоторый вождь Шведскій прибылъ въ долину, получившую свое наименованіе отъ мавзолей двухъ соратниковъ братьевъ. Выслушавъ испорію ихъ жизни, вождь сей рѣшился открыть погребъ, отчасти для того, что у народа сего почиталось подвигомъ храбрости презирать гнѣвъ героевъ, возмущая миръ гробницъ ихъ; отчасти, чтобы завладѣть добрыми конями и другими оружіями, посредствомъ коихъ завоевали они свою славу. Такимъ образомъ, онъ приказалъ своимъ воинамъ при-

спустить къ работѣ; но самый отважнѣйшій изъ сихъ пиратовъ содрогнулся и опспушилъ, когда, вмѣсто безмолвія могилы, они услышали во глубинѣ сего жилища смертные ужасные крики, звукъ оружія, спукъ мечей, однимъ словомъ, весь шумъ смертельнаго боя между двумя единоборцами. Однакожь, не смотря на то, одинъ молодой воинъ былъ опущенъ въ погребъ посредствомъ веревки, которую вскорѣ потомъ выпянули обратно, чтобы узнать о причинѣ сей странной превоги; но кто-то другой занялъ мѣсто сего отважнаго молодого человека, и веревка выпянула *Асмонда*, одного изъ двухъ соратниковъ братьевъ, пережившаго другаго. Онъ предспалъ предъ взоры Шведовъ съ мечемъ въ рукѣ, съ разбитымъ въ дребезги панцыремъ, и лѣвая щека его была вся изодрана, какъ-бы когтями хищной пщцы. Едва увидѣлъ онъ дневный свѣтъ, какъ съ симъ даромъ импровизаціи поэтической, споль свойственнымъ древнимъ воинамъ, онъ разсказалъ въ стихахъ, что едва только навалили могильный камень на него и на *Асвейта*, какъ нирупъ сего послѣдняго вдругъ ожилъ. Сей Вампиръ, жадный крови, сначала растерзалъ и пожралъ коней; потомъ, съ окровавленными челюстями успремился онъ на храбраго вождя, давшаго споль неоспоримое доказательство своей дружбы. Герой сей, ни сколько неуспрашенный, схватилъ свое оружіе и защищался мужѣственно противъ *Асвейта*, или лучше сказать, противъ демона, облекшагося въ его пѣло. Сіе ужасное единоборство продолжалось уже цѣлый вѣкъ, и *Асмондъ*, въ шу самую мину, какъ опскрывали погребъ, повергъ на землю своего противника и вбилъ ему въ спину кель, чтобы довести его, навсегда, до обыкновенной гробовой неподвижности. Прославивъ такимъ образомъ свое поржеспво, *Асмондъ* упалъ мертвый передъ изумленными Шведами, которые вынули изъ могилы *Асвейта*, сожгли его, бросивъ пепель на вѣтеръ, и положили на его мѣсто пѣло побѣдителя, надѣясь, что онъ уже будетъ опдыхать спокойно въ семъ уединенномъ мавзолей.

Оливъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНЕ.

Къ чему пакъ, милыя воспрушки,
Вамъ льнуть къ Беллонинымъ сынамъ?...
Ужель блестящія игрушки
Магнитъ чувствительнымъ сердцамъ?...
Не вѣрите имъ: они лукавы;
Ихъ грудь чужда огня любви:
Она помнился жаждой славы;
Ихъ ласки — ложныя: они
Въ себя скрываютъ сладкій ядъ,
И пакъ приманчиво блестятъ,
Какъ въ чудномъ фонарѣ рисунки...
Такъ въ часъ губительной войны
Ихъ лапоть крышныя ледунки —
Свинцомъ убійственнымъ полны.

В. Каюверскій.

21 Сентября 1851.

П Ъ С Н Я.

Люблю я сельскій уголокъ,
Гдѣ садикъ подъ окномъ,
Зеленый къ озеру лужокъ,
И пень деревъ кругомъ.
*
Гдѣ своды сумрачныхъ алей
Склонились надъ водой...
Гдѣ лиственъ шумъ и плескъ зыбей:
И говоръ ихъ живой!
*
Пріютъ мечтаній молодыхъ!
Какъ сердцу здѣсь свѣтло;
Какъ будто радостей былыхъ
Въ немъ чувство ожило!

В. III—скій.

Э П И Г Р А М М А.

Не надивлюсь я вамъ, друзья,
Что вы поносите пворенья Помелова!
Но знаете-ль: изъ нихъ прекрасная обнова —
Взята на выспавку — въ спальню Голимантъя.
Е. Алипановъ.

Ш А Р А Д А.

Вещь круглая, слогъ первой мой,
А въ азбукѣ найдешь второй;
Последній слогъ употребляешь,
Когда кому въ чемъ попакаешь;
А цѣлое, — шеперь чипаешь.

X.

Въ № 26, помѣщенный логогрифъ значить: *Prame*; изъ него можно сложить слова: *rame, âme*.

М О Д Е С.

Les papiers de teinture se font avec recherche dans une chambre à coucher, en un mot de charmans fond blanc à bouquets de fleurs, faits avec soin et détail. Pour bordure, une belle guirlande des mêmes fleurs. Dans un salon, un fond satiné, velouté couleur sur couleur, ou moiré, blanc, vert, gris, etc.; bordure imitant les galons de soie. Dans un petit cabinet ou un boudoir, c'est un papier mousseline ou cachemire imitation d'étoffe. Enfin le goût n'est plus un dessin de convention, c'est la représentation aussi parfaite que possible.

Voici un joli salon dont nous pouvons donner le détail, comme indication de quelques nouveautés qui se sont introduites dans l'ameublement. La pièce est étendue, d'un papier moiré gris à bordures amarantes, de la même couleur que l'étoffe des meubles; les divans sont bas, ayant de chaque côté des montants de palissandre, cintrés, terminés au tournant par une boule d'ivoire, les doubles coussins sont bandés par distance de deux en deux, par des galons de soie amarante; les chaises gondoles en palissandre couvertes comme le divan en lampas gris, ont sur le devant, retombant sur le pied, un gland de soie amarante; les fauteuils-gondoles sont faits de même, excepté que les bras arrondis sont terminés, comme les montans du

divan, par une boule d'ivoire. Les rideaux sont doubles, l'un en mousseline blanche brodée; l'autre, en quinze-seize gris bordé de galons amarantes, est à gros plis doubles, chaque pli est attaché par une palmette de bronze doré, longue de trois pouces. — Les anneaux, ciselés, mats, très-gros, se détachent sur le bâton doré, bruni. — Les embrasses sont des plaques ovales, jointes l'une à l'autre par un très-petit anneau. Les petits rideaux en mousseline brodée sont passés dans des tringles de cuivre. — Au milieu est une table à thé en palissandre, incrustée de sapin du Nord.

La console en palissandre, couverte d'un marbre blanc, est terminée aux quatre coins par des boules d'ivoire, et repose sur des pieds en boules d'ivoire.

Sur la cheminée on a mis une garniture sévère. — La pendule en bronze représente Cromwell, d'après le tableau de la Roche. De grands candelabres en bronze sur des modèles d'Herculanum. Des flambeaux sur le même modèle.

Au plafond est suspendue une lampe antique à cinq becs.

Sur la console entre deux lampes *Carcel*, est une énorme coupe de Malaquite, montée en bronze doré.

Sur la table à thé une corbeille de cèdre très-grande, servant de jardinière pour des fleurs naturelles.

Au dessus de la cheminée, des deux côtés de la glace, sont placés trois becs de flambeaux, pour mettre des bougies; ils tiennent à un cercle qui repose sur une tête de diable ailée en bronze vert.

М О Д Ы.

Бумажные обои делаются оплечными для спальни; одним словом, по прекрасному белому группу букеты цветочные, тщательно опрабованные; кайма красивая; гирлянда из таких же цветочных. В гостиной, по апласистому группу, бархат под цветочный, или обьярь белая, зеленая, дикая, и проч.; кайма подражание шелковым галунами. В небольшом кабинете или будуарь, бумажка кисейная или кашемировая, подражание материи. Наконец, это не условный узор, это подражание сколь возможно близкое.

Вопь гостинная, которую мы можем описать подробно, как образец новостей, введенных

въ меблировку. Комната обширная обьянута дикими обьярными бумажками съ амарантовыми каймами, подъ цвѣтъ матеріи на мебели; диваны низкіе, бока изъ дерева палисандра, сдѣланы сводомъ, оканчиваются къ верху шаромъ изъ слоновой кости; двойныя подушки перевязаны въ нѣкоторомъ разстояніи шелковыми галунами амарантоваго цвѣта; спудья-гондолы изъ палисандра, покрытыя, какъ диванъ, дикимъ лампасомъ; спереди у нихъ висѣтъ, на пожку, шелковый желудь амарантоваго цвѣта; креслы-гондолы также сдѣланы, шолько округенныя ручки оканчиваются, какъ бока у дивана, шаромъ изъ слоновой кости. Занавѣсы двойныя: одинъ вышитый бѣлый кисейный, а другой изъ дикаго *quinze-seize*, обширный амарантовыми галунами, сложенъ крупными двойными складками, каждая складка прихвачена пальмочкою изъ вызолоченной бронзы, длиною въ три дюйма. — Кольцы, чекапленные, маповые, чрезвычайно велики, опдѣляются на шѣмно-вызолоченной палкѣ, схвачены продолговатыми бляхами, соединенными между собою весьма небольшимъ колечкомъ. Маленькія вышитыя кисейныя занавѣски вздернуты на мѣдныя прутья. — Въ срединѣ чайный столъ изъ палисандра, выклепный сверною сосною.

Консоль изъ палисандра, покрыта бѣлымъ мраморомъ, оканчивается по чепыремъ угламъ шариками изъ слоновой кости, и поставлена на шакихъ же пожкахъ.

На каминѣ отборныя украшенія. — Бронзовые часы представляютъ Кромвеля, съ картины *de la Roche*. Большіе бронзовые кандеабры по образцамъ изъ Геркуланума. Подсвѣчники по шѣмъ же образцамъ.

Къ потолку подвѣшена древняя лампа съ пятью вѣшьями.

На консоль, между двумя лампами *Carcel*, огромная малахитовая чаша, обдѣланная золоченой бронзою.

На чайномъ столѣ большая кедровая карзинка, служащая какъ *jardinière* для настоящихъ цветочныхъ.

Надъ каминомъ, съ обѣихъ сторонъ зеркала, тройныя вѣшви для восковыхъ свѣчъ; онѣ держатъ кругъ, дежацій на крылатой головѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 28.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 8 ДНЯ 1833 ГОДА.

Что дружба? легкой пылъ похмѣля,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ щеславія, бездѣля,
Иль покровительства позоръ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ВКУСѢ ПАРИЖАНКА.

Маленькій романъ.

Глава I.

Какъ она мила!... Вы конечно её знаете.

Вѣроятно, не разъ случалось вамъ, въ прекрасный Юльскій день, опъ четырёхъ до пяти часовъ, мѣшаться въ нарядной полпѣ, копорую мода призываетъ, а пѣнистая прохлада удерживаетъ въ обширныхъ аллеяхъ Кордевскихъ черпоговъ.

Или въ тихій вечеръ, упомясь опъ древнаго зноя, вы безъ сомнѣнія проходили разъ прирѣзать въ часъ пространство между улицами Лафиттъ и Гебу, посреди двойнаго ряда женщинъ, ослѣпляющихъ красотой; ряда фонарей, освѣщенныхъ газомъ, и пабачнаго дыма, вылетающаго изъ устъ нашихъ модныхъ щеголей; словомъ, говоря безъ метафоръ, вамъ конечно случалось прогуливаться упрямъ въ Тюльери, а вечеромъ въ Кобленць?

И такъ, если въ одномъ изъ эпитъ роскошныхъ цвѣтничковъ, наполненныхъ молодыми дѣвицами въ бѣлой одеждѣ, миловидными дамочками, пригожими маменьками, вашъ опытный, наблюдательный взоръ, жадный къ свѣжимъ личикамъ и спройности спана, слѣдилъ эпи группы, пестрыя и разнообразныя подобно цвѣпамъ, если онъ углублялся въ эпи толпы прекрасныхъ и нарядныхъ женщинъ.... то вы её видѣли.

— Кого?—

Парижскую дѣвицу, и вы оспанавливались предъ эпимъ прелестнымъ, эфирнымъ созданиемъ, полуграціей и полусильфидой, копорой нѣжныя черты блестятъ умомъ, копорой улыбка такъ лукава, а взоръ такъ пронцашеленъ,—и объяпые пѣтъ очарованиемъ, копорое овладѣваетъ вами пропивъ води, вы не размышляя говорили: какъ она мила!

Такія слова всегда бывають услышаны.... Она покраснѣла опъ удовольствія.... Ея прекрасная маменька улыбнулась, а благо-разумная и оспорожная пѣтенька топчасъ приподняла вокругъ хорошенькихъ плечъ

молодой вершушки вздымающійся барезъ, съ копорымъ игралъ Зефиръ.

Эпо ангель, демонъ, купидонъ, все вмѣспѣ!... Сколькo ума, лукавства, любезности блещетъ подъ длинными ея рѣсницами и на тонкихъ розовыхъ губкахъ!... Ей семнадцать лѣтъ, и она владетъ всѣми прелестями своего возраста... Не воображайте, чптобы чпо нибудь могло быть ея прелестнѣе, и... если вы общаете мнѣ быть скромными, по я скажу вамъ ея имя... не говоритесь!... Её зовутъ *Аманда!*

Глава II.

Она невѣста.

Вы уже готовы лепѣть къ ногамъ ея прелестной маменьки и умолять о покровительствѣ шѣпушку... Погодите! вы едва ли узнали половину ея достоинствъ; вы ознакомились только съ ея плѣнительною наружностью, оспрымъ взглядомъ и привлекательнымъ уборомъ. О! эпо далеко не все! Парижская дѣвица имѣетъ еще много заманчиваго.

Аманда—алмазъ обдѣланный, очищенный, огранѣнный изящнымъ свѣтскимъ воспитаніемъ. Въ извѣстномъ пансіонѣ, котораго она была славою и лучшимъ украшеніемъ, она одна собирала первыя награды въ пѣвнн, танцахъ, поэзії, краснорѣчїи и искусствѣ говоритъ также хорошо глазами и выраженіемъ лица, какъ и языкомъ. Извѣстно, что во всякомъ пансіонѣ, пользующемся особенно извѣстностью, бываютъ театры.

Словомъ, *Аманда*—чудо нашего времени. Она знакома со всѣми: съ *Вальтеръ-Скоттомъ*, съ *Байрономъ*, *Куперолъ*, *Гюго*, *Сентъ-Бѣвомъ*, *Лалартинолъ*; умъ ея расцвѣтъ на вѣспрѣ романпзма. Она мало читывала *Расина*, совѣтъ не развѣрпывала *Фенелона*, и чело ея, опоясанное жемчугомъ, краснѣетъ при грубыхъ выраженїяхъ *мнимага больнаго*. Но слухъ *Аманды*, вскормленный обильною манною новѣйшихъ произведенїй, привычнѣ къ невиннымъ рѣчамъ *Марїоны Дѣлоролъ*, а взоры ея снисходительнѣе къ цѣломудренной любви *Антонїя* (*Дюмасова* чудовищная драма).

Не забудьте, что ко всѣмъ симъ качествамъ ума, споль блестящаго и споль

щпцательно обработаннаго, *Аманда*, какъ и всякая хорошенькая дѣвушка, присоединяетъ великую пайну придавать силы красотѣ изящностью наряда и любезностью кокетства... И если вы не согласитесь, что съ такими прелестями, умомъ, чувствомъ и привлекательностью, она есть совершеннѣйшая изъ всѣхъ невѣстъ: по, послѣ эпоаго, вы несподите, чптобы остроумная улыбка ея, или прелестный взглядъ, пробѣгая рой ея обожателей, по случаю, щастїю, разсѣянности, или прихоти, вспрѣпили ваше сердце.

Однакожь, не ондавайте его!... Надобно предостеречь васъ.

Глава III.

Аманда выходитъ за мужъ.

— Какъ!... Возможно ли!... О небо!... —
« Не спѣшите такъ опчаяваться! Она выходитъ за своего двоюроднаго брата... »

— Ахъ!... —

« Который нарочно за эпоимъ прїѣхалъ изъ провинціи. »

— Охъ!... —

« Опъ прискакалъ на почтовыхъ. »

— Увы! увы!... Изъ Гонесса, или Понпоаза? —

« Почти такъ: изъ Аваллона. »

— Щастливый брапецъ! брапецъ, избранный судьбою! —

« Прошу васъ не опчаяваться!... Аваллонскїе гражданае вообще, и женихъ *Аманды* въ частности, вовсе не такъ опасны, какъ вы думаете. У брата - провинціала нѣтъ охотничьяго рога за плечами, какъ у *Гернани*, ни оспраго кинжала въ карманѣ, какъ у *Антонїя*; даже, если ничего не ушайвашь, его нельзя назвать (извините меня въ сихъ выраженїяхъ: эпои понятїя приняты въ хорошемъ обществѣ) сыномъ любви, или бродяго. Опъ, просто, честный, искреннїй, вѣжливый молодець, который имѣлъ щастїе знать своего бапюшку, и любить мапушку; одаренный не обширнымъ умомъ, но щедро надѣленный здравымъ смысломъ; круглолицый и румяный; воспитанный по деревенски; классически учившїйся, почипаепъ *Боало*, преклоняетъ голову изъ уваженїя, при

великомъ имени *Корнелл*, удивляется *Андромакъ*, ставивъ въ примѣръ высокаго и изящнаго слова: qu'il mouût! въ *Гораціяхъ*, трагедіи *Корнелевой*; не замѣчаетъ, что люди смѣются надъ его простосердечіемъ; короче, молодой человекъ, неопытный до того, что снималъ шляпу даже передъ дамами и думалъ, будто и въ наше время любовь изъясняется почто также, какъ изъяснялась она во времена *Тибуллы* и *Овидія*, по естѣ: спыдливостью, боязливими взглядами и нѣжною почтительностію... Брагецъ *Аманды* далеко опспалъ отъ своего вѣка... Но должно замѣшпшь, что успѣхи нравовъ не могутъ распрспраняться спакъ быспро въ провинціи, какъ въ Парижѣ... Вопъ вамъ его избраженіе.»

Впрочемъ, чтобы упѣшпться въ своихъ не романпическихъ свойспвахъ и извинпшь себя въ законномъ происхожденіи, молодой брагецъ привезъ съ собою двадцать пысячъ франковъ дохода, совершенно классическаго, сердце неподержанное и первую любовь, для того, чтобы повергнупть все это къ спопамъ своей прекрасной кузины.

Во уваженіе перваго пункта, ему сдѣланъ царскій пріемъ.

Глава IV.

Какъ она прелестна!....

Таково было восклицаніе, которое прежде всего, по пріѣздѣ, вырвалось у двоюроднаго брагца. Весь первый день провелъ онъ на колѣняхъ предъ очаровапельною *Амандою*, повпоря едва слышнымъ голосомъ: я люблю васъ... Плъненный ея красотою, онъ пысячу разъ пвердилъ въ искреннемъ восторгѣ: Боже мой! какъ хороши Парижскія дѣвицы, даже въ сравненіи съ Аваллонскими.

Молодой человекъ былъ правъ.

Сначала, какъ водплся, занялись угощеніемъ нареченнаго жениха, и исчислили ему всѣ доспоинспва невѣспы. До конца этаго щаспливаго дня, все было для него очарованіемъ.

На другой день, *Аманда* въ полномъ блескѣ выказала свои шаманпы... Никогда соловей и малиновка не пѣли такъ искусно, спакъ сладоспно, какъ пѣла *Аманда*... Ка-

залось, самъ Зефиръ порхалъ своими палычками по клавишамъ... *Нобле* и *Тальони* представляютъ меньше прелести въ панцахъ, меньше нѣги въ движеніяхъ... Наконецъ, никогда карандашъ, никогда нѣжная кисть, повинуясь искусствѣйшей рукѣ, не умѣли съ большею вѣрностію схватпшь и ввѣрпшь бумагъ пайны природы... Впрочемъ, между этими пайнами были и пакіл, которые скромный брагецъ желалъ бы лучше видѣть прикрытыми цѣломудреннымъ покровомъ, пжели выставленными на показъ взорамъ дѣвицы... Но ему сказали, что въ Парижѣ объ этомъ не заботятся; что это образцы искусства, предметы науки, и что всѣ на это спопряпть сквозъ пальцы... Нужда законъ перемѣняетъ: пущъ будупть это образцы искусства, предметы науки; двоюродный брагецъ продолжалъ восхищаться.

Что касается до занятій хозяйспвенныхъ: по въ этотъ день о нихъ не упоминали.

На другой день опсправились въ Булонскій лѣсъ; погода приглашала къ прогулкѣ. Бѣхали въ открытой коляскѣ. Газъ и барежъ, вздуваемые и округляемые вѣтромъ, образовали надъ головою *Аманды* вѣнецъ изъ серебра и пурпура, подобно покрывалу *Ирисы*. Молодая дѣвица походила на богиню.

Тридцать кавалеровъ, смѣлыхъ, ловкихъ, спройныхъ, съ едва пробивающимся усиками, пвердо и красиво державшихся въ сѣдлѣ, скакали и волпижировали по споронамъ коляски, подѣвжали попеременно обмѣняпться съ дамами словцомъ, или броспшь имъ букенъ цвѣтовъ, и потомъ, сквозъ пылъ и вѣперъ, уносили съ собою взглядъ, поклонъ, улыбку *Аманды*, которой взоры, оживленные румянцемъ лица ея, преслѣдовали неукротпмыхъ коней и неупрашимыхъ всадниковъ, управлявшихъ имп...

— Маменька, вопъ молодой герцогъ.— Кланяпшь жѣ виконпу.— Зравспвуйте, *Артуръ*!— Посмотрпте, посмотрпте, какъ ловко скачепть *Алфредъ*!— Ахъ! маменька, модный пѣвецъ: позовпте его обѣдать.— Кспаши, *Адольфъ*! вы еще не продали своего гнѣдаго?— Опвѣчайте, тѣпушка; баронъ вамъ кланяется... ахъ!... Боже мой!... постой-

ше!.... Извините, маменька.... *Албертъ*, я уронила опахало.... Ни одинъ изъ красавцевъ не проѣхалъ мимо коляски ни галопомъ, ни рысью, не получа опъ *Аманда* привѣспвля.

Э, э! думалъ двоюродный братецъ, мнѣ кажется, что кузина знаетъ черезъ чуръ много хваповъ и наѣздниковъ!... Впрочемъ, это вѣрно также въ модѣ въ Парижѣ... Мы слишкомъ одичали въ провинціи. А припомъ, съ такою красоюю, можно ли не быть замѣченною?.... Однакожъ, двоюродный братецъ начиналъ немного задумываться.... Однако-жъ всё еще оставался влюбленнымъ. Она была такъ прелестна!

Глава V.

На другой день дали балъ.

Парижскій балъ!... Когда освѣтили комнаты и они наполнились народомъ, то братцу изъ Аваллона показалось, что онъ залетѣлъ на высоту Олимпа, и что вокругъ него собралась вся свита Венеры....

Однакожъ, неспройный, хотя довольно благовидный рядъ чѣрныхъ фрачниковъ, разспрошвалъ пѣкопорымъ образомъ мнѣологическія его бредни, и на этопъ разъ они казались ему чѣмъ-то погребальнымъ.... Но *Аманда*: о! *Аманда*!.... Это была *Флора*, *Аглая*, *Терпсихора*, всѣ Музы, всѣ Граціи, всѣ нимфы, въ образѣ *Сильфиды*, *Купидона*, *Амура*.... Это была Парижская дѣвица на балъ.

Всѣ ловкіе кавалеры, сопровождавшіе *Аманду* въ лѣсу, и многіе другіе задолго разобрали каждый свою очередь для танцевъ... Двоюродный братецъ немножко опоздалъ: онъ пригласилъ её.... на семнадцатую кадрили. Боже!... на всѣ другія заранѣ дано слово.

Танцовать съ нею одинъ только разъ!... и то семнадцатую кадрили! но развѣ онъ не видѣлъ, какъ посылась она съ лучшими Парижскими танцорами?... Какъ она была мила, легка, жива! Судя по ея прелестной улыбкѣ, по приманчивымъ взглядамъ, можно было подуматъ, что она замыслила плѣнить всѣхъ кавалеровъ....

— Вальсъ, господа! —

«Боже мой! вальсъ!» повпорилъ двоюродный братецъ; «спакъ въ Парижѣ и вальсируютъ! ахъ! кузина, по крайней мѣрѣ со мною, со мною однимъ, сдѣлайте милость!...»

— Нельзя, братецъ, у меня выбранъ кавалеръ для вальса на всю зиму; мѣсьѣ *Амедей*, самый ловкій изъ всего Парижа.—

Знакъ поданъ; музыка раздалась; пѣсный кругъ съ трудомъ разспушается, и двадцать прекрасныхъ паръ, соединясь съ пріятностью, ловкостью и нѣгою, несущая, наспигають, опереживаютъ одна другую, и рисуются на скользкомъ паркешъ.... Братецъ слѣдуетъ глазами только за одною изъ нихъ.... самую прелестною, самую пылкою.... и смоприйтъ на досугъ, какъ мастерски вальсируютъ въ Парижѣ.

Скоро всѣ другія пары оспанавливаются; *Аманда* и ея красавчикъ оспаняются одни въ срединѣ круга, который расширяется, чтобы дать имъ просторъ. Теперь-то надобно посмопрѣшь на нихъ, одушевленныхъ; непомимыхъ, окрыленныхъ! Они уже не танцуютъ, но лепятъ, мчатся подобно вихрю: музыка заиграла впрое скорѣе; имъ удивляются, поощряють ихъ.... Сплетаясь рука съ рукою, касаясь другъ друга колѣнами, они какъ-бы составляютъ одно нераздѣльное существо, какъ-бы дышуть однимъ дыханіемъ: такъ согласны ихъ бысприя движенія, такъ вѣрны прыжки ихъ, такъ свободно гибкій спанъ *Аманды* повинуется сильной рукѣ, которая сжимаетъ его, которая, обнявъ его, управляетъ его движеніями.... до тѣхъ поръ, когда, запыхавшись, въ упоеніи, съ пламеннымъ лицемъ, съ вздымающеюся грудью, *Аманда* со смѣхомъ падаетъ въ объятія своего кавалера, и онъ, гордясь своею побѣдою, въ торжествѣ опноситъ её къ матери, непомнящей себя опъ рукоплесканій.... Видѣть это было прелестно, божественно, ослѣнительно!... И въ самомъ дѣлѣ, двоюродный братецъ былъ какъ-бы совершенно ослѣвленъ симъ зрѣлищемъ, и пресерьозно повпориалъ: чѣрпъ возьми! какъ хорошо вальсируютъ Парижскія дѣвицы!... О! это было еще далеко не все; по-ли оставалось ему видѣть!

— Галопъ, господа! —

На эптопъ разъ братецъ не усидѣлъ на мѣстѣ... Онъ кидается опроретью къ маменькѣ: еѣ окружала толпа ласкапелей.

« Не ошибся ли я, сударыня? Хорошо ли я выслушалъ? Какъ! въ самомъ дѣлѣ... галопъ?»

— Да, разумѣется галопъ, мой милый племянничекъ! эпто настоящее поржество *Аманды*; она опличается въ немъ, превосходитъ сама себя; за то, не проходящъ ни одного порядочнаго бала, куда-бы меня не приглашали, гдѣ-бы дочь моя его не танцовала: вопъ увидите сами. Посмотрите!... имъ дающъ дорогу... всѣ молчащъ.. Вопъ ея кавалеръ, модный танцоръ, одинъ полько, который можешъ сравнишья съ нею въ галопъ... Посмотрите! посмотрите! имъ заранѣе аплодирующъ... Они пронулись съ мѣста!... Слышите ли, какъ имъ хлопающъ.. Славно! прекрасно!.. Да хлопайте-жь, милый племянникъ! —

Племянникъ не сказалъ ни слова, засунуль руки въ карманы, и принялся сморъщъ въ потолочъ.. Иной бы подумалъ, что какая нибудь дрянъ оскорбляетъ его зрѣнѣ, приводитъ его въ досаду... Не знаю, право, чптобы такое могло бытъ, попому чпто прекрасная пара галопировала... галопировала превосходно, удивительно, чудесно... Авалдонскій женихъ предпочель бы, можешъ бытъ, чптобы его суженая рисовалась и опличчалась въ менуэпъ...немного подальше опъ своего кавалера... Куда какъ смѣшны провинціалы! Онъ вздумалъ ворчащъ про себя въ своемъ углу: полиція запрещаешъ простому народу извѣстный танецъ, самое имя котораго изгнала благоприспойность, но сіе запрещенѣ существуетъ для простодушновъ, для жалкой черни; Парижская знашь не уважаетъ устава благочлннѣ и грубыхъ предрасудковъ. Злое замѣчанѣ молодаго педанта опзывалось чѣмъ-то провинціальнымъ. Впрочемъ, онъ прибавилъ довольно основательно: если на эпто въ Парижѣ сморъщъ сквозъ пальцы...если здѣсь въ модѣ танцоващъ галопъ, какъ...то...въ такомъ случаѣ...а припомъ, Парижскія дѣвицы галопируютъ такъ мило!... Однакожь...

Спащъ легли уже на разсвѣтъ, и должно признаться, что къ брапцу *Аманды* слепами не радужные сны на его изголовье... Но онъ все еще продолжалъ любить... И на другой день она была такъ прекрасна, за фортепѣано, въ маленькомъ пунцовомъ передникѣ сверхъ плащя, бѣлизною подобнаго снѣгу. О, Парижскія дѣвицы! какъ вы милы! поушру; какъ и ввечеру, ввечеру какъ и поушру.

Глава VI.

На другой день, чптобы отдохнуль послѣ бала, собрались въ театръ. Удовольствѣ смѣнялись одно другимъ, въ послѣдоващельномъ порядкѣ... Хорошо! подумалъ братецъ; до сихъ поръ я видѣлъ только прелести, паланты и немного въпреный умъ моей прелестной кузины, но главное — въ свойспахъ души. Театръ, пвердили мнѣ въ училищѣ, еспъ школа нравовъ... и зеркало сердца... Мы поѣдемъ сморъщъ драму! О Господи! даруй, чптобы сегодня ввечеромъ прекрасное лице моей рѣзвой кузины послужило зеркаломъ души ея!

Наступилъ вечеръ; неперпѣнѣ давно уже мелькаетъ на чель *Аманды*; она обожаетъ театръ... Ударилъ назначенный часъ... Пора, маменька!... Накинувъ на плечи шали, опсправляются. Наконецъ прѣзжаютъ въ храмъ *Галии*, и съ послѣднимъ звукомъ смычка, занавѣсъ взвивается, сопровождаемый продолжительнымъ ропомомъ ожиданѣ и любопытства...

Играли новую пьесу моднаго автора, и всѣ приготопвились видѣтъ нѣчто необыкновенное.

Однакожь, въ первомъ дѣйствѣ, драма показалащъ весьма сухою; въ ней не было ничего особеннаго, кромѣ маленькихъ неблагоприспойностей, и по еще въ перспективѣ. Начало подавало мало надежды.— Пьеса холодна, говорила *Аманда*; въ ней авторъ ниже самаго себя.— Подожди, дочь моя, подожди; дай сыгратъ начало; онъ такъ богаты ужасами, такъ рвѣтъ на клочки душу!...

Во второмъ дѣйствѣ, кровосмѣшенѣ... Насилу-то! а ужъ мы начинали было сомнѣ-

вапсья.— Теперь поидеть опчасу интереснѣе, брапець!

Въ претъемъ дѣйствіи, двѣ соблазнительныя сцены... Въ ложахъ начинали плакать; откупоривали спячючки съ спиртами... Васъ это не прогаеть, брапець?

Въ четвертомъ дѣйствіи, опять при претупленіи пропивъ седьмой заповѣди въ очью бы совершилсь... еслибъ занавѣсъ не закрылся... оставя воображенію дорисовать опвращительную сцену сладоспраспїа. Въ ложахъ обливались слезами; рукоплесканія партера сливались съ кликами галерей; движеніе шляпокъ и волненіе перьевъ показывало, до какой степени распроганы дамы; при пригоженькія дамочки упали въ обморокъ; *Аманда* рыдала...

— Вы не удивляепись, брапець? —

Въ пятомъ дѣйствіи, общее смяпеніе: палачъ, сынъ его, Иезуиты, пыпка, опправление ядомъ, похороны. Дѣло дошло до всѣхъ: до опцевъ, до маперей, до мужей, до женъ, дочерей, зяпъевъ, дѣпей, друзей, знакомыхъ, служипелей, и даже, мнѣ кажется, до суфлѣра. Зала гопова была рушпсья опъ рукоплесканій. Буйное испупленіе сихъ безумныхъ спраспей, сихъ гнусныхъ оргій разврата, перешло на содрогающіяся лица зрительницъ всякаго возраста, молодыхъ дѣвушекъ и маперей, супругъ и невѣспъ. Половина залы въ восторгъ, другая въ оцепненіи... Видно было, какъ судорожно препетали нервы *Аманды* около рта ея... Увы! еще полная дѣтской прелести, она, для украшенія милыхъ глазъ копорой довольно было бы ихъ чистаго блеска, заливалась слезами, и юная грудь ея, копорой не волновала даже любовь невинная, вздымалась подъ пламеннымъ вліаніемъ порока, брошеннаго во всей нагопъ его на сцену.

Брапець побагровѣлъ опъ спыда, и юное цѣломудріе его, въ присутствіи его невѣспы, капилося подомъ у него со лба.

Въ ложахъ упирали глаза, надѣвали шляпы, высказывали свои впечатлѣнія.

— Ахъ, маменька! какой интересъ! какое правдоподобіе! какая жалкая спраспъ въ за-

мужней женщинѣ! Чего не простишь ей! Какъ все это еспественно!... Посмотрите, какъ я плакала! —

« Видите ли, племянничекъ, какъ дочь моя чувствительна... Бѣдная *Аманда*! она понимаетъ все это; не правда ли, моя милая?»

— Ахъ, маменька! какой прекрасный вечеръ! Надобно будетъ еще посмотреть эту пьесу. —

.... На другой день брапець не являепись къ завпраку... Опъ вѣрно спипъ. — Взойди къ нему, *Иосифъ*; позови его...

« Комната его была опворена, сударыня; и на споль лежала эта записка... »

— А онъ самъ? —

Записка опвѣчала... Брапець мчипсь обратно по дорогѣ въ Аваллонъ...

— Невѣжда! —

« Не сердипсь, маменька! онъ дуракъ, деревенскій олухъ... Недоспапка въ женихахъ у меня не будетъ... »

— Я увѣрена въ этопъ, ты такъ мила, моя *Аманда*! —

Вечеромъ прекрасная маменька повезла дочь свою въ театръ.

N. N.

К О Ё - Ч Т О .

Англійскій Король *Иаковъ I* говаривалъ, что неуклюжіе доспѣхи древнихъ рыцарей были превосходное изобрѣненіе: ибо совершенно защищали ихъ опъ неприятельскихъ ударовъ, и опнимали у нихъ возможность вредить другимъ.

Слѣзы женщины — опаснѣе утесовъ для мужской мудрости. Не одинъ опытный мореходецъ, щасливо избѣжавшій урагановъ, пучинъ и подводныхъ камней въ коварномъ Океанѣ, претерпѣвалъ кораблекрушеніе опъ одной женской слезинки!!!

Любовь спарика похожа на праву, распущую на кровлѣ древнихъ развалинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОТЕРЯ СЕРДЦА.

Нашъ Докторъ сердце потерялъ,
 Ахъ! дѣвушки, спѣшите!
 Покиньте танцы, бросьте балъ,
 И сердце опыщите.

Живушь безъ ногъ, живушь безъ рукъ,
 Безъ сердца-жь жить не можно!
 Хоть много сукъ, и много мужъ,
 Переносишь съ нимъ должно!

Ахъ! дѣвушки, покиньте балъ,
 Разсыпшесь, полетише;
 Нашъ Докторъ сердце потерялъ,
 Вы сердце опыщите...

Но слышно много голосовъ:
 «Вошь сердце! вошь нашлося!
 «Его, какъ моль, грызеть любовь,
 «Все кровью облилося!»

Впередъ такъ сердца не мечи!
 Самъ Докторъ, самъ лечися!
 Дѣвицъ и дамъ больныхъ лечи,
 А за-сердце держися!...

Θ. Глинка.

Г. Петрозаводскъ.

КАРТИНА ФИНЛЯНДІИ.

(Подражаніе Батюшкову.)

Лучъ яркій солнца догаралъ
 На лонѣ яхонтовомъ свода;
 Ужь запахъ пурпуромъ пымалъ,
 Уснуль готовилась природа.

Уже Воспокъ ночная пѣнь
 Туманомъ синимъ одѣвала,
 Вдали весѣлая Кюмень
 Волною ясной не сверкала;

Исчезли дальніе лѣса,
 Въ шуманной мглѣ они сокрылись;
 Зарѣй цвѣтшились небеса
 И спаи облаковъ рѣзвились.

Какъ будто въ ушомемень спяшь
 Озеръ кристальныхъ равнины,
 И горъ кремнистыхъ вершины
 Далѣко въ воды ихъ глядяшь.

Все тихо: ели вѣковыя
 Уныло дремлютъ на горахъ,
 Верхи ихъ оспрые, густые
 Стояшь въ бѣгущихъ облакахъ.

Вездѣ лѣсовъ опустошенье,
 Повсюду дикосии слѣды,
 И съ корнемъ вырванны дубы
 Лежашъ, какъ грозны привидѣнья.

Напрасно смѣлою спопой
 Охотники пройши желаютъ:
 Непроницаемой спѣной
 Деревья путь имъ заграждають.

Туда лучъ свѣта не проникъ,
 Въ лѣсахъ мракъ вѣчный обипаешь;
 Все тихо, только врановъ крикъ
 Сей миръ безмолвный нарушаешь.

И пушникъ въ дикихъ сихъ мѣстахъ
 Лишь крики хищной птицы слышетъ;
 На мишисныхъ рыщеть волкъ скалахъ
 И съ жадностью добычи ищетъ.

То вдругъ ужасною грозой
 Скала, разрушась, упадаетъ,
 И время мощною рукой
 Её въ мракъ пропасти свергаетъ—

И гулъ грохочеть на горахъ,
 И въ дальнихъ дѣбряхъ умираетъ.
 Опяшь безмолвіе въ лѣсахъ,
 Опяшь лишь вѣтеръ завываешь.

Но вдругъ взглянувъ на шема горъ,
 Невольно вздрогнешъ, удивленный:
 Ужасно тамъ пылаетъ боръ
 Огнемъ небеснымъ запалешный,

Иль прудолубныхъ поселянъ
 Неупомимыми руками (*):
 Вошь дымъ изъ огненныхъ полянъ
 Лепишь густыми облаками.

Взгляни, вошь диво на водахъ:
 Опъ зарева багряны горы,
 Какъ будто зажжены озѣры
 И пламень бѣгаетъ въ волнахъ...

.....
.....

Великосельскій.

(*) Финны, за недоспашкомъ пахатной земли, выжигаютъ лѣса и превращають въ нивы.

C H A R A D E.

Mon premier est une voyelle,
 Mon second prouve la douleur,
 Et mon tout déchire le cœur,
 D'un véritable âmant éloigné de sa belle.

Въ No 27, помѣщенная шарада значить: Шар-а-да.

M O D E S.

Le noir, joint à une couleur claire, continue à être de mode. Des chapeaux en étoffe noire, ornés de rubans roses, sont jolis pour le matin. Sur une robe noire, des nœuds roses, bleus, vert clair, cerise, etc., etc.; puis toujours les mantelets, les pélerines de blonde.

Le velours épinglé se portera plus long-temps que le velours plein; on fait de charmantes capotes en velours épinglé *vert-perruche* avec un bouquet de lilas ou de violette de Parme. Les plumes se portent encore; quelques-unes sont touchées d'une teinte vive sur les bords, couleur sur couleur.

Quelquefois la passe des capotes est doublée à l'intérieur de velours épinglé, et le dessus ainsi que la calotte sont couverts en satin de la même couleur; ou bien, lorsque le chapeau est en satin rose maure, mais ou bleu de ciel très-pâle, on peut doubler la passe de velours épinglé blanc, et poser dessus une ou plusieurs plumes blanches. Ceci est assez habillé, et convient pour chapeaux du soir, demi-toilette.

Il est plus convenable de garnir les bonnets avec une très-petite blonde ajoutée à un tulle que d'employer une haute blonde à grand dessein. Voici la plus élégante façon de bonnet du soir: le fond rond, sans plis bouffans, descendant sur les joues à la hauteur de la bouche; le devant garni de deux rangs à plis égaux, peu profonds; le ruban tourne autour de la tête comme une couronne, et forme une rosette simple dans laquelle se place une petite branche légère de roses pompons du Bengale; une autre petite branche retombe de côté, ou quelquefois elle est posée, en guirlande très-courte, entre les deux rangs de blonde, du côté opposé au bouquet. Le ruban doit être de moyenne largeur et peu satiné. Les gazes de soie mate vont infiniment mieux au visage, et sont de meilleur goût.

Les turbans à la juive sont toujours ceux portés; à plis réguliers, se rejetant d'un côté; les montonnieres sont prétentieuses, on en voit peu: quelquefois on les orne d'un oiseau de paradis ou d'un bijou sur le front.

M O D Ы.

Чёрный цвѣтъ, съ какимъ нибудь свѣтлымъ, все въ употребленіи. Шляпки изъ чёрной мапери, ошдѣланныя розовыми лентами, весьма красивы для утра. На чёрномъ платьѣ банты розовые, голубые, свѣтлозелёные, алые и проч.; потомъ, все блондовыя мапшльды (mantelets) и пелеринки.

Булавчатый бархатъ будуще больше носить, нежели неразрѣзной. Дѣлають красивые капоты *vert-perruche*, цвѣта съ букетомъ сирени или Пармскихъ фялокъ; перья еще носить; инья ошдѣнены яркимъ цвѣтомъ по краямъ, подъ цвѣтъ.

Иногда поле снизу подложено булавчатымъ бархатомъ, а верхъ и шудья покрыты апласомъ какого же цвѣта; или когда шляпка изъ апласа розоваго *maure*, цвѣта маисъ или небесно-голубаго, весьма блѣднаго, можно подложить поле бѣлымъ булавчатымъ бархатомъ, и приколотъ одно или нѣсколько перьевъ. Это довольно нарядно, и различно вечернимъ шляпкамъ въ полунарядъ.

Несравненно приличнѣе ошдѣлывать чепчики узенькой блондой, пришитой къ шюлю, нежели широкою съ крупными узорами. Волъ самый щеголеватый фасонъ вечерняго чепчика: кройка круглая, безъ пышныхъ складокъ, спущенъ на щеки ровень со ртомъ; передъ ошдѣланъ въ два ряда ровными неглубокими складками; лента обернута въякомъ около головы, и составляетъ пропуску розетку, въ которую прикалывается небольшая легкая вѣпка Бенгальскихъ розъ *rotpons*; другая небольшая вѣпка упадаетъ на спороу, или прикалывается иногда весьма короткой гирляндой, между двумя рядами блонды, на противоположной спороу букета. Лента должна быть средней ширины и не очень апласиста. Шелковые газы маповые несравненно идущъ лучше къ лицу, и въ лучшемъ вкусѣ.

Турбаны все носить *à la juive*, съ правильными складками, ошккинувъ на одну спороу. Маншоньерки слишкомъ жеманцы; ихъ мало видно; иногда ошдѣлываютъ ихъ райской пшичкой или вещью на лбу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 29.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 12 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Давно я вамъ пвержу мораль одну и ту же:
Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ хуже!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТАИНСТВЕННАЯ СВАТЪБА.

На дворъ стоялъ Декабрь, а потому легко себя представилъ, какъ затруднительны должны быть въ это время сообщенія, особенно въ Аспуріи, самой гористой части Испаніи. Правда, что мулы наши не лишились еще бодрости, но какъ приближалась ночь, и густой туманъ начиналъ облегалъ землю, то мы спросили у проводника: далеко-ли оспалось до ближней *Венты*?—Черезъ полчаса мы тамъ будемъ, отвѣчалъ онъ. Съ смиреніемъ покорились мы своей участи, но послѣ четверти часа пупи, мулы наши, по свойственному имъ упрямству, вдругъ оспановились какъ вкопанные, и никакими средствами нельзя было принудить ихъ подаваться впередъ. Такъ какъ понуждавъ ихъ ударами, былъ бы бесполезный трудъ, то нѣкоторые изъ путешественниковъ предложили оспановиться въ спаромъ замкъ, который виднѣлся въ споронѣ.— Останьтесь лучше на вашихъ мулахъ, сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ; упрямство ихъ будетъ непродолжительно; а чтобы сократить время роздыха, я расскажу вамъ исторію чепы, живущей въ этомъ замкѣ.

Слушайте. Ничто не могло сравниться съ красотою *Донны Жуэсъ дѣ Фуэльгорасъ*, которая желала выйти за мужъ не иначе, какъ сдѣлавшись прежде извѣстною искапелю руки своей чрезъ снятый съ неѣ порп-репъ. Всякой могъ его видѣть и восхищаться имъ, а потому любопытство завлекало въ замокъ многочисленную толпу путешественниковъ. Припомъ же въ замкѣ всегда можно было найти опличный пріемъ. *Гонзаллеу*, управитель онаго, во время вкуснаго обѣда, искусно выпыпывалъ у посѣпителей, связаны ли они узами супружества и благородно ли ихъ происхождение. Надобно знать, что Сеньора очень заботилась о томъ, чтобы женихъ ея былъ знапнаго рода, и управитель, въ почности слѣдовавшій наставленіямъ прекрасной госпожи своей, безмолвно покачивалъ головою въ отвѣтъ на все, что не согласовалось съ высокими видами *Донны Фуэльгорасъ*.— Какъ она прелестна! кричали всѣ каждую минуту; какая восхипительная красота!— За нею огромное приданое, прибавлялъ къ этому *Гонзаллеу*.

— Клянусь св. Яго, прервалъ раскащпка проводникъ нашъ, пеперь мы скоро будемъ на мѣстѣ.—Мулы наши наконецъ пронулись.

Путешественникъ окончилъ разсказъ свой слѣдующимъ образомъ:

« Не смотря на то, Богъ знаетъ, что дѣлалось съ каждымъ изъ новыхъ искапелей; всѣ они, безъ дальнихъ послѣдствій, опклавивались владѣтельными замка. И въ самомъ дѣлѣ, опважись женись на дѣвицѣ, которая никому не показывалась—хотя слава о красотѣ ея и проспиралась пакже далеко, какъ слава о ея богатствѣ—можно было только во времена папріархальныхъ.... Но если нѣкоторая оригинальность вообще соспавляетъ опличительное свойство женщинъ, то мужчины рѣдко умѣютъ пропи-вустать привлекательности богатства, особенно, если они ничего не имѣютъ. Одинъ молодой гидалго, прекрасный собою, гордый и бѣдный, заѣхалъ по случаю въ сей удивительный замокъ. *Гонзалезъ* возобновилъ съ нимъ обыкновенныя свои уловки, и *Донъ Фернандезъ дѣ ла Ронда* пошчасъ прицалъ его предложенію. Сначала надобно было представить пергамень, который бы свидѣтельствовалъ о происхожденіи благороднаго Дона. Мрачное лицо управителя прояснилось, когда онъ увидѣлъ доказательствъ знанности рода *Фернандезова*. Онъ объявилъ жениху, что завтра упроемъ совершенно будетъ бракосочетаніе въ домовой церкви замка, но что до пѣхъ поръ онъ ни за что не увидитъ непорочной красавицы.

« Можно себя представить, какъ ночь эта показала долгa молодому Каспильцу; какъ желалъ онъ обнять привлекательную сироту! (Я забылъ сказать вамъ, что невѣста не имѣла родшелей.) До самаго разсвѣта не могъ онъ ни на минушу сомкнуть глазъ; такъ очаровательный портретъ ея возмутилъ его спокойствіе. Наконецъ наступило желанное утро. Всѣ комнаты замка были великолѣпно убраны для приема новаго владѣтеля. Онъ опсправляется въ церковь; тамъ ожидалъ уже его управитель вмѣстѣ съ главнѣншею красавицею, стоявшею на колѣняхъ предъ алтаремъ.— Снимите эпоснесное покрывало, кричитъ онъ въ восторгѣ; но его проситъ подождать. Сочетаніе совершено! Неперѣдливое желаніе по-

вобрачнаго исполняется, и покрывало упадаетъ.....»

— Вотъ мы доѣхали и до ночлега, закричалъ проводникъ.— Хорошо, хорошо, возразили путешественники, но вы вѣрно не лишите насъ удовольствія, Сенъоръ, дослушать разсказъ вашъ за ужиномъ?—Я уже кончилъ; удивительный портретъ былъ дѣйствительно снятъ съ богатой наслѣдницы, но только на 15-мъ году ея возраста, а въ день сваньбы, ей было ни больше, ни меньше, какъ.... *шестьдесятъ пять лѣтъ!*

Пер. *Ил. Глибовъ.*

К О Ё - Ч Т О .

Недавно спранный процессъ надѣлалъ много шуму въ Лондонѣ. Одинъ врачъ, который былъ, по видимому, на дурномъ счету, жаловался на сочинителя спатъи, подъ названіемъ: *Ланцетъ*, напечатанной въ одномъ журналѣ. Присяжные осудили автора заплащивъ обиженному лардъ (полушку) пени. На другой день та же спатъя появлялась въ другомъ журналѣ. Докторъ снова приносилъ жалобу, и присяжные присудили виновнаго заплащивъ челобитчику 400 ф. ст. (10,000 рублей) со всѣми судебными издержками. Публика любовнѣшествовала знать: опъ чего честь врача, спойшшая накануне не больше одного ларда, въ печеніи однихъ супожъ возвысилась въ цѣнѣ до 10,000 рублей?

Софисмы—фигляры; витіи—льспецы. Наспоящая мудрость не живетъ въ распещренныхъ садахъ искусственныхъ словъ, но въ мирныхъ долинахъ младенческой опкровенности.

Людей и книги должно подвергать многимъ корректурамъ: тогда только можно выпускать ихъ въ свѣтъ. Безъ того—въ нихъ окажется множество ошибокъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ ГОЛОВА.

Повѣсть Людемана.

Со стороны Пале-Рояля и набережной всё новыя толпы любопытствующихъ спешали къ угольному дому улицъ St. Honoré и de la Féronnerie. Большая часть шпуть собравшихся, въ подражаніе прочимъ, посмапривала на окна дома, не зная причины сего спеченія и всеобщаго любопытства. Наконецъ, пѣснопа дошла до того, что ни экипажамъ не было провѣду, ни пѣшеходцамъ проходу, и что Prevôt des Marchands нашелся принужденнымъ опсправить туда своихъ сыщиковъ, чптобы добромъ или силою разогнать толпы народа, которыя ежеминутно спановились шумнѣе и многочисленнѣе.—Archers, Maréchaussée явились, и шпутьпо оказалось, что большая часть собравшихся вовсе не знали, за чѣмъ они оспановились посреди улицы.

Только весьма немногіе, споявшіе у самага дома, были очевидцами сцены, которая подала первый поводъ къ сему спеченію. Недѣли за двѣ предъ пѣмъ въ эпой часпи города разнеслась молва, будпо въ означенномъ угольномъ домѣ живепъ человекское чудовище, прелесный *уродъ*, котораго однакожь никто не видалъ. Дѣвица, про которую не знаютъ откуда она взялась,—такъ носился слухъ,—дѣвица, восхипительнo спройная, живепъ въ эпомъ домѣ. Пoспушь ея, увѣрли, напоминаепъ о пареніи Ангела; ея шея, ея руки ослѣпительной бѣлизны; ея голось уподобляется звукамъ арфы, но неспостижимая причудливоспъ природы безжалоспно изуродовала сіе прекрасное сущеспво. На прелеспнѣйшихъ раменахъ, такъ рассказывали, покоипся черная, какъ уголь, и безволосая голова; лице незнакомки чернѣе ночи, и хопя никто не видалъ еѣ иначе, какъ въ черномъ часпомъ покрываль, но утверждали, что черпы ея лица не имѣютъ ни малѣйшаго сходспва съ Негрипянкою, и что цвѣтъ его вообще совсѣмъ не такой, какой обыкновенно видимъ на Неграхъ.—Никакому не подлежало сомнѣ-

нію, что это не еспественное образованіе, а дѣйспвительная и прихотливая игра природы, потому что бѣлый цвѣтъ кожи на всѣхъ прочихъ частяхъ ея пѣла и безволосая голова ясно доказывали, что она не родилась отъ Негрипянки.

Хопя и многіе утверждали, что незнакомка, вѣрояпно желая оспаться неузнанною, носипъ обыкновенно черную маску, но сіе объясненіе загадки было рѣшительнo опровергаемо пѣми, которые жили въ одномъ домѣ съ незнакомкою: они божились всѣми свѣпными, что видѣли еѣ вблизи, и что нельзя сомнѣваться въ ея безобразіи.

Сія удивительная молва была уже нѣсколько недѣль предметомъ всеобщаго разговора и любопытства между жипелями улицы St. Honoré и смѣжныхъ съ нею улицъ. Но сколько очей ни спорожили порогъ пресловутаго угольнаго дома, никто не видалъ, чптобы изъ него когда шбудъ выходила красавица съ черною головою, между пѣмъ какъ всѣ жильцы онаго дома единогласно утверждали, что между ними дѣйспвительно находится такое чудо. Такимъ образомъ даже сущеспваніе сего чуда сдѣлалось сомнительнымъ и спорнымъ; но внезапно одна щаспливая минута, къ великой радости любопытствующихъ, обѣщала опкрыть всю тайну.

Сегодня, въ день Вознесенія Господня 1715 года, должна была спастъ завѣса съ тайны, или лучше сказать, загадка должна была еще болѣе запутаться, любопытство сосѣдей дойти до крайности.

Утромъ помлнутаго дня нѣкоторые изъ сосѣдспвенныхъ жипелей видѣли, что двѣ дамы въ частыхъ покрывалахъ вышли изъ сего дома и направили пупъ къ ближайшей церкви св. Роха. Люди любопытные и праздные, конхъ довольно было въ сосѣдспвѣ, наблюдая каждый шагъ незнакомкъ, пошли за ними въ церковь, и видѣли, что онѣ тамъ благоговѣнно молились. Богослуженіе кончилось, и толпы набожныхъ, по празднично-украшенной улицѣ St. Honoré, пихо побрели домой. Нѣсколько молодыхъ людей, по

большей части торговцы и прикащики изъ суконнаго магазина въ St. Honoré, окружили нашихъ незнакомокъ, и нѣкоторые изъ нихъ уже сдѣлали весьма неучпивыя покушенія узнать, что такое онѣ паялъ подъ своими покрывалами. Толпа, ихъ преслѣдующая, ежеминутно увеличивалась, и прежде, нежели успрашенныя дамы, которыя примѣрно ускоряли шаги свои, могли достигнуть угла улицы la Féronnerie, онѣ къ ужасу своему увидѣли себя предметомъ любопытства праздно и дерзкой черни. Со страхомъ оглядываясь во всѣ стороны, онѣ, казалось, искали глазами защитника, но въ тѣснящей ихъ толпѣ не нашлось никого, кто бы за нихъ заступился, и потому, чтобы избѣгнуть возможнаго оскорбленія, онѣ возложили всю надежду свою на поспѣшное бѣгство. Схвативъ крѣпко за руки, онѣ съ поникшими головами почти побѣжали вдоль длиннаго ряда домовъ. Но ихъ любопытные преслѣдователи не отставали, они даже опередили ихъ, и загородивъ имъ дорогу, принудили ихъ сойти съ хранительнаго пропугара на средину улицы. Онѣ почти уже достигли квартиры, но какой-то наглецъ изъ толпы схватилъ за руку одну изъ дамъ, которая была помоложе, а другой сорвавъ съ нея покрывало, дерзко положилъ руку на восковую маску, которую она имѣла на лицѣ. Онѣ рвануль изо всей силы, въ надеждѣ увидѣть наспоющее лице незнакомки, но пораженный ужасомъ, општанулся: ибо съ прекраснѣйшими чертами Греческаго профиля открылось черное, какъ уголь, лице, которое составляло разительную, спрашную противоположность съ ослѣпительною бѣлизною шеи. Смущеніе сего наглеца объяло и его поварищей, и между тѣмъ, какъ вся толпа, пораженная симъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, нѣсколько мгновений стояла въ безмолвномъ оцѣпенѣніи, а робкія дамы дрожали отъ страха, одинъ незнакомый молодой человекъ со шпагою въ рукѣ проложилъ себѣ дорогу сквозь толпу, и взявъ обѣихъ незнакомокъ подъ руки, съ благородною сановитостью повелъ ихъ въ ближайшій домъ, и заперъ за собою дверь.

Таинственныя незнакомки исчезли; но съ этой минутой мѣсто ихъ убѣжища осаждалось шумною толпою черни, которая безпрестанно возрастала, и не смотря на то, что давно уже минуль полдень и что почти начинало вечерѣнь, любопытство праздно толпы, казалось, не только не ослабѣвало, но еще болѣе усиливалось. Всякой, казалось, твердо рѣшился дожидаться конца сего удивительнаго происшествія, предавъ забвенію и поржественныя шествія, и церковныя процессіи, и даже свѣтскія игры и увеселенія, коими въ Парижѣ обыкновенно празднуется день Вознесенія Господня; всякой стоялъ, какъ вкопанный на своемъ мѣстѣ предъ угольнымъ домомъ въ улицѣ de la Féronnerie. Нѣсколько разъ уже буйная чернь попыталась выломить двери, чтобы силою проложивъ себѣ дорогу къ предмету своего удивленія; но заморы у дверей были крѣпкіе, и страхъ Басилии или спрогаго наказанія за насильственное вторженіе въ домъ мирнаго гражданина обуздывалъ даже самыхъ любопытнѣйшихъ и опважнѣйшихъ. Впрочемъ и это препятствіе наконецъ, казалось, исчезло, и чернь, совершенно предоставленная самой себѣ, съ минутой на минутой становилась неперпѣливѣе и наглѣе. Камни полетѣли вверхъ; нѣкоторые смѣльчаки доспали уже лѣстницы, чтобы штурмовать окна; но къ щастію еще во время подоспѣли полицейскіе съ военною командою. Чернь опшпустила. Спража окружила домъ, разогнала крикуновъ, захватила самыхъ громогласныхъ, и такимъ образомъ, наконецъ, съ прудомъ очистила улицу.

Съ наступившею темнотою спокойствіе опять водворилось въ улицѣ de la Féronnerie, и ничего не осталось отъ всего шумнаго спеченія, какъ необыкновенное множество гостей въ сосѣдственныхъ кофейныхъ домахъ. Весьма естественна, что къ черни, собравшейся предъ угольнымъ домомъ въ улицѣ de la Féronnerie, мало по малу пристали и многія особы изъ образованнаго сословія. Сии послѣдніе удалились частію въ Шава, знаменитѣйшую гостиницу этаго квартала, частію же въ Прокопъ, менѣе блестящій, но тѣмъ болѣе посѣщаемый кофейный

домъ, который въ то время былъ сборнымъ мѣстомъ извѣснѣйшихъ Парижскихъ литераторовъ и артистовъ.

Тутъ-то хозяинъ и служитель были довольны заняты; ибо никто изъ гостей, казалось, не могъ рѣшиться такъ скоро покинуть по мѣсто, гдѣ любопытство его выдержало столь продолжительную борьбу. Даже тѣ, которые въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не посѣщали Прокопа, будучи упомянуты долгимъ ожиданіемъ чуда, прибѣгли къ нему въ этотъ вечеръ, дабы скорѣе удовлетворить свой ненасытный голодъ.

Хотя ни въ одномъ отношеніи нельзя сравнивать Прокопа съ нынѣшними великолѣпными заведеніями сего рода въ Парижѣ; хотя мрачные своды его мало понравились бы нынѣшнему Парижанину, избалованному блескомъ волшебныхъ залъ Миль-Колонна, Орлеана, Фау и Монпансье; однакожь онъ въ то время слылъ самымъ лучшимъ кофейнымъ домомъ столицы. — Главная зала онаго была обширна и довольно ярко освѣщаемая восемью или десятью лампами, чтобы читать единственную газету, которая въ то время выходила въ Парижѣ. Двадцать дубовыхъ и нѣсколько мраморныхъ столовъ спояли накрытые подлѣ огромныхъ деревянныхъ креселъ, для принятія гостей, а въ одномъ углу даже пянулся вдоль спинны нѣкій родъ дивана, изъ протоптанныхъ сплетенныхъ. На этомъ-то мѣстѣ, по окончаніи спектакля въ трехъ театрахъ, кои въ то время имѣлъ Парижъ, постоянно собиралось небольшое общество, чтобы за скромнымъ блюдомъ изъ сарацинскаго пшена, въ молоко свареннаго, и за буылкою Шабли провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Наслажденія, доставляемыя Прокопомъ, были не весьма разнообразны. — Кофе и новый въ то время напитокъ Королевы, шоколадъ, нѣсколько сортовъ вина и пирожнаго, и вышепомянутое блюдо изъ сарацинскаго пшена составляли весь запасъ Прокопа; но при всемъ томъ, ни онъ не нуждался въ гостяхъ, ни гости, которые тутъ охотно собирались, не нужда-

лись въ веселости, сей постоянной спутницы разговорчиваго Француза.

Всѣ сполы были заняты;—и диванъ уже принялъ часть своихъ обыкновенныхъ гостей, ожидаая остальныхъ. Три человека, въ то время извѣстные почти всякому Парижанину, занимали глубину угла, въ которомъ споялъ диванъ. Первый изъ нихъ, маленькой, веселый человекъ, съ чрезвычайною живостью въ разговорѣ и пѣлдвиженіяхъ, былъ извѣстный драматическій писатель и содержатель театра de la Foire, *Францискъ*, грозный противникъ Римлянъ, какъ въ пастышку называли членовъ и защитниковъ Théâtre Français.—Жесточайшіе удары оспроты и сапиры, которые падали на нихъ въ Парижѣ, имѣли своимъ источникомъ его безпокойную голову: *Францискъ* былъ душою партіи, объявившей войну на смерть притязаніямъ спрогой драматургів. Ся оппозиція обогатила его. Театръ его, на которомъ господствовала самая веселая, самая необузданная оспрота, былъ каждый вечеръ полонъ, и всякій, кто забавлялся по оспроумными, по площадными шутками, коими комическая опера осмѣивала Римлянъ, отдавалъ *Франциску* почести, достойныя полубога.

Подлѣ него опораживалась покаль Шабли, одинъ за другимъ, болѣе важная, нежели веселая особа. То былъ *Долинникъ*, другъ и сподвижникъ *Франциска*, но, вопреки сему соповариществу, всегдашній его противникъ за скудность получаемаго отъ него жалованья. Впрочемъ, сіе непрерывное неудовольствіе, сія вѣчная размолвка не нарушали согласия друзей. *Францискъ*, улыбаясь, терпѣливо приглашалъ вѣдкія насмѣшки своего союзника, нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ осмѣивалъ свою скупость, и всегда выдумывалъ какуюнибудь новую шутку, чтобы дать другое направленіе мыслямъ друга, когда онъ дѣлался слишкомъ привлзчивымъ. Въ такомъ случаѣ *Долинникъ* потчасъ забывалъ свои жалобы; важность его уступала мѣсто самой необузданной веселости, а въ ней никто не могъ его превзойти; онъ забывалъ свою бѣдность, въ которой *Францискъ* дер-

жалъ его не безъ добраго намѣренія, и распочинательно сыпалъ вокругъ себя оспропами. Въ такія минуны, за бупылкою вина, собесѣдники нерѣдко принимались обрабывавъ какую нибудь оспроумную идею, и по прошествіи не болѣе полупора часа, была готова новая комическая опера, фарсъ или новый водевиль, надъ которымъ, пѣсколькo дней спустя, весь Парижъ помиралъ со смѣху. Тогда *Долшикъ* дышалъ въ своей стихіи; недѣли двѣ пропекали для него въ щасть и забылъ самага себя, прежде нежели находилъ онъ случай оидть прунить надъ своимъ другомъ. *Францискъ* же, довольный богатымъ сборомъ, шерпѣливо переносилъ его насмѣшки и жалобы, зная, что для успокоенія ихъ сподѣлать ему только подасть мысль къ сочиненію какой нибудь оспрой драматической шутки.

Между ними обыкновенно сидѣлъ веселый и добродушно улыбающійся мущина, спройпаго и высокаго роста. Хотя и лѣпами былъ онъ спаршій изъ собесѣдниковъ, но на лицѣ его еще видны были примѣнные слѣды недавно поблекшей красоты. — На него-то преимущественно обращены были въ Прокопѣ взоры всѣхъ пріеуспивующихъ; всѣ поглядывали на него съ любопытнымъ участіемъ; всѣ съ возрастающимъ вниманіемъ вслушивались въ разговоръ прехъ союзниковъ. — Авпоръ: Хромоногаго бѣса и Жилблаза — ибо онъ-то былъ пренцій собесѣдникъ — болѣе слушалъ, нежели самъ говорилъ — духъ наблюденія покоился на его живыхъ, души исполненныхъ очахъ; когда же онъ начиналъ говорить, что случалось не болѣе одного разу каждый вечеръ, когда начиналъ разсыпаться оспропамъ, что гости Прокопа, забывая поалы и чашки свои, нерѣдко влѣзали на столы и спуля, чтообы внимать его вдохновеннымъ, восхипительнымъ рѣчамъ. — *Лесаждь* въ такомъ случаѣ ничего эпаго не замѣчалъ; онъ до того увлекался жаромъ рѣчи, что мысли его, какъ молніи, играли словами, что онъ забывалъ самъ себя, все его окружающее, даже друзей своихъ, и подобно вдохновенному жрецу Мома, все вокругъ себя обрацалъ въ громогласный хохопъ, между шѣмъ какъ

самъ оставался почти важнымъ. Такія минуны, впрочемъ, испощали его силы: онъ потомъ впадалъ въ какое-то изнеможеніе; жаловался, что не можетъ болѣе ни видѣть, ни слышать явственнo, и безмолвно прощался съ своими друзьями.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМѢ

К. С. Н.

Есть цвѣпокъ воспоминанья,
Онъ росеиъ среди полей;
Не забудь—себѣ прозванье—
Получилъ онъ опъ людей.
Онъ не пышенъ—какъ лилея,
Не пахучъ—какъ резеда;
Но лилея—онъ милѣе,
Онъ въ душѣ у насъ всегда.
Съ нимъ всѣ радости находишь
Оплученный опъ друзей,
Съ нимъ и грусть скорѣй проходишь,
Съ нимъ въ разлукѣ веселѣй.
И съ шѣхъ поръ, какъ между нами
Пролянулся дальній пупъ:
Мнѣ, въ оспраду, небесаи
Данъ прекрасный—*незабудь*.

Петръ Нилифоровъ.

КЪ КОКЕТКѢ.

Надъ хипрою Кокешкой модной
Я зло шутилъ въ семнадцать лѣтъ,
Когда я былъ еще Поэтъ. . .
Теперь, чудакъ въ полпѣ народной,
За щалось прежнюю шерплю;
Кокешку милую люблю!
Она меця очаровада
Пришворной гордостью своей—
И выраженіемъ очей
И каждой складкой покрывала!

О ней поскую день и ночь,
 Боюсь любви моей несчастной—
 Сержусь, но образа прекрасной
 Не опорву огнь сердца прочь!
 Богъ вѣспѣ, о чемъ оно всё поетъ,
 Не ядъ ли ужъ въ моей крови?
 Смѣюсь, а мракъ печали кроетъ
 Мечпы и славы и любви!
 Какой-то спранныю заботой
 Моя душа возмущена;
 На смерть пошелъ бы я съ охотой,
 Когда бы вспыхнула война!...
 Подобно новому Тиршею,
 Съ мечемъ и съ лирой боевой
 Взлетѣлъ бы я на бапарею
 Среди дружины удамой!
 Я-бъ спреха смерти не замѣнилъ
 И какъ желанное добро,
 Неопразимое ядро
 Кипящей грудью я бы вспрѣшилъ.
 И сладко предъ концемъ моимъ,
 Я предался бы ной надеждъ,
 Чпо нелюбимый ею прежде,
 По смерти буду я любимъ!
 Чпо кралкой повѣспи внимая,
 Какъ я на смерть летѣлъ впередъ,
 И какъ погибъ, она рыдал,
 Меня несчастнымъ назоветъ!

А. Крюковъ.

У Т Р О 11-го А П Р Ъ Л Я.

Какъ мрачно! холодно! шумана покрывало,
 Какъ саванъ, развилось надъ спящею Невой;
 Кружась, валился снѣгъ густой:
 И Невки съ берегомъ какъ будшо небывало.
 Лишь Петербургскій край и Выборгскій чупъ,
 чупъ
 Виднѣюшъ вдалекъ—и пусккою чершою
 Сампсоніевскій моспъ проплянупъ надъ рѣкою...
 Но вопъ свѣплъетъ всё... вопъ вѣперъ началъ
 душъ;—
 Тумана завѣса взвилась—и облака
 Задержали лазурь, намъ сполько дорогую,
 Спольшъ рѣдкую... проспи! я мысленно цѣлую

Твой благодатный свѣплъ... . . . . . Вопъ пышная рѣ-
 ка—
 Нева опкрылась въ блескѣ славы,
 За нею рядъ домовъ и памятникъ Полтавы—(*)
 И всё напомнило Великаго Петра.

.....
 Такъ быспро думы вслѣдъ смѣняюшся за
 душой;
 Такъ пляжкая печаль не вѣчно мучитъ насъ:
 Подуй вѣспрѣ радости—и мракъ души угрюмой
 Съ чеда печальнаго онъ стонитъ, хопъ на часъ.
 Такъ въ смущномъ снѣ виднѣе за виднѣемъ,
 Какъ въ чудномъ фопарѣ смѣняюшся порой;
 Такъ средъ полей, за сладкимъ пшички пѣнь-
 емъ,
 Журчитъ пчель шумный рои.

В. Капомерскій.

11 Апрелья 1831.

Ш А Р А Д А.

На *первоу* мы спонимъ, по *первоу* мы ходимъ.
Вторымъ же ловимъ мы ершей,
 И щукъ и карасей.
 А *все*, на мѣдную посуду мы наводимъ,
 Чтобы была свѣшла, ясна
 И не вредна.

III.

Въ № 28, помѣщенная шарада значитъ: *A-larme.*

M O D E S.

Les robes habillées se revoient avec des volans;
 Palmyre vient de faire cette façon pour une soirée où
 cependant les toilettes n'étaient pas d'une recherche
 obligée. C'est une robe de crêpe blanc à corsage drapé
 à la grecque; des manches longues avec un bouffant
 faisant manches courtes. La jupe, froncée tout autour,
 était garnie d'un double rang de blonde; le rang su-
 périeur retenu par un rouleau de satin très-étroit, et
 surmonté d'une petite tête.

Cette même façon pourrait être fort bien en crêpe
 de couleur.

(*) Церковь св. Сампсонія.

On a donné tant de latitude à la mode cet hiver, qu'elle s'est rejetée tout-à-fait dans les siècles passés. Quelques femmes ont exagéré les rapprochemens du XVIIe siècle, au point de copier exactement des portraits de ce temps. Dernièrement, nous avons vu une jeune femme portant une robe de satin blanc, ayant un pardessus en crêpe dont le devant ouvert, garni de blonde, se rattachait sur les côtés par un beuquet de fleurs, laissant le milieu tout-à-fait à découvert, et l'on apercevait la jupe de dessous par les ouvertures que laissait celle de dessus entre chaque attache.

Une autre plus âgée avait une jupe de dessous en étoffe de soie jaune mêlée d'or; celle de dessus ouverte, s'écartant vers le bas, était en satin vert de cour; le corsage en satin vert, à pointes; les manches longues en tulle blonde, à double bouffant, et une cordelière de soie verte, mêlée d'or; avec cela une coiffure simple; point de papillotes et une ferrière, à plaque d'émeraudes attachées par un chaînon en semences de diamans.

Ceci remontait à François Ier, un peu trop peut-être, mais magnifique et élégant.

On peut épuiser ces modes étranges pendant les derniers bals; car elles ne pourront convenir aux étoffes d'été, et très-probablement on ne les reprendra pas l'hiver prochain.

Les mantelets de mousseline et dentelle vont prendre avec grande faveur aux premiers soleils un peu chauds. Sur une robe de soie ils seront d'un effet charmant.

Les petits bonnets du matin se font sur le même modèle que les bonnets de blonde, excepté que dans l'intervalle des rangs de dentelle on ne met rien, et que le nœud en rosette doit être tout simple.

Pl. No 11. Costumes, qu'on a vû à Paris le 15 Mars n. st.

М О Д Ы.

Нарядныя платья показываются опять съ оборками. У модной швеи Пальмиры сдѣлано платье такого фасона для вечера, гдѣ однако не было необходимо имѣть оплечный нарядъ. Бѣлое креповое платье; лифъ драпированъ по Гречески; рукава длинные съ буфой, составляющей короткіе рукава; юбка собрана вокругъ и опдѣлана въ два

ряда блондою; верхній рядъ прикрытъ весьма узенькимъ апласнымъ руло, которое схвачено небольшою головкою.

Эпопъ же фасонъ очень приличенъ для платья изъ цвѣпшаго крепа.

Нынѣшней зимою модъ дали сполько свободы, что она совсѣмъ опспутила въ прошедшіе вѣка. Нѣкоторыя щеголихи до того преувеличили подражаніе ХVII-му спольпію, что копировали со всею точностію портреты того времени. Недавно видѣли мы молодую даму въ бѣломъ апласномъ платьѣ, сверху было креповое, перѣдъ раскрытъ, обшили блондою, на бокахъ прихвачены были букетами цвѣпшъ, оспавляя средину совершенно опкрышою; нижняя юбка видна была въ прорѣшки между завязокъ.

На другой, немного поспарѣ лѣтами, нижняя юбка была изъ желшой шелковой матеріи съ золотомъ; верхняя апласная, зелѣнаго придворнаго цвѣпша, опкрыша, опслопаясь къ низу; лифъ зелѣно-апласный, съ мыскомъ; длинныя рукава изъ блондоваго шюля, двойными буфами, и *cordelière* изъ зелѣнаго шелку, съ золотомъ; при семь простая прическа; безъ локоновъ на лбу ферриерка изъ изумрудныхъ бляхъ, схваченныхъ цѣпчкою изъ мелкихъ бриллианшовъ.

Эпо опносилось къ вѣку Франциска I-го, спшкомъ спаринно можетъ быть, но пышно и щеголевато.

Можно испощить сін спранныя моды на послѣднихъ балахъ, пошому, что онѣ не могутъ быть приличны лѣпнымъ матеріямъ, и весьма вѣропшно, что будущей зимою за нихъ опять не примущся.

Кисейныя и кружевныя маншпды войдутъ въ большое упошребленіе при первыхъ солнечныхъ теплыхъ дняхъ. На шелковомъ платьѣ онѣ чрезвычайно красивы.

Маленькіе ушрение чепчики дѣлаются пѣмъ же фасономъ, какъ и блондовыя, исключая, что между рядами кружева ничего не прикалываютъ, и что баншъ розеткою долженъ быть весьма простъ.

Карш. No 11. Парижскія моды 15 Марша н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 30.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 15 ДНЯ 1833 ГОДА.

Юлиперъ Коршуну сказалъ: «твоя чреда,
Орель въ опалѣ: будь его преемникъ власти.»
И вдругъ раздоръ, грабежъ, всѣ взволновались спрасни. —
Ошибка въ выборѣ — бѣда.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РИНОПЛАСТИКА.

Ринопластика есть весьма замысловатое изобрѣтеніе, сдѣланное въ Индіи, копорымъ хирурги, назадъ пому нѣсколько лѣтъ, занимались съ большимъ спараніемъ. Вопъ какъ говоримъ о семъ изобрѣтеніи г. *Вельпо* въ своихъ *новыихъ нагалахъ хирургіи*: «Въ Италіи и Индіи была нѣкогда мода рѣзать носы преспушникамъ. Такимъ образомъ папа *Сикстъ пятый* приказывалъ опрѣзывать ихъ ворами и бродягамъ; также послушилъ царь *Гурра* въ Индіи съ покоренными имъ жителями *Киспипура*, не исключая даже грудныхъ младенцевъ, для того, говорилъ онъ, чпобы вездѣ можно было узнать ихъ и чпобы названіе города ихъ можно было замѣнить именемъ *Назикапопура*... *Карлъ II* не могъ придумать жеспочайшаго наказанія для кавалера *Ковентри*, который позволилъ себѣ нѣкоторыя смѣлыя шупки на щетъ двухъ акприсъ, находившихся подъ покровительствомъ короля.... При нападеніи *Датчанъ*, многія

женщины и дѣвушки опрѣзали себѣ носы, въ надеждѣ спасти тѣмъ честь свою. Тоже сдѣлала игуменья и сорокъ монахинь одного монастыря въ *Марсели*, угрожаемаго воинствомъ *Срациновъ*. Кому неизвѣстна испорія жены одного *Парижскаго* нотаріуса, которая изъ мщенія, опрѣзала носъ у той, къ которой ревновала? Сверхъ описанныхъ происшествій, пусть припомнимъ еще обспоятельствва непредвидѣнныя, и тогда будешъ ясно, чпо хирургамъ весьма часто предспавлялись случаи исправлять тѣлесные недоспапки сего рода... *Галиенъ*, *Атій* и *Цельсъ* упоминають объ искусствѣ приспавлять носы... *Талиакоци*, умершій въ 1599 г., приобрѣлъ большую извѣстность по частни ихъ возспановленія: ему поставлена спатуя въ *Болонскомъ* анатомическомъ театрѣ. По словамъ *Гильдена*, *Грифонъ* *Лозанскій* былъ искусный *nasifex*, а *Паре* рассказываетъ, чпо при дворѣ *Генриха III* всѣ были чрезвычайно удивлены появленіемъ кавалера *Тоана*, который вѣдилъ въ *Италію* нарочно за новымъ носомъ. Одинъ *Марамъ*, служившій въ *Англійскомъ* войскѣ, былъ взятъ

въ плѣнь *Типто-Самболъ*, по повелѣнію копорого опрѣзали ему носъ. Возвращаясь къ своимъ соотечественникамъ, сей несчастный возбудилъ сожалѣніе одного *Индуса*, который пришилъ ему носъ, въ присутствіи двухъ *Бомбайскихъ* медиковъ. Въ землѣ *Парій* люди высшихъ сословій щипаютъ самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ опрѣзая носъ провинившемуся своему подчиненному; такъ сказать, зарубить ему на носу его просупокъ. Они также не щипаютъ за грѣхъ, въ случаѣ потери собственнаго носа, замѣняя его—прекраснѣйшей формы носомъ—одного изъ рабовъ своихъ. Супешественники говорятъ, что средство сіе почти всегда удаётся, и что для воспрепятствованія пресупникамъ, подвергающимся наказанію такого рода, заглаживаютъ съ помощію онаго свое безобразіе, принято за правило, опрѣзавъ носъ, потчасъ кидать его въ огонь. Рассказываютъ еще, что одинъ воръ, у котораго также былъ опрѣзанъ носъ, потчасъ явился къ хирургу; когда же потъ потребовалъ у него самага носа, тогда поварищи его вышли на большую дорогу и, ограбивъ носъ у перваго встрѣтившагося имъ прохожаго, опнесли его къ хирургу, который мастерски замѣнилъ имъ носъ, у вора опрѣзанный. Въ одной спычкѣ, солдакъ опкусилъ носъ у своего пропивника и бросилъ его въ грязь; раненый долго копался въ грязи, нашёлъ свою потерю и опнесъ къ лекарю. Врачъ, обмывъ его пеплымъ виномъ, приспавилъ къ прежнему мѣсту; носъ прѣросъ—и краснаго рубца невидать стало.

К О Ё - Ч Т О.

Извѣстно, что человекъ, увидя спрашное, вскрикиваетъ: крикъ уменьшаетъ страхъ, умѣряя приливъ крови въ сердце.

Сама природа указала женщинамъ на сіе домашнее лекарство.

Любовь подобна пѣни упренней, которая съ каждою минутою уменьшается.

Дружба—какъ пѣнь вечерняя, безпрестанно увеличивается, до пѣхъ поръ, пока закатится солнце жизни.

Самолюбіе есть пузырь, надушый въпрямь; изъ него вылетаютъ бури, когда его проколешь.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ч Е Р Н А Я Г О Л О В А.

(Продолженіе.)

Съ молодыхъ лѣтъ уже *Лёсажъ* находился подъ спраннымъ, удивительнымъ вліаніемъ дневнаго свѣтила. Поупру вставалъ онъ бодрый, веселость его возрастала, душевныя силы его все болѣе и болѣе воспламенялись, доколѣ солнце подымалось на горизонтъ.—Въ полдень воцарялась въ успахъ его оспрота самая изобрѣпательная, самая веселая. Послѣ сего мысли его угасали.—Вечеромъ онъ обыкновенно былъ задумчивъ, холоденъ, брызгливъ, и полько сильное какое нибудь вліаніе могло одушевить его воображеніе, воспламенить его веселость, которая восхищала общество въ *Прокопѣ*, и въ слѣдствіе коей—силы его истощались до крайности.

Сія спранныя зависимость весьма затрудняла сближеніе съ нимъ. *Лёсажъ*, который въ часы упреніе всѣхъ восхищалъ своею неиспощимою оспротою, вечеромъ былъ важный, недоверчивый наблюдапель, ѣдкій насмѣшникъ, но въ полдень тонкій, несравненный знапокъ человѣческаго сердца, который въ безсмертныхъ пвореніяхъ своихъ поражаетъ насъ справедливостью сужденій и неиспощимымъ богатствомъ воображенія.

Друзья его по справедливости различали въ немъ двойнаго человека: энергическаго саширика, который упренними трудами своими смѣшилъ *Парижъ*; раздражительнаго, брызгливаго собесѣдника, который вечеромъ очень часто говорилъ имъ правду рѣзко и ѣдко, и наконецъ изобрѣпательнаго, глубокаго наблюдапеля, въ часы полудня напи-

савшаго Хромоногаго бѣса и несравненнаго Жилблаза.

Лёсажъ утверждалъ, что подобное измѣненіе душевнаго состоянія, только въ мѣньшей степени, нежели въ немъ, существуетъ во всякомъ пылкомъ человѣкѣ, и друзья его должны были согласиться, что не совсѣмъ несправедливо сіе предположеніе, которое, можетъ быть, со временемъ объяснитъ много загадочнаго въ духовномъ мірѣ; ибо болѣе, нежели сколько мы чувствуемъ, властвуя надъ нами тѣла небесныя, свѣтъ и воздухъ.

Въ этотъ вечеръ *Лёсажъ* казался веселѣе обыкновеннаго. Онъ только что пріѣхалъ изъ *Hôtel de Bouillon*, держалъ въ рукѣ пепрадь, и вошедъ съ набережной, ничего еще не зная про случай, наслѣдившій въ этотъ день Проконъ такимъ необыкновенно многочисленнымъ обществомъ,

— Здравствуй, *Рене!*—привѣтствовалъ его уже издали живчикъ-*Францискъ*, перескочивъ черезъ столъ къ нему на встрѣчу.— Кой чѣртъ! въ бальномъ нарядѣ? съ манжетами и съ шпагою при бедрѣ? Мнѣ почти кажется, что ты въ Версали воевалъ проливъ Римлянъ! Скажи пожалуй, откуда это ты, дружечекъ?—

«Переспанъ!» прервалъ его *Долминокъ* съ важностью: «развѣ не видишь, что онъ дрался съ барономъ. Шпага его обогрена Римскою кровью. Или, клянусь всѣми богами Олимпа, ужь не онъ ли былъ рыцаремъ-защитникомъ черной принцессы, живущей на углу этой улицы? Право, онъ что-то на это похожъ!»

— *Рене, Рене!*—вскричалъ *Францискъ*, захохотавъ во все горло: неужели ты сдѣлался рыцаремъ Маврипанки? Смори! Парижане побьютъ тебя каменіемъ, какъ святаго мученика Стефана.—

«Что это вы бредите, друзья мои!» подхватилъ *Лёсажъ*: «я васъ не понимаю. Я пріѣхалъ совсѣмъ съ инаго поля брани. Безподобная штука! *Valgame Dios!* Несравненная штука!» примолвилъ онъ, смѣясь. «*Францискъ*, вопль сцена для твоего театра.»

— Разсказывай!—вскричалъ сей послѣдній: поди сюда, садись—разскажи поскорѣе, покороче!—Ты знаешь, ждашь не мое дѣло!—

«Да дай же ему возсѣсть на пронь,» сказалъ *Долминокъ*, подвинувъ къ *Лёсажу* поближе одну изъ подушекъ дивана.

— Да кой чѣртъ! что это у тебя тамъ, дружекъ! рукопись? Ужь не проклятый ли *Туркаретъ*, къ которому ты такъ пристрастился?—Стой! присовокупилъ онъ, схвативъ пепрадь: это измѣна! это новая лица для Римлянъ. Брось въ огонь!—

«Какъ-бы не такъ!» вскричалъ *Лёсажъ*. «Прослушайте-ка самую забавнѣйшую изъ всѣхъ исторій. Герцогиня, вы знаете, моя высокая покровительница, меня пригласила къ себѣ. Сегодня у неѣ вечеръ; къ 7-ми часамъ приглашено большое общество,—я долженъ чинать своего *Туркарета*. Всѣ ужь собрались, всѣ съ неперпѣніемъ ждуть прибытія пророка. Я—вы знаете—семь часовъ, закалъ солнца—есть всегда мой крипическій часъ. Однимъ словомъ, я сижу дома въ пулупъ, не могу ѣхать! Какъ не имѣть ко мнѣ снисхожденія! Но не шушь-то было въ *Hôtel de Bouillon*.—Является скороходъ, зоветъ меня; за нимъ, четверть часа спустя, толстый швейцаръ самъ. Восемь часовъ. Я наконецъ рѣшаюсь.—Пріѣзжаю, вхожу, о боги, какія кислыя лица! Герцогиня, съ упрекомъ на прелеспныхъ устахъ, встрѣчаетъ запоздалаго гостя. «Два безцѣнныхъ часа поперяны, господинъ *Лёсажъ!*» говоритъ она. Я—меня въ эту самую минупу берушь причуды.»

— «Благодарю покорнѣйше,—отвѣчаю я: эти два часа легко вознаградишь; поперя не велика—я не буду чинать своей пьесы!—И при сихъ словахъ выхожу вонъ изъ залы!»

«Теперь, друзья мои, представьте себѣ эти длинныя, гнѣбныя лица, все длиннѣе, все кислѣе! Весь Дворъ тупъ былъ! Какъ они выпучили глаза другъ на друга, не понимали, не постигали, сидѣли озадаченные, жестоко обманушы въ общанномъ удовольствіи!—Други мои! эта сцена была достойна киспи *Рафаэля!*»

Друзья посмѣялись опъ души.

У Франциска уже родилась въ головѣ драматическая шутка. Всякое забавное происшествіе служило ему доспапачнымъ предметомъ.

«Но скажи мнѣ,» спросилъ *Доминикъ*, помирая со смѣха: «не уже ли они дѣйствительно спали въ шуткѣ? Весь дворъ! Не съ ума ли ты сошелъ, *Рене?*»

— Безподобная сцена!—воскликнулъ *Францискъ*.—Золотой *Рене*, дай себя расцѣловать! Десять каролинъ даю тебѣ за пьесу, если она завтра будетъ хорова. На, выпей-ка вина, отдохни и пиши!—

Лёсажъ призадумался. Онъ сълъ.—«Нѣтъ!» сказалъ онъ: «шутки въ спорону, я сдѣлалъ большую глупость. Это легко можетъ дать Римлянамъ тысячу рекрутъ, и мой бѣдный *Туркаретъ* навсегда погибъ.»

— Вошь еще! воскликнулъ *Доминикъ*.— Чѣршь поברי пвоего важнаго, скучнаго *Туркарета* — если только здравспвуешь швой *Кристия*! И какъ онъ здравспвуешь, тебѣ извѣстно! Чпо это, опять ты заплъ свою меланхолическую пѣсню? Скорѣ выпей эптопъ спаканъ и молчи! Садись сюда, ближе ко мнѣ! Такъ ты спало бышь ничего еще не знаешь про черную голову?—

«Ничего,» возразилъ сухо *Лёсажъ*: «кромѣ, чпо давно ужъ про неѣ болпаютъ.»

— Такъ послушай же!—воскликнулъ *Францискъ*: и шупъ онъ спалъ весьма забавно рассказывать своему другу исторію спеченія народа въ улицѣ St. Нонорé. Чѣмъ ближе повѣспъ его доходила до развязки, шѣмъ задумчивѣ спановилея *Лёсажъ*; при окончанія рассказа, онъ, казалось, погруженъ былъ въ глубокую думу. *Францискъ* подкнулъ его, посмѣялся ему въ лице, спукнулъ съ его покаломъ; онъ молчалъ.

«Скажи мнѣ, Бога ради, чпо съ побсю?» вскричалъ наконецъ *Доминикъ*: «ужъ не замышляешь ли плана для прагедіи? Клянусь честью! если затѣешь чпо нибудь подобное, то я готовъ запереть тебя въ суфлерскій ящикъ Римлянъ!»

Лёсажъ молчалъ.

— Перестань прикидываться!—воскликнулъ *Францискъ*: къ чему эпа несносная, припворная брюзгливость? Развѣ свѣпъ не знаешь, какой проказникъ кваршируешь въ швоей головѣ?—

«Не всегда!» возразилъ *Лёсажъ* уныло. «Вы знаете, бываюпъ и со мною минуны груспи.»

— Поспой же! вопъ я тебя перекрещу въ Анабаписты; мы не першимъ эпакого Янсениста!—воскликнулъ *Францискъ*, и выплъ на него полный покаръ *Шабли*.

«Полно дурачиться!» сказалъ *Лёсажъ* угрюмо: «Шутки въ спорону, друзья мои! Я сегодня не гожусь въ ваше общество. Опшуспшите меня!»

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ *Доминикъ*: сперва признайся, чпо у тебя на сердцѣ? Такъ ли прощаюпся съ друзьями? Сей часъ опкройся намъ, чпо съ побсю сдѣлалось!—

«Друзья мои,» опвѣсппвовалъ ноптъ съ необыкновенною важноспью: «нынѣшнее происшествіе въ улицѣ St. Нонорé имѣетъ какую-то таинспвенную связь съ моею жизнью: самъ не понимаю, опъ чего мнѣ это вдругъ спало ясно. Я долженъ много рассказать, и рассказать про весьма давнишнія вещи; иначе, вы меня не поймете. Но люди, какъ вы, живущіе только въ наспоящемъ, не любяпъ вещей минувшихъ. Посему прошу меня опшуспшить домой.»

— Вошь нашель ты дураковъ!—вскричалъ *Францискъ*, схвативъ его крѣпче за плащъ: ни съ мѣста! Вѣрно хороша исторія, когда такъ долго надобно его упрашивапъ! Именемъ *Кола* заклінаемъ тебя, рассказывай!—

«Тупъ ничего нѣтъ комического,» сказалъ *Лёсажъ*: «дѣло это весьма серьезное.»

— И на то согласны!—воскликнули друзья: только рассказывай! Вѣрно любовная исторія давнихъ временъ! Сваливай камень съ сердца; чпо за шайна между друзьями!—

«Вы непременно хопшите,» возразилъ *Лёсажъ*: нечего дѣлать! «Мнѣ опъ васъ не

опдѣлаюсь, я вижу. Снимите осаду, да пойдемте въ эпопѣ кабинетъ: послушайте памъ мою исповѣдь.»

Друзья усѣлись, и *Лёсанъ* спалъ разска- зывать:

«Вамъ извѣстно, что я пригожимъ молод- чикомъ 23-хъ лѣтъ,—шеперь ровно сполько же лѣтъ тому назадъ,—пришелъ въ Парижъ. У меня не было ни одного су въ карманѣ, а хопѣлъ учипсья философіи. Двѣ комедіи, копорыя я всегда носилъ у себя въ карма- нѣ, должны были доставитъ сполько денегъ, чпобъ исполнитъ свой планъ. Мнѣ поща- спливилось, хопя не совсѣмъ, какъ я пола- галъ; ибо наши желанія и замыслы вообще супъ шуманы, копорые очень часпо сби- вали бы насъ съ пупи-дороги, еслибъ не водила насъ другая рука.— И пакъ, моло- доспъ, веселый нравъ и наружность не про- пивная ввели меня въ общеспво. Въ первую недѣлю я никого не зналъ въ Парижѣ, кро- мѣ преспарълага аббапа *Понталля*, двою- роднаго брапа моего добраго папера *Бо- шара* въ Ваннеской Езуитской Коллегіи, копорому я обязанъ моимъ первоначаль- нымъ образованіемъ. На второй недѣль у меня уже было, по крайней мѣрѣ, тысяча знакомыхъ, а чрезъ мѣсяць я зналъ почпн весь Парижъ. Весьма неожиданно назвали меня молодымъ челоувкомъ со вкусомъ и паланпомъ, и подъ сею фирмою я былъ пе- редаваемъ однимъ общеспвомъ другому въ объятія. Вскорѣ опворились для меня *Опел- ли Сень-Жерменскаго* кваршала, копорый въ то время сполько чпо начиналъ запемъ- вать *Марѣ* своимъ блескомъ и пономъ, и когда къ довершенію эпоаго еще узнали, чпо я кропаю спихи: то мои пріятели и зна- комцы приняли на себя прудъ навѣки поссоритъ меня съ философіею, а въ замѣ- ну того сдѣлапъ изъ меня свѣтскаго чело- увка, прѣдворнаго челоувка, моднаго челоув- ка. Голосъ совѣсти и какое-то внутрпенное чувство свободы, хопя и успояли пропивъ сего пагубнаго превращенія, но не могли удержатъ меня опъ знакомспва со всѣми общеспвами пакъ называемыхъ *beaux esprits*, и эпо знакомспво было споль же коропно,

какъ съ моими чепырью голыми спѣнами. Пропивоположность сихъ послѣднихъ пѣмъ общеспвамъ, изъ копорыхъ я возвращался домой, имѣло дѣйспвительно нѣчто томо- респическое. Жизнь моя попеременно пере- ходила изъ обипели величайшей пышности, безумнѣйшей распочипельности, преспуп- нѣйшей роскоши въ жилище горчайшей ни- щепы. Я ночевалъ въ самой опдаленной часпи улицы *St. Jacques*, а проводилъ дни въ великолѣпныхъ дворцахъ *Сень-Жерменскаго* кваршала. Нерѣдко, возвращаясь ночью изъ сверкающихъ залъ, гдѣ рѣзба и бронза опражали пылщи восковыхъ свѣчъ, я дома не находилъ ни одного огарка, чпобы опы- скапъ свою жесткую постель, и просыпался упромъ съ испорченнымъ опъ драгоцѣн- ныхъ лакомспвъ желудкомъ, не имѣлъ де- сяти су, чпобы удовлетворитъ прачку за мыпье моихъ манжетъ. Одно зеркало въ *Опелъ*, сполько чпо мною опспавленномъ, безъ сомнѣнія спѣдло дороже вепхаго до- мишка, въ копоромъ я занималъ маленькую комнапку подъ самою крышею, и я, осыпае- мый ласками, ласкапельспвами въ *Сень-Жер- менскомъ* кваршалѣ, нуждался въ улицѣ *St. Jacques* въ самыхъ необходимыхъ попребно- стяхъ жизни.

«При сихъ-то обсппательспвахъ, не- рѣдко овладѣвало мною сильное желаніе выпппи изъ моего пятгсптнаго положенія. Я очень хорошо видѣлъ, чего у меня недоспа- вало: у меня не было пропекціи, или ин- приги, чрезъ копорую я бы могъ соспа- вить свое щаспіе. Любовную связь я имѣлъ, но чего я могъ опъ неѣ ождапъ для моего внѣшняго щаспія?

«Нижній эпоажъ того маленькаго домпка въ улицѣ *St. Jacques*, гдѣ я жилъ, занималъ споларь, челоувкъ бѣдный, но честный. У мастера *Матъѣ* была дочь, по имени *Лю- сонъ*, премиленькая дѣвушка лѣтъ 16-лп. Ро- дители ея взяли сп снабжатъ меня завпра- комъ и прислуживанъ мнѣ, сколько нужда была въ прислугѣ пакому бѣдняку, какъ былъ я. Давно уже спмпрѣлъ я на эту дѣ- вушку неравнодушнымъ взоромъ: ибо чув- спвовалъ, чпо и *Люсонъ* была со мною

застѣнчивѣе, нежели обыкновенно бывають Парижанки; но еспь: мы влюбились, не промолвивъ другъ другу еще ни одного слова про любовь. Чпо касается до меня, то гордость, желаніе извѣстности и блеска въ свѣтѣ, однимъ словомъ: извѣженность и щеславіе, которыми я уже успѣлъ нащипаться въ Сенъ-Жерменскомъ кварталѣ, удерживали меня отъ признанія въ любви. Неужели мнѣ отказать было отъ всѣхъ надеждъ ради дочери бѣднаго сподяра? Отказаться отъ великолѣпныхъ залъ, чпобы влачить убогую жизнь въ подкровельной комнаткѣ? Упрямъ, которое во всю жизнь мою имѣло на меня благодѣлнѣйшее влдіаніе, нежели прочія частіи дня, я конечно перѣдко на то рѣшался. Жениться на *Люсонъ*, казалось мнѣ величайшимъ земнымъ благополучіемъ — для неѣ прудиться, объ руку съ нею иппи скромнымъ жизненнымъ пупемъ—вопъ въ чемъ въ шакіи минушы заключались всѣ мои желанія. Я выходилъ со двора съ швердымъ намѣреніемъ вскорѣ возвратиться, и вечеромъ формально просилъ ея руки. Но въ городѣ я не могъ опять приппи въ себя: *одинъ* знакомецъ таскалъ меня къ другому, и прежде, нежели успѣвалъ опомниться, я вечеромъ опять находился въ одной изъ блестящихъ залъ, къ которымъ поупру былъ споль равнодушенъ. Я самъ себя ненавидѣлъ за это непоспоянство; но чпо было дѣлать? Когда ночью поздно возвращался я домой, то милая *Люсонъ* давно ужъ почивала, и всѣ мои намѣренія понули въ морѣ щеславія, гибли въ волнахъ честполубія и надмѣнностіи, изъ которыхъ они на другое упро хотя и всплывали, но слабѣе, чѣмъ вчера.

«Изъ всѣхъ блиспанельныхъ Опелей, мною посѣщаемыхъ, я болѣе всѣхъ полюбилъ Опель графа *Фосини*: ибо памъ въ самомъ дѣлѣ соединено было все, чего только могло желать мое юношески-щеславное сердце. Паперъ *Понталь* былъ духовникъ молодой двадцатилѣтней графини, съ которою онъ познакомилъ меня, можетъ быть, не безъ тайнаго намѣренія. Графу, ея супругу, челоувку прелюбнзнѣйшему, было уже далеко за шестидесять лѣтъ. Можете ли вы, друзья

мои, въ *наши* времена предспаивтъ себѣ челоувка свѣтскаго съ добрымъ сердцемъ, царедворца съ испинною религіозностію, спонкаго, глубоко-образованнаго, познаніями обогащеннаго придворнаго челоувка, который спавиптъ честь и чиспую нравспвенность превыше всѣхъ чиновъ и всѣхъ удовольспвій жизни, который выше всѣхъ предразсудковъ большаго свѣта?— Вы улыбаетесь! Вотъ пакой челоувкъ, или лучше сказать, пакое чудо былъ графъ.— По рекомендаціи папера *Понталья*, онъ возымѣлъ ко мнѣ почпи опеческое благорасположеніе;— онъ-по преимущеспвенно ввелъ меня въ общеспта Сенъ-Жермена. Нѣтъ сомнѣнія! еспибъ я былъ къ нему откровененъ, еспибъ я ему искренно признался въ моихъ нуждахъ, въ моей бѣдности: по онъ соспавилъ бы мое щаспіе, и некогда бы не нарушилось мое спокоеспвіе.— Но сему протпвился какой-то непонпнный ложный спыдь, или лучше сказать, мое *самолюбіе*. Я околнымъ пупемъ искалъ щаспія, котораго мнѣ бы слѣдовало искать на прямой дорогѣ.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ XLVIII ПСАДМА,

Внемлите мнѣ, земли народы,
 Всѣ челоувчества сыны!
 О дѣпди щаспія и невзгоды,
 Богатый, нищій, вы равны!
 Внемлите слову разумнѣя:
 Не щещной мудрости учу;
 Высокой правды пспнопннѣя
 Я вамъ на гусляхъ возвѣщу!
 Не полагайтесь на силы,
 На злато, плодь труда и лѣтъ;
 Брапъ не избавиптъ отъ могилы,
 И выкупа за душу нѣтъ!
 Умреть мудрець, умрутъ невѣжды,
 Забывъ, чпо мзда пріобрѣла,
 Покинувъ замыслы, надежды,
 И взявъ съ собою—однѣ дѣла.

Безумцы мыслятъ, спроя зданья,
Что ихъ жилище въ родъ и родъ;
Даютъ землямъ свои названья,
Да имя—ихъ переживётъ.
Наслѣдники опцамъ подобны;
Друзья хвалою возносятъ ихъ!
Но долготу успѣваешь злобный
И гордый въ замыслахъ своихъ?
Подобно, какъ овецъ въ заповоры,
Ихъ въ преисподней заключашъ,
Гдѣ свѣта ихъ не узрять взоры,
Гдѣ спражемъ смерть сплосить у вратъ.
Возстанетъ день надъ грѣшнымъ прахомъ;
Пройдущъ, не вѣдая чей онъ;
И будешь ликъ ихъ скорбью, спрахомъ
Въ подземномъ домѣ искажёнъ!
Не бойся-жь, если богатѣешь
И входишь въ славу равный швой,
И не дивись, когда имѣешь
Себѣ льстецовъ онъ шумный рой.
Его такъ почто ублажаютъ
И также пѣснями чествуютъ,
Какъ жертву, кою украшаютъ,
А ножъ жреца уже подыметъ.
Умреть—и ничего съ собою
Въ жилище тьмы онъ не возьметъ:
Съ нимъ не пойдущъ льстецы шлоною,
И слава въ слѣдъ имъ не поидетъ!
Тамъ нѣтъ въ земномъ величьи нужды,
Гдѣ о землѣ опзыива нѣтъ!
Тебѣ лишь, мужъ гордыни чуждый,
Тамъ воссияетъ славы свѣтъ.

И. И.

РОМАНСЪ.

Нѣтъ, милый другъ, нѣтъ, не сомнѣнья
Тревожатъ душу мнѣ подѣ часъ:
Мнѣ сладко слышать увѣренья
Любви швоей на дню спо разъ.
*
Когда швой взоръ мой взоръ встрѣчаетъ
И вспыхнетъ вдругъ любви огнемъ,

За чѣмъ такъ скоро погасаетъ;
За чѣмъ не вѣкъ горитъ на немъ?
(Мы не сгоримъ вдводемъ!)
*

Хотѣлъ бы взоромъ симъ унишья,
Твою исчерпашъ душу въ немъ,
Душой моею перемѣспинья
Съ швоей и умереть пошомъ!
*

Ахъ! знаю я, что сохранила
Мой даръ; но говорю: нѣтъ, нѣтъ!
Хочу, чтобы ты повторила
Любви столь сладоспный привѣтъ.
*

Перо, любовью очиненно,
Мнѣ пишешъ: *другъ!* Какъ не сказаши:
Желалъ бы имя тво безцѣнно
Изъ жаркихъ устъ швоихъ внимати?
*

Когда насъ ночь, на зло судьбинѣ,
Одѣла ризою швоей,
Я мѣръ забылъ съ его гордыней:
Рука швая была въ швоей!
*

Я вѣчношь въ мигъ воспоргилъ ралъ
Въ грудь перелилъ изъ рукъ швоихъ.
Могу-ль не говоритъ, вздыхая:
Какъ крашокъ былъ сей мигъ!
*

Нѣтъ, милый другъ, нѣтъ, не сомнѣнья
Тревожатъ душу мнѣ подѣ часъ:
Мнѣ сладко слышать увѣренья
Въ любви швоей на дню спо разъ!
Л.

НА ДГРОБИЕ.

Что вамъ могила такъ ужасна?
Не больше-ль въ жизни золь, чѣмъ бласть?
Надежда часто памъ напрасна,
И рѣдко, рѣдко спрахъ.

И. Пальминъ.

E N I G M E.

Mes deux yeux sont ouverts, pourtant je ne vois rien;
 Ma bouche est entr'ouverte, eh bien! je ne dis rien;
 Cependant plusieurs mots s'échappent de ma bouche,
 Très-souvent de mes yeux partent de doux re-
 gards;
 Mon front ne rougit point pour quelques mots gail-
 lards,
 Et je possède un nez que jamais on ne mouche.

Въ No 29, помѣщенная шарада значить: *Полудна*.

M O D E S.

La nouveauté la plus saillante du moment sont les redingotes de marceline; on se sert même de cette étoffe pour des robes de petite toilette. La couleur de marceline que l'on choisit le plus généralement est le gris de fer un peu violâtre; avec des pélerines doubles, quelquefois des manches à un bouffant.

Rien n'est plus joli que ces redingotes grises avec un chapeau de velours des Indes *vert-perruche*.

Une autre couleur de marceline que l'on voit beaucoup est le vert-acanthe très-pâle.

Il paraît que pour ce printemps la marceline a tout-à-fait remplacé le gros de Naples. Pour les redingotes habillées et les robes du soir, on portera le velours et le satin des Indes; puis on fait une grande variété d'étoffes de soie à très-petits dessins qui sont également de fort bon goût.

Nous pouvons dire un mot des modes de nos premiers magasins, en attendant que Long-champs soit venu montrer en détail toutes les nouveautés qu'on prépare. Herbaut, Simon, Mme Thomas, resserrent les passes contre la joue, en relevant légèrement le devant de la passe; les calottes toujours petites et simples; les fleurs posées en un ou deux bouquets, dont un plus fort que l'autre, sont attachées par un ruban qui les noue sans coques, tournant simplement autour des tiges comme un lien, puis il forme ou figure les brides.

Dessous, point de rubans étalés; mais quelquefois au lieu d'entourer tout le visage avec la ruche de blon-

de, ils ne garnissent que les brides, et placent dans l'intervalle une traverse ou un ruban en rosette.

Les jacinthes mêlées, les primevères, le lilas, quelques fleurs vertes d'invention, sont celles que l'on remarque sur les modes dont nous parlons.

Plus tard, nous parlerons des capotes de fantaisie; jusqu'à présent, rien de reconnu et adoptée n'a encore été fait.

M O D Ы.

Марселиновые рединготы самая значительная новосия пеперешняго времени; матерію сію употребляютъ даже на плащя не въ большой рядъ. Цвѣтъ марселина, предпочтительно употребляемый, сѣро-жельзный, не много лимовашый; съ двойными педеринками; иногда рукава съ одной буцою.

Ничего нѣтъ красивѣе эпитъ сѣрыхъ рединготовъ съ шляпкою изъ Индѣйскаго бархама *vert-perruche* цвѣта.

Другой цвѣтъ марселина, котораго также много видно, зелѣно-акаатовый, весьма блѣдный.

Кажется, нынѣшнею весною марселинъ совершенно замѣнитъ гроденаль. Для нарядныхъ рединготовъ и вечернихъ плащевъ будутъ употреблять Индѣйской бархатъ и атласъ.

Мы можемъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ нашихъ магазинахъ, въ ожиданіи Лопшана, гдѣ увидимъ въ подробнѣе всѣ приготавливаемые новосии. У Гербо, Симонъ, Г-жи Томасъ, поля прижаты къ щекамъ, а спереди слегка приподняты; шуды всѣ малы и просты; цвѣты пришылены однимъ или двумя букетами, изъ которыхъ одинъ болѣе другаго; они прихвачены лентою безъ пестель, которая обернута около шебелей какъ завязка, попомъ составляетъ или представляетъ лопосии.

Снизу нѣтъ ленты; но иногда, вмѣсто того, чпобъ вокругъ лица былъ блондовый рюшъ, имъ обшиваются только завязки, а въ промежуткѣ кладутъ ленту или розетку.

Разные гиациссы, primevères, сирень, нѣкоторые вымышленные зелѣные цвѣты, вотъ что видно на уборахъ, о которыхъ мы говоримъ.

Позже мы будемъ говорить о необыкновенныхъ капотахъ; до сихъ поръ еще ничего не было сдѣлано опредѣленнаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 31.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 19 ДНЯ, 1833 ГОДА.

Послушай, барышня! скажу всю правду я:
Бояться нечего! Повѣрь, душа моя,
Къ вѣнцу веселая дорога.
Вотъ, знаешь, какъ женихъ съ тобой,
За ручку взявъ тебя, пойдеть передъ напой —
Ушки запрыгають, и сердце такъ забьётся...

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДУЭЛЬ.

Ссора была пустая, но оба не хотѣли уступить другъ другу. Одинъ твердилъ: я правъ; другой говорилъ: я не виноватъ; прощу помиришь эпакихъ людей. Тутъ пособшь нечѣмъ! надобно было драпсья.

У одного была сестра, у другаго мать. Сестра со слезами бросилась на шею къ брату. Мать съ воплемъ упала на колѣни передъ сыкомъ. Ничто не помогало. Честъ говорила громче голоса природы. Честъ! понимаете ли вы силу эпаго слова, господа? Правила дуэльной чести таковы, что кто не хочеть прослыть прусомъ: потъ долженъ сдѣлаться убійцею, или бышь убить. Превосходно! Въ самомъ дѣлѣ, это честъ...

Я видалъ много негодяевъ, съ которыми не хотѣлъ бы сказать двухъ словъ, и которые однакожь называли себя людьми съ честью, потому, что получивъ пощечину, они отдарили за неѣ пулюю.

Случалось мнѣ видать и смирныхъ, простыхъ, добрыхъ людей, сострадательныхъ къ бѣднымъ, непереданныхъ никакому пороку, на которыхъ указывали пальцами, говоря: это люди безъ всякаго понятія о чести! Какъ! получишь пощечину и оплашишь за неѣ.... такою же оплеухою!...

Что же бы вы приказали пмъ сдѣлать? «Отправившись въ лѣсъ или тѣмный боръ съ парюю заряженныхъ пистолеговъ, выпалишь подъ носъ другъ другу; попомъ обнявшись, вмѣстѣ позавтракаешь, и воропнись подъ ручку съ тѣмъ, кто ихъ обидѣлъ?»—Нѣтъ! я бы не спалъ драпсья нарочно за тѣмъ, чтобъ помиришья. По моему лучше прослыть прусомъ, чѣмъ такимъ образомъ загладишь обиду. Всякой молодець — на свой образецъ.

Но, милоспивые государи, одинъ изъ васъ можетъ убить другаго.—«Эпаго вѣрно не случитсь.»—Да кто же вамъ помѣшаеть?—Вопервыхъ, наше неумѣнье, а во вторыхъ свидѣтели.—Однакожь, вспомните, сколько людей погибло на дуэляхъ; неужели вы хо-

пите увеличить собою число ихъ? Да и что за радость быть убитымъ пою же рукою, которая васъ оскорбила? Развѣ пуля, очистиивъ вамъ дорогу на погъ свѣтъ, очистиивъ вашу честь отъ оскорбленія? Не думаю!

Это и еще много кое-чего хотѣлъ было я располковать двумъ безумцамъ, которые собирались играть своею жизнью, съ пистолетами въ рукахъ; но, по несчастію, оба почипали себя обиженными, оба были одинаково искусны въ спръльбѣ, и мнѣ оставалось только молчать и задушать въ сердцѣ ужасную горестъ. . . .

Соперники спали. Оппмѣрно двадцать пять шаговъ. Свидѣтели попыпались еще разъ примирить ихъ. Вспомните, сказали они, что вы друзья съ младенчества, вмѣстѣ воспитаны, вмѣстѣ выросли! Не спыдно ли вамъ спръляться, и за что же? . . . за одно слово!

Ну, *Владимиръ*, прощани *Алекстыю* руку. *Алекстый*, скажи *Владимиру*, что пы на него не сердисься. Если онъ и оскорбилъ тебя, то самъ весьма о помъ жалеться. Обнимись.

Они не хотѣли объ этомъ слышать. Убѣжденія свидѣтелей только больше подспрекнули въ нихъ жажду крови. Гордо смотръли они другъ на друга, и заботились лишь о томъ, чтобы показать свое удалство, свое молодечество.

Воспоминаніе о прежней дружбѣ еще больше раздражало ихъ. Въ убійствѣ челоѣка, котораго нѣкогда мы всѣхъ болѣе любили, есть не знаю какое-то свръльное удовольствіе. Другъ намъ всегда дороже любовницы, потому что другу-мушину случается повѣрять такія тайны, которыхъ никогда бы не рѣшились мы выболтать женщинѣ. Тайны сіи составляютъ часто цѣлую жизнь нашу со всѣми ея слабостями, надеждами, недоспапками. Ненависть къ челоѣку, чьей дружбы мы лишились, объясняется, сверхъ того, эгоизмомъ, отъ котораго намъ пытно видѣть, что тотъ, кто прежде любилъ насъ, не обращаетъ больше на насъ

вниманія. Мнѣ кажется, что пыть вмѣшивается и неблагодарность. Если-бы я былъ драчуномъ: то не такъ бы опасно было сѣлапья моимъ врагомъ, какъ другомъ. Но благодаря Бога, я не буянъ, ни къ кому не придираюсь, не лгу; а потому никто меня не обличаетъ; со мною совсѣмъ не опасно моимъ знакомымъ.

Въ то время, когда поблѣднѣвъ отъ мщенія, дуэлисты начинали уже прицѣливать ся и когда испуганные секунданты раздирали плапки, чтобы оспановить кровь, которая потечетъ изъ раны, къ нимъ подошелъ бѣдный ремесленникъ, и сказалъ жалобнымъ голосомъ: «милоспивые господа, я бѣдный отецъ семейства, ремесломъ спольяръ, и не имѣю работы.»—*Э!* любезный, до того ли намъ шеперь, чтобы подавать тебѣ милоспину. Ты видишь, что мы собираемся драпьяся.—«На щепъ этаго-то я и хочу васъ безпокоить.»—Какимъ образомъ?—«Закажите мнѣ для себя гробы;» милоспивые господа: «я бѣдный отецъ семейства и не имѣю работы.»

Бойцы посмопръли другъ на друга, онѣмѣвъ отъ ужаса. Оружіе выпало у нихъ изъ рукъ; они подбѣжали одинъ къ другому и обнялись. Спольяру заплатали цѣну гробовъ. Когда кончилось примиреніе, свидѣтели разошлись, нахмуря брови и говоря: спышло же намъ драпья плапки свои!

Пер. *Ил. Г—въ.*

К О Ё - Ч Т О .

Разность между щаспливымъ и несчастнымъ та же, какая между двумя больными лихорадкою, изъ которыхъ одного она бѣетъ черезъ день, другаго черезъ два. У перваго одинъ свободный день, у послѣдняго—два.

Наполеонъ былъ профессоръ. Онъ всегда въ одинъ семестръ оканчивалъ уроки свои царямъ и царспвамъ.

Душа юной дѣвицы естъ распусшившаяся роза: сорвите одинъ листокъ, оспальные скоро опадушь сами собою.

Каждый размышляющій человекъ можетъ сдѣлаться философомъ, но не каждый человекъ размышлять способенъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ ГОЛОВА.

(Продолженіе.)

«Я каждый день навѣщалъ графа *Фосиньи*, у котораго все было мнѣ по сердцу, кромѣ развѣ того, что не только не могъ ничего подарить швейцару въ новый годъ, но однажды даже принужденъ былъ выпросить у него въ займы палеръ, и долго былъ его должникомъ. Юная графиня, изъ знапной, но обѣдѣвшей фамиліи, жила съ супругомъ своимъ, по видимому, въ совершенномъ согласіи. Благородное съ нею обращеніе графа, равно чуждое ревности, и холодной безпечности; его мужественный, швердый, но всегда ласковый нравъ; всеобщее уваженіе, которымъ онъ пользовался; его необыкновенный умъ, обогащенный познаніями, внушили сердцу ея такую къ нему привязанность, что оно оспалось совершенно непричастнымъ того чувства пустоты, которое бываетъ почти неразлучнымъ спутникомъ неравнаго брака. Графиня *Агата*, окруженная поклонниками, рѣшительно не имѣла любовника; отъ навязчивости Парижской молодѣжи она убѣгала въ объятія почтеннаго старца-супруга, терпѣливо перенося насмѣшки большаго свѣта надъ такимъ глупымъ своеувѣіемъ.

«Сіе своеувѣіе, какъ Парижъ называлъ ея супружескую вѣрность, было тѣмъ достойнѣе удивленія, что она имѣла весьма пылкое воображеніе, и вообще была характерна чрезвычайно живаго и веселаго. Она знала себя, и болѣе предчувствуя, нежели постигая опасность своего положенія, она,

сколько ни покажется вамъ это невѣроятнымъ, не разъ уже изъявляла супругу желаніе удалиться изъ Парижа въ Бретань, гдѣ графъ имѣлъ обширныя помѣстья.— Восхищенный супругъ общалъ, да общалъ, но по благонамѣреннымъ причинамъ все еще медлилъ исполненіемъ.

«Въ домашній кругъ сей рѣдкой четы— въ то время, можетъ спастись, не было въ Парижѣ подобной—я былъ введенъ. Тупъ бѣдный *Лёсажъ* узналъ свѣтъ, узналъ людей; но тупъ же ему суждено было узнать самаго себя и врага, который неопступно преслѣдуетъ насъ въ образѣ *страсти*.

«Вы угадываете, друзья мои, что случилось—я не спану распростираюсь. По мѣрѣ того, какъ графъ осыпалъ меня ласками, рѣшительно охлаждавало сердце и благо-расположеніе ко мнѣ молодой прелестной графини *Агаты*.»

— *Ventre St. Gris!*—воскликнулъ гнѣвно *Францискъ*: этакъ я не ожидалъ; какъ? и ты это терпѣшь?—

«Тише! тише!» продолжалъ съ важностью *Лёсажъ*: «Слушай, *Францискъ!* или я замолчу. Вы у меня развязали языкъ—теперь я хочу говорить.»

—Ну, не сердись!—сказалъ *Францискъ*: я буду молчать; продолжай!—

Лёсажъ продолжалъ: «она была пылкаго характера, какъ я, любила много говорить, какъ я. Но къ нестерпимой досадѣ самолюбиваго *Лёсажа*, графиня *Агата* опровергала все, что онъ ни говорилъ. Съ нимъ она ни въ чемъ не соглашалась, а въ то же время терпѣливо слушала плоскія оспроты своего двоюроднаго брата *Альберта*, который въ большемъ свѣтѣ слылъ ея усерднѣйшимъ обожателемъ, или дерзкія каламбуры маркиза *Ланкура*, человека, душою пренизкаго, домогавшагося извѣстности своими негодными виршами.— Эти-то пустыя головы, казалось, пользовались совершеннымъ ея благо-расположеніемъ, между тѣмъ, какъ бѣдный *Лёсажъ* ничего не умѣлъ сказать или сдѣлать, что могло бы заслужить вниманіе прелестной графини. Когда онъ говорилъ

о литературѣ, то ей не нравилось именно то, что ему нравилось; когда онъ подшучивалъ надъ свѣтомъ, то она находила его шуточки плоскими и даже злонамѣренными; когда онъ говорилъ о любви, то она утверждала, что молодой человекъ притцпипи прехъ лишь ничего въ этомъ не смыслилъ. Мои стихи не могли вынудить у неѣ ни одного одобрипельнаго слова, моя проза казалась ей вялою и тяжелою, и она, которая ко всякому была такъ ласкова, не только презирала мое къ ней вниманіе, но и поведеніе мое въ обществѣ нерѣдко возбуждало въ ней явное неудовольствіе.— Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что я былъ рѣшипельно ей противенъ; это меня оскорбляло, и не разъ выходилъ я изъ *Hôtel Faucigny* съ твердымъ намѣреніемъ, не возвращаясь туда, сколько ни уважалъ почтеннаго, радушнаго хозяина.

«Въ одинъ вечеръ — обыкновенный кругъ гостей уже собрался — ея неудовольствіе, казалось, болѣе, чѣмъ когда либо, меня преслѣдовало. Какъ будто мнѣ на зло, она оказывала особенное вниманіе обоимъ ненавистнымъ мнѣ членамъ общества, маркизу и своему двоюродному братцу, и болѣе чѣмъ когда либо предавала меня насмѣшкамъ сихъ бездушныхъ шутовъ, которые, видя ея неприязненное ко мнѣ расположеніе, почитали себя въ правѣ прунить надо мною при всякомъ случаѣ. Во всемъ она была со мною противнаго мнѣнія, и чѣмъ болѣе я спорался войти въ ея кругъ идей, или согласовать наши сужденія, тѣмъ рѣшипельнѣе она мнѣ прекословила, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что мы никогда не можемъ сблизиться. Даже добродушный графъ соспрадапельно взялъ мою сторону, ласково уговаривая свою супругу быть снисходительнѣе къ моимъ сужденіямъ. Это меня ободрило, и я спалъ наснаивать въ своихъ мнѣніяхъ. *Агата* замолчала, опъ времени до времени посмапривая на меня изподлобья, и когда я опять началъ говорить, то моя прелестная противница назвала меня страннымъ, несноснымъ, и при этомъ такимъ вспльчивымъ голосомъ, какимъ она никогда еще со мною не говорила. Тутъ я

вышелъ изъ терѣнія, всталъ и подошелъ къ ней, сказалъ: чувствую, Милоспивая Государыня, что мое присутствіе вамъ въ тягость. Честъ моя великъ мнѣ удалиться, и возвратиться не прежде, пока не удостоиврюсь, что не буду въ вашемъ кругу неприяннымъ гостемъ.

«Она не опвѣчала ни слова; прекрасное лице ея вспыхнуло, какъ мнѣ тогда казалось, опъ гнѣва; я опкланялся. У дверей добрый графъ пожалъ мнѣ руку съ выраженіемъ досады и прискорбія. Я пошелъ — съ твердымъ намѣреніемъ, ни погою не спунивъ за порогъ неблагодарный.

«Душа моя была въ сильномъ волненіи, когда я достигъ улицы *St. Jacques*. Дождь лилъ ливнемъ — я принужденъ былъ зайти въ кофейный домъ, чтобы укрыться опъ непогоды. Тутъ я встрѣпился съ моимъ стариннымъ другомъ *Фюзильеромъ*. Пришедъ домой, я все предалъ забвенію: причудливую *Агату*, скромную *Люсонъ*, весь свѣтъ; какое-то дикое, внупреннее волненіе заспуило въ голову моей мѣспо всѣхъ сихъ воспомнаній. Я нѣсколько дней проводилъ безмолвно въ своей комнапъ. Муза меня навѣщала, и она, которая исцѣляетъ всѣ спраданія, успокоила и мою душу. Въ семь уединеніи мнѣ впервые открылось, что я влюбленъ въ графиню — нѣсколько десятковъ писемъ невольно начиналъ я восклицаніемъ: «прелестная графиня!» и по тому самому ихъ опять разрывалъ въ клочки.

«Прошла цѣлая недѣля. Въ седьмой день, вечеромъ, вошелъ ко мнѣ лакей изъ *Hôtel Faucigny* — я сильно испугался при видѣ знакомой мнѣ ливрей. Онъ вручилъ мнѣ писмецо, содержащее въ себѣ слѣдующія немногія, дрожащею рукою написанныя слова:

— «Я прощаю — приходите сегодня или никогда! Швейцару приказано не впускать васъ, если вы сегодня не будете! —

Агата.

«Сердце мое забилося опъ радости; я едва не обнялъ старика-служителя.

— «Графиня больна,» сказалъ онъ: прикажете ли доложить ей, что вы будете? —

«Непремѣнно буду, любезнѣйшій! — воскликнулъ я. — Онъ пошелъ. Не могу описатьъ вамъ, въ какомъ восторгѣ упопала душа моя, когда направилъ я тушу къ Сенъ-Жерменскому предмѣстью. Одно мгновеніе все измѣнилось; весь міръ мнѣ улыбался. Она любитъ себя — ликовала во мнѣ внутренній голосъ — гордосць ея побѣждена! — Я не могъ оспановиться ни на одной порядочной мысли; графъ, моя къ нему привязанносць, какъ будто исчезла; мысль: она себя любитъ! оцупала всѣ мои чувства. Сии волшебныя слова носились предъ моими очами въ радужныхъ цвѣтахъ, горѣли, пламенѣли на небѣ — я самъ себя не узнавалъ; весь пылъ души моей внезапно пробужденъ былъ сими спроками, какъ будто изъ чародѣйнаго сна. Я называлъ себя безумнымъ слѣпцемъ, что не видѣлъ моей любви, ея любви! Называлъ себя новичкомъ, безмысленнымъ педанпомъ, глупцемъ, и въ слѣдствіе сего разсужденія рѣшился немедленно броситься въ море наслажденій, меня ожидавшихъ.»

«Въ такихъ мысляхъ я дошелъ до дома графа *Фосиньи*. Дрожащею рукою постучался я въ дверь. Швейцаръ, встрѣпивъ меня ласково, приказалъ спарому *Бернару* опвеспи меня къ графинѣ.»

«Къ великому моему изумленію онъ, миновавъ лѣстницу, ведущую къ ярко освѣщеннымъ пріемнымъ комнапамъ, вошелъ со мною въ тѣмный коридоръ.»

«Какъ? спросилъ я — развѣ сегодня нѣтъ гостей?» — Какъ нѣтъ! — опвѣчалъ онъ: по графиня нездорова; я вамъ объ этомъ докладывалъ — она желаетъ поговорить съ вами наединѣ. —

«При сихъ словахъ опворилъ онъ дверь небольшой, слабо освѣщенной комнапы. *Агата* покоплась на диванѣ. Она чпшала. Я съ удивленіемъ увидѣлъ въ рукѣ ея молитвенникъ. Когда я подошелъ къ ней, она закрыла книгу. Приподнявшись съ нѣкоторымъ усиліемъ, она сказала: «я очень виновата передъ вами, другъ мой! я васъ обидѣла...» Она не могла продолжати; слезы заглушили ея голосъ.»

«Я кинулся къ ногамъ ея — схватилъ ея руку — покрылъ еѣ пламенными поцѣлуями.»

«Ангель мой! *Агата!*» — воскликнулъ я внѣ себя.»

«Другъ мой! — сказала она: придите въ себя — навѣщайте насъ по прежнему — не оставляйте меня. — При сихъ словахъ она поднесла мою руку къ своему горящему челу. Пораженный ужасомъ, я едва усподлъ на ногахъ. — Теперь прощайте! — воскликнула она внезапно пвердымъ голосомъ: графъ васъ ожидаетъ. Оспавьте меня теперь, но не убѣгайте меня. Не правда ли, *каждый* вечеръ, *каждый* вечеръ вы будете нашимъ гостемъ? —

«Твой — навѣки пвой!» вскричалъ я. — Но это было звукъ, значенія коего я и не постигалъ въ минушу спраспи. Я снова прижалъ ея руку къ устамъ моимъ; колѣна мои снова предъ нею обрушились.»

«Перестаньте, перестаньте! — сказала она кропкимъ голосомъ: умоляю — заклинаю васъ, оспавьте меня теперь; я довольна, вы меня спраспили! Жизнь безъ васъ, было выше моихъ силъ! — Тупъ она пвердою рукою дернула за колокольчикъ. Я принужденъ былъ всшатъ. — Вы этого пребууете? спросилъ я.»

«Томные, голубые глаза ея покоились на мнѣ съ выраженіемъ живѣйшаго удовольствія. — Опворилась дверь. Спарикъ *Бернаръ*, по видимому довольный успѣхомъ своего посольства, повелъ меня въ ярко освѣщенную госпиную.»

«Графъ встрѣпилъ меня съ распроспертыми объятіями. — Жена мнѣ говорила, что вы будете, сказалъ онъ: я очень радъ, что вы съ нею помирились. —

«Тупъ онъ схватилъ меня за руку и повелъ меня къ обществу.»

«Гости, какъ всегда, заняты были разговоромъ живымъ, оспроумнымъ. *Фенелонъ* говорилъ въ то самое время, когда я вошелъ. Каждый внималъ только ему, опъ чего мнѣ, не смотря на мое душевное разспройство, не прудно было, по крайней мѣрѣ наружно, успокоить бурю моихъ чувствований. Для спаринныхъ знакомцевъ не

здоровье служило извинением в том, что я так долго не показывался. Мое расстройство, казалось, заставило поверить сей лжи даже маркиза и графинина двоюродного брата, коварно на меня скалившего зубы.

« Это были те же самые залы, в которых уже столько раз я беседовал; но как все в них изменилось! Ея не было, и люстры, зеркала и бронза, казалось, утратили блеск свой. Душа моя кипела; я не мог и двух слов произнести связно. Граф вкряписто наблюдал меня, хотя и тщетно уклонялся я от его взоров; он вкряписто даже поверил моей мнимой болельщице, и не ошибся.

« Несколько дней спустя, *Агата* опять явилась в залу. Это было во время карнавала. Она казалась мне ангелом неописанной красавицы; упоенный взор мой с восторгом покоился на каждом ее движении; мимики мои были выше всякаго выражения. *Агата* была теперь ко мне столько же ласкова, сколько прежде казалась причудливою и угрюмою. Невозможно, чтобы граф и оба поклонники ее не замечали сей перемены. Он это одобрял, но я видел, что с тех пор он часто наблюдал нас в тишине. *Агата* была веселее обыкновенного, в обращении своем она не показывала никакой принужденности — она оплечала меня без робости, говорила со мною с тою же искренностью, тем же сладостным голосом, каким говорила с маркизом и двоюродным братом. Это меня привело в отчаяние. Уже я утопал в море блаженства, уже я был в Эдем, — а теперь, казалось, все предано было забвению, я опять был приятный, но обыкновенный домашний друг. Сия мысль угрожала свести меня с ума — я пылал, я жаждал решительного знака ее благосклонности, а она не изменяла своему равнодушию. Я до того простирал свое безумие, что спал ревновать к графу, что не примечал неприязненных взглядов *Агаты* на двоюродного брата и маркиза, меня преследовавших. — Наши взоры часто встречались, или открыто, или понаемно; но глаза *Агатины* по

большей части выражали упрек или увещание.

« Много говорили про маскарады, даваемые во время карнавала. — *Агата* изъявила сильное желание участвовать хотя раз в этом маслинничном увеселении. *Альберт* и маркиз одобрили сие намерение, и граф также охотно согласился; ибо он вообще никогда не отказывал ей в желании, свойственном ей молодости, никогда не мешал невинному удовольствию. Одним словом, решено было ехать в маскарад вновь открытой оперной залы. До такого безумия еще не доходил я как в этот вечер — красота *Агаты*, ее необыкновенная веселость, приводили меня в отчаяние. Я свирепствовал, за то только, что она, приглашая всех присутствующих участвовать в сем увеселении, не удостоивала меня ни одним приглашительным словом. Раздраженный ее равнодушием, я опеклялся обществу; но на крыльце ждал меня *Бернар*. Он сунул мне записку в руку. Я схватил ее, дрожа от радости, и бросился с нею к ближайшему фонарю.

« Записка, написанная ее собственною рукою, была следующего содержания:

— « Хотя мой друг ни сегодня, ни прежде не вел себя, как бы ему следовало, но при всем том *Царица Негров* назначила его на завтрашний вечер своим кавалером. —

Агата.

« Цепная бумажка выпала из развернутой записки. То была банковая ассигнация в 2000 ливров. Я не верил глазам своим, побегал в магазин, где продавались маскарадные наряды, и час спустя — я был счастливый из всех людей, живших в подкровельных комнапах Сен-Жакского квартала.

« В маскарад было несмысленное спечение народа. Старый свет для меня изменил свой вид; я тем же легче переносился в новый, эфирный. Сие новое во время увеселения имело для Парижан такую волшебную силу, которую теперь едва ли можете

себѣ представившъ — всѣ чувства казались раскованными. Я, еще новичекъ въ семь фантасмическомъ мѣрѣ, любимый *Агатою*, совершенно уподоблялся безплодному духу.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВСТРѢЧА СЪ ДОМОВЫМЪ.

Мнѣ сосѣдка говорила,
 Что издавна, въ сихъ мѣстахъ,
 Злая демонская сила
 Ей наводишь смертный страхъ:
 Будто, въ полночи глубокой,
 Кто-то пляшетъ и поѣтъ,
 Иль, споная, вдругъ бредѣтъ
 Вкругъ постели одинокой;
 И порою спрашный вой,
 Какъ волковъ бы спалъ выла —
 И, крестясь, она рѣшила:
 «Вѣрно ходишь домовой!»

Разъ—бѣѣтъ полночь . . . . мухо звуки
 Просмонали спрашный часъ:
 Опѣтъ безсонницы и скуки
 Я побрѣлъ, — не для проказъ
 А разсыпът грусти бремя
 И во мракъ мглы почной
 На враждующее племя
 Сдѣлалъ напискъ роковой.
 Ночь темна. Луна за тучей;
 Всѣ объято тишиной,
 Лишь порою полъ зыбучій
 Рѣзко скрипнѣтъ подъ ногой. . . .
 Вдоль пуспыхъ сѣней я крася. . .
 Чу: шаги! . . . . знашь домовой!
 Я въ углу къ дверямъ прижался. . .
 Тихо всё . . . . вдругъ надо мной,
 Какъ мгновенное жужжанье,
 Шоношъ, споны и порой
 Будто пѣжное призванье,
 Будто горлицъ воркованье. . . .
 И опашъ вдругъ тишина. . . .
 Я махнулъ рукой дрожащей. —

«Ахъ!» — и полная луна
 Въ мигъ открыла ликъ блестящій —
 И въ рукахъ моихъ — она!

Съ той поры, лишь гаснуть свѣтъ,
 Спрашной пѣгою помимъ,
 Я ищю щасливой встрѣчи
 Съ тѣмъ прелеснымъ домовымъ.

В. Канонерскій.

22 Сентября 1831.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

« Что ты рано, правушка,
 Пожелала?
 Что вы рано, цѣпшкки,
 Облещали?
 Что ты шакъ, красавица,
 Похудѣла?
 Впали твои щеченьки,
 Поблѣдѣли;
 Впали твои оченки,
 Попускили.»

— Не успѣли цѣпшкки
 Распусшиться,
 Ужъ засуха злая ихъ
 Поѣдаетъ;
 Не успѣла съ милымъ я
 Подружиться,
 Ужъ опѣтъ меня горькую
 Покидаешъ,
 Безъ поры, безъ времени
 Убиваешъ! —

« Только-ль свѣту бѣлаго,
 Что въ оконцѣ?
 Только-ль добрыхъ молодцовъ,
 Что измѣнщикъ?
 Не слези, голубушка,
 Свѣпльыхъ глазокъ;
 Выбери любовь ты
 Изъ пригожихъ,
 По уму, по разуму,
 Да по сердцу.»

— Погляжу-ль я на небо,
 Звѣздъ шамъ много,

Да одинъ во звѣздочкахъ
 Свѣтѣль-мѣсяцъ.
 Выгляну-ль въ зелѣный садъ,
 Пшашекъ много,
 Да одинъ во пшашечкахъ
 Ясепь-соколъ.
 Взгляну ли на молодцовъ—
 Много хваповъ,
 Да не придумъ дѣвицъ
 По обычью,
 По уму, по разуму,
 Да по сердцу. —

N. N.

О М О Н И М Ъ.

Я съ прескомъ, съ искрами за облака взлетаю—
 И въ праздникъ Публику собой
 Смѣшу, пугаю.
 Наполненъ мѣдомъ я бываю,
 А иногда икрой;
 И дерево подъ часъ просверливающъ мной.

III.

Въ No 30, помѣщенная загадка значить: *Le masque*.

M O D E S.

De jolies robes de soirées sont en mousseline et soie imprimée; corsage décolleté à pointe; manches courtes à deux bouffans: devant, une draperie; derrière, une mantille en tulle illusion. Dans le milieu du corsage est une ligne en nœuds de satin plein; le dernier, au bas très-flottant; un nœud de satin derrière, correspondant; des nœuds courts dans les manches. Cette toilette très-simple permet aussi les manches longues.

Avec une robe décolletée, il est bien pour une jeune personne de mettre un ruban de gaze en collier, tourné deux fois autour du cou et venant attacher, les bouts simplement noués sans rosette, avec une épingle sur le bord du corsage.

Les chaînes de cou que portent les femmes sont grosses et massives, en or brunî ou or émaillé; les petites, délicates, sont adoptées par les hommes, qui les

mettent même le matin. Ces chaînes se portent en sautoir, serrées autour du cou, et tombant droites sur la poitrine; la montre se met dans le gousset du gilet.

Les cannes dont les jeunes gens fashionables se servent le matin sont les gros rotins; ils les conservent même pour monter à cheval.

Les hommes élégants mettent fort souvent les cravates noires sans cols de chemise. Cette mode est tellement reçue qu'on la retrouve au bal, en souliers et en bas de soie. Les cravates de velours sont toujours d'une grande recherche; elles doivent tomber à longs pans, couvrant la poitrine; elles s'attachent avec une épingle. Une grosse perle est simple et de bon goût.

М О Д Ы.

Щегольскія платья для вечера изъ печатной кисеи съ шелкомъ; лифъ опкрытый съ мыскомъ; рукава короткіе съ двойною буфюю: спереди драпери, сзади маншилья изъ шюля illusion. Въ срединѣ лифа рядъ банповъ изъ цѣльнаго атласа; послѣдній внизу съ висящими концами; соотвѣтствующій банпъ сзади; въ рукавахъ короткіе банпы. Эпошь просшой нарядъ позволяеть также длинныя рукава.

Съ опкрытымъ лифомъ весьма прилично для молодой дѣвицы надѣвать ожерельемъ газовую ленту, обертывая въ два раза около шеи, и потомъ завязывая просто безъ розетки и прихватывая булавою къ краю лифа.

Цѣпи, которыя дамы носятъ на шеѣ, весьма толсты, изъ шѣмнаго и эмалированнаго золота; тонкія легкія носятъ мушны, которыя надѣваютъ ихъ даже упрямъ. Цѣпи сн схватываютъ около шеи, и потомъ онѣ упадаютъ прямо на грудь. Часы кладутъ въ жемелный кармашекъ.

Трости, употребляемыя щеголями—дубинки; они не оставляютъ ихъ и при верховой ѣздѣ.

Щеголи носятъ черныя галспухи, не выгуская ворошника отъ рубанки. Это въ такомъ употребленіи, что вы увидите это на балѣ, при башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Бархатныя галспухи все въ большемъ оплнчнн; они должны быть съ длинными висящими концами, закрывающими грудь; они прищипливаются булавою. Одна большая жемчужина просто и въ хорошомъ вкусь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средаль и
Субботамъ.

№ 32.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 22 ДНЯ 1833 ГОДА.

Какъ спрашенъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

Карамзинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ ГОЛОВА.

(Продолженіе.)

« Часа два уже споялъ я у главныхъ дверей залы, въ которыя *Агата* должна была войти въ сопровожденіи одной старой родственницы. Графъ по службѣ собирался ѣхать въ Версаль. Вошло нѣсколько Еёю-внннокъ; я узналъ по первому взгляду, самъ не поспигаю какъ, — что ни одна изъ нихъ не была *Агата*. Наконецъ, она явилась; безчисленные восковыя свѣчи въ залѣ, казалось, загорѣлись только въ ту мину, когда она спустила черезъ порогъ. Волшебный вокругъ меня свѣтъ едва не ослѣпилъ глазъ моихъ. Я вмѣшался въ ея свѣшу; она, обратясь ко мнѣ, тихо пожала мнѣ руку. Сіе прикосновеніе угрожало испишитъ изъ груди мое упоенное сердце. Я чувствовалъ себя безсмертнымъ, упоающимъ въ вѣчныхъ воспогахъ райа. Она, примѣшивъ мое душевное волненіе, посмотрѣла на меня нѣжно, но увѣщавательно.

« *Агата* приспала къ танцующимъ. Я видѣлъ её окруженною многими масками, которыя, казалось, за нею наблюдали. Когда кончился танецъ, я обратилъ на нихъ её вниманіе. — Это *Албертъ*, — сказала она: мой двоюродный брапецъ, и бездушный маркизь. Уйдемъ отъ нихъ. —

« Одна изъ боковыхъ комнатъ насъ приняла. — *Агата*, упомянутая танцемъ, сѣла на диванъ; рука моя, препещая, покоилась въ ея рукѣ. Сладостный шепотъ завязался. Она называла меня своимъ возлюбленнымъ другомъ, говорила о борьбѣ съ собою, о спраданіяхъ, кои я причинялъ ей своимъ долгимъ отсутствіемъ. Она дрожала.

« Тепку ея мы потеряли въ тишинѣ; мы были одни. Я говорилъ о томъ незабвенномъ вечерѣ, — она мнѣ отвѣчала.

« Нѣсколько божественныхъ минутъ пролетѣло. Я держалъ ея дрожащую руку въ моей пылающей рукѣ. Комната опускала: ибо музыка опять позвала къ танцамъ. Она оспалась — я готовъ былъ броситься къ ногамъ ея. Одно и тоже чувство своди-

до насъ все ближе и ближе, и въ одно мгновение, котораго никогда не забуду, успя наши соединились. Небо и земля для меня исчезли,—я, запынаясь, произнесъ слова: любовь—па вѣки!—Въ эпю минушу она вскочила, и указала на маски, опть которыхъ мы ушли. Не было никакого сомнѣнiя, что они насъ подслушали. *Агата*, помимая безпокойствомъ, умоляющимъ голосомъ просила, чтобы я посадилъ её въ каресу, увѣряя, что она уже пресыщена шумнымъ удовольствiемъ, въ которомъ душа чужая гостя. Внѣ себя опть восхищенiя, я повелъ её съ лѣспницы.

«Вошедъ въ опкрытую галерею, мы вдругъ увидѣли себя посреди огромной толпы народа. Насъ разлучили. Два челоѣка схватили меня за руки; я щетно силился вырваться. Воспымавъ гнѣвомъ, я наконецъ удвоенною силою опразилъ моихъ прошивниковъ, но въ эпю минушу увидѣлъ, что съ *Агаты* нагло сорвали маску, и что она безъ чувствъ лежала въ объятiяхъ ея преслѣдователя. Раздался всеобщiй хохотъ.—«Прелестная графиня *Фосини!*» вскричалъ знакомый голосъ, и вся несповая толпа повторила сiе восклицанiе.—«Щаспливаго пупп, господишъ *Лѣсажъ!*»—вскричалъ другой замаскированный, по опвратительному голосу коего я съ ужасомъ узналъ ненавистнаго маркиза.—Ярость меня обуяла; я драгся кулаками, какъ бѣснующiйся; слуга посадилъ полумершвую графиню въ каресу; я еще слышалъ громогласный хохотъ толпы, сопровождавшiй опгѣзжающую каресу, и кинулся вслѣдъ за нею. Но мои ноги, казалось, были пригвождены къ землѣ, я не могъ настичъ экипажа, хопя по моему мнѣнiю я бѣжалъ за нею, какъ полу-умный.

«Въ какомъ душевномъ сосполнiи пришелъ я домой, вы можете себя предспавить. Но сiя сцена, не смопря на то, что двадцать лѣтъ должны бы были, кажется, оптѣснить её въ глубину памяти, опть времени до времени оживаетъ во мнѣ такъ превожно, такъ мучительно, какъ будто она теперь со мною происходитъ—что случилось именно теперь, любезный *Францискъ*, при швомъ разсказѣ о черной головѣ.»

—Вопть и все?—спросилъ сей послѣднiй, захохотавъ.—Я ожидалъ прагического конца, а ты разсказываешь намъ самую обыкновенную исторiю.—

«Погоди!» возразилъ *Лѣсажъ*: «я еще не кончилъ. Все досель мною разсказанное кажется тебѣ обыкновеннымъ, но темъ болѣе поразитъ тебя конецъ моей повѣсти.

«Публичная обида, нанесенная предмету нашей спраси, есть неоспоримо величайшее оскорбленiе для муцины и любовника. Я свирѣсповалъ; всю ночь писалъ къ нашимъ гонителямъ письма, въ которыхъ вызывалъ ихъ на дуэль, не помышляя о томъ, что я къ нещасiю не дворянинъ, и что ярость моя еще увеличитъ зло, послитшее *Агату*. На другое утро яростi сiя почти обратилась въ горячку. Самъ не зная, что дѣлаю, не имѣя въ головѣ ни одной порядочной мысли, поспѣшилъ я въ юмъ графа *Фосини*. *Бернаръ* принялъ меня молчаливо и угрюмо.—«Гдѣ графиня? Здоровы ли она?» спросилъ я неперпѣливо.—Она еще не ложилась почивать, она у графа, — опвѣчалъ онъ сухо.

«Я хотѣлъ броситься въ ея комнату, но *Бернаръ* почти насильно повелъ меня къ графу, который, какъ онъ говорилъ, ожидалъ меня всю ночь. Распворилась дверь; вошелъ графъ.

«Какъ шрепещущiй преступникъ, дрожа всѣми членами, споялъ я предъ почтеннымъ спарцемъ.»

—«Юный другъ мой!—сказалъ онъ важнымъ и вмѣсптв кропкимъ голосомъ: успокойтесь, я знаю все. *Агата* мнѣ ничего не ушла. Моя рѣчь васъ изумитъ; но вы видите—я челоѣкъ не нынѣшняго времени. Я знаю напередъ, что эпюму должно было случиться; я угадывалъ заблужденiе моей жены. Сiя буря казалась мнѣ неизбежною. Теперь, выслушайте меня.—

«Я принужденъ былъ молчать, ибо не могъ произнессти ни одного слова.»

—«Я писалъ къ вамъ,—продолжалъ графъ: вы найдете мое письмо у себя дома. ~~Самъ~~ вамъ только, что я васъ прощаю. Будь-

ше увѣрены въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи. Спросилъ соврашила васъ со спези добродѣтели. Я предлагалъ *Агату* разводную; она отвѣчала мнѣ рѣшительнымъ: нѣтъ! И эшаго я ожидалъ. Послѣ сего объясненія вы съ нею болѣе не увидитесь;—припомъ же мы завпра опсправимся въ Брепанъ, и никогда не возвращимся въ Парижъ. Эшо для меня весьма непріятно; непріятно, именно опносительно къ вамъ;—я надѣялся бытъ вамъ полезнымъ, проложитъ дорогу вашему паланпу. Но какъ мы рѣшились непременно ѣхать, то я поручилъ исполненіе своихъ намѣреній моему другу, аббату *Лионну*. Онъ будетъ вашимъ пупеводителемъ, вашимъ наспавникомъ, вашимъ опцемъ, вашимъ казначеемъ. Вы будете получать опъ него ежегодно 600 ливровъ на содержаніе.—

«Тронушый до слезъ, я упалъ къ ногамъ великодушнаго спарца.—Графъ! благородный человекъ! Вотъ все, что я могъ произнести.»

— «Другъ мой!—сказалъ онъ, заключивъ меня въ свои объятія: не принимайте эшаго за сцену великодушія. Мой поступокъ мнѣ кажется весьма натуральнымъ. Прошу васъ полковать его иначе. Я обязанъ заботиться о щастіи и спокойствіи *Агаты*, сколько въ моихъ силахъ. Но я люблю васъ по собственному побужденію, и попому пекусь о вашей будущности, какъ о будущей роднаго сына.—

«Возможно ли, благородный человекъ!» воскликнулъ я: «возможно ли, вы меня прощаете?»

— «Другъ мой!—подхватилъ графъ: я вижу, вы уподобляете меня нашему времени, нынѣшнему образу мыслей. У васъ въ виду только то, что наши обычаи позволяютъ, пзвиняютъ, оправдываютъ. Ни слова болѣе объ эпомъ, прошу васъ;—я ничѣмъ не горжусь, но знаю только то, что я не пзъ нашего времени.—

«Но *Агата*?» спросилъ я.

— «Васъ уважаетъ,—возразилъ графъ: если хотите писать къ ней, то адресуйте ваши письма на мое имя. Если будете въ чемъ нуждаться, то немедленно дайте знать.

Ваши письма намъ обоимъ будутъ прилпны. Освобождаю васъ опъ всякаго условія, кромъ одного: не домогайтесь свиданія съ *Агатою*.—

«Я кинулся рѣдкому сему человеку въ объятія; я плакалъ, какъ дитя въ объятіяхъ родителю. Слезы запечатали мое пвердое намѣреніе. Преклонивъ предъ спарцемъ колѣно, я просилъ его благословенія. Онъ благословилъ, облобызалъ меня—и такимъ образомъ мы распались.»

Друзья были живѣйше пронупы сею повѣстью; даже болпвливый *Францискъ* безмолвспвовалъ. *Лёсажъ* пожалъ имъ обоимъ руки.

«Клянусь честью, рѣдкій человекъ!» замѣнилъ съ важностью *Доминикъ*.

— Чудо!—воскликнулъ *Францискъ*: образъ, который подобно уединенному унису возвышается пзъ чернаго океана грѣховъ, насъ запопившаго. Расскажи намъ поскорѣе, что спало съ нимъ? Что еще знаешь про сего героя осьмнадцатаго столѣтія?—

«Очень мало, или почти ничего,» возразилъ *Лёсажъ* съ умиленіемъ. «Ни его, ни еѣ я не видалъ болѣе. Почтенный *Лионнъ* сдѣлался моимъ другомъ, моимъ опцемъ, моимъ покровителемъ. Ему я всѣмъ обязанъ. Онъ опверзъ мнѣ сокровища Испанскаго богапства—ему принадлежатъ большая половина *Хромоногаго Вльса* и *Жилблаза*. Десять лѣтъ пользовался я великодушнымъ пособіемъ графа; вскорѣ послѣ того узналъ я, что онъ и она скончались почти въ одинъ день, почти другъ у друга въ объятіяхъ. Одна только прелестная дочь цвѣла надъ пихою могилою сей рѣдкой четы. Болѣе ничего не знаю: ибо, по смерти добраго *Лионна*, прервалась у меня всякая связь съ симъ драгоценнымъ для меня семействомъ.»

— А *Люсонъ*?—спросилъ *Доминикъ*.

«Да, да» продолжалъ повѣствователь — «о ней сей часъ расскажу вамъ.»

«Когда я возвратился домой пзъ объятій незабвеннаго, сердце мое уподобилось волкану, попухшему послѣ жеспочайшихъ изверженій. Первое лицо, меня вспрѣпившее,

была миловидная, кропико-улыбающаяся *Люсонъ*. Эта минуша рѣшила мою участь. И неудивительно! Она, озабоченная моимъ раннимъ уходомъ, поспѣхъ принесла мнѣ мой зашпакъ. Ея кропкіе глаза, преисполненные любви и живѣйшаго участія, успокоили мою встревоженную душу. Послѣ перваго робкаго вопроса: не болѣнъ ли я? мы другъ друга поняли. Я чувствовалъ, что она только предназначена мнѣ судьбою.— Она сама мнѣ подала письмо графа. Распечатавъ, я нашелъ въ немъ бумаги: разорванное приказаніе меня арестовать, и актъ о великодушномъ пособіи графа. Вѣроятно полагал, что меня уже болѣе не увидитъ, онъ писалъ мнѣ почти по же самое, что я лично отъ него слышалъ. «Во всякомъ случаѣ,» такъ заключалось письмо: «я рѣшился васъ спасти, и поному выхлопоталъ вложенное у сего повелѣніе Коменданту *Басниліи*, дабы въ крайности воспользоуаться симъ средствомъ для вашего спасенія. Но какъ я рѣшился ѣхать: по оно мнѣ не нужно.»— *Агата* приписала: мужъ мой позволилъ мнѣ въ послѣдній разъ называть васъ *моимъ другомъ*; не забывайте меня!— Я свято исполнилъ ея просьбу.— Три мѣсяца спустя я женился на *Люсонъ*— и вотъ уже двадцать два года, какъ она составляетъ мое земное благополучіе. Мы часто вспоминаемъ *Агату*, но еще чаще милый образъ ея живо носится предъ моею душою, такъ, что я поспѣхъ узналъ бы ея изъ тысячи женщинъ.— И теперь, друзья мои, моя исповѣдь кончилась.»

— *Absolve te!*— воскликнулъ *Францискъ*, который опять развеселился: выпьемъ за здоровье прекрасной графини!—

Лёсажъ не принялъ предлагаемаго поспана. «Её уже нѣтъ въ живыхъ,» сказалъ онъ важно и торжественно.

— Ахъ, я и забылъ!— подхватилъ *Францискъ*: ну, такъ да здравствуетъ ея дочь!—

«Согласенъ!» отвѣчалъ *Лёсажъ*. «Да жива ли она? продолжалъ онъ: непростиительно, что я совершенно её забылъ. Жизнь есть бурное, непрерывно измѣняющееся море. Легко можетъ случиться, что я

буду въ состояніи оплестишь ей за благодѣянія родителю.»

— Дай Богъ!— сказалъ *Доминикъ*, и съ чувствомъ пожалъ ему руку.

«Жаль, очень жаль, что нѣтъ на свѣтъ божественной *Скюдери*,—замѣнилъ проказникъ *Францискъ*: вотъ бы для неё испорія! Клянусь честью, для этой *Агаты* она бы бросила въ каминъ всѣхъ своихъ *Клелій* и *Сидоній!*»

— Конечно!— воскликнулъ *Доминикъ*, который не могъ скрыть своего умиленія.— Для себя она не годилась; пвой парперъ расперзалъ бы себя въ куски, еслибъ ты издумалъ представить ему такія карпины.—

Друзья распались въ самомъ веселомъ расположеніи. Пріязнь ихъ въ этотъ день еще болѣе укрѣпилась; они чувствовали, что нѣтъ ничего благодѣльнѣе для нѣжнаго, прелестнаго цвѣтка дружбы, какъ изліяніе пайны въ грудь человѣка, принимающаго въ насъ искреннее участіе.

Вечеръ слѣдующаго дня опять собралъ нашихъ друзей въ кофейный домъ. Опять зашла рѣчь о вчерашнемъ спеченіи народа и о панишвенномъ все еще появленіи черной красавицы, о которой носились самые удивительные слухи; какъ вдругъ вошелъ *Фюзилье*, самый старый и короткій пріятель *Лёсажа*; ибо одинъ онъ только прежде зналъ пайну его первой любви, раздѣлялъ его горести и радости, и наконецъ открылъ ему путь на поприщѣ драматургіи, обезпечившей его будущность и доставившей ему независимость, необходимую для созиданія классическихъ твореній.

«Такъ поздно!»—вскричалъ веселый всегда *Францискъ*, который тогда только спанился угрюмъ, когда *Лёсажъ* оправдывалъ свое опспунничество отъ сцены, или свое презрѣніе ко всему театральному міру, такими доводами, кои трудно было опровергнуть.— Я изъ Версаля и изъ Капштолін Римлянъ,—отвѣчалъ *Фюзилье*.— Но клянусь Зевсомъ, друзья мои, мнѣ тамъ спрашно спало. Повѣрьте мнѣ: намъ вошло свѣпидло, предвѣщающее намъ невзгоду.—

« Кто это, что такое? » воскликнули *Францискъ* и *Доминикъ* въ одинъ голосъ.

— Повѣрьте мнѣ, чудо! — продолжалъ *Фюзилье*: яркая звѣзда, *Криспинъ* удивительный, несравненный! —

« *Криспинъ?* » спросилъ *Лёсажъ*.

— Да, да, твой *Криспинъ*, опсспутникъ! — возразилъ *Фюзилье*: клянусь всеми Музами! еслибъ ты видѣлъ его, ты бы бросилъ въ огонь пвоего *Хромоногаго Дьявола* вмѣстѣ съ дупомъ *Жилблазомъ*; одинъ только *Криспинъ* показался бы тебѣ достойнымъ жизни. —

« Такъ рассказывай же! » подхватили неперѣливые друзья: « о чемъ ты полкуешь? »

— Повѣрьте мнѣ — снова началъ *Фюзилье*.

« Да брось, ради Бога, эту несносную поговорку, » сказалъ *Францискъ*: « рассказывай безъ околичностей, что привело тебя въ такую воспоргъ? »

— Слушайте же — продолжалъ *Фюзилье*: я видѣлъ *Прадонова Регула*; славная на него пародія у меня была совсѣмъ гошова. Тупъ впорично поднимается занавѣсъ. Объявляютъ пвоего *Криспина*. Вновь призжій, молоденькій актёръ *Моншениль*, изъ *Рейна*, какъ мнѣ сказывали, дебютируетъ въ роль *Криспина*. Я гошовъ былъ побипсья объ закладъ, что видѣлъ тысячу разъ прежде эшаго проказника: такъ онъ мнѣ показался знакомъ, а въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ его въ первый разъ. Пьеса пвоей я не узналъ, такъ она оживопворилась его пламенною игрою. Эшопъ смѣлый чародѣй, совершенно незнакомый для меня человекъ, а при всемъ томъ онъ походилъ на тебя, любезный *Рене*, какъ двѣ капли воды, или лучше сказанъ, ты удивительно похожъ былъ на него въ то время, какъ я, помнишь, познакомился съ побою въ *Café de la vierge*. Твой спанъ, пвоя поснушь, пвой голосъ. Игра его была обворожительна; партеръ несповсповалъ опъ удовольствія. Цѣпы, вѣнки полешѣли на сцену; съ шумомъ оглушительнымъ его вызвали, и непремѣнно хотѣли неспи домой въ пріумфѣ. Повѣрьте мнѣ — мы всѣ пропали, если не найдемъ средспва опбипъ у Римлянъ эшаго рекрута.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗОБЛАЧЕНІЕ.

Толпа презрѣнная, глди!
Я не смущаюсь, не блѣднѣю:
Всю бурю чувствъ моихъ въ груди
Опъ жадныхъ взоровъ скрпшь умѣю!
Нахлебники однихъ упѣхъ,
Для нихъ, что чуждое нещасье?
У нихъ опвѣтъ на слѣзы — смѣхъ!
Они такъ скупы на участие! . . .

Но есть Одинъ! Ему ввѣрялся
Такъ сладко для моей души!
Предъ Нимъ люблю разоблачаться
Въ молебный часъ, въ ночной пиши! . . .
О. Глипка.

М Е Л О Д І Я.

Солнце по упру ярко зашпылось,
Рѣзвля волны лелѣди чѣльи;
Нó ввечеру, когда солнце ложилось,
Чѣльи еще видѣлся памъ же, но не было волнъ.
Такъ вопъ и радости волны мелькаютъ!
Упру лѣтъ нашихъ лелѣютъ онъ;
Но ввечеру насъ однихъ оставляютъ,
Съ воспоминашемъ о прошломъ въ пѣмой пиши!
Не говорите про блескъ пшо-лсной,
Красящій мирный дней нашихъ закапъ;
Лучше опдайте мнѣ утро нещасно:
Тучи и слѣзы его мнѣ дороже спокрапъ!
Ктобъ не желалъ, чтобы мигъ благодатный
Первой любви насъ опять посѣпилъ?
Сердце тогда, какъ Санпаль ароматный,
Благоухаетъ пріапше тонкихъ кадиль! —
В. Р—ъ.

1852.

LOGOGRIPHE.

D'un sexe qui toujours a droit à notre hommage,
Je suis, sans contredit, le plus bel apanage;
Grâce à mon influence, il range sous ses lois
Les faibles et les forts, les bergers et les Rois.

Si vous m'analysez, aussitôt je présente
 D'un valeureux guerrier la parure brillante;
 Certain religieux, habitant le couvent;
 Je peux t'offrir encor cet utile instrument,
 Qui dirige un bateau sur la plaine liquide;
 Ce qui souvent, dans sa course rapide,
 Renverse un pauvre piéton;
 Un pronom, une note, une conjonction.
 Enfin, très-cher lecteur, la substance immortelle,
 Qui garantit à l'homme, une vie éternelle.

Въ № 31, помѣщенный омонимъ значить: *Буракъ*.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА ЗА 1853 ГОДЪ.

(*Омониміе.*)

36) Водевиль: *Каламбуристъ и Журналистъ*—заимствованъ (такъ гласить авторъ его) изъ *Французской книги Найденный чело-данъ*. Какой-то каламбуристъ говоритъ какому-то журналисту плоскіе каламбуры. Въ основа водевиля.

37) *Первая любовь*, забавный водевиль, удачно переведенный съ Французскаго и украшенный игрою г-жи *Шелеховой* сп. и г. *Дюра*, доставлялъ удовольствіе Публикѣ просвѣщенной.

38) *Станиславъ*, эпипъ *Наполеоновъ* воинъ, который пѣжнѣйшимъ чувствомъ своего благороднаго, закаленаго въ болахъ сердца, жертвуетъ щасію дѣвушки, представляемъ былъ на Петербургской Французской сценѣ г. *Дюборомъ* превосходно, а на Русскомъ театрѣ сыгранъ былъ г. *Дюромъ* дурно.

39) Молодой Швейцарецъ въ тоскѣ по родинѣ оставилъ Французскія знамена, бѣжалъ въ опчизну. Одинъ Французъ-выпренникъ, проживающій въ Бернскомъ кантонѣ, идетъ въ армию дослуживать за Швейцарца, который оспается въ своей родинѣ. Въ основа водевиля: *Дезертёръ*, извѣснаго на Французскомъ подѣ названіемъ: *Mal du pays ou la Bateière de Brieuitz*, играннаго съ непо-вѣрнымъ успѣхомъ въ Парижѣ въ 1828 и 1829 годахъ.

40) *Кетли*—милая Швейцарочка—обворо-жаетъ собою всѣхъ. Опъ неѣ безъ ума и глупый сынъ какой-то богатой пракпир-щицы. Одна минута—и *Кетли* могла бы сдѣ-латься женою дурака. Къ щасію ея, воз-вращается въ Швейцарію со службы одинъ молодой образованный Французскій офицеръ. Опъ женился на *Кетли*. Въ эпипъ водеви-ль милая *Кетли*—*Шелехова* сп.

41) Водевиль: *Дѣвъ Маргариты* (*Le Che-veuil*) шушливъ и веселъ; опъ заключается въ томъ, что одинъ проспакъ принимаетъ женщину за переодѣлаго мужчину. Водевиль эпипъ является весьма часто на Петер-бургскомъ театрѣ. Причиною эпипу соб-спвенный интересъ пьесы, хороший ея пере-водъ и удачная игра г-на *Шелева* мл. (про-спакъ *Джонъ*).

42) Стародавній Французскій фарсъ: *La Carte à payer*, явился здѣсь въ концѣ прошла-го года, подѣ названіемъ: *Трактирщикъ-судья* и *Цирюльникъ-стрелкій*. Какой-то пракпир-щикъ обираетъ, безъ пощады, своихъ пось-пителей. Одинъ изъ нихъ идетъ въ Маги-спратъ жаловаться на безсовѣснаго прак-пирщика и встрѣчаетъ въ судѣ своемъ по-го, на кого опъ пришелъ съ жалобою. Фарсъ эпипъ не имѣлъ здѣсь никакого успѣха.

43) Случай поссорилъ мужа съ женою и случай помирилъ ихъ. На эпипхъ-то случаяхъ основанъ водевиль: *Мужъ и жена*. Таланпы г. *Дюра* и г-жи *Шелеховой* сп. заслужи-ваютъ въ сей пьесѣ общее одобреніе Пуб-лики.

44) Недостатокъ водёвильной жизни, п. е. недостатокъ остропъ, безынтересность сценъ и незнаніе Гг. арписпамп своихъ ро-лей, сшибли съ ногъ *Двуногую лисицу*. Пьеса эпипа едва, едва выдержала два представленія.

45) Не дай Богъ съ дуракомъ связаться;
 Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Сказалъ *Крыловъ*. И такой-то дуракъ выве-денъ въ водевилѣ: *Услужливый состьдѣ*. Под-

держанный игрою г. *Дюра*. Эпопъ водевилъ снискалъ благоволеніе Публики.

46) Много перебивало на Русской сценѣ переводныхъ и оригинальныхъ плохихъ водевилей, но всѣ ихъ превзошелъ водевилъ: *Святская невеста*, соч. актера *Григорьева* сп. Въ эпоху пьесъ не откроешь ни одной новой мысли, не встрѣишь ни одной занимательной, или по крайней мѣрѣ, чисто-забавной сцены. За то, услышите оспропы

Время Очаковскихъ и покореніе Крыма, оспропы, копорыя въ наше время называютъ плоскостями.

47) Забавная, хопя и слишкомъ распянутая бездѣлка-водевилъ: *Актриса, пѣвица и танцовщица*, принимается Публикою съ удовольствіемъ. Главною причиною эпога удовольствія естъ прекрасная драматическая игра танцовщицы г-жи *Зубовой*.

48) Извѣстный въ Пито-лѣ-Брѣневомъ романъ: *Баронъ Фельзгейль* гусарь *Брантъ*, выведенъ, и не въ первый разъ, на сцену въ водевилъ *Старый гусарь*. Эпопъ веперанъ боя и ппрушекъ занимателенъ и въ романъ, занимателенъ и на театрѣ. Его безпредѣльная привязанность къ своему питомцу, его боевая опкровенность предъ *Фридрихомъ* великимъ, составляютъ единственныи инпересъ помянутой пьесы. Ролю *Бранта* играетъ г. *Петровъ*, и играетъ её, для молодого актѣра, опчеписто.

49) *Праздникъ на острову.*

50) *Праздникъ въ графскоиъ сель.*

51) *Ивановица*, Кн. Шаховскаго.

52) *Русской ялицки.*

53) *Именины благодѣтельнаго помѣщика.*

Вотъ пяль инпермедій-диверписеменовъ. Всѣ они даны были, какъ водипся, въ бенефисы, и названы въ афишахъ, какъ водипся, *новыли*. Новаго же въ нихъ: въ первомъ, Немецъ, копорый рассказываетъ, какъ обливъ его пуншемъ какой-то *Matrossen officier*; въ прешьемъ, лысые, полстыые, сухіе, кривые и проч. и проч. *Иваны*, и въ послѣднемъ прекрасная музыка г. *Рупини*. А въ оспаль-

ныхъ двухъ диверписеменахъ новаго пѣтъ ничего, кромѣ . . . развѣ ихъ названія.

Кто изъ просвѣщенныхъ посѣпителей Пепербургскаго театра не восхищался истинно поэтическими произведеніями хореграфа *Дидло*? Кто и теперь смотритъ хладнокровно на творенія Европейскаго гениа, на балепы: *Зефиръ и Флора*, *Венгерская жилица*, (сей послѣдній балепъ созданъ г. *Дидло* для Лондонскаго театра) *Рауль де Креки*, и пр.

Потеря, понесенная нашимъ балепомъ въ г. *Дидло*, едва ли замѣнима!

Въ прошломъ году видѣли мы въ короткое время произведенія двухъ завѣжихъ сюда балепмейстеровъ: Берлинскаго г. *Титуса* и Бордосскаго г. *Блаша*—и сии произведенія усугубили сожалѣніе наше о потерѣ несравненнаго *Дидло*.

Произведенія г. *Титуса* сунъ:

54) *Швейцарская молошница* и

55) *Киа-Кингъ*.

Балепъ *Швейцарская молошница* совѣстно названъ и *полухарактернымъ*. Въ немъ одинъ вельможа похищаетъ *молошницу* и женится на ней. Г-жа *Пейсаръ*—молошница, была прелестна. Но не смотря на эпо, помянутый балепъ, благодаря таланту своего автора, не имѣлъ никакого успѣха.

Что Дирекція Императорскихъ С. П. бургскихъ театровъ не щадитъ ничего для удовольствія Публики, тому доказательствомъ служатъ *Киа-Кингъ*. Въ эпохъ балепъ: декорации—обворожительны, костюмы—великолѣпны до царской пышности. *Киа-Кинга* даютъ почти еженедѣльно, и театръ нашъ, каждый разъ, едва можетъ вмѣщать любопытствующихъ видѣть эпохъ балепъ.

Г. *Блашъ* поставилъ на Пепербургскую сцену, конечно въ короткое время (въ чешыре мѣсяца) чешыре балета:

56) *Донъ-Жуанъ*.

57) *Телемакъ на островъ Кампсы*.

58) *Игра Париса*, и

59) *Сулбека*.

Но за то сюжеты первыхъ двухъ постановокъ пзвѣстны всѣмъ посѣщавшимъ театръ нашъ за 15—20 лѣтъ предъ спмъ. Новаго

въ нихъ весьма немного, и это *новое* ничѣмъ не лучше *старого*.

Созданія же балетовъ: *Игры Париса* и *Сулбеки* принадлежатъ: первое *Гарделю*, а послѣднее *Хераскову*. Сюжетъ *Сулбеки* заимствованъ изъ *Росгилды* (Пѣс. III, IV и XII). Въ семъ прекрасномъ балетѣ *танецъ съ покрывалами*, занимающій почти цѣлое 2-е дѣйствіе, обращаетъ на себя особенное вниманіе образованныхъ зрительей. Но сей танецъ, если вѣрится слухамъ, принадлежитъ не г. *Блашу*, а одной извѣстной оперѣ, даваемой въ *Парижѣ*, *Вѣнѣ* и *Берлинѣ*. Балетъ *Сулбека* оканчивается *крикомъ*: ура! ура! ура!

Аристархъ Правдухинъ.

MODES.

Quelques femmes portent la poudre au bal; les cheveux de devant, s'écartant beaucoup sur les tempes, et retombant en longs tire-bouchons, comme un entonnoir. La coiffure de derrière doit être peu élevée, retombant, fort élargie, en espèce de Ninon.

Avec la poudre, il faut observer le caractère de coiffures. Rien n'est plus ridicule, et moins gracieux que nos coiffures modernes ou les grecques, toujours lourdes et massives, couvertes de poudre, qui leur enlève le seul mérite, celui des coques lisses et luisantes, d'un soin exact dans l'apprêt des détails. — M. Jouenne a saisi parfaitement cette nuance, et il a surmonté cette difficulté, de manière à être cité parmi les jeunes femmes qui ont voulu que ce caprice de la mode fût consacré par quelques jours de faveur. Mais voici le dernier soupir des grandes toilettes, et par conséquent l'abandon complet de cette *invention* renouvelée d'un siècle où le goût était si faux, la mode si bizarre, la grâce naturelle si oubliée et négligée.

Avec la poudre, et pour ses derniers jours, nous donnerons idée d'une des plus jolies toilettes que nous avons vues. La coiffure exécutée par M. Jouenne, rappelait beaucoup *les crépés*; dans une des touffes, au-dessus de l'oreille, était piquée une branche de rose mousseuse, une petite gerbe d'épis en diamans se voyait de l'autre côté; avec cela une robe de velours épinglé violet, à corsage décolleté, séparé par un *corsage* de diamans des magasins de M. Ouizille, dont

nous avons parlé; les épaulettes étaient fermées par une agrafe de diamans; les manches courtes, à sabots.

Pl. No 12. Les costumes vû à Longchamps.

МОДЫ.

Нѣкоторыя дамы на балы употребляютъ пудру; передніе волосы совсѣмъ опспраняютъ къ вискамъ, откуда они висятъ длинными локонами въ видѣ воронки. Сзади прическа должна быть не высока, опадающая назадъ, весьма разширена, въ родѣ *Ниноны*.

Съ пудрою надо примѣчать образъ прически. Ничего нѣтъ смѣшнѣе и неловчѣе нашихъ повѣйшихъ причесокъ или *Греческихъ*, всегда пыльных и плотныхъ, покрытыхъ пудрою, копорая опнимаешь у нихъ единственное ихъ достоинство, гладкость и блескъ пестель, и всю тщательность и чистоту отдѣлки.—Г. *Jouenne* превзошелъ сію трудность и приспособился совершенно къ этой прическѣ, такъ, что сдѣлался извѣстенъ между молодыми дамами, которыя хощели, чпобъ этою капризъ моды продолжился на нѣсколько времени. Но вопъ послѣднее время большихъ нарядовъ, и слѣдственно совершенное оспавленіе сего возобновленія сполнтія, въ копоромъ вкусъ былъ фальшивѣй, мода такъ страшна, и природная ловкость забыта и въ пренебреженіи.

Мы спспараемъ дать понятіе объ одномъ изъ красивѣйшихъ нарядовъ, какой мы видѣли, съ пудрою, для сихъ послѣднихъ дней.—Прическа, сдѣланная Г. *Jouenne*, весьма напоминала о *crépés*; въ одномъ кусникѣ надъ ухомъ пришилена была вѣпка мохъ-розы; небольшая вѣпка бриллантовыхъ колосьевъ видна была съ другой спороны; платье изъ булавчатого бархама фиолетоваго цвѣта, съ опкрытымъ лицомъ, раздѣленнымъ бриллантовымъ *лифомъ*, изъ магазина Г-на *Ouizille*, о копоромъ мы говорили; эпюлеты были схвачены бриллантовыми застежками; рукава корюпкіе à *sabots*.

Карп. No 12. Дамскіе наряды на гулянь въ *Лоншанъ*.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе девятой части, или первой 1833 года Литер. Прибавленій къ Русскому Ивалиду*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 33.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Апрѣля 26 дня, 1833 года.

Ну такъ! мнѣ за усердье брань!
Да я не вѣрю: все проказы!
Ужь только дѣвушкамъ повѣрь:
Имъ любо, что людей морочить.
Если послушать ихъ теперь,
То за мужъ ни одна не захочетъ.
А отвори-ка въ церковь дверь!...

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАУ-ШУКОВЫЯ ШЛЯПЫ.

(Въ журнальныхъ объявленіяхъ о какой нибудь новости, въ липературѣ, художе-спвахъ, или промышленности, есть особенная манера, которая очень вѣрно опредѣляетъ истинное достоинство предмета, и показываетъ, когда объявленіе сдѣлано по совѣсти, или изъ угожденія. Чишапельамъ предоставляется судить, въ какомъ смыслѣ сдѣлано объявленіе о вновь изобрѣденныхъ шляпахъ, называемыхъ *кау-шукали* (*les caoutchouc*) въ весьма остроумномъ Французскомъ журналѣ: *Entr'acte*).

Я согласенъ съ мнѣніемъ Турокъ, которыхъ, впрочемъ, душная и тяжелая чалма мнѣ также не нравится, но которые не знаютъ лучшаго ругательства при встрѣчѣ съ врагомъ своимъ, какъ желаніе видѣть его въ такихъ же мученіяхъ подлѣ острою аркою моста въ аду *Магометовль*, какимъ подвержена шляпа невѣрнаго Европейца въ нашемъ свѣтѣ.

И въ самомъ дѣлѣ не придумаешь, что дѣлать съ шляпою въ пеапрѣ, на вечеринкѣ, на балѣ. Въ респораціяхъ, кофейныхъ домахъ и п. п., я всегда желалъ, чтобы у меня унесли шляпу, если она была порядочно испаскана; когда же мнѣ случилось имѣть шляпу новую, съ иголочки, то я чрезвычайно боялся, чтобы у меня её не спянули.

Солнце и дождь щипаются въ числѣ смертельныхъ враговъ шляпы. — Если идетъ дождь: то бобровая шляпа терлетъ свою форму; если же вслѣдъ за тѣмъ наспукаетъ вѣдро, то она съживается.

Надобно замѣтить, что не у всякой шляпы имѣется въ распоряженіи зонтикъ, или кабриолетъ.

Кромѣ того, шляпа, сжимая голову, какъ обручъ бочку, причиняетъ ей несносную мигрень. Если голова распухла, то шляпа не держится на ней, качается и спадаетъ; если у кого угри на лбу, она ихъ жметъ и раздавливаетъ.

Вліяніе шляпы на расположеніе духа въ императорѣ, дипломатѣ или влюбленномъ, будучи хорошо изслѣдовано, составило бы превосходную главу въ сочиненіи велемудраго *Джелса Бересфорда*: *О напастяхъ и бѣдствіяхъ человеческого рода*.

Но мусье *Же (Jay)*, преемникъ *Куане*, въ улицѣ Фоссе-Монмарטרъ, въ Парижѣ, нашель, наконецъ, средство поправить всѣ неудобства нынѣшнихъ шляпъ.

Онъ выдумалъ шляпу эластическую, шляпу *Кау-шукъ*. Спѣшите купить себѣ *Кау-шукъ*: чадолюбивые родители для сыновей своихъ, нѣжные супруги для прикрытія лба дражайшихъ своихъ супруговъ, спрашивши любовницы для подарка на память въ случаѣ разлуки, своимъ обожателямъ.

Можете согнуть сію модную вещицу: она выпрямится; сжаль еѣ: эпо ни сколько не повредитъ ей; измятъ: она, какъ ни въ чемъ не бывала. Теперь, вы конечно спросите меня, что такое *Кау-шукъ*?

На эпо получите отвѣтъ: были ли вы въ Америкѣ? Не были?

Садитесь же на пароходъ — и маршъ въ Лиму, городъ, который въ 1682 году былъ вымощенъ золотомъ для приѣма вице-короля своего; Лиму, караванъ-сарай и пристань Индіи, гдѣ до того много золотыхъ, серебряныхъ и ртутныхъ рудниковъ, что не знаютъ, что съ ними дѣлать; гдѣ никогда не бываетъ дождя, но часто случаются землетрясенія; гдѣ опъ вечерней росы дѣлается насморкъ, гдѣ величайшее наслажденіе Креольскаго племени, племени грубаго и лѣниваго, состоить въ томъ, чтобы спрдасть лихорадкою и приниматъ хинный порошокъ.

Когда вы туда прибудете, снимите шляпу и попросите, чтобы вамъ указали дорогу въ Андскій хребетъ. Эпо горы, въ которыхъ живутъ Индѣйскіе невольники. Беритесь, однакоже, чтобы не упастъ; памъ неисправны пупи сообщеній. Въ сихъ-помѣстахъ, къ юго-западу опъ Квишо, или въ долинахъ, изъ которыхъ спремятся потоки, образующіе Амазонскую рѣку, вамъ покажутъ *Кау-шукъ*.

Эпо, проспо—резина, какою спирается написанное чѣрнымъ, свинцовымъ карандашемъ.

Кау-шукъ есть млековидный сокъ, выпекающій изъ надрѣзовъ, какіе нарочно для сего дѣлаются на корѣ дерева особаго рода; онъ твердѣетъ въ формахъ, въ которыхъ направляютъ его печеніе.

Изъ него выдѣлываютъ разныя вещи; пакъ на примѣръ; мусье *Же* создаетъ изъ него шляпы, а Индѣйцы творятъ сапоги.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ ГОЛОВА.

(Продолженіе.)

—Надобно его видѣть! воскликнули друзья, кромѣ *Лёсажа*, который сдѣлался примѣрно важнымъ и задумчивымъ.

«Дѣлайте, что хотите! сказалъ сей послѣдній; я не пойду.»

—Вопъ еще! Почему же не хочешь?—спросилъ *Фюзилье*: повѣрь мнѣ—тебѣ надо его видѣть. Онъ непременно примиритъ тебя со сценою, со званіемъ актѣра. Тебѣ надо его видѣть, надо видѣть ради сходства. Онъ сблизитъ тебя съ своимъ бѣднымъ опринутымъ сыномъ, своимъ *Аленомъ*; онъ тебя заставитъ просить его. Партеръ прокричалъ и свое имя съ восхищеніемъ.—

«Тѣмъ хуже!» возразилъ *Лёсажъ*.

—Нѣтъ, нѣтъ! ты непременно просишь его! продолжалъ *Фюзилье*.

«Мнѣ просить негодяя, бродягу, презрѣннаго комедіанта?» прервалъ его *Лёсажъ* вспльчиво: «никогда! Не произносите его имени, прошу васъ. Моя веселость пропадетъ на всю недѣлю, какъ скоро услышу его имя. Что вы дѣлаете? Я уже безъ того каждый день принужденъ проглашивать жалобы моей *Люсонъ*. И вы вздумали дразнить меня эшимъ негодиемъ? Нѣтъ! этому вѣкъ не бывать. — Я не хочу его знать;

бросьте ваши попытки, помирись меня съ комедіанпомъ. Пускай онъ живеть, ѳспеть, пьеть, фиглярствуееть, гдѣ хочеть—я не признаю его за своего сына.»

— И тогда не проспиль бы — замѣнилъ *Фюзилье* съ улыбкою — еслибъ сей самый увѣнчанный, на рукахъ несенный актёръ былъ пвой сынъ, пвой *Алень*?—

Лёсажъ устремилъ на друга неподвижный взоръ. На дрожащихъ устахъ его зашевелился вопросъ: неуже ли это онъ? Но сей вопросъ оспады на устахъ, и вмѣсто него полился потокъ новыхъ ругательствъ. — «И тогда не проспиль бы!» воскликнулъ *Лёсажъ* съ сердцемъ: «нѣтъ, не проспиль бы! Я бы проклялъ его, проклялъ бы рукоплесканія публики, копорыя послужили только къ ушверженію его на семъ позорномъ поприщѣ; я бы свисталъ, шумѣлъ, бросалъ въ него гнилыми яблоками, до пѣхъ поръ, пока не надоѣло ему ремесло актёра; но и тогда моя дверь оспады бы для него запертою.»

Фюзилье улыбулся и молчалъ; но видно было, какъ онъ изъ-подъ подписка перемигивался съ прочими собесѣдниками. — Какой ты упрямецъ!—воскликнулъ онъ: чѣмъ это кончится? Богопротивная война между опцемъ и сыномъ! Сколько разъ уже я понапрасну пытался переупрямить пвое упорство! всѣ мои старанія были тщетны; всякій разъ ты бѣснуешься, когда хочу промолвить доброе слово за бѣднаго молодого человека, копорый жадееть слова примиренія, какъ въ знойной пустынѣ спранникъ жадееть жившпельнаго источника!—

«Почему ты это знаешь?» быстро спросилъ *Лёсажъ*: «опъ кого это знаешь?»

— Къ чему такіе вопросы?— отвѣтствоваль другъ: довольно того, что знаю. Все его щастіе зависить—наипаче сегодня—опъ примиренія съ тобою. На яву и во снѣ онъ молиеть о прощеніи. Бѣдняжка! И въ чемъ онъ провинился? Что посвянилъ себя *искуству* противъ пвоей воли? Развѣ непростибельное преступленіе—играеть роли въ пьесахъ, написанныхъ его опцемъ?—

«Непростибельное, возмущительное!» вскричалъ *Лёсажъ*: «какъ? ты хочешь меня съ ума свести, мой другъ; ты еще дразнишь меня прегрѣшеніями моей молодости, моими фарсами, къ копорымъ я чувствую пѣмъ болѣе омерзѣнія, чѣмъ болѣе смѣха они возбуждають въ безумныхъ Парижанахъ? Прощу пебя, объ этомъ болѣе ни слова. Ты знаешь: для меня всегда оспрый ножъ, когда слышу похвалы симъ уродливымъ чадамъ моего воображенія. Я принужденъ былъ ихъ писать, это правда; сила непреодолимая меня заставляла; но я готовъ бить по щекамъ и себя и весь свѣтъ за то, что не бросилъ въ огонь пакихъ мерзостей.»

Друзья расхохотались надъ гнѣвомъ поэта. — Вопъ настоящее исповство, другъ мой!—сказалъ *Фюзилье*: удивительнаго рода безуміе, какого болѣе не встрѣчаемъ даже въ *Vicétre*.

«Пусть пакъ,» отвѣчалъ *Лёсажъ* рѣшительнымъ тономъ: пусть меня называютъ безумнымъ. Я бы опдалъ все свое добро, опдалъ бы даже *Жилблаза* или *Баккалвера*, еслибъ не написалъ ни одной драматической пьесы. Но всякой, кто мнѣ напоминаетъ о сихъ грѣхахъ моей юности, о сихъ поспыдныхъ заблужденіяхъ мой врагъ!»

Фюзилье хотѣлъ отвѣчать, но *Лёсажъ* съ такимъ сердцемъ толкнулъ споящій предъ нимъ полный спаканъ, что онъ опрокинулся; потомъ схватилъ шляпу и проспѣ, и прежде, нежели друзья могли оспановить его, бросился вонъ изъ залы.

— Лучше теперь его не прогать было, повѣрьте мнѣ!—сказалъ *Фюзилье*: нашъ *Рене* сегодня опять разспроенъ шуманомъ закатившагося солнца, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что не прежде, какъ упроемъ, эта хандра его покинееть.—

Тутъ онъ спалъ рассказывать друзьямъ: *Кристианъ* во храмѣ Римлянъ былъ дѣйствительно опверженный сынъ ихъ друга, молодой *Лёсажъ*, копорый, будучи приглашенъ въ Парижъ самимъ *Фюзилье*, подъ вымышленнымъ именемъ *Монмениля*, сегодня въ

первые дебютировалъ въ знаменитой комедіи своего отца. Добрый *Фюзилье*, послѣ столь многихъ щепетныхъ покушеній, прибѣгнувъ къ сему послѣднему средству, чѣобы помириль отца съ сыномъ.

— Я почти увѣренъ — продолжалъ онъ послѣ сего разсказа: чѣто мы достигнемъ того, чѣго всѣ желаемъ. Сколько нашъ *Рене* ни казался раздраженнымъ, однакожь онъ пойдетъ смотрѣть *Кристина*; *Аленъ* его обворожитъ, примиритъ его съ собою и съ своимъ искусствомъ, и мы получимъ опять нашего лучшаго сотрудника. —

« Прекрасно! » воскликнулъ живой *Францискъ*: « какой ты стратегикъ, любезный *Фюзилье*! Побѣда наша! за пивое здоровье! »

Долинникъ все еще сомнѣвался, чѣобы успѣди симъ насильственнымъ средствомъ одолѣть упорство друга, опспутившагося отъ сына; но *Францискъ* перекричалъ его, и створившись завпре опять сойтись въ Капитоліи, распались наши собесѣдники, исполненные радостной надежды.

Лёсажъ возвратился домой въ весьма худомъ расположеніи духа. Сама *Люсонъ* на эпотъ разъ не могла свѣяшь съ чела его угрюмость. Досада въ кофейномъ домѣ его испощила; онъ чувствовалъ себя упомянутымъ и нездоровымъ, а при всемъ томъ превожили и занимали его извѣстія, сообщенныя благонамѣреннымъ *Фюзилье*; онъ лишала его всякаго спокойствія. Онъ угадывалъ, кѣто сей *Монмений*, который восхищала весь Парижъ — онъ угадывалъ въ немъ сына, о которомъ ни онъ, ни *Люсонъ*, послѣ рѣшишельнаго разрыва между опцемъ и сыномъ, два года уже не имѣли никакихъ извѣстій. Опрывиспо и угрюмо опвѣчалъ онъ на ласковые вопросы заботливой жены, пожелалъ ей доброй ночи и легъ спать.

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, когда солнце заиграло на окнахъ его скромнаго, но свѣтлаго домика: тогда смотрѣлъ на вчерашнія происшествія совсѣмъ другими глазами. Предчувствіе, чѣто *Монмений* его сынъ, вступило въ права свои и безпокоило его до пѣхъ поръ, покуда онъ не

рѣшился собственными глазами увѣришь въ основательности, или неосновательности сего предчувствія. Сіе пвердое намѣреніе возвратило ему спокойствіе. Какъ легко, нерѣдко одною мужеспвенною рѣшимостью, сбросить съ себя все, чѣто насъ превожитъ, шягопитъ и мучитъ!

Но передъ друзьями онъ стыдился; его вчерашняя вспылчивость не согласовалась съ такою измѣнчивою волею. И такъ, онъ рѣшился посѣпить театръ ненавистныхъ *Римлянъ* одинъ, тайно и въ спрожайшемъ инкогнито; а для того, чѣобы ничѣто не поколебало въ немъ сей рѣшимости, онъ приказалъ опказывать всякому, кѣто бы не пришелъ, даже самымъ коропкимъ пріятелямъ. *Люсонъ* должна была сказывать, чѣто его нѣтъ дома, даже въ такомъ случаѣ, когда спроситъ его *Францискъ* или *Фюзилье*.

Бѣдная *Люсонъ* была крайне превожена душевнымъ распроествомъ мужа и шайнспвенностью его приказаній; но она слишкомъ привыкла къ безусловной покорности, и не приступала къ нему съ неумѣстными допросами. Она молчала и повиновалась.

Когда наспушилъ вечеръ, *Лёсажъ* набросилъ на себя широкій плащъ, нахлобучилъ преугольную шляпу, и съ видимымъ безпокойствомъ проспился съ *Люсонъ*. Она только спросила, когда онъ возвратился. *Лёсажъ* возразилъ, чѣто ему предстоитъ такое дѣло, которое не позволяетъ опредѣлить часъ, и чѣто по эпому она и безъ него можетъ ложиться спать.

Потомъ, обლობызавъ её съ нѣжностью, онъ, по собственному сердечному побужденію, въ первый разъ послѣ долгаго времени спросилъ её: не имѣеть ли она какихъ нибудь вѣсней объ *Аленъ*. *Люсонъ* покачала головою; слеза блеснула на ея рѣсницѣ. *Лёсажъ*, какъ-бы пораженный симъ безмолвнымъ опвѣтомъ, замолчалъ, и крѣпко пожавъ ей руку, вышелъ изъ комнаты.

Самымъ кратчайшимъ путемъ пришѣлъ онъ въ *Hôtel de Bourgogne*. Но внутри зданія

несмѣнное множество любопытствующихъ, со всѣхъ споронъ спекшихся, чшобы видѣть молодого *Монмелла*, новую лучезарную звезду сей сцены, въ роль *Кристина*, соперникомъ господина, на каждомъ шагу поспавляло преграду его неперпѣливости. *Лёсажъ*, крѣпко окушавшись въ свой плащъ, робко пропѣлся сквозь шумную толпу народа. Наконецъ, нашель онъ въ партерѣ довольно скрытное мѣсто, пусклом озаренное скуднымъ свѣпомъ люстры и немногихъ на спѣнѣ висѣвшихъ свѣчъ, которыя соспавляли все освѣщеніе тогдашняго Парижскаго театра. Внутреннее устройство сего театра, самаго блестящаго въ Парижѣ, теперь показалось бы намъ сполько же безобразнымъ, сколько въ по время казалось роскошнымъ. Для зрителей находилось нѣсколько красивымъ сукномъ обитыхъ скамеекъ и сполько же ложъ безъ всякихъ украшеній. Сцену соспавляла неподвижная, безвкусная декорация; актёры являлись въ произвольныхъ, фаншаспическихъ костюмахъ, и нерѣдко должны были пробираться сквозь густыя толпы зрителей, наполнявшихъ даже самую сцену; но живѣйшая спрость охотно прощала всѣ сіи недостатки, которые для нашего избалованнаго времени показались бы несперпимыми.

Лёсажъ безпокойно оглядывался во всѣ спороны, но вскорѣ успокоился, не видя близъ себя никого изъ знакомыхъ, который бы могъ замѣнить его присутствіе. Однакожъ, при всемъ томъ, зоркіе глаза *Фюзилле* его узнали; онъ обратилъ на него вниманіе своихъ веселыхъ поварищей, и условился, какимъ образомъ отомспить ему за сію измѣну. По сему *Фюзилле* предложилъ имъ планъ, который друзья вполнѣ одобрили.

— Повѣрьте мнѣ, я вамъ говорю правду,— сказалъ онъ: вы видѣли: половина моего предсказанія уже сбылась,— другая непременно сбудется, какъ скоро явится *Монмелль*.

Съ неперпѣніемъ ждали поднятія занавѣса. Наконецъ онъ поднялся, и *Кристина* съ неподражаемою рѣзвостью явился на сценѣ.

Нашъ *Лёсажъ* съ величайшимъ усиліемъ скрылъ свое внутреннее движеніе. Онъ посмотрѣлъ на сцену. Взоръ его долго и неподвижно покоился на лицѣ *Кристина*. Гнѣвъ, негодование, презрѣніе, всѣ сіи непріязненные чувствования, смѣшанныя съ безмолвною, подавленою родительскою любовью, попеременно обуревали его сердце. Не было сомнѣній,—то былъ *Алень*,— отверженный *Алень*.

Сначала гнѣвъ одержалъ верхъ. *Лёсажъ* вскочилъ—онъ въ сильномъ порывѣ негодованія хотѣлъ уже оставить свое мѣсто. Всѣ тяжостныя чувствования, которыя когда либо внушаль ему театральныи миръ, пробудились въ душѣ его вдругъ, и такъ сильно, что онъ совершенно забылъ и себя и все его окружающее.

Онъ хотѣлъ уйпн, но повсемѣспная пѣснопа воспротивилась исполненію сей мысли. Онъ оглянулся; онъ выбралъ неудобное мѣсто—онъ долженъ былъ оспавиться. Игра *Кристина* спановилась все живѣе, все обворожительноѣе. Всякое пѣлодвиженіе, всякое выраженіе лица изумляло, поражало истинною. Казалось, какъ будто твореніе *Лёсажа* теперь сполько пріяло жизнь изъ успѣ всемогущаго чародѣя. Всѣ приникли ухомъ къ его словамъ; сердечный хохотъ свѣлялъ съ каждаго чела послѣднюю морщину угрюмости. Отъ сцены до сцены возрастало удовольствіе слушателей вмѣспѣ съ веселостью самаго актёра; шумный восторгъ перенесся изъ партера въ ложи; онъ сдѣлался всеобщимъ, повсемѣспнымъ; онъ спминуны на минуны все громогласнѣе оглашаль своды обширнаго зданія. Никогда еще сія роль не играна была такъ блистательно, никогда еще оспрота сей комедіи не поражала такъ рѣзко, никогда партеръ не кипѣлъ такою жизнью, никогда еще споль многочисленное собраніе людей, казалось, не чувствовало себя споль щаспливимъ, какъ въ эту минуны всеобщаго удовольствія. Рукоплесканія, восклицанія, все громче и громче раздавались при каждомъ паденіи занавѣса, и наконецъ, когда въ послѣдній разъ опустилась холспинная спѣна, они дошли до оглушительнаго грома. *Лё-*

сажъ, подъ защипною своего широкаго плаща, сидѣлъ въ безмолвномъ изумленіи, какъ будто очарованный; слѣзы невольно и безпрепятственно капались по его щекамъ; но онъ самъ не зналъ, что было источникомъ сихъ слѣзъ: радость, или другое какое либо чувство.

Спектакль кончился. Вся публика закричала въ одинъ голосъ: *Кристина! Кристина!* Сильнѣе и сильнѣе спаковился шумъ, но актёръ не являлся. Вдругъ раздался громкій голосъ со стороны ложъ: автора! автора! Еще мгновение и—пишь—двадцать—сто голосовъ присоединились къ сему зову, и вопъ уже весь партеръ, объятый дикимъ, неистовымъ восторгомъ, заревѣлъ: *Кристина* и автора!—Автора! повторили тысячи голосовъ.—Гдѣ онъ?—*Лёсажъ* сильно встревожился.—Вонъ тамъ! Вонъ тамъ! раздалось изъ ложъ. *Лёсажъ* вскочилъ. Сие движеніе обратило на него вниманіе его сосѣдей.—Вопъ онъ! вскричавъ позади его весьма знакомый ему голосъ. То былъ проказникъ *Францискъ*.

Сие восклицаніе взволновало весь партеръ. *Лёсажъ* былъ окруженъ и насильственно поднятъ вверхъ. Сотни рукъ, схватившись, построили изъ себя носилки; самъ не понимая, что съ нимъ дѣлается, вися надъ безчисленными головами зрителей, при оглушительномъ крикѣ: автора! автора! онъ увидѣлъ себя съ поржесивомъ понесеннымъ на сцену, занавѣсъ коей немедленно поднялся.— Въ эту самую минуту явился и *Монмений*. Онъ подаль руку сочинителю. Необузданный восторгъ, рукоплесканія и непрерывные крики всеобщаго удовольствія не давали опомниться нашему *Лёсажу*; онъ былъ близокъ къ обмороку—онъ принужденъ былъ опереться о сильную руку *Кристины*—своего сына.

Тутъ занавѣсъ опустился. Вновь соединившіеся, въ слезахъ, покоились они другъ у друга въ объятіяхъ.—*Алень!* воскликнулъ *Лёсажъ*.—Папенька! опившествовалъ *Монмений*.—Болѣе они не могли говорить.—И какая удивительная, какая прогашельная картина: примиреніе отца съ сыномъ совершилось предъ тысячами свидѣтелей, и при всемъ

помомъ невидимо, за слабою завѣсою, отдалявшею ихъ отъ зрителей.

Сцена была осыпана вѣнками и цвѣтами. Посреди ихъ стояли помирившіеся, увѣнчанные населеніемъ столицы; *Лёсажъ*, пропивъ воли увлеченный къ сыну; сынъ его, упоенный сладостною мыслию, что покоился на груди родителя, примиреннаго волшебнымъ жезломъ искусства.

Нашъ поэтъ, пораженный симъ неожиданнымъ событіемъ, упомянутый внезапнымъ переходомъ негодованія, не прежде могъ прийти въ себя, какъ когда театръ уже совершенно опустѣлъ. Злоба и гнѣвъ, всякое непріязненное чувство исчезло; они уснувши мѣсто родительской нежности.

«Сынъ мой, милый сынъ мой!» восклицалъ онъ: «какъ слѣпъ, какъ несправедливъ былъ отецъ твой!»

—Прости, благослови меня, папенька!—умолялъ сынъ, и снова кинулся въ отверстыя объятія отца.

«Скорѣе къ маменькѣ, къ своей доброй маменькѣ!» воскликнулъ *Лёсажъ*.

—Къ ней?—отвѣчалъ восторженный *Монмений*: къ ней, которую я обожаю!—

Сіи слова, которыя касались до другой особы, отецъ отнесъ къ *Люсонъ*. Но появленіе друзей на сцену воспрепятствовало всякому объясненію. *Фюзилье* заключилъ въ свои объятія обоихъ: отца и сына. Ну чтожь!—сказалъ онъ: доволенъ ли ты моимъ дѣломъ?—

—*Фюзилье* насъ помирилъ?—спросилъ сынъ, и видъ себя отъ восторга, обнималъ то отца, то друга.

Рѣзвая веселость *Франциска* на сей разъ была неумѣстна.—Ты вылеченъ! совершенно вылеченъ!—кричалъ онъ: а мнѣ, любезный *Лёсажъ*, прошу подарить первую комедію, которую напишешь.—Переходъ сей былъ слишкомъ крупъ, слишкомъ рѣзокъ; поэтъ, отворотясь отъ него, просилъ пощадить его теперь. *Доминикъ* и *Фюзилье* взяли его подъ руки; всѣ поздравляли его и *Монмений* съ новыми лаврами, споль блистательно въ сей вечеръ имъ пожалыми.—

Въ самомъ веселомъ расположеніи оставили они Hôtel de Bourgogne.

Что происходило въ душѣ *Лёсажа*, нельзя выразить мерклыми словами. Спранная сцена примиренія съ сыномъ, въ которомъ онъ, съ сегодняшняго вечера, такъ сказашъ, возродился, произвела глубокое впечатлѣніе на его нѣжную душу. Онъ полагалъ, что даже самая безмѣрная родительская любовь будетъ слабымъ вознагражденіемъ тѣхъ спраданій, кои упрямство его причиняло благородному, достойному юношѣ. — Онъ былъ въ восторгѣ отъ *Алена*, и какъ пророчествовалъ *Фюзилье*, удивительный талантъ сына примирилъ его съ театральнымъ міромъ, украшеніемъ коего былъ и оспался *Монмениль*.

Но *Лёсажа* въ этотъ день ожидало еще другое, удивительнѣйшее спеченіе случаевъ.

Объ руку шли наши друзья Палероальскимъ кварталомъ, прямо къ улицѣ St. Jacques, гдѣ *Лёсажъ* все еще занималъ поэтъ самый домъ, въ которомъ онъ жилъ лѣтъ двадцать тому назадъ.

Когда они вошли въ улицу St. Honoré, по оспановлены были великимъ спеченіемъ народа. *Монмениль* примѣтно вспревожился, и какъ будто увлеченный сверхъ-естественною силою, поспѣшно покинулъ руку опца и бросился впередъ въ толпу. Не чувствуя полчковъ, которыми тѣснившіеся подчивали его ребра и спину, онъ проложилъ себѣ путь въ средину толпы, и вскорѣ исчезъ изъ глазъ нашихъ изумленныхъ друзей. Свѣтъ немногихъ огней, которые скудно горѣли въ фонаряхъ предъ образами, былъ слишкомъ слабъ; а потому нельзя было узнать причину спеченія и намѣреніе собравшейся толпы; слышны были одни только опрывиспые, неисповые вопли: черная голова! черная голова! — Никто не зналъ, что именно случилось, но всякой тѣснился, и разинувъ ротъ, глазѣлъ на пресловутый домъ въ улицѣ de la Ferronnerie, который уже извѣстенъ чинателямъ изъ начала нашей повѣспи.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Я ВАСЪ ЗАБЫЛЪ.

Я васъ забылъ, мои богини!
Прелестницы, я васъ забылъ,
И жизнь моя печетъ въ пустынѣ,
Какъ чернеца, среди могилъ,
Теперь одинъ во мракѣ ночи
Я жду явленія свѣспиль,
И лишь на нихъ покою очи...
Я васъ забылъ, я васъ забылъ!

*

Я васъ забылъ! и ваши рѣчи
Теперь не сильны надо мной;
Ни томный взоръ, ни пышны плечи,
Ни спанъ, какъ пополь молодой:
Ничто, ничто уже не мимо
Тому, кто чувспвами оспылъ...
Тому, кто вамъ тввердишь уныло:
Я васъ забылъ, я васъ забылъ!

*

Я васъ забылъ, какъ золь причину,
Какъ горькой участи часы,
Какъ жизни темную карспину,
Какъ крад чуждаго красы...
Хотя я долго вамъ вѣррялся,
Но щасспья съ вами не купилъ;
Одинъ лишь сонъ объ нѣмъ оспался...
Я васъ забылъ, я васъ забылъ!

*

Я васъ забылъ, рабыни пѣги,
Наперспинцы моихъ запѣй!
Но пляжки мнѣ безъ васъ ночлеги,
Не въ силахъ я сомкнуть очей:
Когда васъ нѣтъ со мной, подруги,
Когда я тѣнь одну ловлю:
Тогда опять во мнѣ недуги,
Тогда опять я васъ люблю!...

Петръ Никифоровъ.

Э П И Г Р А М М А.

Смоприте, какъ умцо Панфиль, дѣлецъ прямой,
И съ прибылью, и съ долгомъ ладилъ:
Онъ пишентъ приговоръ ворахъ одной рукой,
А самъ другою грабилъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ, приюшь ошь бурь и непогоды
Судамъ, преплавающимъ воды;

Второй

Съ окладистой, сядою бородой,

Былъ праведникъ душой,

А ремесломъ былъ корабельный плотникъ;

Онъ долго спрансповалъ со всей своей семьей

По безднѣ яросной морской.

Мой цѣлый—самъ хозяинъ, иль работникъ,

Кропшь, упжожпшь, шьѣпшь, какъ будно бы порп-
ной.

III.

Въ No 32, помѣщенный логогрифъ значпшь: *Charme*,
въ космъ заключаешся *arme*, *carne*, *rame*, *char*, *me*, *ré*,
car и *âme*.

M O D E S.

Il faut attendre quelques jours pour voir paraître en foule les nouveautés de ces semaines qui vont suivre. Déjà on nous fait pressentir les jupes garnies, les robes à par-dessus. — Enfin il paraît que les femmes élégantes sont lassées de donner des modes qui leur sont enlevées de suite; elles veulent revenir aux garnitures, aux façons recherchées; elles veulent qu'on dise encore, en voyant Longchamp cette année: Voici la mode, la mode de 1833; et que tout le monde ne puisse pas la suivre avec la même facilité que les années précédentes. Notre prochaine livraison donnera à ce sujet des détails certains; les robes et les chapeaux doivent se rajeunir complètement, et nous sommes prêts à signaler les premiers changemens adoptés. — Cependant nous ne sommes pas si avides de nouveautés que nous nous impressions de tout accepter; dans ce qui se propose, il y a un choix fait par les femmes dont le goût fait loi, et nous nous sommes imposés de ne donner la mode que lorsqu'elle est autorisée par elles.

Le printemps, qui ressemble à l'hiver, laissera certainement loin encore les chapeaux de paille pour les grandes promenades des trois jours; le velours des Indes, le velours épinglé, le poux de soie seront choisis de préférence. — Ils sont bien en couleur tendre,

relevés par une fleur un peu foncée, ou une fleur de la même couleur que l'étoffe.

Avec une robe de mousseline blanche, une charmante coiffure est une petite guirlande en racine de corail, placée sur le haut de la tête, entre les côques et les touffes de devant.

Aux mouchoirs de poche, on place souvent deux rangs de dentelle au-dessus l'un de l'autre. — Pour le matin ils sont généralement en batiste avec un ourlet à jour; les vignettes sont devenues communes.

M O D Ы.

Надо ожидать чрезъ нѣсколько дней появления множества новостей послѣдующихъ недѣль. Уже намъ объщуютъ юбки съ оплѣлками, плащя съ *par-dessus*. Кажется, щеголихамъ наскучило наконецъ выдавать моды, которыхъ у нихъ пошчасъ перенимаютъ; онѣ хотящъ возврапиться къ оплѣлкамъ, къ зашѣйливымъ покроямъ; онѣ хотящъ, чпобъ сказали еще, побывавъ на Лонгшанскомъ гуляньѣ въ нынѣшнемъ году: вопшь мода, мода 1833 года, и чпобы всѣ не могли пакъ легко ей послѣдовать, какъ въ предыдущихъ годахъ. Въ слѣдующемъ No будупъ вѣрныя подробности на эпошь щепъ. Плащя и шляпки совершенно должны измѣниться, и мы пошчасъ извѣспимъ о первыхъ перемѣнахъ.—Мы не сполько жаждемъ новостей, чпобъ принящъ ихъ всѣ безъ разбора. Еспъ выборъ, дѣлаемый дамами, которыхъ вкусъ составляетъ законъ; мы поставили правиломъ не выдавать иной моды, какъ приняшой ими.

Весна, проходящая на зиму, не позволяетъ еще надѣвать соломенныхъ шляпокъ въ при дни большихъ прогулокъ. Индѣйскій бархатъ, булавчатый бархатъ и *poux de soie* будупъ предпочпшительно въ употребленіи.—Они красивы изъ нѣжныхъ цвѣтовъ, съ темноватымъ цвѣткомъ, или цвѣткомъ подъ цвѣпъ матеріи.

Съ бѣлымъ кисейнымъ плащемъ, прелестный уборъ: небольшая гирланда изъ коралловыхъ корней, положенная по верху головы между пеплями и кустиками волосъ.

Носовые плапки часто обшиваютъ въ два ряда кружевомъ, одно надъ другимъ.—Для упрощенія дѣлаютъ баписшовые, съ прозрачнымъ рубцемъ. Виньетки сдѣлались слишкомъ обыкновенны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 34.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 29 дня 1855 года.

Щасливъ, кто съ фортуной вмѣстѣ

Могъ путь жизни пробѣжать;

Щасливѣй, кто могъ сказать:

Все погибло, проль гести!

Н. Ивановичъ-Писаревъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРНАЯ ГОЛОВА.

(Окончаніе.)

Тѣснопа у ворошь сего дома была шакъ велика, что *Монмениль* щепенно покушался подойти къ нему поближе. Каждый шагъ впередъ претребовалъ величайшаго усилія; при раза уже былъ онъ близокъ къ цѣли, но всегда оппѣсняла его назадъ неборимая сила спекшагося путь народа. Онъ былъ въ опчаяніи—онъ просилъ, умолялъ, заклиналъ, хотѣлъ силою проложитъ себѣ путь, шумѣлъ и боролся за пядень пространства—но все щепенно! Народъ споялъ какъ вкопанный, и *Монмениль*, не выпуская изъ глазъ цѣли, упомненный, обезсиленный, оспался на своемъ мѣстѣ. Явились полицейскій приспавъ съ военною командою, но и она принуждена была оспановиться у рубежа народнои шолпы—и все это попому полько, что пустое любопытство осаждало сей домъ, у оконъ коего, по словамъ нѣкоторыхъ шунедцевъ, сегодня оцпашъ показыва-

лась «черная голова,» загадка сей частии города.

Монмениль въ досадѣ своей проклиналъ весь свѣтъ. Онъ потерялъ опца, потерялъ друзей, не достигнувъ своей цѣли. Въ эту минупу нѣсколько бѣлыхъ султановъ, зыблясь надъ волнами народа, оживили его новую надежду.

То былъ герцогъ Орлеанскій, который въ сопровожденіи небольшой свиты, по улицѣ St. Honoré подвѣзжалъ къ мѣсту его спраданій, можетъ быть привлеченный тѣмъ же самымъ любопытствомъ увидѣть чудо, составлявшее въ Парижѣ предметъ повсемѣстнаго разговора.

Это было въ то самое время, когда сей принцъ, о которомъ въ послѣдствіи были споль различнаго мнѣнія, наиболее пользо-вался уваженіемъ и преданностью народа. Каждый день ожидали кончины преспарялаго, святоши-короля; всѣ знали о его несправедливомъ завѣщаніи, въ слѣдствіе коего онъ, обошедъ своего двоюроднаго брата, ввѣрилъ регентство своему побочному сыну, герцогу Менскому. Народъ былъ сильно раз-

дражень сею духовною; онъ неavidѣль гордаго, суроваго *Мена*, ограда своею любовію и пристрастною благосклонностію ласковаго, храбраго и щедраго *Орлеана*, копорый хипро пользовался вслкимъ случаемъ, чпобы снисходительностію, щедростію и услужливостію поддерживалъ сіе благопріятное для него расположеніе столицы. Народъ, какъ-бы въ опмщеніе за несправедливостъ, сдѣланную ему старымъ и слабымъ королемъ, нарекъ герцога своимъ первымъ любимцемъ; обвороженный его личною любезностію, онъ повсюду встрѣчалъ его съ громкимъ восторгомъ.

Монмениль увидѣлъ приближеніе герцога, предъ копорымъ толпа разступилась. Всѣ усилія его подвинулись впередъ или назадъ, были тщетны; онъ не могъ двинуться съ мѣста. Къ вѣщей бѣдѣ его, въ эту минузу *Трудо*, глава Парижскаго купечества (*Prevôt de Marchands*) приказалъ своей командѣ арестовать и увести его, какъ самага безпокойнаго челоуѣка во всей толпѣ. Онъ спалъ обороняясь — тщетно — его схватили. Въ еей опчаянной крайности онъ прибѣгнулъ и къ опчаянному средству. Видя вблизи себя свипу герцога, онъ вдругъ на цыпочкахъ приподнялся надъ своими гонимелами, и закричалъ громкимъ голосомъ: сюда, ваша свѣтлость, помогите! Я *Монмениль*.

Герцогъ, улыбаясь, поворопилъ коня своего въ ту сторону, откуда раздавался умоляющій голосъ. Толпа почтительно опспушила при появленіи обожаемаго принца, и въ угодностъ ему съузилась въ такое пространство, которое едва можно было назвать пространствомъ. Съ другой стороны разступилась толпа народная, услышавъ имя *Монмениля*, копорый въ это время былъ уважаемъ Парижанами, почти не мѣе самага герцога. Такимъ образомъ герцогъ могъ свободно подѣхалъ къ нему мѣсту, откуда раздавался вопль *Монмениля*.

Любопытство черни внезапно приняло другое направленіе; народъ, поспѣшно опспушивъ опъ осажденнаго имъ дома, хлынулъ къ обомъ своимъ любимцамъ: принцу и актѣру.

Герцогъ въ этоуъ вечеръ самъ былъ въ *Hôtel de Bourgogne*. Будучи покровителемъ всякаго невиннаго удовольствія и другомъ смѣха, онъ душевно полюбилъ *Монмениля*, пакъ чпо и пеперь еще не могъ воздержаться опъ улыбки при воспоминаніи о забавной игрѣ *Криспина*.

— *Монмениль*, бѣдный *Криспинъ*! — сказалъ онъ сострадательно, приближась къ молодому актѣру, копорый при появленіи герцога немедленно былъ освобожденъ: *мнѣ* суждено было прийти къ тебѣ на помощь? Какъ ты сюда попалъ, дружокъ? Чпо съ побою случилось и чѣмъ могу тебѣ помочь? —

«Помогите мнѣ войти въ этоуъ домъ,» сказалъ *Монмениль* рѣшительно, указывая на зданіе, сославлявшее предметъ всеобщаго любопытства, — «спамъ хранился мой сокровица!»

— Сокровица? — сокровище - душенька, ты хопѣлъ сказать? — возразилъ принцъ: хорошо, спулай за мною. — При сихъ словахъ онъ подалъ ему руку и повелъ его къ желанному крыльцу.

— Не прогайте его, дѣпи, — сказалъ онъ ласково полицейскимъ присавамъ и сполпившимся ропозѣямъ: не прогайте его, для меня; онъ куда-то поропился, какъ видно, а вы знаете, я вмѣняю себѣ въ великое удовольствие помогать всякому, кто нуждается въ моей помощи. —

«Конечно, конечно! — вскричала зыбкая толпа — мы знаемъ! Да здравствуетъ нашъ добрый герцогъ, нашъ будущій регентъ!»

— Тише, дѣпи! — возразилъ герцогъ, ласково улыбаясь: вы испорчили мою веселостъ вашими неумѣстными восклицаніями. —

«Vive Orléans!» повторили тысячи головъ. — Герцогъ немедленно поворопилъ коня, опасаясь, чпо пребываніе его на этоуъ мѣспѣ можетъ произвести еще сильнѣйшее волненіе въ народъ.

— До свиданія, *Монмениль*! — сказалъ онъ, пожавъ руку молодому актѣру; пришпорилъ коня, и поѣхалъ пакъ скоро, какъ позволяла пѣснопа, по направленію къ *Quai du Chatelet*, гдѣ онъ вкорѣ исчезъ.

Народъ, бросившись вслѣдъ за однимъ предметомъ своей шапкой благосклонности, по-

книнулъ другой; улица Фероннери внезапно сполько же опустила, сколько за минушу кипѣла народомъ. *Монмениль* благополучно пробрался къ извѣстному намъ дому, успрашенные жипели коего теперь всѣ вышли на крыльцо. Тутъ подошелъ онъ къ молодой женщинѣ въ покрывалѣ, поспѣшно принявъ её изъ объятій пожилой дамы, и шепнувъ ей на ухо нѣсколько словъ, повелъ къ лѣспницѣ, ведущей въ комнаты верхняго яруса.

«Радуйся, радуйся, моя милая *Фелиція!*» воскликнулъ онъ: слава Богу, что съ побою не случилось никакого нещастія! Время испытанія кончилось; двери щастія для насъ отворяются.»

Окутанная въ покрывало, будучи сильно распроена и примѣтно обезсилѣвъ, хотѣла она опереться на его плечо, но молодой человекъ съ заботливою нѣжностью положилъ её въ объятія пожилой дамы и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Онъ бросился спремглавъ на улицу отыскивать опца. Обѣ дамы, сильно встревоженные его поспѣшнымъ уходомъ, не долго ждали его возвращенія. Онъ нашелъ опца и друзей близъ воротъ, и почти насильно пощадилъ ихъ съ собою въ домъ.

«Всѣ мои желанія исполнились!» вскричалъ онъ, введя въ комнату *Лёсажа*: «*Фелиція*—вопъ мой опецъ, мой добрый опецъ, который со мною помирился!»—*Лёсажъ* съ изумленіемъ споялъ передъ спройною женщиною съ черною головою.—«Сними же—возкликнулъ юноша—сними же теперь и пы свою *послѣднюю* маску!»

При сихъ словахъ прелестная дѣвушка бросилась къ ногамъ изумленного поэта.—Тонкій, черный покровъ спалъ съ ея миловиднаго лица, сіяющаго молодостью и красотою. Бѣлизна и румянецъ засіяли на челѣ и ланипахъ всѣмъ блескомъ, который радость только способна разлитъ по лицу безпорочной красоты; русыя кудри, волнуясь, роскошно осѣняли прелестную головку ангела.—Онѣмѣвъ опъ изумления, *Лёсажъ* нѣсколько минушъ вперялъ неподвижные взоры на красавицу; потомъ просперъ объятія къ дѣвѣ, обнялъ, прижалъ её къ

сердцу и, видъ себя опъ воспорга, воскликнулъ: *Агата!*

Нѣсколько минушъ окружающіе смотрѣли на живописную группу съ безмолвнымъ умиленіемъ.—*Фюзиль* первый спалъ говориль.

—*Агата Фосини!*—сказалъ онъ вопрошающимъ голосомъ.

«*Фелиція Фосини*, дочь *Агаты Фосини*,» отвѣчала пожилая дама, объявляя себя по другою *Агаты* и воспитательницею ея дочери.

Лёсажъ былъ видъ себя.—Возлюбленное дитя *Агаты*,—воскликнулъ онъ: неужели Богъ даровалъ мнѣ щастіе, заключивъ меня въ мои объятія!»

«Благословите вашу дочь,—сказала дѣвица—благословите невѣсту *Монмениля*.»

Одно за другимъ такъ быспро поражаало добраго *Лёсажа*, что онъ не имѣлъ времени опомниться.—Могу ли въ этомъ сомнѣваться?—вскричалъ онъ: ваши глаза сіяютъ щасливою любовью.—

«Да, папенька,» воскликнулъ *Монмениль*: «я полюбилъ *Фелицію* съ той минушы, какъ её впервые увидѣлъ! Благословите союзъ, заключенный самою вѣрною, но и самою *непобѣдимую* любовью! Какая героиня въ любви ваша дочь, вы вскорѣ узнаете.»

Лёсажъ споялъ въ недоумѣніи.—Дочь *Агаты!*—сказалъ онъ: знаешь ли, чѣмъ мнѣ были твои родители? Знаешь ли всю плгость моей предъ ними вины?—

«Знаю,» отвѣчала дѣвушка, обращаясь къ своей спунницѣ: «знаю опъ сей почтенной дамы, моей вперой матери.»

—Она все знаетъ—подхватилъ *Монмениль*: она гопова опъ всего опказалъся.—Предразсудки знаменитаго рода были первою жерпвою, которую она для меня положила на алтарь любви. Милый папенька! только твоего благословенія недостаетъ для нашего щастія; ибо, какъ ни сильна ея любовь, но безъ твоего благословенія я не могъ надѣяться назваться моею эпо милое, удивительное существо.

Мало по малу проявилась темная связь сихъ происшествій.

Фелиция, послѣ смерти родителей, въ одинъ день преданныхъ землѣ, отправилась въ Реннъ, къ своему дядѣ и опекуну, маркизу *Поленару*, королевскому лейтенанту провинціи. Тамъ она получила отличное воспитаніе; сходство ея съ матерью съ каждымъ годомъ спановилось разительнѣе. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ она была характеромъ столь же пверда, какъ душою добра; умъ ея обогатился познаніями; но всѣмъ яснымъ она обязана своей доброй наставницѣ *Фредо*, которая любила её какъ родную дочь. На шестнадцатомъ году она увидѣла *Монмениля*, который, будучи принужденъ оставить Парижъ, прѣхалъ въ Реннъ, чпобы показать публикѣ первые опыты своего необыкновеннаго таланта. Молодой артистъ нашелъ случай сдѣлаться вхожимъ въ домъ маркиза, въ которомъ искусство имѣло спраснаго, но не весьма просвѣщеннаго покровителя. Судьба молодыхъ людей рѣшилась въ первый день ихъ знакомства. Госпожа *Фредо* была единственная повѣренная ихъ чистой, безпорочной любви.

Гордость опекуна не позволяла преждевременно ему открыться, и *Фелиция* вскорѣ увидѣла непреодолимая препятствія, взгромодившіяся на спезѣ ея земнаго щастія. *Монмениль*, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, утверждался во всеобщемъ уваженіи; маркизь всенародно называлъ его своимъ другомъ; всякій починалъ его первымъ любимцемъ могущественнаго наместника. Но малѣйшее слово о видахъ его на племянницу не только имѣло бы неизбѣжнымъ послѣствиемъ рѣшительный разрывъ съ маркизомъ, но вѣроятно и заградило бы ему всякое поприще, и вдругъ разрушило бы всѣ его надежды. Величайшая осторожность сдѣлалась для любовниковъ мучительною обязанностью, которой они покорялись цѣлыхъ два года. Но при всемъ томъ, за нѣсколько предъ симъ недѣль любовь самой себя измѣнила. Маркизь вывѣдалъ тайну любовниковъ—онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва—онъ приказалъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ выслать немедленно изъ города бѣднаго *Монмениля*, который еще долженъ былъ почестъ за большое для себя щастіе,

что гнѣвъ не увлекъ его прежняго покровителя къ худшимъ насильственнымъ поступкамъ, каковыя тогда были весьма обыкновенны. Въ сіе самое время онъ получилъ письмо отъ *Фюзилье*. *Монмениль*, уврѣнный въ любви *Фелиции*, немедленно рѣшился отправиться въ столицу, чпобы вымолить родительское прощеніе. Когда уже онъ совсѣмъ собрался въ дорогу, то *Фелиция* объявила ему свое пвердое намѣреніе, не разлучаясь съ нимъ ни на минуточку. Ея дѣпская покорность достигла своей границы; она рѣшилась оставить домъ опекуна, сдѣлавшійся для неё пемницею, и въ сопровожденіи доброй *Фредо* послѣдовать за возлюбленнымъ. Въ открытомъ письмѣ, свидѣтельствовавшемъ о пвердости ея воли, она объявила маркизу, что готова отказаться отъ имени и званія, и даже отъ имени и рода, если онъ спанетъ уорспововать; но что для ней любовь и жизнь одно и тоже, и потому покинетъ её только вмѣстѣ съ жизнью.—Родительское благословеніе было единственное условіе, неразлучное съ исполненіемъ его пламеннѣйшаго желанія.

Они отправились. Опасность, окружающая любовниковъ въ Парижѣ, была велика и преобладала большою осторожностію. Посему непременно нужно было прибѣгнуть къ спрояйшему инкогнито. Рѣшительная, изобрѣпательная *Фелиция* сама придумала весьма удачное средство, чпобы остаться неузнанною. Она надѣла на лице и голову тонкую черную шкань, которая, плотно прилегая къ пѣлу, давала ей видъ безобразной Негритянки. Сверхъ сей шкани она, для вящей предосторожности, надѣвала черную восковую маску, и снимала её только въ своей комнатѣ. Но она жестоко ошиблась въ своемъ расчетѣ: ибо забыла, что сей необыкновенный нарядъ сдѣлаетъ её предметомъ всеобщаго любопытства, сказкою легковѣрной толпы.

Сей рассказъ, госпожи *Фредо*, объяснилъ загадку, которая дважды вспреоживала одну изъ многочислѣннѣйшихъ частей Парижа. Въ самомъ началѣ сей повѣсти *Фюзилье* пихонько вышелъ изъ комнаты,—другъ распорилась

дверь — и *Люсонъ* покоилась въ объятіяхъ сына. Всѣ присуществующіе были живѣйше пронуты симъ умилительнымъ зрѣлищемъ. Всѣ упопали въ радости и воспоргѣ; мать, сынъ и невѣспа составили группу, какая рѣдко представляется взору наблюдателя.

— Я видѣлъ, что ты еще колебался, — сказала *Фюзилье* своему другу, подведя его къ группѣ: надобно было употребить послѣднее средство. Теперь я посмотрю, упрямецъ! въ состояніи ли ты будешь опказать *этимъ* просишелямъ. —

При сихъ словахъ, любовники кинулись въ объятія *Лёсажа*. Слезы радости заглушили слова его: онъ безмолвно благословилъ щасливую чепу.

— Теперь все кончено, — сказала *Фюзилье* и обняла испытаннаго друга. — А что же будешь съвоею несправедливою ненавистью къ шеатру? — примолвилъ онъ, крѣпко держа его въ объятіяхъ.

«Она живая погребена подъ сею группою!» отвѣчалъ *Лёсажъ* съ умиленіемъ.

— И пріятель *Криспинъ* спойшь надъ нею надгробнымъ памятникомъ? — продолжалъ *Фюзилье*.

«Эпо правда,» отвѣчалъ *Лёсажъ*: «и въ доказательство сего, на дняхъ же напишу пьесу: *Черная голова*.»

Объщаніе его исполнилось. Онъ сочинилъ эту пьесу въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и хопя существенно и перемѣнилъ обстоятельствва, однакожъ Парижъ добрался до источника, изъ котораго происпекла сія веселая драматическая шутка, пакъ что *la tête noire*, только въ другомъ смыслѣ, долго еще была въ Парижѣ предметомъ повсемѣстныхъ толковъ.

Щастіе благопріятствовало нашимъ любовникамъ. Герцогъ Орлеанскій взялъ подъ свою защиту молодаго актёра, и какъ скоро сей принцъ сдѣлался регентомъ, то ему легко спало, склонилъ маркиза *Поменара*, давъ свое согласіе на бракосочетаніе племянницы съ *Premier comédien du Régent Монмелилемъ*, и на выдачу щасливой *Фелиции* всего ея родоваго имѣнія.

Монмелиль былъ и оспался любимцемъ Парижанъ, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удивлялись его блестящему таланту. Примиреніе Римлянъ съ *Долминикомъ* и *Францискомъ* было его дѣло; а его безпорочная жизнь, его благородное стремленіе къ совершенству, снискали не только ему, но и всему его сословію уваженіе сподлицы.

Люсонъ и мужъ ея переѣхали въ богатый домъ ихъ сына, и друзья много лѣтъ, даже послѣ солнечнаго заката, видѣли *Лёсажа* сполько же веселымъ, опкровеннымъ и бодрымъ, сколько прежде въ такую пору былъ онъ угрюмымъ, рѣзкимъ и къ самому себѣ несправедливымъ.

Съ НѢМ. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗЕМНАЯ ЦѢПЬ.

(Мысль взята изъ одного стихотворенія О. Н. Глинки.)

Орелъ, среди пустынь эмира,
Какъ весело несешься ты!
Какъ быстро взоромъ — красоны
Объемлешь ты земнаго міра!
Я вслѣдъ тебѣ душой спремлюсь,
Хочу парить подъ облаками —
Взмахну плечелыми руками,
И по неволь засмѣюсь. . . . .
Земля, опять ты подъ ногами! . . .
О, какъ скучна, несносна ты
Тому, кто жаждеть высоты!

Трилуиий.

С H A R A D E.

Mon premier au beau sexe offre un plaisir charmant.
L'oiseau montre toujours mon second par devant.
De mon entier, lecteur, s'est éclipié la gloire;
Ses antiques débris, sur le sol renversés,
Attestent sa splendeur dans les siècles passés;
Mais son nom est inscrit au temple de mémoire.

Въ № 55, помѣщенная шарада значить: *Порт-ной*.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ; сочиненіе Александра Пушкина.— С. П. б.— 1833.

До выхода въ Свѣтъ сего новаго изданія, восемь главъ Онѣгина продавались по 40 рублей!!! Теперь сіи же восемь главъ, на оплечной бумагѣ, оплечнымъ шрифтомъ, оплечно напечатанныя — сплечать 12 рублей.

И симъ, пакже, какъ дешёвымъ изданіемъ басенъ Крылова, Русской испорціи Карамзина, сочиненій Державина, и пр. и пр. и пр. и пр., обязаны мы благонамѣренности и торговой дальновидности почтеннаго книгопродавца А. Ф. Смирдина.

Къ осьми извѣстнымъ уже пѣснямъ, изъ коихъ, по словамъ самаго автора, IX-ая сдѣлалась VIII-ю, прибавлены опривки изъ опущенной прежде, наслоящей VIII-й главы — опривки длинныя, воспановляющіе оную нѣкоторымъ образомъ: и за это спасибо!

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкѣ (впрочемъ, весьма справедливомъ и оспроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу почкамъ или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осмой, надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовалъ одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выношу
Мою ладью девятый валъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

«П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и понкимъ крипчкомъ), замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для

чипапелей, вредитъ однако-жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ по переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знапной дамѣ, спановится слишкомъ неожиданнымъ и необьясненнымъ.— Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторыя опривки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Няншій Новгородъ:

..... передъ нимъ
Макаръевъ суепно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльныя вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ воспей,
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суешится, джешъ за двухъ
И всюду мерканпильный духъ.

*

Тоска!...

Онѣгинъ ѣдетъ въ Аспрахань, и опшуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крупные ростъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный;
Спонитъ олень, склонивъ рога;
Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
Въ дугахъ несетъ конь Черкеса,
И вокругъ кочующихъ шаптровъ
Пасутся овцы Калмыковъ,
Въ дали—Кавказскія громады:
Къ нимъ пушь опкрываетъ. Пробылась брань
За ихъ еспешвенную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шаптры.

*

Уже пустыни спорожь вѣчный,
 Спѣсенный холмами вокругъ,
 Споишь Бешпу оспроконечный
И зеленѣющей Машукъ,
 Машукъ, подаешь спруцъ цѣлебныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ пѣснился бѣдный рой;
 Кто жернова чести боевой,
 Кто Почечуя, кто Киприды;
 Спрадалецъ мыслишь жизни мнѣ
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпишь,
 Колебка, злыхъ годовъ обиды
 На дѣя оставишь, а спарика
 Помоходишь—хотя на мигъ.

*

Пипая горьки размышленья,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Онѣгинъ взоромъ сожалея
 Глядишь на дымныя спруи
И мыслишь, грустью опуманень:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не ранень?
 Зачѣмъ не хилой я спарика,
 Какъ эпошь бѣдный опкущрикъ?
 Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хопъ ревматизма?—Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждешь? поска, поска!...

Онѣгинъ посѣщаетъ попомъ Тавриду:

Воображанью край священный:
 Съ Апридомъ споришь памъ Пиладь,
 Тамъ закололся Мипридашь,
 Тамъ цѣль Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
 Свою Лишву воспоминалъ.

*

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ дождо ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильной
 Свой подъемлеешь паруса;
 Тамъ все Европой дышешь, вѣешь,
 Все блестящъ Югомъ и песпрьбешъ
 Разнообразностью живой.
 Языкъ Ипациахъ запапой
 Звучишь по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходишь гордый Славянинъ,
 Французъ, Испанецъ, Армянинъ,

И Грекъ и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
 Корсаръ въ опспавкѣ, Морали.

*

Одессу звучными спихами...
 .....
 Но онъ приотспасными глазами
 Въ то время на все взиралъ.
 Приѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
 Пошелъ бродишь съ своимъ хорнепомъ
 Одинъ надъ моремъ—и попомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады Одесскіе прославилъ.
 Все хорошо, но дѣло въ помъ,
 Чпо степь нагая памъ кругомъ;
 Кой-гдѣ недавный прудъ заставилъ
 Млады вѣпви въ знойный день
 Давашь насильспвенную пѣнь.

*

А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязной?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
 Я-бъ могъ сказашь: въ Одессѣ грязной—
И пушь бы право не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По волю бурнаго Зевеса,
 Помоплена, запружена,
 Въ густой гризи погружена.
 Всѣ дома на аршинъ загрязнупъ,
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
 Карепы, люди понупъ, влязнупъ,
И въ дрожкахъ волю, рога склоня,
 Сминаятъ хилого коня.

*

Но ужъ дробишь камня молодь,
И скоро звонкой мостовой
 Покроется спасенный городъ,
 Какъ будно кованной броней.
 Однако въ сей Одессѣ влажной
 Еще есть недоспапокъ важной;
 Него бъ вы думали?—воды.
 Попребны пляжкіе пруды...
 Чпо-жь? эпо небольшое горе,
 Особенно, когда вино
 Безъ пощинны привезено.
 Но солнце южное, но море...
 Чего-жь вамъ боже, друзья?
 Благословенные края!

M O D E S.

Les étoffes de soie seront les seules adoptées, jusqu'au moment où pourront être admises les percales et les mousselines d'été.

Les foulards belges sont les nouveautés les plus élégantes—il y en a de charmans sur fond chamois, nankin, ou gris; mais les plus distingués sont sur fond blanc, des ramages de couleurs vives et tranchantes, rouge, vert, orange, violet—d'autres à plaques informes blanches et noires sont semés de fleurs cachemires — Puis enfin, des dessins de tapis turcs, à fond couvert, à rosaces variées; ceux-ci sont parfaitement *comme il faut*, ils sont riches et brillans.

Les robes de foulard sont, sans contredit, la nouveauté obligée du moment.

Il est difficile d'en rencontrer un choix plus nombreux que celui réuni dans les magasins de M. Gage-lin, rue Richelieu—On remarque également dans cette maison, des gros de Naples destinés à Long-champs, ils sont à raies brochées, satinées; couleur sur couleur: quelquefois, la raie délicate est séparée de l'autre, toutes à égale distance, d'autres fois elles sont dispersées en *cordes de lyre*, ainsi qu'elles sont nommées; les couleurs choisies sont *vert perruche*, et *mode*.

Un autre genre également bien, et tout-à-fait printemps, est à raies égales chinées vert et violet sur fond vert.

On porte aussi pour robes de promenade, de la toile de laine à dessins cachemire; ramages sur fond blanc, sablé—ou des raies de différentes couleurs.

Le poux de soie, conservera sa faveur—en couleur acanthe, gris, vert-clair, et écru.

On annonce que les pélerines se font doubles; mais sans longs pans — quelquefois descendant en pointe, plus souvent rondes.

Sur les chapeaux de velours des Indes, ou de poux de soie rose, on remarque beaucoup de tulipes d'hiver, ou des jacinthes, ou des violettes.—Ces dernières fleurs sont bien, posées ainsi — deux bouquets de violettes, simples, mêlées à des feuilles, puis semés, s'élevant tout deux, l'un plus que l'autre, contre la forme; ils sont liés très-largement par un ruban qui tourne autour et forme un petit nœud qui retombe en deux bouts très-courts.

M O Д Ы.

Однѣ шелковыя матеріи будутъ въ употребленіи до шѣхъ поръ, какъ можно будетъ носить перкали и льпнія кисей.

Бельгійскіе фулары самая щеголеватая новостъ. Есть прелесныя по верблюжему, нанкиновому или сѣрому грунпу; но отличнѣйшіе по бѣлому грунпу, разводы яркихъ и рѣзкихъ цвѣтовъ, красныя, зелѣныя, оранжевыя, фіолетовыя; иные съ неправильными бляхами бѣлаго и чѣрнаго цвѣта, усыяны Турецкими цвѣтами.—Еще съ узорами Турецкихъ ковровъ, съ покрывшимъ грунпомъ, съ разнообразными кругами; сіи послѣдніе щипаются отличными, они пышны и блестящи.

Платья изъ фулара, конечно, теперь непрѣмная новостъ.

Трудно найти разнообразіе выборъ оныхъ, какъ въ магазинѣ Г-на Gagelin, въ улицѣ Ришелье.—Тутъ же видны гроденапли, назначенныя для Лоншана; они съ зашканными апласистыми полосками; подъ цвѣтъ: иногда легкая полоска отдѣлена отъ другой, всѣ въ равномъ разстояніи; иногда же онѣ расположены какъ спруны на лиръ, какъ и называющся; отличныя цвѣта *vert-perruche* и *mode*.

Другой разборъ, совершенно приличный веснѣ, съ равными волнистыми полосками зелѣными съ фіолетовымъ по зелѣному грунпу.

Дѣлають также платья, для прогулокъ, изъ шерстянаго холста, съ Турецкими узорами; разводы по бѣлому грунпу, крапишки—или разноцвѣтныя полоски.

Poux de soie все будетъ въ употребленіи—цвѣта акантового, сѣраго, свѣтло-зелѣнаго, и небѣленаго баписта.

Говорятъ, что пелеринки дѣлаются двойныя, но безъ длинныхъ концовъ, иногда съ мыскомъ, а по большей части круглыя.

На шляпкахъ изъ Индѣйскаго бархама или розоваго *poux de soie*, замѣтно много зимнихъ тюльпановъ, или гяцинпы или фіалки.—Сіи послѣдніе цвѣты хороши, прищипленные шакъ: два бужеша проспыхъ фіалокъ смѣшаны съ листьями, потомъ схвачены, возвышающся одинъ надъ другимъ на пулъѣ; они связаны ленною весьма широко, которая лежитъ по пулъѣ и оканчивается небольшими банпомъ съ двумя короткими концами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 35.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю карпинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Мая 3 дня, 1853 года.

Хоть иногда и въпрены мужчины,
Но все-жъ у нихъ, по крайней мѣрѣ, годъ
Съ невѣстой и женой порядочно пройдесть;
А здѣсь — нѣтъ мѣсяца, ни даже половинны:
Ужь это черезъ чуръ! Хорошо спалъ нынче свѣсть!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БАЛЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Зима 1853 года неоспоримо должна быть причтена къ числу пѣхъ, въ которыхъ Парижскіе жители наиболѣе веселятся. Трудно повѣрять, какое множество баловъ дано было въ сей столицѣ, начиная съ 1-го Января. Одинъ статистикъ попытался опредѣлить ихъ количество въ особой брошюркѣ, которая скоро выдетъ въ свѣтъ, и которой краткое обзоріе представимъ мы предварительно читателямъ. Хотя исчисленіе въ ней сдѣлано только приблизительно, однакоже оно заслуживаетъ нѣкоторое вѣроятіе.

Замѣчено, что въ три послѣднія недѣли, предшествовавшія заговѣнью, не разъ случалось, что въ одну ночь давали въ Парижѣ до 2,000 баловъ, или танцевальныхъ вечеровъ.

Число баловъ, данныхъ вообще съ Января мѣсяца, хотя и не столь огромно, однакоже не менѣе доспойно замѣчанія. Оно проспи-

ралось отъ 500 до 1500 и болѣе въ одинъ вечеръ.

Въ семь выпсленіи полагаемъ мы всѣ танцевальныя собранія, какого бы рода они не были: музыкальные вечера, окончивающіеся танцами, балы придворные, свадебные, публичные, частные, bals parés, маскарады и проч.

Кажется, безъ преувеличенія можно принять среднимъ числомъ 1,000 баловъ въ день, отъ 1-го Января до заговѣнья, 19-го Февраля, включительно!

Въ семь промежуткѣ времени заключающагося 50 дней.

Тысяча баловъ въ день, помноженная на 50, составитъ ипогъ 50,000 баловъ.

На самомъ неважномъ танцевальномъ вечерѣ танцуются пять конпръ-дансовъ. На ночныхъ балахъ число конпръ-дансовъ возвышается отъ двадцати до двадцати пяти. Положимъ среднимъ числомъ 10.

Десять конпръ-дансовъ на каждомъ балѣ, умноженные на 50,000, сумму всѣхъ баловъ

опть 1-го Января до заговѣнья, дадутъ намъ въ ипогъ 500,000 конпръ-дансовъ.

Количество галопадъ и вальсовъ на балъ часто превышаетъ число пятъ. Полагая среднимъ числомъ 2 для каждаго танцевальнаго собранія, и умноживъ 50,000 баловъ на 2, получимъ 100,000 галопадъ и вальсовъ.

Теперь, отдавая должное уваженіе добродѣтели милыхъ Парижанокъ, положимъ не болѣе какъ по одной невѣрности на всякомъ балъ: выйдетъ 50,000 невѣрностей.

К О Ё - Ч Т О .

Сновидѣнія, какъ цвѣты *belles de nuit* (*ночныя красавицы*), разцвѣтающіе ночью и свѣрпывающіеся при восходѣ солнца. Одно ихъ главнѣйшее и тонкое благоуханіе—остается намъ на память о ихъ скоропреходящемъ явленіи.

Тотъ, кто рано влюбляется, а поздно женился, похожъ на человека, который по утру слушаетъ пѣсни жаворонка, а ввечеру кушаетъ его жаренаго за ужиномъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ АЛГАМБРУ.

(Изъ *Алгамбрскихъ повѣстей Вашингтона Ирвинга*).

Прошло при мѣсяца съ пѣхъ поръ, какъ я поселился въ Алгамбръ, и между пѣмъ поръ года успѣла произвестн свои обычныя перемѣны. Въ пріѣздъ мой, все дышало Майскою свѣжестію; древесныя листья сохраняли еще нѣжную и яркую зелень, гранатовыя деревья не покрывались своими блестящими цвѣтами, но виноградники *Ксенія* и *Дарро* были уже въ полномъ цвѣту; утесы зеленѣли дикими растеніями и кустарниками, и Гренада казалась лежащею въ долинѣ розъ, между которыми не только ночью, но и

днемъ, пѣло безчисленное множество соловьевъ.

Съ наступленіемъ лѣта увяли розы и замолкли соловьи; теперь видны вдали равнины, опаленныя солнцемъ, хопя вѣчная зелень господствуетъ вокругъ города и въ глубокихъ, узкихъ долинахъ, прямо надъ которыми возвышаются горы, покрытыя снѣгомъ.

Въ Алгамбрѣ есть убѣжища, принаровленные ко всякой степени пепла. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ есть почти подземное зданіе купальни, которое сохранило еще восточный характеръ свой, хопя и носитъ на себѣ признаки упадка и опустошенія. Прошедъ чрезъ небольшой дворъ, нѣкогда украшенный цвѣтами, вступаешь сначала въ залу средней величины, но легкой и весьма пріятной архитектуры. Посреди сей залы, окруженной узкою галереєю, которая поддерживается мраморными столпами и Мавританскими сводами, усроенъ алебастровый фонтанъ. На каждой сторонѣ комнаты находятся длинныя альковы съ возвышеніями, гдѣ купающіеся, роскошно распроспершись на богатыхъ подушкахъ, предавались отдохновенію и дышали нѣгою опть благовооннаго воздуха и музыки, раздававшейся въ галереяхъ. Изъ этой залы ходъ во внутреннія комнаты, еще болѣе прохладныя и уединенныя, куда свѣтъ проникаетъ только чрезъ небольшія отверстія въ сводѣ. Здѣсь было мѣсто, гдѣ красавицы гарема наслаждались удовольствіями купанья. Вездѣ царствуетъ главнѣйшій свѣтъ; купальни еще существуютъ, но полуразрушены, и только индѣ мелькаютъ оспалки прежняго великолѣпія. Мракъ и тишина сихъ мѣстъ сдѣлали ихъ любимымъ приспанищемъ непопырей, которые прячутся днемъ въ самыя темныя углы, а ночью, или въ случаѣ испуга, лепкаютъ, какъ фантасмическія пѣни, по симъ полуосвѣщеннымъ комнатамъ, придавая имъ пѣмъ болѣе видъ какогото унынія и запустѣнія.

Въ семъ пріятномъ убѣжищѣ, гдѣ пакъ тихо, какъ въ пещерѣ, проводилъ я самыя жаркіе часы дня и выходилъ опшуда не

прежде, какъ вечеромъ, для того, чтобы или купаться, или лучше сказать, плавать въ большомъ водоёмѣ главнаго двора. Такимъ образомъ, я избѣжалъ до нѣкоторой степени разслабленія, которое производилъ здѣшній знойный климатъ.

Мечта о неограниченномъ владычествѣ моемъ въ сихъ мѣстахъ, наконецъ, исчезла. На сихъ дняхъ я былъ выведенъ изъ неѣгромомъ огнеспрѣльнаго оружія, опозвавшимся въ спѣнахъ крѣпости. Можно было подумать, что собираются брать еѣ приступомъ. Вышедъ изъ своего уединенія, я нашелъ въ посольской залѣ одного спараго *кабаллеро* со множествомъ служителей. Это былъ богатый графъ, который пріѣхалъ на время въ Алгамбру изъ своего Гренадскаго замка, подышавъ здѣсь чистымъ воздухомъ. Какъ записной охотникъ, онъ старался возбудить въ себѣ аппетитъ, спрѣля съ балкона по ласпочкамъ; и забава эта была совершенно невинна; ибо не смотря на проворство, съ какимъ слуги его заряжали ружья, и шѣвъ давали ему средства производить непрерывную пальбу, я не могу обвинить его въ убійствѣ хотя одной пшчкы. Сіи послѣднія, казалось, сами находили удовольствіе въ такой забавѣ,—и какъ будто смѣялись надъ его неловкостью, скользи по балкону и съ громкимъ щебетомъ пролетая мимо его.

Пріѣздъ графа нѣкоторымъ образомъ измѣнилъ для меня порядокъ вещей, но за то онъ доставилъ мнѣ новые предметы для пріятныхъ размышлений. Мы безъ шума раздѣлились между собою свои владѣнія, также какъ послѣдніе короли Гренады; но союзъ нашъ былъ гораздо прочнѣе и дружественнѣе. Графъ самовластно царствуетъ на львиномъ дворѣ, и въ смежныхъ съ нимъ залахъ, а я пользуюсь мирнымъ обладаніемъ купальни и небольшого Линдаракскаго сада. Мы обѣдаемъ вмѣстѣ на дворѣ подъ порпиками, гдѣ фонтаны освѣжаютъ воздухъ, и ручки съ журчаніемъ пекутъ по мраморнымъ плитамъ.

Вечеромъ, вокругъ спараго *кабаллеро* собирается семейный кругъ. Графиня пріѣз-

жаетъ изъ города съ дочерью, утѣшеніемъ своихъ родителей. Нѣсколько васалловъ графа, его духовникъ, спрлчій, секретарь, и управляющіе его обширными владѣніями, составляютъ около него родъ маленькаго двора, гдѣ всякой спарася способствовать къ его увеселенію, не жертвуя однакоже собственнымъ удовольствіемъ, или достоинствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы ни говорили о Испанской гордости, но еѣ не замѣтно ни въ общественной, ни въ частной жизни. Ни у одного народа родственныя связи не бываютъ болѣе пріятны и болѣе нѣжны, а сношенія между высшими и подчиненными болѣе искренни и болѣе достойны уваженія. Въ этомъ отношеніи, въ Испаніи, а особливо въ провинціяхъ, сохранилась еще столь похвальная прррррр древнихъ временъ.

Самое занимательное лице изъ этого семейства есть дочь графа, прелестная, молодая *Карменъ*. Она едва только вышла изъ дѣтскаго возраста, и станъ ея еще не вполне развернулся, но въ немъ видна уже излучная соразмѣрность и нѣжная прелесть, свойственныя женщинамъ ея опечества. Ея голубые глаза, бѣлый цвѣтъ лица и русые волосы, прелести не совсѣмъ обыкновенныя въ Андалузіи, придають ей видъ какой-то крошечки, которая рѣзко противорѣчитъ блистательной живости Испанскихъ красавицъ, но совершенно согласна съ чистосердечіемъ и доверчивою невинностію этой милой дѣвушки. Впрочемъ, она обладаетъ быспротою ума и живымъ воображеніемъ своихъ плѣнительныхъ соотечественницъ: она поетъ, танцуетъ, играетъ на гитарѣ и другихъ инструментахъ превосходно.

Скоро по пріѣздѣ въ Алгамбру графъ праздновалъ день своего рожденія. Онъ собралъ при себѣ всѣхъ членовъ своего семейства и дома, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько старинныхъ его домочадцевъ, съхавшихся изъ отдаленныхъ провинцій для изъявленія ему своей преданности и для того, чтобы принять участіе въ его угощеніи.

Папріархальные нравы, которыми отличалось Испанское дворянство во времена

своей пышности, пришло въ упадокъ вмѣстѣ съ своимъ богатствомъ; однакожь нѣкоторые вельможи, подобные графу, сохранивъ свои старинныя наследственные владѣнія, сохраняютъ вмѣстѣ съ ними и часть старыхъ обычаевъ, и земли ихъ обременены цѣлыми поколѣніями бесполезныхъ пунеедцевъ. По сей системѣ стариннаго Испанскаго великолѣпія, въ которой гордость и доброта души принимали равное участіе, старый служитель никогда не былъ отсылаемъ, но на весь остатокъ дней своихъ становился бременемъ для имѣнія, и не только онъ, но дѣти и внуки его, а часомъ даже и родные съ обѣихъ сторонъ. Сіе-то обыкновеніе послужило основаніемъ обширнымъ замкамъ Испанскаго дворянства, которые принимаютъ видъ пустой хвастливости, если сравнить ихъ съ посредственностію внушеннаго ихъ убранства. Они были необходимы въ прекрасныя времена Испаніи для помѣщенія всѣхъ пѣхъ, кого призывало въ нихъ гостепріимство, и склонности ихъ обладателей. Почтенный графъ, владѣющій землями во всѣхъ частяхъ королевства, сказывалъ мнѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ едва достаточно для пропитанія цѣлыхъ ордъ васалловъ, которые принадлежатъ къ нимъ.

Домашній праздникъ графа нарушилъ привычное однообразіе жизни въ Алгамбрѣ. Смѣхъ и музыка раздалась въ пѣхъ залахъ, гдѣ до сихъ поръ царствовала мерзвая тишина. Въ галереяхъ и садахъ песпрѣли группы, предававшіяся разнымъ забавамъ, а по двору бѣгали служители, привозившіе изъ города припасы для старинной кухни, которая на сей разъ была необыкновенно освѣщена, и какъ во дни своей славы, наполнена поварами и множествомъ прислуги.

Пиръ (ибо Испанскій обѣдъ можетъ въ буквальный смыслъ назваться пиромъ) былъ приготовленъ въ прекрасной залѣ, называемой *Ja la de las da Hermanas*, залю двухъ сестеръ. Столъ былъ заставленъ кушаньями, и самая милая веселость господствовала между собесѣдниками; ибо, хотя Испанецъ обыкновенно и воздерженъ, но никогда

не опаздывается отъ участія на пиру. Что касается до меня, то я находилъ какое-то особенное удовольствіе сидѣть за столомъ въ королевскихъ залахъ Алгамбры, въ гостяхъ у представителя одного изъ извѣснѣйшихъ ея завоевателей: ибо почтенный графъ, хотя самъ и не воинъ, но происшедшій по прямой линіи отъ великаго полководца *Гонзалъва Кордуанскаго*, и щепетильно хранилъ шпагу сего знаменитаго военачальника въ кладовыхъ своего Гренадскаго замка.

Послѣ обѣда гости перешли въ посольскую залу. Тамъ каждый, по своимъ силамъ, способствовалъ къ общему увеселенію; пѣли, импровизировали, рассказывали анекдоты, панцовали подъ звуки гитары, сего всеильнаго палисмана для возбужденія Испанской веселости.

Но душею и украшеніемъ сего собранія была оспроумная и прелестная *Карменъ*. Она занимала роли въ двухъ или трехъ сценахъ изъ Испанскихъ комедій съ весьма замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ; подражала моднымъ Италіанскимъ пѣвцамъ самымъ оригинальнымъ и забавнымъ образомъ; передразнивала языкъ, пляски и пѣсни Цыганъ и окрестныхъ поселенъ, и исполняла все это съ почтностію, и вмѣстѣ съ истинно очаровательною любезностію. Но главную прелестъ всѣхъ ея движеній составляло совершенное отсутствіе кокетства и желанія блистать. Она какъ будто-бы не знала своихъ талантовъ, и выказывала ихъ только случайно, какъ ребенокъ, который хочетъ позабыть своихъ родителей. Впрочемъ, она должна быть одарена весьма вѣрнымъ и тонкимъ духомъ наблюденія: ибо проводя жизнь въ кругу своего семейства, и вѣроятно рѣдко имѣла случай схватить отъ различныхъ черпъ характеровъ, которыя она передавала столь удачно, безъ всякаго приготовленія, и единственно по внушенію минушной веселости. Приятно видѣть нѣжность и удивленіе, съ какимъ смотрятъ на неѣ всѣ домашніе. Даже служители называютъ еѣ не иначе, какъ *Нина*, *крошечка*, названіе, въ которомъ есть что-то чрезвычайно нѣжное въ Испанскомъ язы-

кѣ, особенно когда оно употребляется для похвалы юной красавицы.

Никогда не вспоминаю о пребываніи своемъ въ Алгамбрѣ, не вспомнивъ вмѣстѣ и о милой, молодой *Карменъ*, играющей, въ невинной рѣзвости своего возраста, посреди порпиковъ, танцующей при звукахъ Мавританскихъ каспаньетовъ, или сливающей сладкую мелодію своего голоса съ шумомъ водомѣтовъ.

Пер. Бр.

УЖАСНЫЙ СОНЪ.

Разсказъ.

Въ одномъ обществѣ, въ ненастный осенній вечеръ, говорили о чудесахъ, о привидѣніяхъ, о предчувствіяхъ. Одни повпоряли уже извѣстныя спарыя легенды, другіе клялись (по большой части почтенныя спарушки), что видѣли собственными своими глазами (хотя и не ясно) мерпвецовъ, домовыхъ и проч. Однимъ словомъ, всякой болѣе или менѣе, вышивалъ свои фанпаспическіе узоры по безпредѣльной канвѣ чудеснаго, къ которому человекъ, скажемъ мимоходомъ, склоненъ отъ самой своей колыбели.— Я, признаюсь, принадлежу къ сектѣ Скептиковъ; слѣдовательно, если я несомненно вѣрю возможности сообщенія съ міромъ духовнымъ: по, само собою разумѣется, что я и не опвергаю оной рѣшительно. Здѣсь, кажется, можно къспати повпорить слѣдующіе два стиха *Шекспира*: на землѣ и на небѣ, *Горацио*, говоритъ *Гамлетъ* своему другу, естъ гораздо болѣе таинствъ, чѣмъ полагаютъ ваши философы (*).

«Позвольте мнѣ,» сказалъ одинъ молодой человекъ, поправляя щипцами дрова въ каминѣ, «прочесъ вамъ небольшую хронику, содѣржаніе которой очень близко къ предмету нашего разговора. Не знаю, понравит-

ся ли вамъ мой разсказъ, оплипый, можетъ быть, въ форму своенравную. Впрочемъ, смѣю увѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что это былъ, а не вымыселъ.»

Мы убѣдительно просили его скорѣе удовлетворить нашему любопытству.

Молодой человекъ вынулъ изъ кармана согнутый листъ бумаги, придвинулъ креслы свои къ камельку, и прочелъ слѣдующее:

Хроника одного мѣстечка въ южной Россіи.

«Посмотрите на эту молодую и прелестную женщину, лежащую во гробѣ: каштановые волосы ея распущены по плечамъ, вѣнокъ изъ розъ на кудряхъ ея, бѣлыя руки сложены на груди крестомъ; ангелъ безмолвія осѣняетъ ея крыломъ своимъ: она спитъ; она—кажется—еще не умерла!

«Увы! давно-ль блиспала она, какъ звѣзда упренняя? въ улыбкѣ ея дышала мелодія небесная; цвѣточныя цѣпи Гимена соединили ея съ прекраснымъ юношею, и прелестный младенецъ, милый какъ ангелъ, плодъ нѣжной любви ихъ, только что увѣчалъ ея радость.

«Она родила благополучно. Щастливый супругъ благодарилъ Провидѣніе; задравные покаяны съ Шампанскимъ были уже осушены; все, казалось, улыбалось въ грядущемъ надеждой плѣнительною. Но, увы! мы ходимъ по землѣ, не думая, что попраемъ ногами гробы!— День прошелъ радостно. Благословивъ младенца, она заснула, и видннть сонъ.

«Чудится ей, что она въ церкви: кругомъ кладбище спариннде. Ночь... во храмѣ пылаютъ свѣчи; народъ по уходнть, по входнть, мужчины и женщины, но всѣ блѣднлицы, всѣ спранныя. Между ими узнаетъ она многихъ даже изъ пѣхъ, которые давно уже спали въ могилахъ. Посреди церкви, на возвышеніи, споятъ два открытые гроба: одинъ пустой, другой съ мерпвецомъ. Духовенство въ ризахъ и рясахъ, почти уже исплѣвшихъ, со свѣчами въ рукахъ, поютъ и кадятъ, возглашая пропьяно вѣчную па-

(*). There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of in your philosophy.

мять. Въ полѣ раздавались по временамъ споны; ладанъ курится, колокола гудятъ, а въперъ ходитъ да ходитъ по церкви, почти задувая свѣчи.

«Она пропѣсилась; она спала въ ногахъ у самаго гроба. Мершвецъ привспалъ — и кто-жь былъ мершвецъ попъ? — Родная сестра ея, умершая въ несчастныхъ родахъ, назадъ пому нѣсколько времени. Усопшая, съ распущенными волосами, въ вѣнчикѣ, съ глазами опкрытыми, но мупными и неподвижными, манишь её къ себѣ перспомъ: она не смушила, она подошла къ ней. — «За чѣмъ здѣсь?» спросила она, «эпомъ пропивный мнѣ пуспой гробъ?» — «Жилецъ уже близко.» — «Для кого-жь онъ приговоренъ?» — «Для тебя!» При сихъ словахъ сплный порывъ въпра поколебаль церковь. Она вскрикнула и проснулась.

«Молоко бросилось ей въ голову. Пламенная лихорадка зажгла въ ней кровь. Всѣ пособія врачей были бесполезны, и она умерла на шрепьи супки, почти въ безпамятствѣ, но не забывъ прижапъ къ сердцу и благословишь своего младенца.»

«Вась, которые прочтете эту хронику, увѣряю, что это истинное произшествіе. Несчастный супругъ еще и теперъ оплакиваетъ смерть этого ангела.

«Прошлымъ лѣпомъ я принесъ розу на ея могилу!»

1826 годъ, Ноября 19.

Такъ кончилъ молодой человекъ. Сложивъ бумагу и спрявавъ её въ карманъ, онъ опвернулся въ спорону, чпобы опереть двѣ горячія слезы, выкапившіяся изъ глазъ его.

«Что вы объ эпомъ думаете?» спросилъ меня одинъ пожилой человекъ, проширая шелковымъ Индѣйскихъ плапкомъ спекла очковъ своихъ.

«Думаю,» отвѣчалъ я: «что человекъ, при всей своей гордостп, приподнялъ еще полько небольшой уголокъ занавѣсы, скрывающей опъ него великія пайны.»

Оливъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М Е Ч Т Ы.

Торжественъ и блестящъ восходъ свѣшма дня;
Но дневное свѣшило
Плѣнило болѣе меня,
Когда прощальными лучами золопшло
Главы дубовъ
И спалъ рѣзвыхъ облаковъ.

Игрою переливной, чудной,
Валовъ пучины изумрудной
Не разъ прельщался я, когда надъ ней всходилъ
Или склонялся къ ней державный вождь свѣшилъ
Въ порфирѣ пурпурно-огнистой;
Но для меня милѣй былъ ручеекъ сребристой,
Когда въ зеркаль ясномъ водѣ
Онъ отражалъ небесный сводъ,
Какъ чистую любовь взоръ дѣвы чистой,
Или когда смотрѣлась въ немъ луна,
Богиня сна,
Богиня міра,
Красуясь межъ звѣздъ въ поляхъ эфира.

Какъ любовался я тобой,
Свѣшило думъ, въ ручѣ, на пверди голубой!
На небѣ вѣры такъ сіяетъ
И съ вѣчной высоты пакъ искрился, играетъ
Надежды ясная звѣзда
Въ душѣ столь чистой, безмятежной,
Какъ моего ручья вода.
Какъ часпо близъ него, на муравѣ прибрежной,
Я сладостно мечталъ,
Плескапью спируй любовному внимаю,
И лиры звонъ съ ихъ шопопомъ сливаю;
Какъ часпо пѣнями царя свѣшилъ я провожалъ
На западъ озлащенной;
И на другомъ краю небесъ вспрѣчалъ
Царицу кропкую земли успокоенной,
Луну — любовь задумчивой мечпы. . . .

Въ ея очахъ съ небесной высоты
Слешалъ ко мнѣ мой живошворный геній
Съ семьей эфирныхъ думъ, видѣній,
Какъ упро Майское, какъ опъ,
Мой милый госпъ, прекрасныхъ,

И какъ младайца тихій сонъ,
 Какъ свѣтлый взоръ поэта—ясныхъ;
 Зелѣный рой надеждъ злыхъ
 И вспоминаній неземныхъ
 Съ ней въ хороводы Музъ, Харитъ видѣлись,
 И ими небеса съ землей
 Какъ бы памнспвенно сливались.
 Толпа воздушная падъ юною главой
 Въ лучахъ серебряныхъ, вѣясь, роилась...
 Полетомъ орамъ возносила
 Мысль смѣлая моя превъше всѣхъ міровъ
 Къ свѣтлу вѣчному всѣхъ солнць и всѣхъ духовъ.

Пылалъ въ груди воспоргъ священній,
 И пренепалъ въ струнахъ онъ лиры золошой—
 И, подъ безсильною рукой,
 Звучали струны оживленной
 Могучею игрой

И гимнъ ихъ вдохновенной
 Спекался, мпилось мпѣ, съ созвучіемъ вселенной,
 И духъ мой пламенный—съ всемірною душой,
 Какъ чувствія друзей, любовью неизмѣнной,
 Въ гармонию сродняюся любви,
 Какъ всѣ цвѣтны и неба и земли,
 Цвѣтъ вѣры голубой и цвѣтъ любви огнистый
 Сливаюся въ единый дѣвства цвѣтъ
 Лилейно—чистый,
 Какъ мудрости лучи—въ единый, ясный свѣтъ.

М.

LA FOLLE DE LA VALLÉE DE ***.

Imité de l'Écossais.

Sur chacun de tes traits se grave l'épouvante;
 Tu fuis, jeune bergère, en voyant ma douleur...
 Hélas! il est donc vrai, la pauvre fille errante
 Ne peut plus maintenant inspirer que terreur?
 Approche.. ne crains rien.. ma voix pourra t'instruire
 Mes yeux vont s'adoucir pour calmer ton effroi;
 Et pour te préserver du mal qui me déchire,
 Connais tous mes malheurs, bergère, écoute-moi!
 Alors, ainsi que toi, j'étais fraîche et jolie.
 L'ornement du comté, l'orgueil de mes parens;
 Sans défiance alors je marchais dans la vie,

J'ignorais qu'ici bas il était des méchants;
 Aujourd'hui je le sais... et je veux te l'apprendre.
 Crains d'un sexe trompeur les discours dangereux.
 Owen parlait aussi d'une voix douce et tendre,
 Et ses yeux répétaient son langage amoureux.
 J'écoutais sans soupçon; sa flamme prétendue
 Brûla bientôt mon cœur de ses feux dévorans!
 Il se dit malheureux, fit de nouveaux sermens,
 Je le crus... le perfide... hélas! je fus perdue!..
 Owen, malgré mes pleurs, loin de moi s'est enfui,
 Et ma triste raison s'est enfuie avec lui!
 Mais avant son départ il creusa dans la terre
 Un lit où mes parens furent bientôt dormir;
 Ils sont là-bas... laissons leur couche solitaire,
 Car, s'ils se réveillaient, qu'ils auraient à souffrir!..
 Pour moi, le cœur brisé, je parcours dès l'aurore
 Les lieux témoins de mon bonheur!
 Là quelquefois par une douce erreur,
 Je crois le voir, je crois qu'il m'aime encore;
 La vallée aussitôt retentit de mes chants:
 Alors je ne suis plus l'amante délaissée,
 Je ris... et près de moi j'entends dire aux passans:
 « Grand Dieu, prenez pitié de la pauvre insensée! »

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

Чипателъ! вѣрно вы меня боитесь въ цѣломъ?
 Я зараждаюся въ шуманыхъ облакахъ,
 И путь мой межъ землей и небомъ,
 Однако-жь опъ меня большой для смерпныхъ
 спрахъ.—
 Но выньте лишперу—и я совсѣмъ другое,
 Вы съ чаемъ можете меня употреблять,
 И просто, но не такъ, какъ бы пипьѣ простое,
 Иначе можете вы на себя пеняшь.—
 А еспьли цѣлое не всё—оборопите!
 Тогда увидише: я спрашный бичъ спрапамъ,
 Опустошаю всё,—вы опъ меня бѣгпте,
 А ежели коснусь, то будетъ худо вамъ.—

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
 Уѣздъ Гжатскій.

Въ № 34, помещенная шарада значить: *Вал-бес.*

M O D E S.

Il est de rigueur d'observer les rubans de chapeaux qui doivent être très-mats, en soie grenadine, brochée légèrement sans raies satinées, si ce n'est cependant, à mille raies extrêmement fines.

Les écharpes de promenades sont encore celles de l'année passée, en cachemire, ou en mousseline de laine imprimée.—Pour le bal celles de tulle, tout unies, ou mieux encore de charmantes, très-simples, qui nous ont été montrées dans les magasins de Mme Gleizal; elles sont en tulle uni, bordées au bas par une seule guirlande composée d'une fleur, haute d'une demi-main, et d'une étroite bordure sur les autres bords;—elles sont aussi légères et plus élégantes que les autres, déjà si communes.

Nous apprenons avec plaisir la disposition des robes à volans; on prépare dans les ateliers de Palmyre, de Victorine, des robes d'un genre tout particulier. Sur du gros de Tours, du poux de soie; elles doivent poser des hautes garnitures en mousseline brodée — avec cela, les femmes devront porter des par-dessus de mousseline.—Cette mode sera d'une grande recherche, et d'une extrême élégance il est à désirer qu'elle réussisse.

Quelques jeunes femmes, n'ont pas voulu abandonner les dentelles noires, toilette parée de cet hiver, elles les conservent en demi-toilette; — avec une étoffe de soie de couleur foncée, elles ont des manches à très-longs sabots, et les portent chez elles avec des mitaines en tricot de soie noire.

On a fait un saut en arrière, et l'on a résolu d'utiliser les vieilles garde-robes, laissées en héritage depuis un demi-siècle, par nos arrières-grand-mères.

Les hommes annoncent changer aussi leur disgracieux costume.— On prétend que plusieurs jeunes gens des plus élégants de la société, se réunissent en nombre pour paraître à Long-champs, en présentant une innovation adoptée en corps par eux, pour ce jour.

On voit quelques redingotes de velours, elles peuvent se porter au moins encore un mois.

Pl. No 13. Des meubles.

M O Д Ы.

Необходимо должно наблюдать, чтобъ. лешпы на шляпкахъ были не блестящія, изъ гренадинаваго газа, слетка зашканныя, безъ апласныхъ полосокъ, развѣ съ самыми мелкими полосками.

Шарфы для прогулокъ все еще прошлогодніе, кашемировые, или изъ шерстяной кисей печатные.—Для бала тюлевые, совсѣмъ гладкіе, или лучше еще, самые простыя и прелестныя, показывали намъ въ магазинѣ Г-жи Gleizal; они гладкіе тюлевые, внизу вышишка гирланда изъ одного цвѣшка, шириною въ половину ладони, а по краямъ узенькая каёмка; они также легки, но щеголеватѣе шѣхъ, кошорые споль уже обыкновенны.

Мы съ удовольствіемъ узнали о пригиполлепн плащевѣ съ оборками; въ рабочихъ Пальмиры и Викпорины, дѣлають плащя совсѣмъ особеннаго рода. На гредетуровыхъ *roux de soie* положены будущъ широкія, кисейныя, вышишныя оборки; съ эшимъ дамы должны будущъ носить кисейныя *par-dessus*. Эта мода будеть оплична и чрезвычайно щеголевата; желательна, чтобъ она имѣла успѣхъ.

Нѣкоторыя молодыя дамы не хотѣли оставить чѣрныхъ кружевовъ, большой нарядъ ныпшней зимы; онѣ надѣвають ихъ въ полунарядъ. Съ шелковою матеріею шѣмнаго цвѣша дѣлають рукава съ весьма длинными *sabots*, и носятъ ихъ дома связанными мипенами изъ чѣрнаго шелку.

Нынѣ возвратились вспарь, и рѣшились употребить въ пользу старинныя гардеробы, оставленные въ наслѣдство нашими прабабушками, съ полвѣка пому назадъ.

Муцины также хотящъ перемѣнить свою пеловкую одежду.—Предполагають, что многіе молодые люди, изъ самыхъ опличныхъ щеголей, собираются во множествѣ показаться въ Лошань, выспавя нововеденіе, принятое ими съ общаго согласія, для сего дня.

Видно нѣсколько бархашныхъ сертуквовъ; ихъ можно будеть носить по крайней мѣрѣ еще мѣсяць.

Карп. No 13. Мѣбели.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 36.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10 $\frac{1}{4}$ No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 6 дня 1833 года.

Ей *Надежды* не напрасно
Имя Грація дала,
Какъ любовь — она прекрасна,
Какъ надежда — вѣсьмъ мила.
Гдѣ-бъ она ни повилась,
Ей легко сердца пѣняшь;
Щастливъ тотъ, кому-бъ рѣшилась,
Хоть надежду къ щастью дашь!

В. Федоровъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Статья седьмая.)

Въ Январѣ мѣсяцѣ прошедшаго года встрѣ-
пилась мнѣ необходимость, по пляжебному
дѣлу, побывавъ въ Пепербургѣ. Ясныя до-
воды мои въ насильственномъ у меня завла-
дѣніи двумя сосѣдами родовой лѣсной моей
дачи, показались недовольно ясными управ-
лявшему дѣлами того присутственнаго мѣ-
ста, гдѣ производилась моя пляжба, и ему
угодно было, чтобы я, въ дополненіе къ
пачкамъ документовъ, мною къ нему въ
письмахъ пересланныхъ, самъ привезъ ему
подобныхъ доказательствъ побольше, и до-
лжилъ ихъ лично: безъ чего рѣшеніе дѣла
не только замедлится, но даже можетъ по-
слѣдовать не въ мою пользу. Такъ увѣдом-

лялъ меня изъ столицы сослуживецъ мой,
такой же опспавной уланъ, какъ и я. Не
хотѣлось было мнѣ превозмочь кисти свои,
порядкомъ перещупанныя Французскими пу-
лями; а еще вдвое не хотѣлось лишиться
лѣса, съ приобрѣтеніемъ котораго завелась
бы у меня лишняя копѣйка въ карманѣ на
бушылочку рому для пріятелей;—но нечего
было дѣлать: коѣ-какъ сколопаясь деньжѣн-
ками, я отправился въ путь, по пословицѣ:
хоть не радъ, да готовъ, на парѣ пожилыхъ
буланыхъ коней, которые лѣтъ восемь усерд-
но возили покойнаго моего бапюшку, а те-
перь вѣрно служатъ единственному его
сыну.

На второмъ ночлегѣ вспомнилъ я, что
мнѣ придется проѣзжать подлѣ самыхъ во-
ропъ моего родспвенника, *Федота Кузьми-
га Говядова*, съ которымъ не видался я съ
тѣхъ поръ, какъ онъ, по возвращеніи войскъ
нашихъ изъ Франціи, вышелъ въ 1815 году
въ опспавку изъ Я—го коннаго ополченія.

Онъ былъ мнѣ внучапный братъ: слѣдственно възви родословнаго дерева нашего висѣли одна опъ другой пакъ далеко, что я могъ на этомъ братцѣ женишься, еслибы онъ родился сестрицею. Но я съ малыхъ лѣтъ имѣю правиломъ уважать всякое родство, какъ-бы оно далеко ни было, и совсѣмъ не подражаю молодымъ людямъ большова Свѣта, которые почитаютъ роднею только опца, мапъ, единоупробнаго брата и единоупробную сестру; роднаго же дядю, даже въ Свѣтлое Христова Воскресенье, не удостояютъ именемъ дядюшки, а называютъ его по имени и опечеству. Вотъ почему я спавилъ обязанностію своею захватъ къ *Федоту Кузьлигу*. Впрочемъ, надо признапья, что къ обязанности этой присовокупилъ и ращепъ: согрѣшилъ, грѣшный! смекнулъ, что лучше выкормить у роднаго, который конечно не возьметъ съ меня ни копѣйки, чѣмъ на поспояломъ дворѣ, гдѣ за все плати. Да кто же предъ Богомъ не грѣшенъ, предъ Царемъ не виноватъ! — Военные и спапскіе, купцы, журналисты, всѣ, въ наше просвѣщенное время, извлекаютъ квадратный корень изъ денежныхъ ращѣповъ.

По обыкловенію, поднялся я съ ночлега въ полночь, и мѣрнымъ шагомъ перешагъ 30 вѣрспъ, опдѣлявшихъ меня опъ моего родспвенника. Около 8-ми часовъ упра, оспановился я въ деревушкѣ его, и, не видя въ ней господскаго дома, спросилъ, гдѣ живетъ помѣщикъ? — «Въ новой харчевнѣ, на томъ концѣ деревни.» отвѣчала хриповатымъ голосомъ шедшая съ вѣдрами къ колодезю старуха въ засаленномъ шулупѣ, — лохмотья коего пащились по снѣгу. — Какъ, голубушка, въ харчевнѣ? — сказалъ я удивясь. — «Точно, бапюшка, въ харчевнѣ, промолвила словоохотливая старуха: — да она вѣдь какъ барскій домъ; его милость прошлаго лѣта выспроилъ её вмѣсто старыхъ господскихъ хоромъ, которые совсѣмъ развалились, и проданы на уголья. Въ одной половинѣ изволилъ жить самъ, а въ другую пускаетъ провѣзжихъ изъ барышей.» — Пошелъ! закричалъ я кучеру; — и чрезъ нѣсколько минушъ подѣхали мы къ длинной харчевнѣ, похожей на Жидовскую корчму въ Польшѣ. У

воропъ, распворенныхъ наснежь, споялъ обозъ: мужики, съ оледенѣлыми усами и бородами, въ ожиданіи поварища, пошедшаго справляпья о цѣнѣ овса и сѣна, похаживали около воровъ и грѣлись, поколачивая руку объ руку. Въ ушахъ моихъ раздавался непріятный звонъ бубенчиковъ, десятками висѣвшихъ на хомутахъ. На крышѣ харчевни, у каждой изъ двухъ прубъ порчало по длинному шесту: на одномъ надѣпо было гнѣздо для скворцовъ, а подъ гнѣздомъ висѣлъ деревянный калачъ — вывѣска поспоялаго двора; на другомъ верпѣлся жестяной пѣпухъ — деревенской флюгеръ. Рѣзные спавни раскрашены были зелѣною и алою красками; въ одномъ окнѣ свѣпился сквозь спекла огромный самоваръ, похожій фигуροю на зажипочнаго купца, и бѣлѣлись фаянсовыя чайныя чашки; а на другомъ сидѣлъ жирный песпрый копъ.

Накрылецъ харчевни попался мнѣ навстрѣчу кривой, пожилой кучеръ, съ обрѣзанными въ кружокъ волосами, съ подбрыпымымъ запылкомъ, съ курчавою, рыжею бородою, въ нагольномъ полушубкѣ, перепянутомъ наборнымъ ремнемъ, за которыми порчаль складной ножъ, прикрѣпленный къ ремню длинною цѣпью. «Милости просимъ, сударь, сказала онъ мнѣ: не прикажете ли вскипипить поскорѣ самоваръ?» — Не худо, отвѣчалъ я, входя въ харчевню, а между пѣмъ поди скажи барину своему, что я родспвенникъ его такой-то, и захалъ сюда единственно для свиданія съ нимъ. Рыжебородый, сломя голову, бросился опъ меня въ двери подлѣ печи, и минушъ черезъ приопять выбѣжавъ изъ нихъ, съ смѣшными ужимками лакейской вѣжливости, сказалъ мнѣ: «пожалуйте, бапюшка, къ барину: Богъ знаетъ, какъ онъ обрадовался!» — Въ дверяхъ другой грницы, заваленной мѣшками съ мукой, рѣдкой, карпофелемъ, конскою збруею и разною деревянною посудою, вспрѣпилъ меня длинной, сухой мущина, лѣтъ 40, съ небрипою бородою, съ большими усами, въ такомъ почно подосапомъ, запрапезномъ халатѣ, какіе носятъ лѣпомъ семнариспы, и въ шуфляхъ. Это былъ *Федотъ Кузьлигъ*, копорого, не смопря на 14-ши

лѣпниую пану съ шмъ разлуку. и спранность его костюма, узнавъ я съ перваго взгляда. «Здравствуйте, любезнѣйшій братецъ!» вскричалъ онъ, кинувшись мнѣ на шею: «какъ я радъ, что вы заѣхали ко мнѣ: это прямо по родственному; не взыщите, что я одѣтъ просто, по домашнему. Прошу садиться;»—прибавилъ онъ, вводя меня въ другую горницу, копорая, по видимому, отвѣчала у него за гостиную «а я между тѣмъ кое о чемъ похлопочу, и возвращаясь черезъ минуцу, представлю вамъ дѣшей моихъ—двухъ вашихъ племянниковъ. Эй, Маланья! Болка! — проворите самоваръ!» — Съ сими словами выскочилъ онъ въ тѣ же двери, копорымъ я вошелъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

К О Ё - Ч Т О .

Чувства наши по же, что звѣзды на небѣ; разсудокъ—компасъ, направляющій ходъ корабля, когда звѣзды скрыты опъ насъ туманомъ.

Всего скорѣе можно научиться молчать—съ болпущами, а говорить—съ молчаливыми.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОТО или СОБАКА,

НЕЩАСТНАЯ ПО ПРИВЯЗАННОСТИ КЪ СВОЕЙ ГОСПОЖѢ И СВИРѢПАЯ ИЗЪ РЕВНОСТИ.

(Анекдотъ въ четырехъ картинахъ).

I.

«Знаете ли вы, что она изъ рода храбрыхъ? Предокъ ея былъ въ походѣ съ молодую гвардіею противъ Русскихъ и убилъ изъ ружья при Мон-Сен-Жанъ, возлѣ моего брата, капитана.

«Опецъ ея прослылъ опъявленнымъ дуэлистомъ, грозой Бургъ-ла-Реня. Въ 1829 году онъ погидъ въ Парижъ, жертвою своихъ спрасней.

«Чудная собака!»

Произнося эту похвалу, баронъ съ нѣжностью гладилъ собаку по бѣлой, курчавой ея шерсти; но Пото, казалось, былъ равнодушенъ къ ласкамъ своего господина. Можно было подумать, что его бранятъ за что нибудь: такъ смиренно лежалъ онъ, поупивъ на узорчатый коверъ задумчивые взоры...

При входѣ *Камиллы* онъ вдругъ измѣнился. Надобно было видѣть, какъ скоро исчезло въ немъ выраженіе задумчивости, съ какою красивою легкостью подошелъ онъ къ своей госпожѣ и легъ у ногъ ея, положивъ курчавую голову свою къ ней на колѣни, когда она съла. Покуда молодая дѣвица вышивала, Пото смотрѣлъ на нее молча и покойно.

Дочь барона, *Камилла*, была восхитительной красоты; прелесное лице, блѣдное и пріятное, нѣжно рисовалось въ облакѣ бѣлокурыхъ волосъ; черные глаза; красивый, гибкій станъ, все это вмѣстѣ соспавляло нѣчто чудно-поэтическое. Къ тому же она имѣла дарованія, какъ будто они ей были необходимы. Поискавъ бы другой *Камиллы* въ цѣлой нижней Бренани!

Вдругъ Пото вздрогнулъ, заворчалъ, и, едва лишь дверь гостиной отворилась, бросился къ ней съ спраннымъ лаемъ. *Камилла* спохло только позвавъ его спрогимъ голосомъ: онъ возвратился къ ней и легъ печалень подъ кресла.

«Добро пожаловать, любезный сосѣдъ;» сказалъ баронъ, дружески пожимая руку вошедшему молодому человеку, копорого Пото такъ дурно принялъ. То былъ юноша пріятной наружности, лѣтъ около двадцати прехъ. Сказавъ нѣсколько привѣтспвій, онъ сълъ возлѣ *Камиллы*, и началъ въ полголоса съ нею разговаривать. — Тутъ надо было опять заспавить Пото молчать.

Вечеръ былъ прекрасный. Лучи западашаго солнца золотили верхи дубовъ, и теплый, нѣжный воздухъ не колыхалъ даже кисейныхъ занавѣсовъ у оконъ. *Камилла* предложила прогуляться въ паркѣ: *Октавій* поспасъ согласился, но барону не хотѣлось раз-

спаться съ шахматною игрою, и молодые люди оправились одни. Едва они успѣли выпши изъ зѣмка, *Камилла* прогнала Попо, который за нею послѣдовалъ; онъ въ эпошъ день былъ какъ-то не веселъ.

Зѣмокъ В. . . . . можетъ быть лучший во всей Брешани. Онъ соотвѣспвуетъ одному великолѣпнѣйшему дому въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстїи. Первоначально построенный въ царствованїе *Лудовика XI*, сожженный въ Крестовые походы и разрушенный во время революціи, онъ былъ три раза возобновляемъ, и теперь носитъ печать чепырекрапныхъ переспроекъ. По сторонамъ двѣ башни: одна—зубчатая, съ полуовальными окнами, съ бойницами, обшитыми плющемъ; она напоминаетъ XIV-е столѣтіе; другая—высокая, прямая, выпроена при *Генрихѣ* великомъ; самое зданїе обрѣмѣнено всѣмъ великолѣпїемъ временъ *Лудовика XIV*, а два крыла, проспыя, но красивыя, доказываютъ хорошїй вкусъ нашей эпохи. Но ничего нѣтъ прекраснѣе парка, успроеннаго на берегу пустыннаго моря. Прекрасное мѣсто для поэтовъ-любовниковъ! Тутъ вы найдете и шѣнистыя алей и меланхолическія бесѣдки.

Камилла и *Октавій* вошли въ одну изъ алей, спускающихся по оплогому берегу на край моря.

«Взгляните, сказалъ молодой человекъ, какъ эпошъ зѣмокъ распустилъ свои новыя крылья; посмотрите на обширный паркъ, на земли, перяющїяся на краю горизонта, подобно морю, ихъ омывающему: все это будетъ ваше, баронесса! А у меня нѣтъ ничего, кромѣ эпошаго блага дома и поля, которое его окружаетъ; мое имѣніе такъ же скромно, какъ и имя; мнѣ нечѣмъ поравняться съ вами.»

— Такъ что-жь? . . . — безпечно отвѣчала *Камилла*.

«Для васъ, я знаю, это ничего; но вашъ батюшка, быть можетъ, думаетъ по своему.»

— За чѣмъ же перяшь надежду! . . . —

«Во всякомъ случаѣ,» продолжалъ *Октавій*, етъ рѣшимостїю указывая на океанъ: «вошъ что будетъ нашимъ посредникомъ.»

— Ахъ!— вскричала баронесса, содрогнувшись и схвативъ *Октавія* за руку. . . . .

Что за скука—осенніе вечера въ деревнѣ! Добро бы недалеко отъ Парижской заставы, въ уединенномъ домикѣ, куда шумъ городской не долепаетъ, гдѣ нѣтъ суетной толпы; откуда вечеромъ можно създипъ въ театръ, а потомъ опять воропшиться ночевать въ свое сельское жилище.

Но въ Брешани, на берегу моря, въ обширномъ зѣмкѣ, сосѣдственномъ рыбацкимъ хижинамъ, жить одному, слышать вдали ропотъ океана, въ темную, ненастную ночь, когда окна спонутъ отъ вѣтра. . . .

Большая зала зѣмка В. . . . обита желтою матерїею, съ широкими арабесками; на спѣнахъ висятъ портреты предковъ, писанные съ напуры; около двадцати рамъ: цѣлая мѣологія. Низенькія кресла съ высокими спинками, мѣбель съ исперпою позолопою; на пополкѣ живопись, изображающая древнихъ Амуровъ; широкой, огромной глубины каминъ, одинъ изъ пѣхъ госпепримныхъ каминовъ спарыхъ временъ, около которыхъ всѣмъ было мѣсто. Передъ огнемъ сидѣлъ баронъ, развалившись въ креслахъ, въ широкомъ бархатномъ карпузѣ. Онъ съ большимъ вниманїемъ читалъ журналъ, богатый не вымышленными новостями, хорошими рассказами и колкими спорами: общее достоинство журналовъ.

Шаговъ двадцать поодаль, стоялъ геридонъ, на немъ лампа и корзинка съ работою. Тутъ сидѣли *Камилла* и *Октавій*. *Камилла* вязала бахраму, потому, что такое занятїе не мѣшало ея разсѣянности; *Октавій* держалъ книгу, взяпую изъ тысячи; онъ было началъ читать вполголоса, но скорѣ переспалъ, желая провести время въ искреннемъ, приятномъ разговорѣ, въ которомъ души ихъ говорили такъ ясно, сердца предавались одно другому съ пою спраспною безпечностїю и съ тѣмъ живымъ чиспосердечїемъ, которыя покидаютъ насъ гораздо прежде молодости. Пошъ ворчалъ:

Тодько сильный порывъ въпра могъ опвлечъ барона опъ чпенія, а молодыхъ людей опъ ихъ безумнаго болшанья.

«Эпо предвъспіе холода!» сказалъ спарикъ; «спора подумамъ и о зимней кварширь.»

Онъ опяпъ принялся за свой журналъ; а Попо съ живостію поднялъ голову.

Октавій и *Камилла* помѣнялись печальнымъ взоромъ. *Камилла* надлежало ѣхашъ одной. *Октавій* не могъ оставишь на зиму Бренани. Его опцу, спарому, изувѣченному воину, нужна была помога въ обработываніи поля; да и чшо спалъ бы онъ дѣлапъ въ Парижѣ, бѣдный и несвѣтскій?

Нѣсколькo минупъ прошло въ молчаніи. Попо шевелилъ хвостомъ. . . . .

II.

Вѣперъ завылъ сильнѣе.— Худо будетъ вамъ возвращашъся домой,—сказала *Камилла*.

«У меня еспъ лошадь и плащъ,» опвѣчалъ *Октавій* слабымъ голосомъ: «а *Брильяну* довольно получаса, чшобы добрапъся до конюшни.»

Брильянъ—рабочая лошадь, хрошая и кривая, на копорой *Октавій* совершалъ свои любовныя поѣздки.

«Чшо до меня, то я ни сколько не беспокоюсь,» продолжалъ онъ печально: «вашъ пущъ продолжипельнѣе моего; онъ для меня опаснѣе. Думаепе-ли вы объ эпомъ, *Камилла*? Полгода разлуки!»

— Чшо же дѣлапъ, *Октавій*, если я не могу ошашъся, и если вамъ нельзя за мною слѣдовать. Мы будемъ жипъ въ воспоминаіи прошедшаго, въ мечтахъ о будущемъ; спанемъ писамъ другъ къ другу.—

«Писамъ!... А чшо шакое письмо? Его всегда шакъ скоро пробѣгаешъ, а ждешъ шакъ долго! Какъ пріятна зима въ Парижѣ и какъ скучна она въ Бренани. Балы, да дурныя дороги, меня, я думаю, совсѣмъ измучашъ!»

— Ну, если эпa разлука кажетъся вамъ ужасною, то докажипе, чшо вы мущина: пріѣзжайте къ намъ.—

«*Камилла*! съ важностію возразилъ *Октавій*, у каждаго изъ насъ еспъ опецъ; мой бѣденъ и хилъ; вашъ богатъ и щасливъ; и если одного изъ нихъ можно оставишь, то ужъ вѣрно не моего.»

— Ни шого, ни другаго,—выразипельно опвѣчала *Камилла*.

«И шакъ, намъ ошашетъя полько сказамъ другъ другу: проспип!»

Молодые люди продолжали разговаривашъ. Попомъ, когда угрожающая опасность сдѣлала разговоръ ихъ важнымъ, они повпорили обшпы во взаимной вѣрности.

Баронъ окончилъ свое чпеніе; пропашнулъ руки, зѣвнулъ опъ усшалоспи и, желая освободишься опъ журнала, обернулся къ близъ споявшему спулу.

Возлѣ него опдыхалъ Попо, мраченъ и недвижимъ.

На спулѣ лежала сложенная бумага; баронъ взялъ еѣ машинально: эпо было письмо, адресованное къ его дочери.

Печашъ сорвана; баронъ раскрылъ письмо: число за шестъ мѣсяцовъ назадъ, содержаніе спаро, какъ время: любовное изъясненіе.

Подписано.

Опецъ, прочишавъ до конца, вспалъ, подошелъ прямо къ молодымъ людямъ, и не говоря ни слова, положилъ между ними на сполъ опкрытое письмо.

Оба они вскрикнули разомъ, узнавъ письмо, и сдѣлали невольное движеніе къ сполу. *Камилла* покраснѣла, *Октавій* поблѣднѣлъ.

Однакожъ *Камилла* навѣрное знала, чшо оно не было ею поперяно, попому, чшо еще упромъ она чипала его и положила попомъ въ пошашенное мѣсто.

«Завпра, чѣмъ свѣпъ, чшобъ были лошади гонповы.»

Эпо было приказаніе барона. Топчасъ же выдвинули изъ сарая дорожную карешу, и всѣ люди замка усердно занялись приготопленіями къ опгѣзду, копорый, впрочемъ, пасмурная, дождливая осень дѣлала весьма своевременнымъ.

Но не осень была причиною мрачнаго вида и спорогаго голоса барона, грусти *Камиллы*, веселости и радости *Попо*.

Прекрасный день, заспавивший раскаявашься пѣхъ, которые ранѣе обыкновеннаго намѣрены были уѣхать съ дачи, прошелъ для однихъ слишкомъ скоро, для другихъ слишкомъ медленно.

Било два часа ночи. Ясное, чистое небо сіяло звѣздами и слабо освѣщалось луною; въперъ чупь слышался, да и по по временамъ, наклоняя голыя вершины дубовъ; море молчало вдали.

Изрядная Октябрская ночь для пойсраны.

Въ замкѣ все было спокойно. На терасѣ, у подъѣзда, сполма дорожная карета; дѣло оспавалось за лошадыми. За занавѣшенными окнами замка было мрачно.

Только на одной споронѣ зданія, въ верхнемъ этажѣ лѣваго флигеля, яркій свѣпъ блиспалъ сквозь опущенную спору.

Эпо окно было высоко опъ земли и убрано лучше прочихъ; снизу украшалось оно зелѣною рѣшеткою, въ которой вился ясминъ; впереди и возлѣ оной возвышались двѣ прекрасныя акаціи безъ цвѣшовъ.

Нельзя было подумать, чпобы эпопъ яркій свѣпъ былъ разливаемъ ночью лампадою. Безъ сомнѣнія особа, копорая ппамъ жила, оканчивала свои пригопвления къ опъѣзду, или забывалась въ привлекапельномъ чпеніи, въ спраспной перепискѣ; кпо знаетъ? Дѣло въ помъ, чпо эпо окно вдругъ распворилось, спора тихо приподнялась, какъ знамя по въпру, и помомъ оппашь опущплась на прежнее мѣспо.

Тогда сквозь прозрачную пкань можно было разглядѣть сцену, на подобіе Испанской.

Сцену прелестную: свѣча придавала голубой шелковой занавѣсѣ необыкновенно пѣжный цвѣпъ. За занавѣсою рисовалась группа: спатная красавица пріятной наружности и пригоій молодой чловѣкъ. Дѣвица имѣла свои прелести: спраспныя

объяпія, продолжительные и безмолвные поцѣлуи, исполненные упоенія.

Ревностный поспиппель *Серафимы* опгадалъ бы съ перваго взгляда, чпо по было прощаніе любовниковъ.

Но, какъ и прекраснѣйшее имѣетъ свой конецъ, занавѣсь вскорѣ опдернулась, и молодой чловѣкъ, вырвавшись проворно изъ объяпій, его удерживавшихъ, выбросилъ за окно свой плащъ и быспро шагнулъ на балконъ.

Едва онъ спунилъ на зелѣную деревянную рѣшетку, какъ послышался бѣшенный крикъ.

Явился *Попо*. . . . .

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В Е С Н А.

(*Посвящ. Л. А. Якубовицу.*)

(1831.)

Весна, весна! пора веселья,
 Пора и нѣги и цвѣшовъ:
 Мила, какъ жизни повоселье,
 Какъ избавленье опъ оковъ,
 Какъ поцѣлуй роскошной дѣвы,
 Какъ дѣвы спройныя напѣвы,
 Какъ жизни первая любовь!
 Но жаль, весна, чпо пы мгновенцо
 Плѣняешь насъ пппомцевъ въюгъ
 Своей красою обновленной...
 И, погоспя, лепишь на Югъ,
 Оппашь въ пріюпъ свой вдохновенной!
 И такъ, проспн! нашъ гостъ крылапый,
 Природы пламенная дочь!
 Чпо-жъ? мы изъ дымной хапы
 Глядимъ на Сѣверную ночь!
 Таковъ законъ зимы суровой;
 Таковъ нашъ край, когда снѣга
 Своимъ ковромъ одѣнушъ снова —
 На мигъ цвѣпуціе луга!...

Петръ Никифоровъ.

Ф А Н Т А З И Я .

Я не пойду опять труда,
Гдѣ падшихъ ангеловъ собранья
Скопляють плодъ любоспяжанья
Продажей правды и суда.

*

Я не пойду опять труда,
Гдѣ глупый сынъ высокомерья
Поклоповъ ищетъ, какъ невѣрья,
Почѣта хочеть безъ шруда.

*

Я не пойду опять труда,
Гдѣ сидней вѣчная беседа,
Гдѣ двойкою сосѣдъ сосѣда
Прирѣзываетъ безъ спыда.

*

Мнѣ свѣтъ и веселье жена молодая
И рѣзвыя игры забавныхъ дѣшей,
Съ родными, съ друзьями беседа живая,
Безъ замысловъ хитрыхъ, лукавыхъ рѣчей.

*

Я къ чистой природѣ
Издавна привыкъ;
Душа на свободѣ,

Душа въ разговорѣ и вѣренъ языкъ.
И пѣсни не терпятъ съ душою разлуки:
Онѣ безъ неѣ красотой не блестятъ.
Съ души пѣснопѣвца пріятные звуки
Слешають, несутся, какъ съ розъ ароматъ.

Пѣвецъ знаменитой
Лишь можетъ пѣнять
Душою открытой:

Въ ней спройность и сила и духа печаль.

А. Стыцковъ.

Э П И Г Р А М М А .

Ты изъ *Ольгина* опважною рукою
Похитилъ всё, что могъ:
Главы цыры Римскія и точки съ запятою,
И длинный рядъ спраиць, неполный чепухою,
И домикъ и пруды, и мельницу и спогъ,
И... и.... всего довольно.
За чѣмъ же не взялъ ты еще палантъ и слогъ?
Напрасно ты опъ нихъ опрекся добровольно!

М. Сарандинаки.

LOGOGRIPHE.

Je sais souvent vous amuser
A l'avant ainsi qu'à l'arrière;
Mais je peux aussi vous blesser
Par devant comme par derrière.
Voulez-vous me décomposer,
En mettant mon devant derrière?
Alors je vous ferai danser
Et par devant et par derrière.

Въ No 55, помѣщенный логогрифъ значить: *Гроль*.

MODÉS.

Ce n'est pas pour un jour seulement que les *fêtes* de Long-champs fournissent matière à récit; cette année surtout, la solennité était modeste et triste, et pour connaître tous les détails de nouveautés conçus pour ses trois jours fériés, au lieu de les embrasser d'un coup d'œil, le vendredi, comme on l'eût fait il y a quelques années, il ne nous est laissé que la visite des magasins qui avaient travaillé pour cette réunion.

Étoffes nouvelles. — Aucune étoffe n'a pris place avant les foulards à riches dessins; — ceux dont nous avons parlé sortant des *magasins de la Providence*, se retrouvent dans les ateliers de Palmyre et de Victorine qui n'habillent que les femmes du monde le plus élégant. — En effet, rien n'est plus charmant pour robe de printemps qu'une étoffe de couleurs brillantes et variées; un tissu léger qui tient le milieu entre les soies d'hiver et les mousselines d'été.

Un dessin de jaconas tout nouveau qui vient de paraître dans ce magasin, et que nous avons remarqué comme un des plus élégans et gracieux, et un semé en branches de *Ne m'oubliez pas*.

De nouveaux gros de Naples à raies satinées, à raies chinées, à dessins brochés, y ont paru, renouvelés encore pour cette époque.

Des pékins à dessins peu apparens, fort convenables pour redingotes de visite; — d'autres brochés, chinés en marbrure.

Ensuite se soutiennent toutes les étoffes de soie que nous avons indiquées depuis la fin d'hiver.

Dentelles.—Les mantellets remplacent les manteaux; on en fait pour toutes les toilettes. Ceux de blonde blanche ne conviennent que le soir; ceux de dentelle noire ou blonde noire se portent le soir et le jour. Quelquefois les uns et les autres sont très-riches de garnitures et tombent en double col, en double jockey; mais les plus souvent ils n'ont qu'une garniture simple et une ruche autour du cou. — On les fait aussi sans aucune garniture au cou ni dans toute la longueur du bord intérieur, on les borde d'un ruban pareil aux nœuds. Ceux de dentelle, véritable ou application, se doublent de marceline de couleur ou blanche.—Ceux de mousseline ne sont pas doublés ordinairement, cependant cela fait assez bon effet. Il y avait à Longchamps une femme dans un landeau fermé dont le mantelet de dentelle noire était doublé en marceline bleue.

On fait aussi dans ce genre des pélerines un peu décolletées, en application de Bruxelles; elles se doublent en entier, si ce n'est sur l'extrémité du bord qui se détache transparent. Les plus élégans de forme et de dessins que nous ayons remarqués, venaient des magasins de Mme Gleizal, rue Dauphine, ainsi que des cols semblables.—Ces cols et ces pélerines se portent sur les robes d'étoffe ou sur une robe blanche comme les mantilles, sans qu'il soit nécessaire que le col soit de même couleur que la robe.

М О Д Ы.

Праздники въ Лонданѣ доставляютъ поводъ къ разсказамъ не на одинъ только день; особенно нынѣшній годъ торжественно сіе было скромно и печально, и чѣмъ узнать всѣ подробности новостей, вымышленныхъ для сихъ трехъ очаровательныхъ дней, вмѣсто того, чѣмъ окинувши ихъ однимъ взоромъ, въ пышницу, какъ то сдѣлали бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ остается посѣщать магазины, въ которыхъ спрудились для сего собранія.

Новья матерія.—Ни одна матерія не взяла преимуществва надъ фуларами съ пышными узорами; —которыя мы видѣли въ магазинахъ *de la Providence*, находясь также въ рабочихъ Пальмиры и Викторины: онѣ одѣваютъ только дамъ самаго щеголеватого свѣта.—Въ самомъ дѣлѣ, ни-

чего нѣтъ прелестнѣе для веселнаго плашья, какъ матерія съ самыми блестящими и разнообразными цвѣтами: легкая шкатель, составляющая средину между зимними шелковыми матеріями и лѣтними кисеями.

Самый новый узоръ жаконета, показавшійся въ семь магазинѣ, который мы замѣтили какъ весьма щеголеватый и красивый, — по всему разбросаны въпки незабудокъ.

Тамъ показались также новыя гроденапли съ апласными, волнистыми полосками, съ затканными узорами, возобновленные для сей эпохи.

Пекины, съ не весьма видными узорами, очень приличны для визитныхъ редингоповъ; — другіе затканные, волнистые подѣ мраморъ.

Также поддерживаются всѣ шелковыя матеріи, о которыхъ мы говорили послѣ окончанія зимы.

Кружева.—Маншильи замѣнили плащи; ихъ дѣлаютъ ко всякому наряду. Бѣлыя блондовыя приличны только вечеромъ, изъ черныхъ кружевовъ и черной блонды носятъ упрямъ и вечеромъ. Иногда и шѣ и другія съ весьма пышными оборками, съ двойными воропниками, двойными эплетами; а по большей части онѣ просто съ оборкою и рюшемъ около шеи.—Ихъ дѣлаютъ также безъ оборки около шеи и во всю длину внутренняго края, а обшиваютъ такою же леншою, изъ какой банпы. Кружевныя, настоящія или накладныя, подкладываютъ бѣлымъ марселиномъ.—Кисейныя обыкновенно не подкладываются, впрочемъ эпо довольно красиво. Въ Лонданѣ, одна дама въ закрытомъ лондо, была въ черной кружевной маншильи, подложенной голубымъ марселиномъ.

Дѣлаютъ въ такомъ же родѣ немного открытыя пелеринки съ накладками изъ Бриссельскихъ кружевовъ; ихъ совершенно подкладываютъ, только край ославляютъ прозрачнымъ. Самыя щеголеватыя формы и узоры, какіе мы видѣли, изъ магазиновъ Г-жи *Gleizal*, въ улицѣ Дофини, какъ и подобныя воропники. — Эпипелеринки и воропники носятъ на шелковыхъ или бѣлыхъ плашьяхъ какъ маншильи, не поспавляя необходимости, чѣмъ воропникъ былъ одного цвѣта съ плашьемъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 37.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 10 дня, 1833 года.

Бышь можешъ, что въ нашъ вѣкъ дурнаго много ешъ;

Когда же не было дурнова?

Всѣхъ въ міръ золь не перечешъ!—

И что мнѣ до того? я мнѣнія такова:

Коль безъ обиды для другога,

Могу день весело провести,

То веселюсь, минуты не теряя.

Воцъ философія моя.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Продолженіе.)

Оставшись одинъ, окинулъ я глазами гор-
ницу. Простой, необишый ничѣмъ диванъ,
выкрашенный цурикомъ, и передъ нимъ не-
опрятный, облипый чернилами споль;
шесть бѣлыхъ деревенской работы спуль-
евъ; въ простѣнкѣ нескладная конпорка,
принадлежавшая прошедшему спольстію; два
сундука, одинъ на другой поставленные
подлѣ огромной печи, на которой спояла
алебаспровая кошка съ движущеюся голо-
вою; въ углу уродливый шкафъ, сквозь пол-
ки котораго продѣшны оловянные споловые
и чайныя ложки, а позади лежекъ споя-
ли два спакана, канфорка, жестяной ко-
фейникъ и бупыль съ настпойкой, окру-
женная кучею рюмокъ; наконѣць рѣзная

прехъ-спрунная балалайка, висѣвшая на
гвоздикѣ у окошка, вмѣстѣ съ аспидной до-
ской, — составляли мѣбель горницы, раздѣ-
ленной на двѣ часпи перегородкою, изъ-за
которой выглядывалъ сипцовый занавѣсъ.
На голыхъ спѣнахъ наклеены были иска-
женные, раскрашенные порпепры: *Кутузо-
ва, Барклая де Толли, Витгенштейна, Багра-
тіона, Беннигсена, Кульнева* и другихъ ге-
нераловъ, прославившихъ себя въ опече-
спвенную войну 1812 года; а на перегород-
кѣ висѣли въ рамкахъ безъ спеколъ: сраже-
нія Бородинское и Березинское; въ рамкахъ
со спеклами: чепыре карикаспуры, между
которыми опличчалась болѣе прочихъ пред-
спавляющая Вандомскую площадь, на ко-
порой собравшійся народъ пиянепъ верев-
кою, съ извѣспной колонны, бюспъ *Напо-
леона* за шею. Карикаспуры эпи были до-
вольню хорошо выгравированы, и я догада-
лся, что брапецъ мой самъ вывезъ ихъ изъ
Пале-Рояля, дабы въ опспавкѣ, любуясь
ими, воспоминапъ, воинскіе свои подвиги, и

вмѣстѣ съ шѣмъ, въ эпихъ Французскихъ выходцахъ, передашь дѣтямъ и внучатамъ живое свидѣтельство бытности своей въ Парижѣ. — На окошкахъ лежали: аршинъ, пожицы, тысяча одно дурачество, самоучитель Французскаго языка, нѣсколько небольшихъ свѣчекъ желтаго воска, и до половины связанный шерстяной чулокъ со спицами.

Только что кончилъ я осмотръ горницы, какъ распворились двери между сундуками и перегородкой, и вошелъ *Оедотъ Кузьмигъ* въ томъ же самомъ нарядѣ, какъ и прежде, ведя за руки, въ суровыхъ домопканныхъ курпочкахъ, двухъ опъ 8 до 10-ти лѣтъ мальчиковъ, которые, нехотя, подвигались за нимъ впередъ, упираясь и поглядывая на меня изъ-подлобья. — Представляю вамъ, брапецъ, сказалъ онъ мнѣ, племянниковъ вашихъ: пожалуста полюбите ихъ: они, право, ребятишки добрые, только робки. *Ванижка! Сентюшка!* прибавилъ онъ, обратясь къ нимъ, что вы споите? кланяйтесь дядюшкѣ, цѣлуйте у него ручку. — Я поцѣловалъ племянничковъ, — и они опромелью кинулись вонъ изъ горницы.

« Садитесь-ка, брапецъ, сюда на диванъ, да поговоримъ-те по родственному, сказалъ мнѣ *Оедотъ Кузьмигъ*: я поразкажу вамъ о моемъ жпшѣ-бытѣ; вѣдь мы не видались 14 лѣтъ. Въ это время успѣлъ я женихъся, нажипъ дѣтей, развѣхаться съ женою, или, сказано по правдѣ, она меня успѣла бросить, — и я, какъ видите, живу въ этой харчевнѣ не холоспымъ, не женапымъ, пакъ, ни по, ни сѣ.» — Я сѣлъ; и между пѣмъ, какъ *Маланья*, въ полинявшей малиноваго спа-меда кофточкѣ и выбойчатомъ передникѣ, повязанная краснымъ Оспинскимъ плапкомъ, подносила мнѣ чай, у меня съ *Оедотомъ Кузьмигемъ* начался слѣдующій разговоръ.

Я.

Какъ родственнику, мнѣ любопынно знать все, до васъ касающееся. Слышалъ я, что вы женились; а кто супруга ваша оспа-

вила васъ — эпаго я совсѣмъ не зналъ. Скажите, сдѣлайте одолженіе, какъ это случилось?

О н ѣ.

Прежде надобно вамъ знать, какимъ образомъ я женился. Самъ не знаю, за что наказалъ меня Богъ пакимъ супружеспвомъ! — На другой годъ опспавки моей, лукавый подспрекнулъ меня вѣхавъ въ П—е на ярманку. Тамъ, въ красномъ ряду, вспрѣпился я съ дѣвицей, опрятно одѣпой, которая въ одной со мною лавкѣ покупала себѣ поддѣльные подъ жемчугъ бусы. Дѣвица эпа, дочь умершаго спряпчаго, *Марья Даниловна Клопова*, какъ говорптся, загла мнѣ сердце, то еспъ, пакъ мнѣ понравилась, что я, во чпобы-то ни спало, рѣшилъ на ней женихъся; и на другой же день послалъ къ ней сваху, — знакомую мнѣ спарушку-торговку. Не умѣю ужъ сказапъ вамъ, самъ ли я приглянулся невѣспѣ, или мои 18 душъ приглянулись ея мапушкѣ, — только дѣло сладилось, — и мы съ *Марьей Даниловной* черезъ недѣлю веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Правда, намѣкали мнѣ нѣкоторые мои знакомые, что повыпчикъ Земскаго Суда часпенъко похаживаетъ въ госпи къ мапушкѣ и дочкѣ, дѣлаетъ имъ подарки по праздникамъ, и предостерегали, чпобы я, прежде свашьбы, порядкомъ объ эпомъ развѣдалъ; но я, глупецъ, не послушался ихъ, думая, чпобы все это выдумки злыхъ людей, враговъ покойнаго спряпчаго, — и женился! За то теперь жеспко каюсь, да пособишь нечѣмъ, по пословицѣ: *снявши голову, по волосамъ не плачуть*. Скоро оправдались слова моихъ знакомыхъ: горько мнѣ было, радъ былъ развѣнчаться, да жена не сапогъ, съ ноги не скинешь.

Я.

Не догадливы-жь вы! Споило шолько създипъ вамъ къ спарообрядческому попу, и дапъ ему рублей десяпъ: онъ обвелъ бы васъ вкругъ налоя пропивъ солнца, — воптъ вы и развѣнчались бы.

О н ъ.

Вамъ, брапецъ, шупки, а мнѣ было уже не до шупокъ. Сначала хотѣлъ я бездѣльника повыпчка вызвать на дуэль, и, по армейски, проучить его Французскою моею саблею: да разочтя то, что для приказнаго, вооруженнаго гусинымъ перомъ, сабля поже, что для чѣрпа ладонъ, оставилъ мое намѣреніе, и положась на кляпвенное обѣщаніе *Марьи Даниловны*, никогда не видашься болѣе съ эпимъ плутомъ, уѣхалъ съ нею сюда. Девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Богъ даровалъ намъ двухъ сыновей, жили мы, нечего сказать, довольно согласно, и, казалось, жена меня любила. Случалось иногда изрѣдка, что она немного раскапризится, да я вѣдь не другой кто: прикрикну на неё по военному, такъ она потчасъ и въ спрунку. Каждогодно отпускалъ я её къ шѣщъ своей; но эти поѣздки въ послѣдніе два года сдѣлались чаще: она умѣла меня упрашивать; я, дуракъ, не умѣлъ ей отказывать,—и наконецъ кончилось это шѣмъ, что въ третьемъ годѣ моя *Марья Даниловна*, вмѣсто возвращенія сюда, изволила увѣдомить меня письмомъ, что не хочешь болѣе со мною жить, и остаётся навсегда у своей почтенной родителъницы. Такимъ-то образомъ теперь я безъ жены, а дѣти мои безъ матери! Всему причиною, какъ узналъ я, проклятый повыпчикъ, съ которымъ жена моя, во время поѣздокъ въ П—е, по прежнему имѣла частыя свиданія. Не правда ли, брапецъ! худо я сдѣлалъ, что не изрубилъ эпига бездѣльника на другой день моей свадьбы?

Напротивъ, очень хорошо. Слишкомъ неблагоприятно, даже постыдно, жерпвовалъ собою за бездѣльника. Законы осудили бы васъ, и очень справедливо. Впрочемъ, въ несчастіи вашемъ утѣшесь, если можно, шѣмъ, что вы не первый подверглись ему, и вѣрно не послѣдній: въ наше время подобныя случаи слишкомъ нерѣдки, особенно въ семействахъ богачей и знатныхъ, гдѣ домашніе разводы въ такое вошли обыкновеніе, что мужья женъ, а жены мужей, не только черезъ девять лѣтъ, даже черезъ

годъ послѣ брака, покидаютъ, не спыдаясь ни сколько и не подвергаясь ни малѣйшему порицанію. Мужья ищутъ утѣшенія у актрисъ, у танцовщицъ; жены также заводятъ связи, но только не съ повыпчиками, какъ ваша *Марья Даниловна*, а съ Французами-учителями, или съ молодыми людьми лучшаго тона, благовоспитанными героями паркета. Повѣрьте, *Федотъ Кузьмигъ*, что люди вездѣ одни и шѣже, съ равными пороками, съ равными добродѣтелями; капризся одинаково вода: и въ Невѣ, и въ эпимъ ручьѣ, который подлѣ вашей харчевни. Кстапки о харчевнѣ: скажите пожалуйте, по какой причинѣ переселились вы въ неё? Не приличье-ли было бы выстроить вамъ для себя домикъ, или флигелёкъ?

О н ъ.

Это также расскажу я вамъ, брапецъ, и докажу, что въ харчевнѣ жить и лучше и выгоднѣе. Вотъ увидите ли...

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

К О Ё - Ч Т О.

Извѣстный читателямъ Лип. Прибавленій г. *Оглоблинъ*, раскланиваясь съ навспившимъ его пріятелемъ, сказалъ ему: «не смѣю просить васъ остаться обѣдать; если-бъ я зналъ, что вы ко мнѣ пожалуете: то приказалъ бы изготовить что нибудь получше.» Дворецкій, услыша это, потчасъ подбѣжалъ къ барину и въ полголоса сказалъ ему: у васъ, сударь, сегодня *телячья голова!*

Въ блестящихъ собраніяхъ мы смопримъ на людей, какъ на книги въ шкафахъ, за стекломъ, въ богатомъ переплѣтѣ. Мы видимъ одно ихъ заглавіе.

Ананасъ зрѣетъ между колючими иглами; наспоющее наше зрѣетъ между двумя благовонными ананасами: воспоминаніемъ и надеждою.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОТО́ или СОБАКА,

ИЩАСТНАЯ ПО ПРИВЯЗАННОСТИ КЪ СВОЕЙ ГОСПОЖѢ
И СВИРѢПАЯ ИЗЪ РЕВНОСТИ.

(Окончаніе.)

III.

«Молчать, Потомъ!» сказали ему тихо; но онъ въ первый разъ не повиновался споль знакомому, такъ много имъ уважаемому и къ тому же прекрасному голосу; Потомъ предался своему бѣшенному воплю до того, что *Октавій* рѣшился оспасться недвижимъ, до вѣрля себя темнотъ.

Но инстинктъ Потомъ не допустилъ его быть игрушкою такой хитрости.

Ни безмолвіе, ни темнота не могли его обмануть: *Октавій* былъ шупъ. Потомъ не прерывалъ своего яростнаго лая. По поднятой шерсти, по его неправильнымъ скачкамъ, Потомъ походилъ на люпаго звѣря. Сперва онъ кинулся на спѣну, но это покушеніе ему не удалось. Тупъ бросился онъ на плащъ *Октавіа*; долго капался по немъ, потомъ схватилъ его зубами и оптащилъ въ спорому, какъ ненавистный документъ изобличенія.

Это была черта большаго присутствія духа и ума.

Вдругъ два окна и дверь распворились наснежь и нѣсколько голосовъ спросили:

«Что такое?»

Потомъ ударилъ въ набатъ: судя по его лаю, можно было подуматъ, что цѣлая шайка разбойниковъ напала на замокъ, чтобы довершить его пяное разрушеніе. Вскорѣ пришелъ слуга, за нимъ еще двое, потомъ баронъ. Первый съ фонаремъ, баронъ съ ружьемъ.

Потомъ запрыгалъ опъ радости; баронъ подошелъ къ нему, и увидя плащъ, сурово вскричалъ. Разсмотрѣвъ его, онъ съ гнѣвомъ воскликнулъ:

«Гдѣ онъ?»

Потомъ его понялъ; побѣждалъ подъ окно *Камиллы*; человекъ съ фонаремъ послѣдовалъ за нимъ, и между обнаженными вѣтвями ясмينا, увидѣли *Октавіа*.

Баронъ схватился за курокъ.

Но *Октавій* съ быспропою мысли кинулся къ балкону; *Камилла* упала къ нему въ объятія, и баронъ въ одно время прицѣмился въ молодаго человека и въ свою дочь.

Достошно кисти!...

Да здравствуетъ почтовая ѣзда! Въ мягкой каретѣ, въ хорошую погоду, когда сельскіе виды освѣжаются холодкомъ, по гладкой дорогѣ, въ прекрасной спранѣ, съ вѣрнымъ ящикомъ: это несравненное удовольствіе. Но какое наслажденіе путешествовать съ любимою женщиною! Когда узкое пространство кареты сближаетъ васъ съ нею; когда нельзя сдѣлатъ ни малѣйшаго движенія рукою, не прикоснувшись къ ней; когда пѣшь дыханіе ея при каждомъ ея словѣ: это больше, чѣмъ наслажденіе; это новая жизнь, развертывающаяся въ быспрыхъ и безпрерывныхъ упоеніяхъ! Жалѣешь только о томъ, что слишкомъ скорѣ ѣдешь, съ горестію считаешь, сколько миль проѣхали и сколько еще оспається; ибо, если-бъ по окончаніи путешествія не должно было разлучаться, то щастіе не имѣло бы уже поидѣны.

Октавій и *Камилла* блаженствовали въ продолженіи прехднвнаго путешествія. Хотя присутствіе барона нѣсколько пягопило ихъ, попому, что при немъ они не могли сообщать другъ другу все, что было у нихъ на душѣ, слѣдуя всѣмъ движеніямъ сердца, но и эта воздержность имѣла свою пайную, нѣжную прелестъ; сверхъ того они умѣли говорить глазами и опвѣчать одинъ другому пожатіемъ рукъ; опъ нужды они выдумывали тысячи хитростей, исполненныхъ опкровенной науки, и пользовались искусствомъ, которое раждається въ умѣ, когда любовь закрадётся въ сердць.

Сколько разъ, на примѣръ, показывая, будто хотятъ взглянуть на мѣстоположеніе, полюбоваться природою, они высывали, въ одно время, свои головы изъ окна и на-

скоро мѣнялись опривисстыми словами, а часто чѣмъ нибудь и лучше.

Къ тому же баронъ былъ совсѣмъ не спрогій наблюдатель; дѣло ихъ было доведено до того, что ему оспавалось только дать имъ полную волю.

Однакожь, хопя онъ и говорилъ имъ довольно ласково:

«Вы будете супругами.»

Но они все еще не были увѣрены. Можеть бытъ, у него родилась дорогою какая нибудь поздняя мысль, можеть бытъ онъ раскаявался въ томъ, что говорилъ и въ чемъ далъ уже слово. Онъ досадовалъ, что ему не удалось ввести дочь свою на высокую степень, и съ горестию думалъ о знашномъ и богашомъ замужствѣ, которое онъ, со всѣмъ попеченіемъ опца и со всѣмъ предвѣднїемъ спарца, спарался нѣкогда успроить для своей дочери.

Онъ сожалѣлъ объ этой ослѣпленной дѣвочкѣ, которая по прихоти сердца нисходила изъ своего блестящаго состоянїя, безразсудно обрекала себя горестямъ, дѣлая величайшую ошибку, какую только можеть сдѣлать дѣвица:

Выпши за неровню.

Онъ думалъ, что время еще не ушло; искалъ средствъ разорвать союзъ, еще не укрьпившїйся. Но честь, эпомъ спрогій призракъ, святое слово, высокий законъ, являлись вопреки его горькимъ размышленїямъ, его родительскимъ жалобамъ.

Когда дочь спросила его, опъ чего онъ такъ печаленъ и задумчивъ, онъ опвѣчалъ, что груститъ о Попо.

Въ самомъ дѣлѣ, никто не зналъ, куда онъ дѣвался. При опгѣздѣ напрасно кликали и искали его: Попо пропалъ безъ вѣспи. Должно было полагать, что онъ сдѣлался жертвою какого нибудь несчастнаго случая, о которомъ никто не зналъ, или онъ, бытъ можеть, убѣжалъ изъ дому.

Баронъ посковалъ по немъ, какъ по умершемъ.

Напрасно. По окончанїи пупешествїя, когда карета оспановилась въ Сень-Доминк-

ской улицѣ, передъ домою барона, Попо сидѣлъ у ворошъ.

Унылый, успалый, весь въ пыли.

Завидя господъ своихъ, онъ не изьявилъ ни радости, ни досады. Онъ былъ задумчивъ (!!!).

IV.

Баронъ предспавилъ своего будущаго зптя собравшемуся у него въ домою благородному обществу, съ видомъ, внушавшимъ почтенїе и какъ будто высказывавшимъ:

«Дочь моя могла бы унизить себя союзомъ съ герцогомъ; но не хопѣла.»

Женихи благородной наслѣдницы (а въ нихъ никогда нѣтъ недоспапка, ибо когда она была еще ребенкомъ, по извѣспнѣйшїмъ семейства изьявляли желанїе породннться съ нею), пробили опспунъ; но не безъ того, чтобы опспуннть нѣсколько колкихъ насмѣшекъ на неравенство брака.

«Единспвенную наслѣдницу такого древняго дома, говорили добрые дворяне, опдашь за просполюдина!»

Нѣкоторыя дамы дѣлали свои догадки о прошедшемъ, замѣчал красоту *Октавіа* и чувспва, на лицѣ его выражавшїйся.

Какъ-бы по ни было, они ни сколько не оправдывали наспоющаго.

Однѣ только подруги *Камиллы* были довольны эпимъ бракомъ, потому, что къ нимъ должна была обратиться толпа обожателей, которая долго окружала богашую наслѣдницу.

Между тѣмъ, какъ сочинялись эпиграммы, происходили хитрые толки и ревностныя увѣщанїя свѣта, приближалось время свашъ-бы.

Свадебныя пригопвления дѣлались съ большимъ великолѣпїемъ. Комнапы молодыхъ убраны съ опмѣнною пышностию. Приданаго столько, что стало бы на цѣлый монастырь; невѣспина корзинка спбалась подъ тяжестью брилїантовъ и кашемировъ.

Наспалъ день брака. Оба семейства собралнсь въ пышной залѣ.

Съ одной стороны — полпа знапныхъ особъ, въ орденахъ, съ пиплами, съ имена-ми, освященными испоріей, съ надменными лицами...

Съ другой—*Октавій* и его отецъ: видный спарець, въ мундиръ, съ рубцемъ на лбу и съ медалью на груди.

Баронъ былъ богаче и знапнѣе всѣхъ своихъ родспвенниковъ, и потому, какъ съ той, такъ и съ другой стороны привѣспствія сыпались съ одинакою вѣжливостію, не скажу съ одинакою искренностію.

Помомъ, по минованіи приличныхъ изъясненій въ чувспвахъ и поздравленій, нопариусъ принялся за свое дѣло, и началъ чипаша актъ.

Всего было вдоволь. Послѣ имени *Камиллы*—цѣлыя двѣ спраницы пышныхъ эпиппеповъ и громкихъ названій; послѣ имени *Октавія* — двѣ спроки.

Октавій имѣлъ слабостъ покраснѣть.

За невѣспой земли, замки, удѣлы, годовые доходы. За женихомъ ровно ничего.

Но восхиппительный взглядъ *Камиллы* возвратилъ ему прежнюю пвердостъ. Къ тому же онъ дѣйспвовалъ по внушенію спраспи, а не по ращепу: его убѣждала въ помъ совѣспъ! И такъ, онъ вооружился мужеспвомъ, подписалъ пвердою рукою актъ, содѣлывавшій его щаспливымъ и богатымъ.

Завпра свашьба. Какой суепливый, долгій день! Безпокойный, церемонный день, удпипельнымъ образомъ раздѣляющій двѣ эпохи, двѣ любви: юную, неопытную, скромную, предпріимчивую любовь, въ ожиданіи щаспія всю въ будущемъ, и любовь разочарованную, такъ же, живущую своими доходами, всю въ прошедшемъ.

Разспаваясь вечеромъ, они въ упоеніи чувспвъ сказали другъ другу: «до завпра!»

Въ комнапѣ молодой невѣспы, въ эпомъ свяпомъ уединенія, въ эпомъ дѣвпчьемъ одиночеспвѣ, которое такъ скоро и невозвратно окончипся, вмѣспо сна, превожапъ чашпо груспныя размышленія, веселыя, умпипельныя мысли, живыя содроганія, непорочныя слѣзы. — Эпо наспощая келія бѣ-

лицы въ ту ночь, которая предшеспвуетъ браку; въ ночь печальныхъ прощаній и воххиппительныхъ надеждъ, когда воображеніе упомляется, желая проникнуть чудесныя шайны... А *Камилла*, бытъ можетъ и въ эту ночь спала, какъ обыкновенно.

Въ замкѣ всѣ поднялись съ разспвомъ; надобно было кончипъ пригопвленія. Баронъ хопѣлъ, чпобы праздникъ былъ блестящъ: родипели и госпи поѣдупъ въ церковь въ новыхъ, богатыхъ экипажахъ; лакеи, всѣ въ золотѣ, въ цвѣпахъ, будутъ дорогою бросать деньги народу; вездѣ пышностъ и суеша; вечеромъ иллюминація, торжеспвенное произнесеніе спиховъ, концертъ и балъ. Всѣ испуспва, всѣ радости должны привѣспспвовать эпо восходящее щаспіе.

Тщеспавіе!

Камилла такъ же рано покинула свою дѣвпческую спальню и пошла въ садъ, въ надеждѣ, чпо *Октавій* уже памъ или скоро придетъ: они хопѣли вспрѣсппипъ эпомъ прекраснпй день вмѣсптъ.

Напрасно: онъ не приходилъ; напрасно каждую минушу успремляла она взоры на окны впораго эшажа: они не отворялись. Какъ можно спать такъ долго въ эпомъ день!

Такъ долго, чпо наконецъ принуждены были послать разбудипъ его и сказать, чпобъ онъ опложилъ свой сонъ до слѣдующей ночи.

Баронъ смѣлся, отдавая сіе приказаніе, и посланный вошелъ, усмѣхался, въ комнапу *Октавія*.

Въ ней было темно и безмолвно; звалп *Октавія*—онъ не опкликался.

Но когда открыли спавни, опдернули занавѣсы, и въ комнапѣ спало свѣпло, то представилось ужасное зрѣлище.

Поспель была взрыпа; на ней лежалъ *Октавій* безчувспвенный, мерпвый. На шеѣ у него видна печать спрашной яроспи: длинныя, оспрые когти глубоко исперзали еѣ. На окровавленномъ лицѣ его замѣпны были раны опъ зубовъ собаки.

Попò наши въ его конурѣ по же мерп-
вымъ, но безъ малѣйшей раны. Возлѣ него,
почти надъ самой головою, лежали вѣрѣ,
перчатка и клочекъ бѣлокурыхъ волосъ.

Перев. ***

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З В У К И.

Лирные звуки—
Сладость души,
Веселья или муки—
Вы вѣспникъ въ пиши?
И что знаменуетъ
Сей сладостный звукъ,
Что сердце поскууетъ,
Что мучитъ безъ мукъ?
То вѣспники неба
О лучшей спранѣ,
Намъ въ мракѣ Эреба
На радость онѣ.
Онѣ знаменуютъ
Надежду—не спрахъ,
И ясно толкуютъ
О родинѣ нашей,
Родныхъ небесахъ.
О родины звуки,
Неситесь ко мнѣ!
И въ горе и въ скукѣ
Вы сладостны мнѣ.

Л. Янубовичъ.

Р А З Л У К А.

Въ путь далекій, въ путь унылый
Съ думой грустной я несусь:
Скоро-ль, скоро-ль, другъ мой милый,
Вновь къ тебѣ я возвращусь?

*

Вонъ туманной пеленою
Грустно сводъ небесъ закрышь;
Но звезда передо мною,
Будно милый взоръ, горитъ.

*

О гори, гори свѣтлѣ,
Сердцу милая звезда!—
Какъ живу — еще грустнѣе
Не бывалъ я никогда!

*

О, просни мой край родимый!
Милый другъ, просни, просни!
Вяну я, тоской помимый,
Мнѣ разлуки не снеси!

П. Чижевъ.

П Ъ С Н Я.

Пусть бѣденъ низкій домикъ мой,
Но жизнь мнѣ не бѣдна;
Здѣсь добрый Духъ живетъ со мной:
Она, — она!

Чего желать въ судьбѣ моей,
Коль мнѣ любовь дана?
И въ мірѣ мнѣ всѣхъ благъ милый
Она, — она!

Лишь ею жить, для ней дышать—
Здѣсь радость мнѣ одна!
Все, все мнѣ будетъ замѣнять
Она, — она!

В. III—снѣй.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой дойдѣтъ въ потомки,
Съ нимъ ижилъ лѣтливый Князь Попѣмкинъ;
Сынъ щасля, онъ не зналъ *второго* никогда,
Салма-ть съ Суворовымъ во вѣкъ не разлучалась,
Съ нимъ черезъ Чѣрновъ мостъ шупя перепра-
вилась,

И, какъ деньщикъ, за нимъ всегда:
На Пражскій штурмъ, въ пылъ Рымникскаго боя;
Съ Жубершомъ подралась за моего героя
И подъ руку его по Альпамъ провела.

III.

Въ № 36, помещенный логотриехъ значитъ: *Balle* (de
pauve) et *balle* (d'arme à feu), въ космѣ заключаются
le bal.

M O D E S.

Modes.—Nous ne pouvons rien dire de plus authentique pour confirmer ce que nous avons avancé en faveur des modes simples, que d'indiquer toutes celles qui ont paru à Longchamps, sortant des magasins d'Herbault, Mme Thomas, Simon. Nous répéterons encore que les étoffes les mieux choisies sont le poux de soie uni, et comme fantaisie la natte indienne.

Bonnets.—Un mot sur les bonnets, coiffure de spectacle commode et négligée, vraie nécessité de saison. Mlle *Beaudrant*, rue Neuve-St-Augustin, met une grande recherche de simplicité à ses bonnets de dentelle noire. Petite forme unie toute simple, deux rangs de garniture, peu hautes, des brides de dentelle arrondies, assez larges, une rose mousseuse avec un bouton, posée en avant sur le côté, point du tout de ruban.

Mme *Lepetit*. Petite forme en tulle, aussi peu froncée que possible, prenant la tête et descendant sur les joues; deux rangs de petite blonde; en auréole, un pied de la blonde; contre les cheveux une très-étroite guirlande, en brins détachés de lilas blanc, et en boutons de roses pompon-bengales. Cette guirlande suit toute la garniture jusque sur les joues; un nœud de ruban en rosette posé sur le côté, quelquefois un peu au sommet.

Mme *Larochelle*.—Même forme unie, souvent entourée de quelques rubans en couronne; la blonde du devant, au lieu de faire le rond, est montée sur de petites ailes de tulle de manière à s'écarter des tempes, en retombant au milieu sur le front. Cette façon à l'avantage de ne pas écraser les touffes de papillotes; un bouquet de petites fleurs est placé d'un côté, quelquefois dans le nœud.

Mme *Beauvais*.—Forme simple en tulle, garniture double en blonde à jour, très-riche et légère; sur le côté un bouquet en plumes d'autruches bleues et marabouts;—ces plumes sont comme nous les avons déjà indiquées, montées sur la même côte, d'une grande douceur et d'une charmante teinte; les rubans de gaze mate bleue, en petite quantité.

Pl. No 14. Costumes, qu'on a vû à Paris le 4 May n. st.

M O Д Ы.

Мы ничего не можем сказать достовернѣ въ подтвержденіе того, что мы говорили въ пользу простыхъ модъ, какъ указавъ на тѣ, которыя показались въ Лоншагѣ, изъ магазиновъ d'Herbault, г-жи Томасъ, Симонъ. Мы повторимъ еще, что самыя отличныя матеріи гладкія *poux de soie* и прихотливая матерія *natte Indienne*.

Чепчики.—Одно слово о чепчикахъ: уборъ для спектакля простой и покойный, паспоящая необходимость по времени года. Дѣвица *Beaudrant*, въ улицѣ Neuve-St-Augustin, дѣлаетъ съ большимъ тщаніемъ простоты свои—чёрные блондовые чепчики. Небольшая гладкая кронка, совсѣмъ простая, въ два ряда оборка, не широкая; кружевные округленные лопоспи, довольно широкія; мохъ-роза съ распуколкой, пришилена напередъ съ боку; совсѣмъ безъ лентъ.

Г-жа *Lepetit*. Небольшая пепинетовая кронка, собрана сколько возможно менѣе, обхватывается голову и спущена на щеки; два ряда узенькой блонды, сѣнъемъ, внизу блонды; къ волосамъ весьма узенькая гирланда, изъ опдѣльныхъ въпочекъ бѣлой сирени, и изъ распуколекъ розъ ромпон-Bengales. Гирланда сѣя идетъ во всю длину оборки до щекъ; бантъ изъ лентъ розеткою, пришиленъ на боку, иногда немного кверху.

Г-жа *Larochelle*.—Та же простая кронка, иногда округленная въкомъ изъ лентъ; блонда спереди, вмѣсто того, чтобы составлять кругъ, пришилена на маленькія пепинетовыя крылушки шакъ, что опдѣляется опъ висковъ, и упадаетъ въ срединѣ на лобъ. Этого фасонъ имѣетъ пу выгоду, что не прижимаетъ куспиковъ изъ волосъ; букетъ изъ мѣлкихъ цвѣтовъ пришиленъ на боку, иногда въ бантъ.

Г-жа *Beauvais*.—Кронка просто изъ тюля; оборка двойная изъ прозрачной блонды, весьма богатой и легкой; на споронѣ букетъ изъ голубыхъ спраусовыхъ перьевъ и бѣлыхъ марабу;—перья сѣя, какъ мы уже сказывали, пришитыя на одну косточку, чрезвычайно нѣжны и прекраснаго цвѣта; ленты маповога газа, голубыя, не въ большомъ количествѣ.

Карш. No 14. Моды 4 Мая н. ст. въ Парижѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 38.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, МАЯ 13 ДНЯ 1833 ГОДА.

— На что мнѣ жизнь? лишился я друзей,
Которые меня любилъ всегда хохляки. —
«Что-жь, умерли они къ злой горести пвоей?»
— Нѣтъ: живы, но разбогатыли. —

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУС-
СКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го
ВѢКА.

(Окончаніе.)

Въ эпу минушу скрыпъ распворившихся
дверей прервалъ начавшій *Федотомъ Кузь-
мигелъ* разговоръ: *Маланья*, незадолго предъ
пѣмъ напоившая меня чаемъ, и рыжеборо-
дый *Толка* внесли въ горницу и постави-
ли на столъ: первая, переложенныя между
пальцами ея парелки съ паясной икрой,
рыжиками, изрѣзанною колбасою и чѣрнымъ
хлѣбомъ; а впорой, блюдо съ жаренымъ по-
росенкомъ. *Маланья*, выпавивъ изъ шкафа
бушылъ съ наспойкою и снявъ съ полокъ
всѣ рюмки, копорыхъ нащипалъ я болѣе
прѣхъ дюжинъ, поставила ихъ подлѣ па-
релокъ въ два ряда, и вышла вонъ вмѣстѣ
съ *Толкой*, оставя насъ двоихъ съ глазу на
глазъ.

Такое множеспво рюмокъ, изъ копорыхъ
на каждой наклеена была печатная пропи-

сная Французская буква, (гласныхъ по при)
меня изумило: не поспитал, для какого упо-
пребленія выпроены были онѣ во фронтъ
передъ огромною бушылъю, спросилъ я объ
эпомъ родспвенника моего, пупымъ ножемъ
оппилвшаго поросенку голову. «Эпо, бра-
пець, опвѣчалъ онъ мнѣ съ улыбкою само-
довольствія: вѣрнѣйшій и легчайшій спо-
собъ обучилъся по Французски; мнѣ, на-
задъ пому мѣсяца чепыре, показалъ его жив-
шій у меня, по найму въ шкачахъ, плѣнный
Гасконецъ *Оражъ*, по желанію своему остав-
шійся въ нашемъ подданствѣ; и я очень ему
благодаренъ, попому что, слѣдуя наставле-
ніямъ его, въ самое малое время сдѣлалъ
большіе успѣхи во Французскомъ языкѣ, къ
копорому охоту получилъ я еще во Фран-
ціи въ 1814 году, и на копоромъ уже и
погда, въ нуждѣ, самоучкой могъ коѣ-какъ
объясняться.» — Да какъ-же училъсь вы
рюмками? — спросилъ я, удивясь еще болѣе
прежняго. — «А вопъ какъ, опвѣчалъ онъ мнѣ,
взявъ съ окошка самоучилеля, видите ли:
здѣсь рюмокъ сполько же, сколько буквъ во
Французской азбукѣ, то есть 24; на каж-

дой изъ нихъ наклеена буква. Въ этомъ самоучитель пріискиваю я слово, какое мнѣ понравится, повторяю его прищды; потомъ въ рюмки, имѣющія на себѣ буквы, соспавляющія это слово, наливаю настойки и по порядку выпиваю ихъ. Такъ выпверживаю я въ день по два, а иногда и по три слова, и скоро надѣюсь добрасть до разговоровъ. Вы не повѣрите, брапецъ, какъ это полезно и удобно? Съ пѣхъ поръ, какъ принялся я за этоиъ способъ, помню всѣ выученныя мною слова, и хопъ сей часъ готовъ ихъ пересказать.» — Да мудрено и забытъ, сказалъ я: переходя въ голову вашу вмѣстѣ со спиртомъ настойки, они должны очень долго въ ней оспаиваться; только думаю, что этоиъ способъ обученія не многими будетъ принятъ, и врядъ ли когда нибудь введется въ употребленіе.—

Тутъ *Федотъ Кузьмицъ* налить двѣ рюмки, и взявъ одну самъ, а другую подавъ мнѣ, сказалъ: «спрошу, брапецъ, выкушаешь; да чокнемтесь по-братски для радостнаго свиданія. Ну, кошонъ, кошонъ!» прибавилъ онъ, протягивая ко мнѣ свою рюмку. Невольно захохоталъ я отъ неожиданнаго привѣтствія, которымъ поподчивалъ меня любезнѣйшій мой брапецъ, впрочемъ неумышленно: ибо мнѣ не прудно было догадаться, что онъ хотѣлъ скорчить весельчака Француза; и запомнивавши слово *choquons*, вывернулъ его нечаянно наизнанку. Не желая выводить его изъ заблужденія, я чокнулся съ нимъ моею рюмкою, и выпивъ еѣ также, какъ онъ свою, спалъ закусываешь; а онъ между нѣмъ, развернувъ самоучителя, выбралъ слово: *auberge* (госпинница), громко проговорилъ его при раза, и наполни рюмки одну послѣ другой, сперва проглотилъ *a*, потомъ *i*, какъ *b*, и шамъ далѣе всѣ семь рюмокъ по порядку. Не прошло, думаю, и четверти часа, какъ глаза у моего брапца посоловели, и языкъ такъ опяжелѣлъ, что онъ съ прудомъ шевелилъ уже имъ. Пошапывалъ, подошелъ онъ къ столу, заглянулъ оляпъ въ самоучителя, пражричалъ, но довольню уже невнятно: *ami* (другъ), и попрежнему выучилъ его наизусть. Признаюсь, я испугался такой спраши къ Француз-

скому языку, и опасаясь дурныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ десяти полныхъ буквъ, переселившись залпомъ въ желудокъ брапца, вышелъ въ харчевню, и приказалъ, какъ можно скорѣе, запрягать моихъ лошадей. Одѣвшись по дорожному, и войдя обратно въ горницу, я нашелъ *Федота Кузьмица* уже на диванѣ: положи локти на столъ, и поддерживая руками голову, сидѣлъ онъ, блѣдный, въ глубокомъ безмолвіи надъ рюмкой настойки:

Такъ блѣдная печаль надъ урной гробовою,
Сидитъ съ поникшею головою!

Я подошелъ къ нему, назвалъ его сперва брапцемъ, потомъ по имени раза два, но опивша не было; глаза его смежились; Французскій языкъ усыпилъ его:—онъ спалъ непробудно! Взявъ шапку и трубку, вышелъ я въ харчевню, и спросилъ у *Фомки*, часпо ли баринъ его учился пакииъ образомъ?— «Каждый день, бапюшка!»— отвѣчалъ онъ мнѣ. Удивляясь пѣлесной крѣпости моего брапца, до сихъ поръ не лишившагося на вѣки собспвеннаго своего языка отъ поль посполнаго изученія языка Французскаго, я велѣлъ поклониться ему отъ меня, когда онъ проснется, и поблагодарить его за угощеніе; закурилъ трубку и готовъ уже былъ садиться въ сани, какъ полспая *Маланья*, выбѣжавъ за мною вслѣдъ, попребовала съ меня плапы за поспой. Напрасно полковалъ я ей, что съ родныхъ за госпбу денегъ не берушь, что брапецъ вѣрно не взялъ бы съ меня ничего. *Маланья* наспавала на своемъ, и я вынужденъ былъ опщипать ей денежки не только за обѣдъ людей и кормъ лошадей, даже за чай, за поросенка и за рюмку выпшпой мною настойки. После эпато, она, вмѣстѣ съ кривымъ *Шолкою*, проводила меня съ поклонами до саней моихъ: я сѣлъ—и похалъ. Такимъ образомъ ошибся я въ моемъ ращепѣ, полагая, что заѣздъ къ брапцу сбережетъ мнѣ рублика два или при на прожипокъ въ столицѣ: на повѣрку вышло, что онъ обошелся мнѣ болѣе чѣмъ вдвое, ибо 7-ми рублей, взятыхъ съ меня *Маланьей*, доспало бы мнѣ на два и даже на три ночлега.

Дорогою вспомнилъ я объ обѣщаніи *Өедота Кузьмича* объяснить мнѣ выгоды и удовольствія жизни въ харчевнѣ, которое исполнилъ помѣшалъ ему внесенный въ началѣ разсказа завтракъ, а потомъ самоучитель и рюмки. Я полагаю, что братецъ мой вѣрно бы первѣйшею выгодною выставилъ мнѣ предпринятое имъ обученіе, которое дѣйствительно не можешь существовать нигдѣ, кромѣ харчевни.

Сіловъ.

К О Ё - Ч Т О .

Герцогиня *дѣ Сентъ-Альбанъ* разсказываетъ о себѣ, что будучи пяти, или шести лѣтъ отъ роду, она скипалась всѣми покинутая и, изнемогая отъ холода и голода, найдена шайкою Цыганъ, которыхъ въ послѣдствіи она оставила и пристала къ шайкѣ походныхъ комедіантовъ. Сдѣлавшись актрисою, она заслужила нѣкоторую извѣстность своею пріятною наружностью, весѣлымъ нравомъ и оригинальностью, которыхъ доставили ей богатыхъ покровителей. Послѣ дебюта своего въ Лондонѣ, она долго жила тамъ подъ покровительствомъ банкира *Кутса*, который наконецъ женился на ней, и умирая, завѣщалъ ей 200,000 фр. дохода. Благодаря сему наслѣдству, она сдѣлалась нынѣ женою герцога *дѣ Сентъ-Альбана*. Замѣчательно, что самъ герцогъ происходитъ отъ знаменитой актрисы *Нелль-Гвинъ*, фаворитки *Карла II*: онъ прелесняетъ маперіи обязанъ герцогскимъ титуломъ, которымъ украсилъ жену свою также за красоту, столько спуская.

Одинъ маленькой, хворый и сухощавый человекъ споялъ всегда, какъ вывѣска, у входа въ присутственные мѣста въ Лондонѣ. Въ одинъ день пришелъ шуда же исполинскаго роста адвокатъ, и замѣтивъ Пигмея, сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ: «ба, это что за звѣрь!»—Спудентъ правъ, отпѣчалъ малорослый.—«Этого законоискус-

ника можно положить въ карманъ.»—*Хорошо сдѣлаешь; тогда у тебя въ карманъ больше будетъ привольдія, чѣмъ въ головѣ.* —

Жизнь льстеца въ своемъ родѣ (прошу извинить сравненіе!) похожа на жизнь богомола: онъ безпрестанно чего нибудь спрашиваетъ.

Великіе люди подобны высокимъ горамъ, коихъ вершина окружена парами; но пары происходятъ отъ долины, а не отъ горы.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕНЬ НА БАДЕНСКИХЪ ВОДАХЪ ВЪ 1832 ГОДУ.

Едва зачихнутъ однообразные клики ночнаго спорожа, какъ шумъ и суета уже начинаются по улицамъ Бадена. Особенно въ гостиницахъ всѣ встаютъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ; со всѣхъ споровъ со стукомъ расшворяются и зашворяются двери. Одинъ, надѣвъ парадный халатъ, идетъ въ ванну; другой отправляется, съ просьбою въ рукъ, на сосѣдственныя горы; третій проситъ одѣваться; четвертый звонитъ изо всей силы и спрашиваетъ чаю; пребыванія на всѣхъ языкахъ заглушаютъ одно другое. Такимъ образомъ, всѣ приказываютъ, но никто не повируется.

Посѣтивъ ванны и напившись цѣлебной воды, остатокъ утра посвящается спростованію по восхитительнымъ окрестностямъ Бадена. Живописныя развалины стараго замка Геродзау и водопадъ его, одинокая башня Ибургская, привлекаютъ множество гуляющихъ.

Возвращаясь домой въ полдень, едва успѣваютъ переодѣться и занять мѣсто за однимъ изъ общихъ столовъ (*tables d'hôte*), гдѣ обѣдаютъ обыкновенно въ часъ по полудни. Столы сіи, за которыми собираются сол-

ни поспителей всѣхъ Европейскихъ націй, составляютъ одинъ изъ достойныхъ вниманія предметовъ въ Баденѣ.

Послѣ обѣда, всѣ отправляются на Лихтенпальскій бульваръ. На немъ каждый день собирается блестящая Баденская публика. Глядя на разряженныхъ Парижанокъ и на героевъ моды, которые прѣзжаютъ сюда отдохнуть отъ зимней разсѣянности, можно подумать, что гуляешь въ Булонскомъ лѣсу. Я, какъ смиренный пѣшеходъ, сажусь на одной изъ скамеекъ, поставленныхъ по сторонамъ дороги; садитесь возлѣ меня, и спанемъ вмѣстѣ сморѣвъ на эту шумную толпу. Постараюсь удовлетворить вашему любопытству, и указавъ замѣчательнѣйшія лица.

Съ чего начать среди этой непрерывающейся цѣпи экипажей: Французскихъ колясокъ, Прусскихъ ландо, Русскихъ дрожекъ, и мало ли чего еще! Здѣсь увидите экипажи всякаго вида и всякаго цвѣта, начиная отъ быстраго пилбюри, какъ ласпочка скользящаго по дорогѣ, до гошическаго рыдвана какой нибудь старой баронессы, котораго пощія клячи едва передвигаютъ ноги.

Взглянемъ прежде всего на принца *Эмиля Гессенскаго*, за которымъ слѣдуетъ *Мамелюкъ* его въ блестящей одеждѣ. Поди! поди! Вотъ скачетъ во весь опоръ принцесса *Софія*; сморите, какъ уже далеко умчалась эта величавая Амазонка... Въ пѣшеходѣ, который покойно прогуливается шамъ, съ трубкою въ зубахъ, вы видите романтиста *Шпиндлера*, автора *Еврея*, *Чѣртова эликсира* и другихъ сочиненій, весьма уважаемыхъ въ Германіи и начинающихъ бытъ извѣстными во Франціи... Далѣе, *Лафонтъ*, главный скрипачъ, ведетъ подъ руку *М^{ме} Жакото*, отличную живописицу... Рядомъ съ той коляскою, гдѣ сидятъ хорошенькія Француженки, галопируетъ *А. Н. Демидовъ*... Не смотря на скоростъ, съ которою мчится эта карета, можно замѣтить въ ней принца *Леона дѣ Рогана* и г. *Коссе-Бризакъ*... За ними слѣдуютъ гг. *Толморинъ*, *Ларошфуко*, *Жирарденъ* и пр.

Но эти господа едва не опирали нашего вниманія отъ трехъ дамъ въ праурѣ, которыя приближаются сюда пѣшкомъ; одна изъ нихъ уже въ лѣсахъ, но во всѣхъ чертахъ ея выражается особенная доброта; двѣ другія молоды и хороши собою: это принцесса *Стефанія* съ дочерьми своими. Хотя онѣ ходятъ однѣ, безъ всякой свиты, но всѣ узнаютъ ихъ, а особливо Французы, которымъ хорошо извѣстна привязанность, питаемая принцессою къ прежнему ея опечесиву.

Едва только солнце скрылось съ горизонта, какъ отворяются двери театра для любителей, желающихъ насладиться музыкою *Обера* и *Россини*. Справность эта достойна замѣчанія: я невидаль здѣсь ни одной оперы Нѣмецкаго композитѣра, и хотя въ Баденѣ играетъ только Нѣмецкая труппа, но кромѣ Французской музыки въ немъ ничего не услышишь. *Оберъ*—любимый авпоръ всего здѣшняго края, и даже въ Мангеймѣ и Дармштадтѣ, также какъ въ Майнцѣ и Трирѣ, полки маршируютъ не иначе, какъ подъ мотивы изъ *Фра-Дявола* и *Нильмы*.

По окончаніи спектакля, собирается многочисленная толпа въ залахъ городскаго соборанія: карточные столы окружены множествомъ игроковъ, приходящихъ испытывать щастіе. Всѣ глаза устремлены на зеленое сукно, и ничто не нарушаетъ глубокаго молчанія, кромѣ однообразныхъ восклицаній играющихъ, или стука, происходящаго отъ лопаточки, которою загребаютъ деньги обманутыхъ проспаковъ.

Картежную игру содержатъ здѣсь на опкунѣ особая компанія, которая ежегодно платитъ Великому Герцогу Баденскому 500 п. франковъ за такую привилегію; но поспителели водъ обыкновенно оспавляютъ здѣсь около полутора милліона фр. Меня особенно удивило то, что вокругъ игорныхъ столовъ всегда толпится много дамъ; большая часть изъ нихъ еще довольно молоды и миловидны и могли искать разсѣянія и не за картами; неприятно было видѣть ихъ лица, которымъ надлежало бы только

улыбаться, выпягивающимися опять досады при проигрышѣ.

Но оставимъ игру и пройдемъ въ танцевальную залу, гдѣ дамы еще не перестали улыбаться. Весело смотрѣшь, какъ смѣняются одни другими конпродансы, вальсы, галопы, при звукахъ гармонической музыки; какъ носялся и порхаюць всѣ эти молодя, пригожія и рзвыя красавицы: черноокія Англичанки, съ своею величественною осанкою; блонкурныя Нѣмки, влюбленные въ свой національный вальсъ; милыя Француженки, одѣшныя всегда съ такимъ вкусомъ.

Время быспро печетъ среди сихъ удовольствій; скоро настукаетъ полночь, часъ покоя; благоразумныя маменьки укупываютъ шальями плечи молодыхъ танцовщицъ, которыя пропиваясь такому раннему отъѣзду; залы пускѣюць, и каждый идетъ наслаждаться сномъ, ничѣмъ ненарушимымъ, кромѣ заунывнаго крика *Нахтвехтеровъ*, приглашающійхъ жипелей спать покойно.

Съ Франц. Бр.

СЦЕНА ИЗЪ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

1822.

(Г. N. сидитъ за письменнымъ столомъ и кажется очень занятымъ. Г-жа N. входитъ, не будучи замѣчена своимъ мужемъ, и подходитъ къ зеркалу, поправляетъ волосы).

Г-жа N.—Господинъ докторъ, я здѣсь уже съ четверть часа, а вы еще на меня и не взглянули.

Г. N. (Разстѣянно и не поднимая глазъ).— Однакожъ, я... видѣлъ тебя, моя милая.

Г-жа N. (Подкривившись сзади къ своему мужу и зажавъ ему глаза).—Какъ-же у меня убрана голова?

Г. N.—Ты въ чепчикѣ.

Г-жа N. (Становясь передъ нимъ).—Неправда, посмотрите, сударь. Теперь спрашиваю васъ, что прикажете подуматъ о мужѣ, который, съ упра уѣхавъ изъ дома, цѣлый день не видалъ жены, и возвращаясь, не хо-

четъ даже на неѣ взглянуть? Будьте увѣрены, что это не пройдетъ вамъ даромъ; въ первой просьбѣ, съ которою вы ко мнѣ обратитесь, непременно получите отказъ.

Г. N. (Спокойно продолжалъ писать).—А во второй?

Г-жа N. (Со смѣхомъ).—Во второй? Увидимъ, судя потому, какъ вы будете вести себя. Можеть быть, я и не цѣлый день спану сердиться.

Г. N. (Вставая).—Въ такомъ случаѣ, я начну со второй, потому, что мнѣ некогда. Вотъ, на примѣръ, не хочешь ли взглянуть на списокъ визитовъ, которые мнѣ надобно сдѣлать? онъ ужасно длиненъ....

Г-жа N.—Да! ты вѣрно не успѣешь сего дня же всѣхъ больныхъ объѣздить.

Г. N.—Конечно, но я надѣюсь, что ты мнѣ въ этомъ поможешь.

Г-жа N.—Мнѣ помогать тебѣ?.... Мнѣ ѣхать къ своимъ больнымъ?....

Г. N.—Завтра собраніе попечительнаго Комитета; я давно не посѣщалъ бѣдныхъ, которые состоятъ подъ его вѣдомствомъ; ты можешь исполнить это также хорошо и даже лучше, нежели я. Ты выкаешь въ подробности, умѣешь угадывать нужды; ты одарена особенною способностію отличать лѣнивое припворство отъ истинной крайности; подаванія, которыя идутъ черезъ твои руки, всегда бываюць употреблены съ пользою, и если-бы даже я вовсе былъ безъ дѣла: то и тогда мнѣ-бы должно было скорѣе послать тебя, нежели ѣхать самому.

Г-жа N.—Всѣ твои прекрасныя сужденія клоняцца только къ тому, чтобы польстить моему самолюбію. Однакожъ, что ты мнѣ дашь, если я поѣду?

Г. N.—Все, чего ты у меня попросишь.

Г-жа N.—Если такъ, то я прежде всего попрошу у тебя пособія для семейства *Безхльбовыхъ*....

Г. N.—Ты разорешь меня для этихъ людей, мой другъ; мужъ и жена занимаюцца работою, въ домъ у нихъ всегда замѣненъ

порядокъ и чистота, и по видимому, они не такъ бѣдны.

Г-жа N.—Воптъ ваше челоуѣколюбивое сужденіе! Эти люди прудолобивы и опрятны, слѣдственно и не надобно помогать имъ! А если-бы они были преданы пьянству и лѣноспи, то были бы доспойны соспраданія!... Выслушай меня. У *Безхльбова* жена и пятеро ребятишекъ, изъ которыхъ спаршему нѣтъ еще девяти лѣтъ, а ихъ семеро. Онъ выработываетъ по рублю въ день, небольшое, а жена его, которая день и ночь няньчитъ дѣтей, одного кормитъ грудью, топитъ печь, бѣгаетъ на рынокъ за принасами, спрягаетъ кушанье, шьетъ, чинитъ и моетъ бѣлье и платье цѣлаго своего семейства, просиживаетъ ночи за работою... А ты думаешь, что эти добрые люди не заслуживаютъ пособія!

Г. N.—Соглашаюсь, что они честные люди, и если-бъ они были больны, я самъ поспѣшилъ бы къ нимъ на помощь, когда же они здоровы... Рубль въ день составляетъ пристра рублей въ годъ, если исключимъ праздники, моя милая! А сколько людей, которыхъ и того не имѣютъ, и которыхъ мы ничѣмъ не можемъ помочь!—

Г-жа N.—Но развѣ они получаютъ въ годъ сполна пристра рублей? Развѣ это непремѣнный доходъ? Развѣ у нихъ всегда есть работа? Развѣ они не бывають больны? И если у этой спрадалицы занеможетъ ребенокъ, то не должна ли она бросить работу и за нимъ ухаживать? Нѣтъ! это слишкомъ жестоко! Теперь признайся, что рашетъ твой должно сократить по крайней мѣрѣ цѣлою третью. Обѣщай мнѣ для нихъ еженедѣльное вспоможеніе съспными припасами; пусть они хотя изрѣдка будутъ имѣть здоровую, пишательную пищу. Согласенъ ли ты? (*Ласково*). Сдѣлай одолженіе, скажи, что ты согласенъ!

Г. N. (*Обнимая её*).—Согласенъ, мой ангелъ, согласенъ всею душою и всѣмъ помышленіемъ; хочу, чтобы благословеніе небесное было всегдашнимъ удѣломъ этой хорошенькой головки за ея краснорѣчіе и соспраданіе къ убогимъ!

Г-жа N. (*Подходя къ зеркалу*).—Ты спужалъ мнѣ волосы. (*Возвращаясь*). Это однакожь еще не все; ты долженъ выхлопотать вдовѣ *Жаллиной* по пяти рублей ежемѣсячно.

Г. N.—Не пребудь опъ меня больше того, сколько я могу сдѣлать. У этой женщины нѣтъ семейства, она прудилась и сама не проситъ ничего лишняго...

Г-жа N.—У неё нѣтъ семейства, она прудилась и ничего не проситъ, я это знаю. Она вяжетъ чулки на продажу, и выработываетъ по прицатамъ копѣекъ въ день. Мужъ её былъ богатый шорникъ; онъ разорился опъ несостоятельности должниковъ своихъ и умеръ съ горя, оставя сына, который помогать ей доставать себѣ пропитаніе, но и поэтъ также умеръ. Теперь она оспалась въ печальномъ одиночествѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ, будучи неспособна къ приспальнымъ прудамъ, привыкши къ довольствію. У неё слабое сложеніе; къ тому же въ ней есть нѣкоторая гордость; недоспашки изнуряють её; однако она не жалуется, и я увѣрена, что она желала бы умереть. Но между тѣмъ, ей надобно чѣмъ нибудь жить. Никпо мнѣ такъ не жалокъ, какъ эта женщина. Если-бъ ты далъ ей денегъ на простыни, на одѣяло! Я видѣла её постелю; все изорвано, одѣяло очень вешхо и вѣрно худо её грѣетъ!

Г. N.—Воптъ, возьми. Будучи самымъ взыскапельнымъ и самымъ спрогимъ членомъ нашего Комитета, я лучше издержу свои деньги, чѣмъ казенные. Теперь, ты вѣрно станешь просить у меня чего нибудь и для вдовы *Удушевой*?

Г-жа N.—Нѣтъ. Она безпрестанно поетъ, безпрестанно проситъ, плачетъ; но сердце и рука моя сжимаются, когда я её вижу. Она льститъ мнѣ съ такою низоспію, что это раздражаетъ меня. Она изъ дома въ домъ паскается съ просительными письмами, подкупаетъ лакеевъ, чтобы о ней доложить; умѣетъ выждать, выплакать, переперѣть въ снѣгахъ, у подъезда. Ты лучше сдѣлаешь, если дашь мнѣ сколько нибудь для пишуплярнаго совѣтника, который пол-

года лежалъ въ больницу, потерялъ мѣсто, теперь еще не совершенно оправился. Жена его приходила сего дня съ двумя крошечными дѣтьми; судя по виду, эти люди очень бѣдны.

Г. Н. — Онъ еще не внесенъ въ списокъ Комитета; завтра, я велю записать его. Побывай у него, дай ему какую нибудь бездѣлку. Не молай денегъ, потому, что у меня, право, нечего болѣе раздавать. Теперь, мы отправимся, не такъ ли?

Г-жа Н. — Я боюсь устать, идучи пѣшкомъ, и всходя на такую высоту.

Г. Н. — Возьмемъ фаэпонъ.

Г-жа Н. — Нѣтъ! сей часъ пойдетъ дождь, и у меня сдѣлается насморкъ.

Г. Н. — Наймемъ карету.

Г-жа Н. — Да, если только ты сей часъ же дашь мнѣ на это денегъ.

Г. Н. (*Отдавая ей деньги*). — Довольно ли?

Г-жа Н. — Это половина того, сколько мнѣ нужно.

Г. Н. — О! какъ ты прихотлива сего дня. Вопль еще. Теперь довольно ли?

Г-жа Н. (*Вставая со стѣхоль*). — Да! это-го доспанешь на хлѣбъ, на мясо и на дрова для жалкаго популярнаго совѣтника, который не внесенъ въ вашъ списокъ. Это послужитъ вамъ наукою, сударь, не забывай про людей, которые угнетены бѣдностью. Вы расплашились съ ними собственными своими денежками.

Г. Н. — Ты права, мой несравненный другъ! Несчастные не обязаны страдать отъ моей забывчивости, или скорѣе, отъ недосуга. Да и ты не должна терпѣть отъ эпаго; прошу тебя нанять карету.

Г-жа Н. — Куда бы кспали мнѣ было ѣхать въ каретѣ къ людямъ, у которыхъ нѣтъ крохи хлѣба! Напрошивъ, я надѣну свою спарую шляпу и прошлогодней плащъ: несчастные особенно склонны дѣлать пятоспныя для нихъ сравненія.

Н. Н.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э Л Е Г І Я.

Придетъ весна—зазеленютъ нивы,
Листы береза разовѣетъ,
И гость шепла, подъ сѣнью ивы,
Какъ прежде, пѣсни заведетъ.
И будетъ сладко розъ дыханье,
И будетъ сладокъ свѣтъ луны—
Какъ первое любви свиданье,
Какъ опголосокъ старины!...
И, можетъ быть, порою тѣмной,
Гдѣ извивается рѣка:
Сойдутся дѣвы въ доль зелѣной,
Внимая нагввамъ рыбака;
Но не придетъ туда, какъ прежде,
Нѣвецъ веселья и вина—
Встрѣчатъ красу въ просной одеждѣ,
И не посмопритъ—гдѣ она,
Минувшихъ дней его весна!...
Любилъ и онъ, когда-то, лѣто,
Любилъ напѣвы красоты,
И часто лаской ихъ согрѣтой,
Любилъ срывать для нихъ цвѣты;
Любилъ рассказывать имъ были
Иль небылицы, все равно,
Въ чемъ наши бабушки ходили
И какъ къ нимъ лазили въ окно
Въ былые дни, пихолько дѣды,
И долго-ль ихъ текли бесѣды,
И чѣмъ кончались они!....

Но миновались эти дни!
Прошла пора моимъ рассказамъ,
Прошла пора моимъ стихамъ,
На все смотрю унылымъ глазомъ,
И не служу моимъ богамъ!

Петръ Никифоровъ.

Э П И Г Р А М М А.

Евгеній новый пивой

Есть копія почъ въ почъ (и кто того не видитъ?)
Съ *Ольгина*: пивой бѣдненькой герой
И любитъ, и живетъ, и даже ненавидитъ,
Какъ чувствовалъ, любилъ и ненавидѣлъ онъ.
За нимъ *Евгеній* пивой, какъ пѣнь во слѣдъ плащника:
Такъ за училелемъ по улицамъ влачится
Несчастныхъ школьниковъ неспройный легіонъ.

М. Сарандиакки.

E N I G M E.

Devine-moi, car j'en suis digne;
 Je me cache lorsque je sers,
 C'est presque toujours dans les vers,
 Et l'on me trouve à chaque ligne.

Въ No 57, помѣщенная шарада значить: *По-бѣда*.

M O D E S.

Les doubles jupes semblent mode reconnue de la saison. Cet hiver, lorsque nous les avons enseignées, elles étaient rares et étranges: maintenant on les annonce de toute espèce d'étoffe: la jupe de dessous garnie d'un haut volant, avec ou sans tête; celle de dessus garnie d'une bande, quelquefois d'un *plissé* ou d'une ruche.

Cette mode est toute *élégance et distinction*, si elle est bien portée, si on lui conserve quelque chose de son époque. Par exemple, il est nécessaire que les jupes, toujours froncées tout autour, soient très-soutenues sur les hanches, de manière à retomber largement; que les manches se jettent en dehors du bras à la hauteur du coude. Les corsages, s'ils ne sont pas entièrement à pointe, doivent l'indiquer. La ceinture, un ruban attaché par un nœud devant, point de boucle.

Les manches à sabots seront une généralité; elles sont déjà en grande faveur. On les met à toute espèce d'étoffe; depuis que les velours, le satin, le crêpe passent, remplacés par les renouvellemens du printemps, ils ont repris sous une nouvelle forme. Avec des mousselines blanches, de l'organdi, uni ou façonné, on met des sabots de dentelle; quelquefois, plus simples, en mousseline brodée. Avec une mousseline anglaise fond blanc, on commence à faire de *longues manches courtes*, terminées par des sabots d'organdi ou de batiste; bordés d'une petite dentelle, ou simplement d'un ourlet.

Les sabots noirs sont toujours fort bien avec les robes de soie. Chez soi on les porte beaucoup avec des couleurs très-foncées.

Les mitaines longues en tricot noir sont d'une recherche parfaite. Dans l'intérieur de l'appartement, elles sont indispensables avec ces sortes de manches

demi-longues. De plus cette mode sied à merveille; les mitaines dessinent le bras, elles blanchissent et diminuent la main, elles sont une vraie coquetterie de simplicité.

M O Д Ы.

Двойныя юбки, кажется, признаны модою нынѣшняго времени года. Зимой, когда мы о них упоминали, онѣ были рѣдки и спранны; теперь ихъ дѣлаютъ изъ всякаго рода матерій. Нижняя юбка обшита широкою оборкою, верхняя полоскою, иногда сложенною складочками или рюшемъ.

Эта мода отлична и щеголевата, если она сдѣлана приличнымъ образомъ, если ей сохранятъ оппечатокъ ея эпохи. На примѣръ, непременно должно, чпобъ юбки, всегда собранныя вокругъ, были очень поддерживаемы на бокахъ, шакъ, чпобъ сползли вокругъ широко. Рукава висятъ опъ руки въ ровень съ локтемъ. Лицы, если не совсѣмъ съ мыскомъ, по должны означать его: поясъ, лента, завязанная банпомъ спереди, безъ пряжки.

Рукава à *sabots* сдѣлаются общими. Они и шакъ уже въ большемъ употребленіи. Ихъ пришиваютъ къ плащамъ изъ всякаго рода матерій. Съ тѣхъ поръ, какъ бархатъ, атласъ, крепъ перешають носить, замѣняя ихъ веселыми возобновленіями, они начинаютъ показываться въ другомъ видѣ. Къ бѣлымъ кисейнымъ плащамъ, изъ органди гладкаго или песпраго, пришиваютъ кружевные *sabots*; иногда проспѣе, вышитые кисейные. Изъ Англійской кисей съ бѣлымъ грунтомъ начинаютъ дѣлать *длино-короткіе рукава*, оканчивающіеся *sabots* изъ органди или баписпа, обширные узенькимъ кружевцомъ, или проспо съ рубцемъ.

Чѣрные *sabots* очень приличны къ шелковымъ плащамъ. Дома носятъ ихъ съ самыми темными цвѣтами.

Чѣрныя вязаныя, длинныя мипены весьма щеголеваты. Въ компанъ онѣ необходимы съ эшими полу-длинными рукавами. Въ добавокъ, эта мода чрезвычайно украшаетъ: мипены обозначаютъ руку, показываютъ менѣе и бѣлѣе киспъ; это наспоющее кокетство простоты.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 39.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 3о, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 17 дня, 1853 года.

Ахъ, признаюсь, не кладь любовь мужчины
Ревниваго!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ПЛЯШУЩАЯ ВЕЧЕРИНКА.

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой:

Ихъ вальсъ приводишь въ восхищенье,
Мазурка—рай для нихъ земной.

Повсюду слышишься всечасно:
«Ахъ, какъ мила! Ахъ, расприми!»

Все въ ней божественно, прекрасно!» —
Гудки съ двора—и жаръ просыпалъ.

Князь И. М. Долгорукий.

Soirée dansante! Естъ госпиныя, въ копо-
рыхъ всѣ скучаютъ, и я увѣренъ, что вы
знаете не одну изъ нихъ, отличяющуюся
симъ жалкимъ преимуществомъ. Госпи, по-
глазѣвъ другъ на друга въ лорнеты, мѣняю-
ся заучеными ими Французскими фразами,
заржавѣвшими опъ долгаго употребленія
комплиментами; злословяшь не только сво-
ихъ пріятелей и родныхъ, не только дамъ,
но и дѣвицъ; рассказываютъ, какъ будто по
должности, упреніе анекдоты; зѣваютъ,
морщатся, протираютъ глаза. Всѣ бы за-
снули, еслибъ хозяйка не приказала спа-
вить карпочные столы. Дочь ея садится
за фортепиано; между шѣмъ соспавляются

кадрили. Игра и шанцы продолжаются до
прехъ часовъ за-полночь, и вы возвращаете-
сь домой съ больною головою, красными
глазами, ужаснѣйшею скукою; однакожь, не
смотря на то, не забываете на другой же
день сказать пріятелю, который придетъ
навѣспить васъ: «Вы напрасно не были вче-
ра у *Громыхаловыхъ*; они дали блестящій
балъ... Я много проигралъ въ виспъ. Было
много хорошихъ; въ нарядахъ я замѣ-
нилъ небольшую изысканность; когда шан-
цовали галопадъ, по какой-то дама поперя-
ла накладныя букли; не могли опыскавъ
ихъ обладательницу; всѣ опперлись, всѣ
опреклись! Вечеринка была весела, какъ
нельзя желать больше! Увѣряете вы его, а
въ доказательство своихъ словъ, зѣваете,
какъ будто бы только что прочли новый
гимнъ, или песпрія сказки...

Да опъ чего же памъ такъ зѣвапельно?
Опъ того, что за недѣлю напередъ забо-
пился—какъ-бы памъ повеселиться; хло-
почупъ—какимъ привѣспивіемъ кого вспрѣ-
пипъ; къ кому бѣжатъ навспрѣчу, къ ко-
му обернупся спиною, съ кѣмъ соспавили
паршію въ виспъ, съ кѣмъ шанцовавъ ко-
пильонъ, кому отказать, кого кольнупъ,
за кѣмъ привокнупся, что надѣпъ, какъ

причесаться, на чью маменьку накиннуть салопъ, чью пѣпеньку свесити съ крыльца и посадитъ въ карету. Воображеніе испощено преждевременно; розы веселоспи, не расцвѣтѣя, завяли; соль эпиграммъ обуяла; дѣвицы приглядѣлись къ нарядамъ, двадцать разъ ихъ примѣривая; попъ, кого ждали— не прѣхалъ; па, съ копорою готовились панцовать кадрилъ—дала слово другому.

Посѣщая подобныя госпиныя есть сушья барщина. Знаю, что шуда являются для того, чтобы образоватъ себя и научитъ свѣтской ловкости; для того, чтобы похвастатъ, что васъ приглашаютъ на обѣды къ опкущику L. L., на танцевальныя завтраки къ вельможѣ М. М., на виспъ къ обладателю десяти тысячъ душъ N. N., на балы къ важному и надупому O. O. Грѣшенъ! я держусь того мнѣнія, что такое право на хвасповство покупается слишкомъ дорого: вы должны быть запянуты, расфранчены какъ кукла, держатъ языкъ на привязи, прятать сердце, выказывать свой умъ съ большею осторожностью, нежели голову изъ шраншей въ 20 шагахъ опъ гласиса; споятъ на часахъ до пробитія упреней зарп, а часпо и заплашитъ порядочную сумму денегъ за попъ чай, котораго вы не пили, и за попъ ужинъ, до котораго не допрогивались. Упѣшитесь однакожъ; вы не всегда въ большомъ свѣтѣ бываете въ наклады: вы шамъ, навѣрное, въ продолженіи времени, выигрываете мигрень, подагру, желудочныя спазмы, преждевременную сѣдину, раннія морщины, а иногда—и весьма нерѣдко—горячку или чахопку, двѣ вѣрныя сопупницы въ могилу.

А. Кораблинскій.

К О Ё - Ч Т О .

У насъ есть нравственная философія, нравственные романы, нравственные драмы, трагедіи, комедіи; но нѣтъ нравственности.

Опытъ—весьма хорошій учитель; жаль только, что онъ дорого беретъ за уроки.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Ъ З Д К А

изъ Дерпта въ Псково-Печерскій монастырь.

(Изъ записокъ одного Русскаго путешественника.)

Мая 25-го 1820 года, опославъ дорожную коляску свою впередъ въ Лунію, наслѣдственную мызу графовъ *Миниховъ*, а теперъ барона *Нолькена*, мы съѣли на рѣкѣ *Амовжѣ* (р. *Эмбахъ*) въ лодку—и спустились шуда водою. Насъ провожалъ генераль *П...* съ любезнымъ своимъ семействомъ, милая землячка наша полковница *Д...* съ своимъ, *Ливонскій* другъ нашего дома *П...*, всѣ Русскіе и много здѣшнихъ студентовъ. Въ другой лодкѣ гремѣла полковая музыка, въ прешпей раздавались Русскія пѣсни. Я не спускалъ глазъ съ Дерпта; мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ на него налюбоваться. И будто нарочно, эшопъ опряпный, веселый городокъ представлялся намъ, какъ въ панорамѣ. Можно было опличитъ не только Русскую и Люперанскую церкви, университетъ, рашушу, но и всѣ улицы, всѣ дома. Библиотека же, успроенная изъ величественныхъ развалинъ Римско-каполическаго собора, видна была до самой Луніи.

Несторъ повѣспивуетъ, что городъ *Юрьевъ*, нынѣшній Дерптъ, основанъ *Ярославомъ* (во св. крещеніи *Юрій*), сыномъ *Владимира Великаго*, въ 1030 году. Онъ, до нашихъ временъ, выдержалъ 14 осадъ. Нѣмцы овладѣли имъ при Гроссмейстерѣ *Волкинъ* въ 1223 году и переименовали Дерптомъ. Вскорѣ сдѣлался онъ мѣстопребываніемъ Епископа и славился торговлею, многочисленностью жителей, обществеными заведеніями, выгоднымъ и крѣпкимъ положеніемъ.

При обратномъ завоеваніи *Юрьева* Русскими, подъ начальствомъ князя *Шуйскаго* въ 1556 году, они нашли въ немъ безчисленныя сокровища. У одного рыцаря *Фабіана Тизенгаузена* захвачено 80 тысячъ червонцевъ. Жители сего города, плпшою долею сихъ денегъ, могли бы внесити подать, которую обязались они платитъ Русскому Царю. Но

погда уже любовь къ отечеству погасла въ сердцахъ изнѣженныхъ поргашей; каждый думалъ только о своихъ частныхъ выгодахъ, и лучше хотѣлъ поперять сто золотыхъ монетъ въ войнѣ, опасности которой казались весьма далекими, нежели добровольно пожертвовать однимъ талеромъ на общеспешенныя нужды. Храбрость и суровыя нравы возвысили рыцарей Креста, роскошь ихъ погубила!

Въ 1660 году Дерптъ завоеванъ Шведами и, съ тѣхъ поръ, попеременно принадлежалъ Россіянамъ, Полякамъ, Шведамъ и опять Россіянамъ, своимъ основателямъ.

Въ 1704 году Русскіе взяли Дерптъ. Это была послѣдняя осада, но не послѣднее бѣдствіе. Всѣ жители его въ 1707 году, за участіе въ заговорѣ, уведены въ Россію; каменная ограда, имѣвшая четверо воротъ, срыта, и городъ соженъ. Нещасные Дерптяне возвратились въ 1718 году въ крайней бѣдности на свое пепелище. Война Россіи съ Пруссіею также дорого стоила Ливоніи: ибо всѣ наши войска проходили чрезъ неѣ къ Нѣману. Въ продолженіе шестидесяти мирныхъ лѣтъ Дерптъ не могъ оправиться отъ разоренія; но въ послѣдніе годы *Екатерины Великой*, и еще болѣе при *Александрѣ Благословенномъ*, сей городокъ поравнялся съ значнѣйшими городами Имперіи. Въ концѣ XVIII вѣка онъ имѣлъ 3 т., теперь считается въ немъ отъ 8 до 9 т. жителей. Учрежденіе университета, предначертанное Императоромъ *Павломъ I*, много способствуетъ благосостоянію сего города: исчислено, что профессора, учителя, студентсы и ученики издерживаютъ болѣе милліона рублей ежегодно.

Еще при *Густавѣ-Адольфѣ* была основана здѣсь Гимназія, а потомъ университетъ; еще тогда сей университетъ славился отличными профессорами, между коими находился *Иоакимъ Крелліусъ*, который могъ прослѣдить наизусть, одно за другимъ, всѣ творенія *Аристотеля*. Взятіе Дерпта Россіянами въ 1655 году остановило на время дѣйствія университета, который возстановленъ въ 1690; но доходы его были очень

малы, и всеобщее оскуднѣніе земли препятствовало успѣшному ходу наукъ. Черезъ 9 лѣтъ по возобновленіи, университетъ переведенъ въ Пернаву, которая казалась удаленнѣе отъ шума оружія. И теперь еще видны остатки зданія, въ которомъ онъ помѣщался.

Открылась война 1700 года—и профессора также, какъ въ 1655, разсѣялись по Германіи. Университетъ совсѣмъ уничтоженъ. Черезъ сто лѣтъ, герою XIX вѣка, Императору *Александрѣ*, предоставило Провидѣніе возстановить его обширнѣе и великолѣпнѣе прежняго.

Теперь въ Дерптскомъ университетѣ находится 27 ординарныхъ, 2 экстра-ординарныхъ для наукъ, 1 профессоръ живописи, 6 лекторовъ для преподаванія живыхъ языковъ Европы, учителя фехтованья и танцованья, берейторъ и болѣе 300 студентовъ. Библиотека заключаетъ въ себѣ 30 т. книгъ; Музей изящныхъ искусствъ и медалей; кабинеты: зоологическій, минералогическій, физическій, химическій, анатомическій; собраніе технологическихъ машинъ и орудій и архитектурныхъ моделей; ботаническій садъ съ теплицами; обсерваторію, которая славится астрономомъ *Штруве* и обогащена лучшимъ, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ, телескопомъ. Ученые путешественники съ уваженіемъ отзываются о здѣшнемъ физическомъ кабинетѣ, успроенномъ профессоромъ *Парротомъ*.

Въ 1812 и 1813 выпущены отсюда въ Русскую армію 61 медикъ, а въ Рижскій и Дерптскій военные госпитали 24 подлекаря: самое убѣдительное доказательство пользы отъ учрежденія Дерптскаго университета!

Я прожилъ въ Дерптъ ровно шесть лѣтъ; изъ нихъ годъ издержанъ на путешествіе въ Крымъ, на осмотръ Ливоніи и Эстоніи. Оспальныя пять посвящены исполненію профессорской должности, переводу *Виргилевыхъ* эклогъ, *Геордикъ* и *Энеиды*.

Человѣкъ, самое странное животное! Душа его смѣсь проповорѣчій. И всѣ мудрецы, отъ *Платона* до *Канта*, не объяснили и милліонной части того, что въ ней

происходитъ. Грустный, сидѣлъ я на кормѣ и мѣрлялъ глазами разстояніе между Дерптомъ и нашею лодкою. Мнѣ живо представились годы, тихо проведенные въ Ливоніи— и слезы крупными, рѣдкими каплями падали въ воду. Иные увѣряють, будто страхъ *будущаго* причиною поски нашей *по минутамъ*; другіе, будто бы сіе сожалѣніе происходитъ отъ раскаянія о томъ, что безъ пользы, а можетъ быть даже и со вредомъ, убили мы время. Мнѣ кажется, что и то и другое не совсѣмъ справедливо. Прошедшее намъ *мило-дорого* потому, что мы въ немъ жили-были; оно было повѣреннымъ нашихъ надеждъ и страховъ, тайныхъ мыслей и чувствованій, участникомъ въ удачахъ и неудачахъ, неразлучнымъ въ дорогѣ жизни. Разлучаясь съ нимъ, мы распаемся съ половиною бытія нашего, покидаемъ часть самихъ себя. Мысль о пропекшихъ лѣтахъ жизни также для насъ прискорбна, какъ воспоминаніе объ умершемъ другѣ; намъ не одни щасливые часы, съ нимъ проведенные, пріятны: нѣтъ, самое горе, ссоры, лишенія, опасности, имѣють неизъяснимую прелесть. Мы кидаемъ взглядъ на минувшее съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ прохожій, случайно уронившій въ пропасть завѣрное кольцо, оглядывается назадъ, плачетъ, а между тѣмъ все больше и больше отъ него удаляется.

Минувшее прошло, какъ сонное видѣніе,
 А *настолице* въ то самое мгновеніе,
 Когда собираемъ схвативъ его рукой,
 Уйдешь—и къ намъ опять ужъ больше ни ногой.
 Но *будущее* намъ надѣяться не должно,
 И будетъ ли оно, знать истинно не можно;
 Но если и придетъ: не все-ль для насъ равно?
 Вошь приближается... вошь близко... вошь оно...
 И нѣтъ уже его!— Умчала быспропечность
 Въ пучину прошлаго, гдѣ подошла вѣчность.

Живучи въ Ливоніи, мнѣ спраспно хотѣлось возвратиться на Русь, въ послѣднее время даже я чувствовалъ поску по опчизнѣ; теперь, когда желаніе мое исполняется, мнѣ струснулось по Ливоніи. Жаль покинуть тихій Дерптъ, кругъ учёныхъ Нѣмцевъ, просвѣщенное общество высшаго

здѣшняго дворянства, которое предпочитаетъ Дерптъ Ригѣ. Здѣсь нашель я скромный и трудолюбивый образъ жизни, знаніе цѣны денегъ и времени; домашнее хозяйство, коимъ не спыдаясь занимаюсь графини и баронессы; сельское домоводство, которое здѣсь, не смотря на песчано-болотную почву земли, находится на высокой степени совершенства; благочестіе, а не ханжество, добрые нравы, а не лицемѣрство, желаніе быть щасливыми, а не казаться. Il vaut mieux être, que paraître! повпоряють степенные Лифляндцы и донашиваютъ старомодные фраки и фуруферме, и развѣзжаютъ въ одноколкахъ на пасахъ, экипажахъ своихъ меченосныхъ прапращуровъ.

Особенно мнѣ горько было разсваваться съ моими почтенными соповарищами-профессорами. Я много, весьма много обязанъ ихъ ко мнѣ благорасположенію: у глубоко-мысленнаго старца *Эше* слушалъ я философическія лекціи; славный *Моргенштернъ* и знапокъ древней словесности *Рамбахъ* объяснили мнѣ *Виргилія*; съ неупомимымъ *Эверсомъ*, споль большія заслуги оказавшимъ Русской исторіи, бесѣдовали мы о Славянахъ и Варягахъ, о Кормчей книгѣ и монетахъ *Владиміровыхъ*. Примиле же здѣсь мою душевную благодарность, мои мудрые учители, мои добрые сослуживцы! Памаятъ ваша сохранился въ моемъ сердцѣ, доколѣ оно будетъ биться, и если *Аполлонъ* подаритъ мнѣ лавровую вѣтку за переводъ *Георгикъ*: то я вамъ буду за то обязанъ, вамъ, исполкователямъ величайшаго изъ Римскихъ поѣповъ, сладчайшаго изъ пѣснопѣвцевъ всего міра.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКА ВЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКУЮ ШКОЛУ.

Однажды первый консулъ отпралялся на охоту; дежурный адъютантъ его, проходя черезъ дворъ Мальмезонскаго замка, увидѣлъ молодаго человека пріятной наружности, довольно ловкаго, и хорошо одѣнаго, въ ко-

поромъ все показывало юношу, благороднаго по происхожденію и получившаго отличное воспитаніе. Прислонясь къ рѣшеткѣ у входа во внутренній дворъ, онъ съ гореспію и безпокойствомъ смотрѣлъ на замокъ, и казалось, искалъ, къ кому бы обратиться. Дежурный адъютантъ, которымъ былъ тогда, если не ошибаюсь, г. *Ласюэ*, подошелъ къ нему и съ свойственною ему учтивостію, спросилъ, что привело его въ замокъ. Молодой человекъ поспѣхъ пришелъ въ себя опъ глубокой задумчивости и не взглянувъ на г. *Ласюэ*, отвѣчалъ ему:

«Ахъ, милосивый государь, я желаю того, что всѣ называютъ невозможнымъ, но если не исполнится мое желаніе, то я умру опъ гореспи. Я хочу видѣть перваго консула и вошелъ было на этотъ дворъ, но меня такъ грубо выслали и сказали, что мнѣ здѣсь не съ кѣмъ имѣть свиданія... Ахъ, сударь! при свиданіи съ самою обожаемою женщиною не забилось бы у меня такъ сильно сердце, какъ забилось бы оно при видѣ генерала *Бонапарте*... Я имѣю крайнюю нужду говорить съ нимъ...»

И молодой человекъ снова успремилъ на замокъ большіе черные глаза свои, въ копорыхъ мелькнули слѣзы. Всѣ, знавшіе г. *Ласюэ*, знали и склонность его обращать особенное вниманіе на то, что представлялось ему въ видѣ, нѣсколько необыкновенномъ. Одушевленное лице сего молодаго человека, пламенный взоръ его, голосъ, дрожащій опъ волненія: все это возбудило въ немъ живѣйшее участіе и придало въ глазахъ его сей встрѣчѣ видъ совершенно романическій. Подойдя къ молодому человеку, прислонившемуся къ рѣшеткѣ въ положеніи, исполненномъ простоты и прелести, и смотрѣвшему на замокъ жадными взорами, онъ сказалъ ему:

— Чего вы хотите опъ перваго консула, милосивый государь; я могу передать ему вашу просьбу, если она разсудительна. Я дежурный адъютантъ.

«Какъ!» вскричалъ молодой человекъ, бросившись къ г. *Ласюэ*, и съ восторгомъ схвативъ его за руку... «Вы адъютантъ перва-

го консула?— О, если-бъ вы знали, какую услугу можете вы оказать мнѣ!... Ради Бога, проведите меня къ нему.»

— Чего вы опъ него хотите?—

«Мнѣ непременно надобно поговорить съ нимъ...»

Попомъ онъ пихонько прибавилъ: «это моя тайна.»

Ласюэ взглянулъ на молодаго просителя: онъ сподлъ предъ нимъ съ сверкающими глазами; грудь его волновалась, лице пылало; съ жаромъ пожималъ онъ руку *Ласюэ*; но взоръ его былъ чистъ, и во взорѣ семъ ясно отражалась душа прекрасная и возвышенная.

— Этотъ молодой человекъ не можетъ быть опаснымъ,—подумалъ *Ласюэ*, и взявъ его за руку, повелъ на внутренній дворъ. Входя за рѣшетку, они встрѣтили *Дюрока*, возвращавшагося съ упренней поѣздки своей въ Парижъ; съ нимъ былъ *Жюно*. Оба они ѣхали верхами, но увидѣвъ своего повариха, остановились и сошли съ лошадей. *Ласюэ* разсказалъ имъ свое маленькое приключеніе.

«Какъ!» сказали ему вмѣстѣ *Жюно* и *Дюрокъ*: «ты хочешь проводить къ консулу этого молодаго человека, не зналъ даже, кто онъ такой?»

Ласюэ признался, что онъ не спросилъ его объ этомъ. *Жюно* подошелъ къ молодому просителю и сказалъ ему, что первый консулъ, конечно, весьма доступенъ, но что всѣмъ тѣмъ, необходимо было знать, по какой причинѣ желалъ онъ его видѣть, и что приближенные консула не могли доложить ему о приходѣ просителя, означивъ имя его премо звѣздочками. Молодой человекъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

«Конечно, генераль!» отвѣчалъ опъ поклонясь почтительно, но со всею развязностію свѣпскаго человека; попомъ, объявивъ свое имя, онъ прибавилъ: «отецъ мой живетъ въ деревнѣ; онъ имѣетъ достаточныя познанія, и потому не щипалъ нужнымъ отдавать меня въ учебныя заведенія,

а хотѣлъ преподашь мнѣ свой курсъ ученія. Воспитаніе, какое я получилъ отъ него, клонилось единственно къ цѣли, къ копорой спремялся всѣ наши желанія; цѣль эпа есть приѣмъ меня въ Политехническую школу. Судите же, генераль, о его, и особенно моемъ, огорченіи, когда явившись къ аббату *Боссо*, отъ копораго зависить рѣшеніе, могу или не могу я бытъ припятъ, мы услышали отъ него, что онъ не спанеть экзаменовашь меня, ибо я учился у *одного* только бапюшки и не бралъ уроковъ у профессоровъ.»

«Что вамъ до эпаго за нужда, сказалъ я ему, если только я имѣю нѣ познанія, копорыхъ отъ меня попребуютъ.»—Но онъ остался непреклоненъ, и я никакъ не могъ убѣдиль его сдѣлать мнѣ хотя одинъ вопросъ.»

—Но,—сказалъ тогда *Дюрокъ*, съ обыкновенною своею кропостью и учпивостію: чѣмъ же можете помочь шупъ первый консуль? Эпо правило, и правило общее для всѣхъ шуда вступающихъ. Чего же вамъ отъ него угодно?—

«Пусть онъ экзаменуешь меня,» опвѣчалъ молодой человекъ съ прелесною опкровенностію. «Я увѣренъ, что когда онъ задаетъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, то найдеть меня достойнымъ раздѣлять шруды съ молодыми людьми, изъ копорыхъ онъ хочеть сдѣлать офицеровъ, способныхъ приводить въ исполненіе его великія предначертанія.»

Трое поварищей, улыбаясь, взглянули другъ на друга. *Дюрокъ* и *Жюно* думали, вмѣспѣ съ *Ласю*, что пылія рѣчи, пламенный взоръ сего молодого человека не могутъ не понравиться первому консулу, и пошому *Дюрокъ* пошелъ доложить о немъ. Когда *Наполеонъ* выслушалъ *Дюрока*, то на лицѣ его показалась та величественная, кропкая улыбка, какал обыкновенно сіяла на ономъ въ минуты, когда консуль бывалъ въ пріятномъ расположеніи духа.

«И онъ хочеть, чтобы я самъ экзаменовалъ его?» сказалъ онъ *Дюроку*. «Какъ при-

шла ему въ голову такая мысль... Спрашно!...»

Онъ продолжалъ улыбашься, поширая свой подбородокъ.

«Какихъ онъ лѣтъ?» спросилъ *Бонапарте*, походивъ нѣсколько времени въ молчаніи по комнатамъ.

—Не знаю, генераль; по виду, ему лѣтъ семнадцать, или оснадцать.—

«Позови его.»

Дюрокъ ввелъ въ комнату молодого протспела. Выраженіе лица его было удивительно; совершеннѣйшее блаженство рѣзкими чертами изображалось на немъ; взоры его, такъ сказашь, пожирали *Наполеона*. Казалось, вся жизнь его зависѣла отъ первого слова, копорое скажетъ ему консуль. Не разъ уже было замѣчено, какъ лице *Бонапарте* непонятно различествовало съ самимъ собою въ нѣ минуты, когда онъ хотѣлъ нравиться: оно выражало въ то время пріятность, прелестъ нецѣпьяснимую.

«Ну, молодой человекъ!» сказалъ онъ подошедши съ прекрасною улыбкою къ юному энтузіасту; «вы хопите, чтобы я экзаменовалъ васъ?»

Бѣдный юноша дрожалъ отъ радости и не въ соспоянніи былъ опвѣчашь; онъ смотрѣлъ на первого консула, и не говорилъ ни слова. *Наполеонъ* не любилъ ни наглои смѣлости, ни излишней заспѣчивости, но шупъ онъ видѣлъ, что молчаніе молодого человека происходило отъ того, что душа говорила въ немъ слишкомъ сильно; онъ понялъ эпо и сказалъ:

«Успокойтесь, мой милый, шеперь вы не въ соспоянніи опвѣчашь мнѣ; я займусь покампспъ своими дѣлами, а погедя, мы придемся и за ваше.»

«Видишь ли эпаго молодого человека?» сказалъ первый консуль *Жюно*, опведя его къ окну. «Если-бы у меня была тысяча такихъ, какъ онъ, то завоеваніе цѣлаго свѣта было бы для меня ничто иное, какъ прогулка.»

Онъ обернулся, чѣобы лучше разсмотрѣть юношу, который, погружаясь въ размышленія, вѣроятно припоминалъ все то, о чемъ *Бонапарте* могъ спросить его. Чрезъ полчаса первый консуль началъ экзамень, опть котораго молодой искапель опдѣлался съ полнымъ успѣхомъ.

«И у васъ не было другаго наставника, кромѣ опца вашего?» съ изумленіемъ спросилъ *Наполеонъ*.

— Нѣтъ, генераль, но онъ былъ для меня хорошимъ учителемъ, ибо воспитывалъ во мнѣ гражданина, который бы со временемъ могъ бытъ полезенъ своему опечестиву, и который, особенно, въ соспояніи былъ бы слѣдовать за великимъ жребіемъ, какой вы ему готовилие.—

Жюно сказывалъ послѣ, что они всѣ прое чрезвычайно удивились почти пророческому выраженію, съ какимъ молодой человекъ выговорилъ послѣднія слова. Особенно поразили они перваго консула.

«Я дамъ вамъ записку, съ которою опкроется для васъ входъ въ это святилище,» сказалъ онъ, и велѣлъ было генералу *Жюно* писать, но подумавъ, примолвилъ:

«Нѣтъ,—я напишу самъ.»

Взявъ перо, онъ начертилъ нѣсколько словъ и опдалъ бумагу молодому человеку, который принялъ сѣ, какъ залогъ невыразимаго счастья. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ оппчасъ побѣжалъ съ нею къ аббату *Боссю*; сей послѣдній, увидѣвъ его, закричалъ ему еще издали:

«Что вамъ надобно? Вы уже слышали мой опказъ?»

Но молодой человекъ имѣлъ при себѣ палисманъ, сповившій волшебнаго жезла; онъ несъ его надъ головою, и оппомъ подаль аббату *Боссю*, который прочелъ слѣдующее:

«Господинъ *Боссю* имѣетъ принять г. *N.*
«Я самъ экзаменовалъ его и нахожу достойнымъ пріема.— *Бонапарте*.»

Пер. *Ип. Глѣбовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

N. N.

при поднесеніи моихъ повѣстей и разсказовъ.

Когда мечты завѣщныя поэта,
Его идей возвышенный воспоргъ,—
Не говорю вниманье свѣта,
А сердца чистаго участіе взялъ могъ,—
Тогда, какъ дивно сердце бьется!
Но ежели неузнанный прочпѣнъ,
Неопытный, съ другими брошенъ онъ,
Тогда въ груди все чувствиво разорвѣтся,
Тогда напрасно хладный свѣтъ
Поэта ждетъ воспорженный привѣтъ—
Онъ не раздастся и не раздаѣтся...
Но вамъ даря причудливые сны
Моей мечты шальной и прихотливой,
Я думаю: поэтъ щасливой,
Они съ участіемъ будутъ прочтены.

Карлеофъ.

ОСВЯЩЕННОЕ МѢСТО.

(Изъ Гѣте.)

Въ тихій оппть часъ, какъ украдкою граціи Нимфъ
въ хороходы
При мерцаньи влелепаются лунномъ, съ Олимп
па слепая;
Имъ внимаешь пѣвецъ и дивился чуднымъ ихъ
пѣснямъ;
Плясокъ безмолвныхъ таннспвеннымъ онъ оча
рованъ движеніемъ;
Совершенства всѣ неба и прелеспи юнаго міра
Здѣсь созерцаешь пѣвецъ, погруженный въ
сладкія думы;
Все повѣспвуешь онъ Музамъ, и, чѣобъ боговъ
не прогнѣвать,
Музы его научають скромно высказывать
шайны.

M.

Э К С П Р О М П Т Ь.

Слѣга Кавказа не бѣлѣй
Прелеспной бѣлзны пвоей прелеспной шейки;
Твоихъ пылающихъ очей

Не пламеннѣе взоръ неистовой Еврейки;
 Чпо ловче, гибче и стройнѣй
 Какъ спанъ пвой и въ самомъ раздольѣ коцубейки?
 Ты мнѣ прекраснѣй и милѣй
 О, всякой Байрона и *Адды* и *Зюлейки!*
В. Романовичъ.

А Н А Г Р А М М А.

Я радость для гражданъ и щасья ихъ зиждидишель,
 Наукамъ—другъ, искусствамъ—покровишель;
 Лишь мной однимъ цвѣспулъ и царспва и спраны,
 Хопъ вѣрный я сосѣдъ кровавья войны.—
 Узнали, или нѣшь? Скажу еще два слова:
 Прязни, дружбы, я вѣрнѣйшая основа.—
 Обороните же, и вдругъ—предшанешъ вамъ,—
 Колосъ державъ,
 Кпо мощною своей, гигантскою рукою
 Пароботилъ весь мѣръ и былъ надъ нимъ главою!—
Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
 Уѣздъ Гжатскій.

Въ No 38, помѣщенная загадка значить: *Hameçon.*

М О Д Е С.

Quelques femmes ont porté depuis Longchamps des robes à pardessus en poux de soie, dont la jupe de dessous était garnie d'un haut volant découpé, à tête, et celle de dessus garnie d'une bande, découpée des deux côtés, et montée à plis plats, en un seul rang. Le corsage demi-haut était froncé devant, les manches à sabots de dentelle noire, et sur le cou un petit mantelet très-court en dentelle noire: les deux jupes et les garnitures sont en poux de soie.

Ces robes seraient bien aussi en autre étoffe, par exemple, en gros de Naples à raies brochées, ou en pékin.

La mode des brodequins reprend faveur. Les femmes élégantes en portent à la promenade, en étoffe de soie.

Les couleurs paille ou vert tendre, avec du lilas, des violettes, des jacinthes, se portent beaucoup et fort bien.

Un charmant chapeau, que madame Lepetit a exécuté avec une originalité qui n'avait rien de choquant, était en crêpe bleu pâle, doublé de gros de Naples; le ruban en soie grenadine faisait lien autour d'un paquet de jacinthes couleur de chair. Cette teinte rosée, jointe si rarement au bleu, était d'une douceur extrême, et aucune des deux ne nuisait à l'autre.

On voit quelques tabliers en batiste, brodés tout autour, quelquefois garnis d'une bande festonnée en crête, plissée à petits plis.

М О Д Ы.

Нѣкопорья дамы носили послѣ Лоншанскаго гулянья плащя съ *pardessus* изъ *poux de soie*, у копорыхъ нижняя юбка опдѣлана широкою высѣченною оборкою, а верхняя обшита полоскою, высѣченною съ обѣихъ спорохъ и сложенною плоскими складками въ одинъ рядъ. Лицъ полуоткрытый, собранный спереди; у рукавовъ *sabots* весьма короткіе, изъ чѣрныхъ кружевовъ: обѣ юбки и опдѣлки изъ *poux de soie*.

Плащя сіи хорошо дѣлашь и изъ другой маперіи, на примѣръ, изъ гродѣнапла съ запкаанными полосками, или изъ пекина.

Сапожки опять входятъ въ употребленіе. Щеголихи носятъ ихъ на прогулкахъ, изъ шелковой маперіи.

Для шляпокъ въ большемъ употребленіи цвѣта соломенный или блѣдно-зелѣный, съ сиренью, фіалками, гяцинтами.

Прелестная шляпка, сдѣланная у Г-жи *Lepetit* съ большою оригинальностію, въ которой однако не было ничего рѣзкаго; она была изъ блѣдно-голубаго крепа, подложена гроденаплемъ; ленпа, изъ гренадиноваго шелку, перевязывала букетъ гяципповъ тѣлеснаго цвѣла. Этошь цвѣтъ, споль рѣдко соединяемый съ голубымъ, казался чрезвычайно нѣженъ, и ни одинъ не поршилъ другаго.

Видно нѣсколько бапписповыхъ передниковъ, вышитыхъ вокругъ, иногда обшитыхъ полоскою, вымепанною гребешками и сложенною мелкими складочками.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 20 дня 1833 года.

Не можешь щастіе ничѣмъ меня прельстить:
Величіе его щитаю я мечтою;
Ко щастью надобно ступеней пьму пройтить,
А сходяшь опъ него почти всегда одною.

Пинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

П Я Т Н И Ц А.

У меня очень мало, или и вовсе нѣтъ предразсудковъ, я не вольнодумецъ, но со-всѣмъ нѣтъ ненавижу *Пятницу*. . . . Эпопъ чѣрный день всегда приносилъ мнѣ съ собою какое нибудь горе, и я былъ бы самый щасливый человекъ на свѣтѣ, если-бъ каждую недѣлю, въ продолженіе первыхъ чепыреухъ дней, не поджидалъ со страхомъ и пререпомъ ужасной *Пятницы*. . . Неужели нельзя было обойтись людямъ безъ *Пятницы*? Они пуспили её въ ходъ на свою голову.

Во первыхъ, можешь спаться, я не существовалъ бы въ сей юдоли скорбей и плача. Надобно знать, что я родился въ *Пятницу*, и что первымъ моимъ нещастіемъ было опнять своимъ рожденіемъ жизнь у шой, которая произвела меня на свѣтѣ. По всей вѣроятности должно полагать, что я *сынъ любви*; если не обманываетъ меня память, то въ дѣтствѣ моемъ заболелся обо мнѣ одинъ красивый мущина, который называлъ

себя другомъ моей матери, и котораго, впрочемъ, я видѣлъ только два раза опъ роду. Въ первый разъ, когда онъ вырвалъ меня изъ объятій кормилицы, въ *Пятницу*, какъ она мнѣ сказывала, и во второй, когда онъ отдавалъ меня въ училище: въ оба сіи дни я пролилъ много слѣзъ . . . и двѣ сіи траурныя *Пятницы* глубоко врѣзались у меня въ память.

Но какъ на свѣтѣ нѣтъ слѣзъ, которыхъ бы не осушило время: по и я опвыкъ опъ милой ласки жалостливой своей кормилицы, и привыкъ протягивать ручѣнки подъ ферулу палача—учителя. Такимъ образомъ, съ пособіемъ ли сего послѣдняго средства, или по доброй волѣ, пріобрѣлъ я коѣ-какую образованность, и будучи двадцати лѣтъ опъ роду, написалъ болѣе пысячи александрійскихъ стиховъ, — которые никогда не будупъ извѣстны свѣту попому, что мнѣ не хочется быть *Делилемъ*; —при мелодрамы и два водѣвля, изъ которыхъ одинъ, пролежавъ лѣтъ пять въ теапральной дирекціи, наконецъ рухнулъ съ громомъ, спукомъ и свистомъ. Если скажу вамъ, что первое пред-

спавленіе моеѣ пьесы случилось въ *Пятницу*, вы возразите, что мнѣ бы слѣдовало выбрать для моего спектакля субботу, или Воскресенье: на сіе имѣю честь опроверговать, что въ сочиненіи сего водѣвила учаспвовалъ—сопрудникъ, который некогда со мною не совѣпвовался, щипалъ меня нудемъ и въ свѣпъ и въ липерапурѣ, и имѣлъ низоспъ объявить мое имя публикѣ, когда услышалъ свиспъ ея. Меня ошпкали.

Такъ какъ я не могъ попребовать удовлелворенія опъ нѣсколькихъ сопъ челоекъ разомъ, по обрапился къ своему сопруднику: онъ выпросилъ у меня на недѣлю опсрочку, чтобы кончить дѣла свои, а въ первую за тѣмъ *Пятницу* влѣпилъ мнѣ нулю въ правое плечо. Я далъ себѣ пвердое обѣщаніе не просипъ его болѣе о сопрудничеспвѣ. . . .

У меня было намѣреніе умереть холостякомъ; я всегда щипалъ опвращеніе къ супружеспву. На другой половинѣ домика въ Галерной, куда загналъ меня спыдъ театральнаго моего паденія, жила молоденькая дѣвушка съ пѣпкою, вдовою опспавнаго коллежскаго секретаря: она была не дурна собою, и при всемъ своемъ цѣломудріи и смиренномудріи, ходила днемъ работалъ въ магазинъ. Впрочемъ, цѣломудріе не мѣшалъ занималъся работою; съ эпимъ, однажды въ *Пятницу*, принудила меня согласипъ вышепоименованная вдова коллежскаго секретаря, нынѣшняя пѣща мол, упверждаая, будто бы я волочилел за ея племинницей, чѣмъ могъ повредипъ ея доброму имени, и что, *попезже и попелку* я влюбленъ въ неѣ: по долженъ на ней женипъся; наконецъ, что я не могъ имѣть другихъ видовъ, повсюду преслѣдуя молодую дѣвушку. Послѣ эпаго извольте вспрѣчаниъся съ красавицами на пропурарѣ, или на лѣспшицѣ по *Пятницалмѣ!*

Я женился въ *Пятницу*, въ которую рѣдко совершался бракосочетанія; полагаю, что это одна изъ важнѣйшихъ причинъ того супружескаго согласія, того долгонроджиптельнаго семейнаго благополучія, которое споль часто видимъ мы въ сподипцахъ. Всѣ мои знакомцы, родспвенники, пріапшели, обѣщавшисел въ четвергъ, субботу,

или впорникъ, служалъ разипельными пріаптрами благоденспвіа и долгоденспвіа. Нѣтъ между ними и женами ихъ ни денежпныхъ расчѣтовъ, ни пайпныхъ расходовъ; они не ревнуютъ другъ къ другу, не заглядывалопся на чужбинку; мужъ бываетъ въ театрѣ, но ни шагу за кулисы; жена пріапмалетъ въ его опсупспвіе молодого военного медика, но говориптъ съ нимъ только объ исперикѣ и спазмахъ; врачъ пишелтъ ей . . . только рецешпы. А у меня, имѣвшаго непосмоприселельность вѣнчалъся въ *Пятницу*, докторъ, мой пріаптель . . . но объ эптомъ послѣ. Есптъ бѣдспвіа ужаснѣе: жена моя, выходя изъ церкви и садаясь въ карету, опспупилась и вывихнула ногу. Домовый ихъ докторъ осудилъ еѣ дней шесть пролежалъ въ постелѣ. Сіе распорядженіе прівело въ опчаяніе новобрачнаго. Въ слѣдующую *Пятницу*, когда жена моя уже выздоравливала, по словамъ врача, друга нашего дома, ни на минупу еѣ не покидавшаго, пріапесли мнѣ письмо изъ Орла, запечатапное черною печашью; сѣспры извѣщали меня о кончипѣ моего родиптеля и сильно упрашивали немедленно пріѣхалъ къ нимъ въ сельцо Забулдаево для пріаптіа наслѣдства. Жена моя была не въ соспоянніи со мною вхалъ; я опсправилъ одинъ; опсупспвіе мое продолжалось шесть недѣль. Вспупя въ права наслѣдства, я спѣшилъ воспользовалъся правами супруга съ милою *Грунелкою*, которая черезъ семь съ половиною мѣсцелъ послѣ свашьбы родила здоровенькаго мальчика. Мы, въ честь креспнаго папенки, друга нашего дома—докпора, назвали его *Всеволодомѣ*. Гости, пившіе Шампанское на креспинахъ, божилисъ, что дитя похожъ на меня чрезвычайпо, хотя у него были волосы бѣлые, какъ лёнъ, а у меня чѣрные, какъ у Цыгана, хотя очл его были свѣшлоголубые, а мои пѣмнокоричневые.

Послѣ сего, я всегда вѣрилъ въ пагубное свойство *Пятницы*, эпаго чѣрнаго дня, въ который, какъ увѣряюптъ знапoki древней испоріи, удавилъ *Иуда Искоріотскій*. Человѣкъ слабъ! Попадая сполько разъ въ просакъ въ *Пятницу*, я спалъ вѣриптъ, что просыпанная соль предвѣщалетъ неминуемое не-

щастіе; что число тринадцать за споломъ пагубоносно. Повѣря предыдущему, я простодушно вѣрю всему; на примѣръ: надѣшый на изнанку чулокъ—примѣпа, что надѣвшій его или будетъ въ топъ день мершвецки пьянъ, или прибишъ; выѣхавъ въ дорогу въ понедѣльникъ—значитъ поже, что добровольно велѣтъ себя опрокинуть въ оврагъ съ лошадьми и коляскою. О *Пятница, Пятница!*...

Короче, по *Пятницамъ* не смѣю ни дышать свободно, ни мыслишь, ни чувствовашь. Душа моя сидитъ поджавши хвостъ, какъ бѣсъ передъ заушреной.

Въ *Пятницу* я настоящій мученикъ: не хожу въ лѣсъ, боясь набрести на волка; не ѣмъ щей, боясь, что они сварены въ недужёной кострюль; не пью вина, боясь, что оно поддѣльное; не хожу мимо будокъ, боясь, что меня посадятъ подъ ареспъ; не бываю въ театръ, боясь, что наступлю кому нибудь на ногу, буду вызванъ на дуэль—и заспрѣленъ, какъ глухой пеперевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Ъ З Д К А

изъ Дерпта въ Псково-Печерскій монастырь.

(Продолженіе.)

Между пѣмъ маленькой флотъ нашъ поднялъ паруса и пролепѣлъ мимо *Робкой* мызы, подъ копорю сполли лагеремъ Русскія войска, идучи осаждавъ Дерптъ въ 1704 году. Я сидѣлъ на кормѣ съ понишкею головою и задумавшись, какъ наши пѣсенники грянули спаринную солдатскую пѣсню въ честь славнаго сподвижника *Петрова* — фельдмаршала *Шереметева*. Громъ липавръ и поржеспвенность хора заставили меня поднятъ голову и вслушашься въ слова ихъ.

Какъ изъ славнаго изъ города изъ Пскова
Подымается Царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ, сударь, *Петровиъ Шереметевъ*
Съ легкоконными полками и съ драгуны,
И съ удалю Московскою пѣхотой.

Не дошедъ до Красной мызы спанъ раскинулъ.

Не ясенъ соколъ въ поднебесъ леташеть:

То бояринъ по полкамъ своимъ гулетъ.

Не серебряная флейта заиграла,

Не золотая труба зычно запрубила:

То возговорилъ Царевъ большой бояринъ,

Графъ Борисъ, сударь, *Петровиъ Шереметевъ*.

«Ой вы дѣшущки драгуны и солдаты!

«Поспойте ли, ребяща, вѣрой-правдой

«За надежду-за Царя, за Русь свящую?

«Вы гошовой ли, друзья, въ пиру кровавомъ

«Буйны головы сложить со плечъ могучихъ,

«Бѣлой грудью встрѣшшъ часпый дождь сви-
цовый?» —

Не пчелиной рой въ погоду разжужжался:

По дружинамъ пробѣгаешъ шумъ совѣпный.

Не внезапный громъ изъ тучи чѣрной грянулъ:

Опвѣчаюпъ всѣ солдаты въ одинъ голосъ:

«Ты веди насъ, укажи намъ гордыхъ Шведовъ!

«Ради грудью мы сполшъ за Государя,

«Поработашъ налашами и шпыками,

«Съ Русской чести пьяно Нарвское смѣпъ кровью,

«Оперешъ же королевскимъ бѣлымъ знаменъ!»

И шупъ наскоро бояринъ подымался;

Доброконные козацкіе разѣзды

Для поимки языка впередъ помчалисъ;

Наскакали вмгъ на Шведскіе припшины,

Безъ тревоги караулы они скради,

А маѣра припацили на арканъ.

Приказалъ его бояринъ допросити.

Какъ возговорилъ маѣръ да земли Шведской:

«Ой ты гой еси, Царевъ большой бояринъ,

Графъ Борисъ, сударь, *Петровиъ Шереметевъ!*

Не могу я у Царя утаиши,

Скажу я всю истинную правду:

Споинтъ наша сила въ чиспомъ полъ,

За пѣми за мхами, за болошы,

За пою опасной перемравой,

Чпо на славной рѣкѣ на Амовѣ;

Силы съ генераломъ сорокъ пысычъ,

Съ самимъ генераломъ *Шлиенбагомъ*.»

*

И шупъ бояринъ не испугался,

Скоро съ раздолъя онъ поднимался.

*

Не двѣ грозныя тучи сполкнулисъ,

А два воинства великія сразилисъ:

То Московская ли армія со Шведской.

Запахла *Шереметева* пѣхота,
 Обскакали непріятелей драгуны.
 Но желѣзною стѣною сплосили Шведы:
 Они бьются и падаютъ съ утра до полдня,
 А съ полудня до зари вечерней, поздней.
 Неспертъль того Россійской предводишель,
 Закипѣло его сердце репивою,
 Онъ вскричалъ шумъ своимъ зычнымъ, свѣплымъ гласомъ:
 «Ой вы гой еси, солданы и драгуны;
 Примыкайте шпыки на мушкеты,
 Бросайте ружья на погоны,
 Вы Донскіе и Яикскіе казаки!
 Вынимайте оспрыя сабли,
 Приклоняйте булашныя копыя!
 Съ Божьей помощью мы грянемъ, сломишь Шведовъ
 И плѣнимъ мы генерала *Шлиппенбахъ!*»
 Но враги уже заранъ догадались,
 По лѣсамъ и по болопамъ разбѣжались,
 И въ рѣку они Амовжу побросались.
 Тупъ удалые казаки и драгуны
 Погнались за генераломъ *Шлиппенбахомъ!*
 До самага до города до Дершна.

*

Широко степи разсплываются:
 Шире слава Русскихъ подвиговъ.
 Далеко моря разливается:
 Дальше слава *Шереметева*.
 Высоко всходитъ молодой мѣсяцъ:
 Выше имя Царя бѣлаго,
 Царя бѣлаго, *Петра перваго!*
 Ярче свѣтятся солнце красное,
 Ярче свѣтятся слава Русская!

Воображеніе мое перенеслось за спо лѣпъ назадъ. Я вспомнилъ, что на берегахъ Амовжи Россіане учились побѣждать Шведовъ; здѣсь былъ первый театръ славы *Шереметева*. Уже подъ Нарвою, въ военномъ Совѣтѣ, который держанъ былъ нашими генералами за день до сей позорной битвы, онъ предложилъ, оставя часпъ войскъ въ окопахъ передъ городомъ, выступить со всею арміею въ чистое поле и напасть на Шведовъ. Такой совѣтъ показывалъ вождя умнаго, пронцапельнаго: онъ могъ бы спасти Русское имя онъ посрамленія, если-бъ ему послѣдовали. Ибо Россіане, будучи въ семь разъ многочисленнѣе Шведовъ, легко могли обойти крылья ихъ арміи, ударить въ тылъ

и разспроить непріятеля. Для робкихъ сей мудрый совѣтъ показался дерзкимъ; его не приняли, рѣшились дожидаться непріятелеи въ окопахъ—и потеряли сраженіе. Гибельно было для Россіанъ сіе сраженіе; по имѣло весьма хорошее вліяніе на будущее. *Петръ великій* не упалъ духомъ: онъ сдѣлался оспорожнѣе.

Въ 1701-мъ году, защита границъ со стороны Ливоніи поручена *Шереметеву*, который занялся укрѣпленіемъ Новгорода, Пскова и Печерскаго монастыря, лежавшаго на самыхъ предѣлахъ гсударства. Между тѣмъ, онъ не упускалъ вѣрныхъ случаевъ выгодно знакомить своихъ новобранцевъ съ Шведами. Осенью, Россійскій вождь предпринялъ довольно важныхъ поисковъ проптивъ Шведскаго маѣра *Рооса*, сплывшаго съ своимъ опрядомъ въ Репиной мызѣ. Сынъ *Шереметева* мужеспвенно напалъ на него, и послѣ чепырехъ часовъ упорнаго боя, окружилъ его, взялъ при шпандарна, двѣ пушки и 80 человекъ въ плѣнъ; до 500 Шведовъ убито. «Дѣло сіе попому достойно примѣчанія»—говоритъ Русскій *Жолинн*:—«что въ немъ «видно уже, что Россійскій военачальникъ «въ искусствѣ превосходилъ Шведскаго.»

Ободренный симъ успѣхомъ, *Шереметевъ* выступилъ въ Декабрѣ проптивъ самага генерала *Шлиппенбахъ*, расположившагося съ 7000 человекъ въ Эреспферѣ, недалеко отъ Дершна. На разсвѣтѣ 29-го, передовой полкъ Русской арміи разбилъ подполковника *Ливена*. Генералъ *Шлиппенбахъ* встрѣпилъ Россіанъ за семь вѣрспъ впереди Эреспфера. Началось воловое дѣло—и Шведы, разспроенные дружнымъ ударомъ нашей конницы, нашли спасеніе въ послѣшномъ отспуѣ къ Сагницу. Побѣда при Эреспферѣ была весьма важна. Гордые Шведы потеряли 4 пушки, 8 знаменъ, 350 плѣнными и болѣе 3000 убитыми. *Петръ великій*, получа о семъ извѣстіе, вскричалъ: «Благодареніе Богу, мы уже до того дошли, что Шведовъ побѣждать можеть!» Государъ пожаловалъ офицерамъ золотыя медали, солданама по сребреному рублю; *Шереметевъ* украсенъ орденомъ св. Аностола Андрея Первозваннаго.

Военныя дѣйствія 1701-го года въ Ливоніи начались тѣмъ, что Россіяне прогнали Шведскую эскадру, которая плавала по Чудскому озеру; овладѣли крѣпостцюю при устьѣ Амовжи (р. Эмбаха) и срыли оную. Попомъ, *Шереметевъ* ворвался въ Ливонію и напалъ на генерала *Шлиппенбаха*, который съ семью тысячами все еще споялъ въ Сагницѣ. Послѣ разныхъ спычекъ, Шведы принуждены опспушишь за Эмбахъ. Россіяне пакже вслѣдъ за ними перешли сію рѣку. 18-го числа въ 6-ть часовъ упра началось сраженіе, а въ 10-ть Шведская пѣхота испреблена; конница же и самъ генералъ *Шлиппенбахъ* въ разспройствѣ поскакали по дорогѣ къ Пернавъ. 14-го Августа Русскіе вступили въ городъ Вольмаръ, а 25-го въ Маріенбургъ. Съ тѣхъ поръ сіе послѣднее мѣспечко сдѣлалось славно: въ немъ взята въ плѣнъ *Екатери-на I-я*, бывшая послѣ супругою Императора *Петра I-го* и Самодержицею Всероссійскою. Она жила въ семействѣ извѣснаго паспор-а *Глика*.

Въ 1703 году, *Шереметевъ*, раздѣля свою армію на нѣсколько часпей, взялъ Вейсенбургъ, Вейсенштейнъ, Оберъ-Палень, Феллинъ, Венденъ, Меншценъ, Балкъ, Сагницъ, Рингенъ.

1704 годъ ознаменованъ блистательными успѣхами фельдмаршала. Шведская эскадра, зимовавшая на рѣкѣ Амовжѣ (Эмбахѣ) подѣ Дерпшомъ, досталась въ руки Россіянь.

9-го Юня началась славная осада (1704) Дерпта. Наведено два моста на Эмбахъ: одинъ ниже города при Робкой, другой выше при Консенпалъ; съ 9-го на 10-е открыты пираншей; 10-го началось бомбардированіе; 23-го Россіяне спояли уже въ 300 шагахъ опъ ворошъ св. Іакова. Успроены новыя бапарей — и съ нихъ день и ночь бросали въ городъ кадѣныя ядра и бомбы. 1-го Юля сдѣланъ проломъ въ Куршинѣ между Русскими воротами и Пипшурмомъ. Башня Пипшурмъ рухнула. 12-го вечеромъ наведенъ пушъ новый мостъ чрезъ Эмбахъ. Русскіе, послѣ жаркаго боя, срубили палисадъ и выбили Шведовъ изъ рavelина. 13-го на разсвѣтъ, подѣ сильнымъ огнемъ съ крѣпо-

сти, они бросились шпурмовать главный валъ, проломил Русскія ворота и ворвались въ крѣпость. Тогда комендантъ сдалъ городъ на договоръ. *Петръ великій* былъ въ восхищеніи опъ взятія Дерпта. Онъ пожаловалъ фельдмаршалу богатыя помѣспья— въ ново-завоеванной области, и между прочимъ, по рѣкѣ Эмбаху въ 9-ми верстахъ опъ Дерпта, прекрасную мызу Газелау съ деревнями и полумызками.

Графъ Борисъ Петровичъ *Шереметевъ* и завоеватель и благопворитель Ливоніи. Онъ испросилъ у *Петра великаго* многія милоспи для сей раззоренной области—и *Петръ* съ удовольспвіемъ оказалъ ихъ: Царь хотѣлъ любви новыхъ своихъ подданныхъ. Налоги облегчены, права возспановлены, общественныя раны залечены. Россійскій Императоръ не только не хотѣлъ, по примѣру Польскаго и Шведскаго правительства, обогащать свою казну на щепъ дѣшнлаго дворянства, но возвратилъ ему помѣспья, уже на Государя описанныя. Слава *Петру!*

Честь *Шереметеву!* Онъ Ригу покорилъ,
Онъ въ Аспрахани бунтъ опасный усмирилъ,
Какъ *Фабій* медленный, за родину дрожавшій,
Побѣды вѣрныя съ терпѣньемъ ожидавшій,
Онъ босмъ не снѣшилъ; но первый на раскапъ
Подъ громъ, подѣ вихоръ спрѣлъ и подѣ свинцовый градъ,
И пламенный создашъ, холодный предводилъ,
Петровыхъ замысловъ былъ вѣрный исполнитель.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

РАЗДАВЛЕННАЯ СОБАКА ПИЩАГО.

... Коляска наша капилась по дорогѣ въ Діеспъ; сеспра моя, упомившись, оперлась на меня, и полные локоны волосъ ея, взвѣваемые упреннимъ вѣспромъ, унадали на лице мое.

Скоро свѣпмый паръ, поднявшійся на горизонтъ, возвѣспилъ близость дневнаго свѣспила; багровое сіяніе озарило вершины горъ, и златиспые лучи Майскаго солнца разсѣлили шуманъ, разспилавшій по долинь свое легкое покрывало.

Я присутствовалъ при пробужденіи природы; я былъ погруженъ въ какой-то неизъяснимый восторгъ; душа моя уподала въ удовольствіи; я не зналъ, какъ выразить ту полнопу блаженства, то веселіе сердца, которыми располагаютъ къ самымъ нѣжнымъ ощущеніямъ, къ самымъ добродѣтельнымъ дѣйствіямъ.

Коляска наша остановилась: надлежало перемѣнить лошадей; мы принуждены были ждать, ибо лошадей не случилось готовыхъ.

Къ намъ подошли старый нищій и его собака; они подняли головы съ печальнымъ и умоляющимъ видомъ, и протянули, одинъ свою шляпу, а другая голову, умильно смотря на насъ и виляя хвостомъ. Сестра предупредила меня: опустивъ два пальца въ маленький шелковый кошелекъ, она доспала изъ него серебряную монету, и бросила её въ шляпу старика, присоединивъ къ своему подаванію ту улыбку, которая какъ будто говоритъ несчастному: «спроси мнѣ добро, какое я тебѣ дѣлаю.» Бѣднякъ понялъ её, и благодарный взоръ его высказалъ ей: благословлю тебя, добрая женщина! да продлится на много лѣтъ твои радости и твое счастье.— Она также поняла взоръ старика и дала мнѣ эпо почувствовать нѣжнымъ пожатіемъ руки.

Нищій и старая собака его отошли и расположились на каменной скамьѣ, подлѣ солдата, съ которымъ также была собака, но собака молодая, бодрая, и съ увѣренностію смотрѣвшая на проходящихъ.—Успавшій солдатъ, шедшій въ отставку на родину, сложилъ съ себя копомку, и дѣлилъ умѣренный завтракъ съ дорожнымъ своимъ поварихомъ.

Глухой шумъ, сначала отдаленный, сдѣлался слышимъ, и съ громомъ подѣхала къ почтовому двору блестящая карета; за четверть часа прискакала пельга пройкой. Передовой съ крикомъ преобладалъ лошадей для его сіятельства; лошадей не было. Его сіятельство долженъ былъ нѣсколько подождать, также какъ и мы.

Я бросилъ взглядъ на блестящій экипажъ. Въ немъ были молодой мушкетеръ и пригожая

дама; но, по суровому виду ихъ, по выраженію, написанному на ихъ лицахъ, я тотчасъ замѣтилъ, что они о чемъ-то спорятъ съ горячностію и досадою. Скоро попомъ его сіятельство обернулся спиною къ своей спутницѣ, и высунулъ голову въ окно. Тогда нищій и его собака подошли къ нему, съ какою-то боязнію и недовѣрчивостію, и спали умолять о состраданіи, но не получили ничего, кромѣ грубаго и унижительнаго отвѣта. Слеза блеснула на глазахъ старика, и онъ тихо побрелъ на прежнее свое мѣсто.

Лошадей запрягли; слуги знатнаго господина выбросили подлѣ кареты остатки отъ его пышнаго завтрака; собаки нищаго и солдата кинулись туда; лошади приняла вскачь съ мѣста... и одна собака была раздавлена... Эта собака принадлежала нищему. Она завизжала, и успремилась послѣдній, умирающій взоръ на своего хозяина, который спалъ подлѣ неё на колѣна, не выронивъ ни одной слезы... «Возьми, добрый старикъ,» закричалъ я ему, и двѣ монеты покапались къ его ногамъ; но онъ не обратилъ на нихъ вниманія... онъ смотрѣлъ на свою собаку.

Старый солдатъ плакалъ, и казалось, былъ крѣпко опечаленъ; наконецъ, какъ-бы сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ подошелъ къ нищему, и положивъ ему въ руку веревку, на которую привязалъ онъ за ошейникъ свою собаку, сказалъ: «возьми, старикъ; я скоро добреду до опцовской хижины... оставляю тебѣ моего вѣрнаго *Геркулеса*... прощай!» И оперши глаза отпадкою изувѣченной руки, онъ взялъ свою копомку, и поспѣшно удалился. . . .

Нищій ласкалъ своего новаго повариха; но взоры его были еще долго устремлены на старую, мерзкую его собаку... А сестра сказала мнѣ: «эпо тотъ солдатъ щасливѣе насъ; онъ далъ бѣдному старику друга, а мы помогли ему только деньгами...»

Намъ привели лошадей, и мы пустились въ дальнѣйшій путь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Х М Ъ Л Ь.

Высокородный хмель, переспый,
Зелёный самоцвѣтъ, душистый!

Ты по лѣсамъ и по садамъ,
Вокругъ тычинъ, деревьевъ вѣшся,

И для прохлады господамъ
Узорнымъ перемкомъ плещѣся,

И отражаешь солнца зпой;
Лишь вѣсперь шепчешься съ побою;

Какъ Русскій жипель коренной—
Завѣспной дышешь спариною;—

Хмель любишь правду говоришь,
Знакомство, дружбу заводишь,

И на шрахаъ повеселишься.
Опасно только съ нимъ дружишься,

Сбиваешь съ ногъ богатырей.
Хвастливъ хмѣлкѣ! и своеволенъ,

Упрямя, небрежень и задорень,
Подчасъ бываешь волка злѣй;—

Твой другъ спохващѣся, да поздно,
Его бѣдамъ ты предаешь;

Хопъ и смѣешься, и поѣшь,
Да съ разумомъ живѣешь ты розно,

Измѣнишь буйной головой;
Гулявъ по Пшперу, Москвѣ,

Потужишь молодець удалой
По денежкѣ своей бывалой,

Да по здоровью своему.—
И время вымолвить ему:

На всё, дружокъ, своя еспь мѣра,
Гдѣ мѣры нѣтъ,—по горе шамъ,

А хмель слыише гренадера,
Спыдъ наведешь его усамъ.

Господь намъ всякое распѣнье
На пользу, на добро даритъ;

А человекъ безъ разсужденья—
Себѣ излишесспвомъ вредишь.—

О. Сльпушкинъ.

С Т А Р У Х А.

(Басня.)

Хопъ вѣришь и не всякъ,
Что опъ безрыбья намъ идень за сперлядъ—ракъ,

А почно такъ;

Читайше басенку объ эптомъ:

Одна спарушка жаркимъ лѣпомъ

Грибовъ искала шамъ и сямъ,

Полдня бродила по кустамъ.

Ужь просишь опдыха усамыя колѣнки,

Но не попалось ей ни маленкой волвенки;

Съ порожнимъ кузовкомъ и съ горемъ побрела.

Но вышла лишь изъ бора,

Тутъ рада, рада ужъ была,

Что увидала мухомора!

(Грибъ эптомъ не вѣдять; на что-жь ты сорвала?)

Спросила бабушку Федора.

— Молчи кума!

Я знаю все сама —

Спарушка молвила сосѣдкѣ:

— Не годень эптомъ грибъ въ похлебкѣ,

Такъ пригодился мухъ морить!—

*

Басня эпту можно бы и къ книгамъ примѣнить:

Не разъ пословица шверднися:

На чно нибудь да пригоднися!

Алипановъ.

LOGOGRIPHE.

Je te fais voir, lecteur, la chose est singulière,

Avec ou sans mon chef, une ville en Bavière.

Въ No 59, помѣщеная анаграмма значить: *Миръ*.

MODES.

Les étoffes de fantaisie destinées aux redingotes, par-dessus, négligées, en chaly, en foulard, en étoffes de laine, sont ordinairement doublées de marceline d'une couleur tranchante; la couleur orange, déjà très à la mode cet hiver, est encore fort bien; selon la nuance de l'étoffe, on choisit entre le rose, bleu, cerise, ou vert tendre.

Les pélerines des robes de soie se garnissent souvent avec une blonde noire extrêmement haute, retombant beaucoup sur les bras. Un col carré en blonde noire remplace une seconde pélerine. Quelquefois, indépendamment du col, on garnit le cou d'une ruche noire.

On fait aussi, pour aller avec les ensembles de blonde ou de dentelle noire, des tours de cou dans le milieu duquel se trouve un ruban de couleur.—Sur les bords est montée une dentelle qui fronce légèrement; il ferme par une rosette de dentelle à très-petits pans, qui n'est point arrondie.

Les formes simples, qui sont toujours de mode, sont demeurées dans leur simplicité; les changemens que l'on remarque sont entiers dans les formes toutes nouvelles.—Tout ce qu'on appelle *ornemens de fantaisie* est de mauvais goût.

Les bonnets de dentelle et de mousseline doublés de soie ont donné idée de faire également des bonnets plus habillés en dentelle ou blonde noire. — Les plus jolis sont doublés en soie rose. — Comme négligé, on voit aussi des fonds simples en batiste fine; le transparent est très-doux et à peine sensible.

La mode des mantelets doublés s'est étendue de même aux canezous, aux pélerines et aux cols.—On porte avec une robe de soie brune un col de dentelle noire doublé de marceline rose ou bleue.—Plus négligé, on voit aussi des pélerines ou des canezous en mousseline ou en batiste brodée, garnis de dentelle et doublés en soie.

A propos de cette mode de blonde, fantaisie du moment, nous devons indiquer les blondes de MM. Leblond et L'Ange, fabricans à Caen, dont le dépôt est situé place des Victoires, n° 4. Ils viennent de réussir à fabriquer, sur leurs machines, un tulle-blonde blanc et noir, dont le réseau est entièrement semblable à celui déjà connu. Ce réseau reçoit des applications à l'instar de Bruxelles, et, en raison de ces divers moyens de célérité et d'économie, ils réduisent de moitié le prix de leurs blondes. Il est inutile de désigner en détail ce qu'offre cette fabrique, qui s'occupe de tout ce qui peut être demandé à une maison de ce genre.

Pl. No 15. Les costumes du 14 Mai n. s.

М О Д Ы.

Прихотливый материн, назначенный для редигоновъ: *pardessus, négligées*, шали, фулары, шерстяныя материн, обыкновенно подкладываются марселиномъ яркаго цвѣта; оранжевый цвѣтъ, бывший въ большомъ употребленіи нынѣшней зимою, еще очень приличенъ; соображаясь съ цвѣтомъ материн, подкладываютъ розовымъ, голубымъ, алымъ или свѣтло-зелѣнымъ.

Пелеринки у шелковыхъ плащевъ часто обшиваются весьма широкою чѣрною блондою, упадающею низко на руки. Четвероугольный воротникъ изъ чѣрной блонды замѣняетъ впрочемъ пелеринку. Иногда, кромѣ воротника обшиваются около шеи чѣрнымъ рюшемъ.

Дѣлаютъ также, чтобъ надѣвать при чѣрныхъ кружевахъ или блондахъ, обшивки для шеи; въ средину вдернута цвѣтная лепта; по краямъ пришито слегка собранное кружево; завязывается неокругленною розеткою, съ весьма небольшими кончиками.

Простые фасоны, которые всегда въ употребленіи, сохранились во всей ихъ простотѣ; перемѣны замѣтны только совсѣмъ въ новыхъ фасонахъ.—Все, что называется *прихотливыми украшениями*, не во вкусъ.

Кружевные и кисейные чепчики, подложенные шафною, подали мысль дѣлать нарядные чепчики изъ чѣрныхъ кружевовъ или блонды.—Самые красивые, подложенные розовою шафною. — Запросто видны тонкія багнетовыя кронки; прозрачность нѣжна и едва примѣтна.

Мода на подложенные манжеты распространилась также на канзу, пелеринки и воротники.— Съ шелковымъ плащемъ темнаго цвѣта носятъ чѣрный кружевный воротникъ, подложенный розовою или голубою шафною. — Просите, видны также пелеринки или канзу вышитыя кисейныя или багнетовыя, обшитыя кружевами и подложенныя шафною.

Ксшати эпои моды на блонды, прихоть сего времени, мы должны сказать о блондахъ Г-дъ Leblond и L'Ange, фабриканты въ Канѣ; депо ихъ находится на площади *des Victoires*, No 4. Они выпкали, своими машинками, блондовый шюль бѣлой съ чѣрнымъ, решетка коего совершенно походитъ на давно уже извѣстный подобный шюль Бриссельскихъ, и, сообразуясь съ сими различными способами скорости и экономіи, они сбавляютъ половину цѣны съ своихъ блондъ. Не нужно описывать подробно, что находится на эпои фабрикъ, которая занимается всѣмъ, что можно шрбовать опъ такого дома.

Карш. No 15. Покрой плащевъ въ Парижѣ 14 Мая н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 24 дня, 1853 года.

Секретъ у дѣвушки съ мужчиной молодымъ!
Сознайся: это неприлично.
Не спорю я; нашъ кругъ сполничной,
Какъ образованный, свободу всемъ даешь;
Однако же для молодой дѣвицы
Необходимо знать во всемъ свои границы;
А ежели она чуть дажь поидеть,
То въ общемъ мнѣніи конечно упадетъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Ъ З Д К А

изъ Дерпта въ Псково-Печерскій монастырь.

(Продолженіе.)

«Пріѣхали!» вскричали мои спутники. И съ симъ словомъ мы были уже подъ развѣсистыми ветлами, между узорными цвѣшниками и свѣтлыми оражерями Луніи. Она лежишь на самомъ берегу Эмбаха, и съ своими богатыми водами, съ своими спаринными садами, служишь гульбищемъ для Дерптскихъ жишелей, копоры въ праздничные дни пріѣзжаютъ сюда водою и сухимъ путемъ и веселятся иногда дни два-три беззаботно въ сей райской пустынь.

Лунія есть наследственное помѣстье графовъ *Миниховъ* — и старый фельдмаршалъ, споль знаменитый въ Русскихъ лѣтописяхъ, покоится въ фамильномъ склепѣ, въ двухъ верстахъ отъ селенія. Каждый посѣшитель

почитаешь святымъ долгомъ поклониться славному праху сего великаго полководца. Часовня или палатка, гдѣ погребено его тѣло, каменная, чепвероугольная, съ према окнами въ прехъ спѣнахъ и съ дверью въ чепвертой. Проводникъ нашъ опперъ еѣ и впустилъ насъ. Первый взглядъ заславилъ насъ содрогнушь, первое чувство наше было ужасъ и глубоко-проливное впечатлѣніе, отъ котораго сердце поворошилось. На длинной скамейкѣ споялъ, чернымъ бархатомъ обитый, серебряными гербами, скобами, галунами украшенный—гробъ, послѣднепреславившагося графа *Миниха*. Онъ уступилъ свое мѣсто новому покойнику своей фамилии, а самъ соидетъ въ погребъ, куда и мы спустились по лѣстницѣ. Мы начали пѣть, что очистили воздухъ порохомъ и селипрою. Ряды гробовъ споятъ на землѣ: основы одѣты въ богатые Французскіе кафтаны, въ апласныя робы; косяные черепы въ парикахъ и чепцахъ. Простой, деревянный гробъ фельдмаршала споятъ въ углу:

еще цѣла часть его мушкетера, въ ботфор-
пахъ со шпорами гремятъ кости. . . .

Всѣ, всѣ сокрылъ мракъ вѣчной ночи;
Оспалась слава лишь одна.

Минихъ родился въ Ольденбургѣ въ 1683 году. Дѣдъ и отецъ его были искусными инженерами, и такъ не мудрено, что онъ съ дѣтскихъ лѣтъ спраспно полюбилъ инженерную науку, механику и гидравлику. Онъ хорошо зналъ Латинскій, Французскій и Россійскій языки. Въ самое блестящее время Франціи, при великолѣпномъ *Лудовикѣ XIV*, вступилъ онъ въ службу сего короля и оставилъ оную при началѣ войны съ его опечеспвомъ — Германію. На 17 году опъ рожденія, онъ былъ уже Гессенъ-Дармшпадскимъ кашпаномъ и замѣченъ какъ храбрый офицеръ при осадѣ Линдавы (1702). Почтенное мѣсто главнаго инженера въ Оспъ-Фрисландскомъ княжеспвѣ не удовлетворяло его ненасытнаго честполюбія; молодая, прелестная, спраспно имъ любимая супруга не успокоила его превожнаго сердца; онъ отправился (1706) съ вспомогательными войсками черезъ Альпы въ Италію. Тамъ сражался онъ подъ знаменами принца *Евгенія*, видѣлъ завоеваніе Италіи, осаду первоклассныхъ крѣпостей, подвиги сего великаго полководца. Въ 1708 году *Минихъ* явился на повомъ, не менѣе поучительномъ поприщѣ — въ Нидерландахъ. Здѣсь сражался *Евгеній*, и другой — не менѣе славный военачальникъ — *Марлбургуъ*. Молодой, пылкій *Минихъ* отличился въ кровопролитныхъ битвахъ при Уденардѣ и Малплакешѣ, при осадѣ и взятіи Французскихъ крѣпостей: Лилля, Генпта, Бригга, Турная. Онъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ въ поспыдномъ для Авспрійцевъ сраженіи при Дененѣ, гдѣ маршалъ *Вилларъ* спасъ Францію и обезсмертилъ свое имя. *Минихъ* изъ самаго нещастія своего умѣлъ извлекать пользу: въ плѣну познакомился онъ съ знаменитымъ *Фенелономъ*, часто наслаждался его бесѣдою и въ спароспи любилъ рассказывать объ этомъ лестномъ знакомствѣ.

Въ это время Авспрія и Франція, изнуренная долговременною борьбою, заключили

миръ; *Минихъ* возврапился въ опечеспво и употребленъ герцогомъ при важныхъ сооруженіяхъ города Карлсгавена; но сей пеапръ былъ малъ для его обширнаго замыслами духа. Онъ искалъ и нашелъ мѣсто, себя достойное: два военные генія *Петръ I* и *Карлъ XII-й* уже шестнадцать лѣтъ оспоривали обладаніе Сѣверомъ. *Минихъ* спалъ подъ знамена союзника Россіи, Польскаго короля *Августа II-го*, скоро пожалованъ въ генералы, сдѣлалъ много полезныхъ преобразованій въ Саксонской арміи, и уже занесъ ногу, что бы спупипъ на верхнюю спупень могущеспва и почестей; но сполкнулся съ подобнымъ себѣ власполюбцемъ, фельдмаршаломъ графомъ *Флсмингомъ*, былъ имъ выпѣсненъ и бросилъ Польскую службу.

Петръ великій давно уже замѣпилъ чрезвычайныя дарованія и свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ *Миниха*; онъ обрадовался случаю пріобрѣсти его для Россіи — и чрезъ посла своего князя *Долгорукаго* пригласилъ *Миниха* къ себѣ въ службу, съ чиномъ генерал-лейтенанта, въ должность инженеръ-генерала. *Минихъ* прибылъ въ Петербургъ въ 1721 году, и хопя былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; но цвѣтущее здоровье, веселость, живость характера и Французская ловкость въ обращеніи давали ему видъ двадцати-пяти-лѣтняго молодаго человека. Это было не по сердцу не только Русскимъ боярамъ, но и самому Царю, копорый хопѣлъ испытать *Миниховы* достоинства прежде, нежели возвестъ его въ споль важный чинъ, предпочпительно предъ спарыми, заслуженными своими генералами.

Скоро предспавился *Миниху* случай доказать Преобразителю Россіи, что хопя онъ молодъ лѣтами, но спаръ опытноспію и богатъ свѣдѣніями. По повелѣнію Государя, сочинилъ онъ новый чертежъ укрѣпленій Кроншпапта, копорый во всѣхъ частяхъ соопвѣспвовалъ намѣреніямъ *Петра великаго*. Это было первое испытаніе! Спровождая Монарха въ Ригу, онъ былъ на спотрѣ одного Русскаго опряда войскъ и предспавилъ весьма дѣльные замѣчанія объ ихъ устройствѣ и движеніяхъ, ими произведенныхъ.

Это было второе испытаніе! Осмотрѣвъ Рижскую крѣпость, онъ указалъ *Петру* слабыя оной спороны и средства усиленія. Это было третье испытаніе! Не смотря на сіе, Государь медлилъ—ударъ грома рѣшилъ участь *Миниха!*

Колокольня св. *Петра* въ Ригѣ, высокая и прекрасная, сгорѣла отъ грозы. Государь очень сожалѣлъ о семъ несчастіи и приказалъ подати себѣ чертежъ ея; но его нигдѣ не отыскали. Графъ *Ягужинскій*, нашедъ случайно видъ сей колокольни на письменномъ столѣ у *Миниха*, который, живучи по близости, въ досужные часы снялъ его, поспѣшъ побѣжалъ туда, схватилъ рисунокъ и положилъ передъ Государемъ. На другой день *Минихъ* пожалованъ въ генераль-лейтенанты.

Основавъ Пепербургъ, *Петръ великій* съ прискорбіемъ видѣлъ, что бурное Ладожское озеро служилъ большимъ препятствіемъ водному сообщенію внутреннихъ Россійскихъ областей съ любимымъ его городомъ. У него родилась гигантская мысль соединить Неву съ Волховомъ, посредствомъ канала во сто верстъ длиною. Сначала, по предспавленію князя *Меницикова*, Государь поручилъ сіе важное дѣло *Писареву*; но будучи имъ недоволенъ, онъ опнялъ у него надзоръ надъ работами Ладожскаго канала, и спросилъ у фельдцеймейстера *Брюса*: не знаетъ ли онъ человека надежнаго, которому бы можно отдать это на руки?—«*Миниху!*»—опвѣчалъ *Брюсъ*, ни мало не оспановившись. И *Миниху* ввѣрено дальнѣйшее производство сихъ работъ. Черезъ принадлецать лѣтъ сей каналъ совершенно отдѣланъ. Императрица *Анна Иоанновна* на великолѣпной яхтѣ, сопровождаемая пльвшими на осмидесяти судахъ всѣми придворными, совершила по немъ пупешествіе. Какое блестящее споржество для *Миниха!*

Благоволеніе Государыни возбудило зависть въ царедворцахъ: *Биронъ* и *Остерманъ* положили удалитъ его отъ Двора. Выборъ новаго Польскаго короля представилъ имъ къ тому предлогъ благовидный: *Минихъ* сдѣланъ главнокомандующимъ арміею, которой

назначено образумитъ своевольныхъ Полковъ. Онъ разбилъ Польскую армію при Вуйцечинѣ, взялъ въ плѣнъ Французскія высадныя войска, пришедшія на помощь Данцигу—и осадилъ сей городъ. Жестокое бомбардированіе и грозное объявленіе Русскаго полководца, что въ случаѣ упорнаго сопротивленія онъ не оставитъ камня на камнѣ въ городѣ, принудило жителей вспушитъ въ переговоры. Но *Минихъ* настоятельно пребовавалъ выдачи короля *Станислава Лещинскаго*. Граждане колебались, между тѣмъ, *Станиславъ* узналъ объ участи его ожидающей, и, переодѣтый въ крестьянское платье, успѣлъ уйти за городъ. Данцигъ сдался—и Польша приняла короля изъ рукъ Россійской Императрицы.

Въ это время загорѣлась война съ Турціею: *Миниху* поручено главное начальство надъ Русскою арміею. Всѣмъ извѣстно, что онъ шворецъ новаго военного искусства, которое, съ малыми перемѣнами, и теперь употребляется противъ Турокъ. Онъ первый ввелъ каре, защитилъ ихъ рогатками отъ бѣшенаго наскока Турецкой конницы и помѣстилъ въ нихъ огромные обозы, которые необходимы въ сихъ безлюдныхъ степяхъ, гдѣ ни дровъ, ни хлѣба, ни воды достать нельзя. Онъ взялъ приступомъ Очаковъ и Перекопскую линію, завоевалъ Крымъ, Хопинъ, Кинбурнъ, способствовалъ взятію Азова, выгналъ Турокъ изъ Молдавіи, Бессарабіи, Валлахіи и, еслибъ не послѣдили заключеніемъ мира: то замышлялъ переправиться за Дунай. Турки препетали сего, Европа рукоплескала, Россія благословляла, Императрица щедро осыпала его наградами; но на высотѣ щастія голова его закружилась: онъ возмечталъ бытъ самодержавнымъ господаремъ Молдавскимъ; попомъ герцогомъ Украинскимъ; попомъ генералиссимусомъ Россійскихъ армій. Безмѣрное честолюбіе погубило его.

Минихъ низвергнулъ *Бирона*—и чрезъ годъ самъ низвергнутъ, почно такими же средствами, какія употреблены имъ противъ Регенпа. Виѣспѣ съ другими вельможами, онъ былъ судимъ, найденъ виновнымъ, и вы-

веденъ на Исакиевскую площадь, на которой сполля каре изъ шести тысячъ гвардіи. *Остерманъ* первый взшелъ на эшафопъ, положилъ голову на плаху—ему объявлено прощенье. Потомъ прочтенъ смертный приговоръ *Миниху*—и также объявлено, что Императрица всемилосерднѣе перемѣняетъ смертную казнь на ссылку въ Сибирь. Фельдмаршалъ отвезенъ обратно въ Петропавловскую крѣпость. Князь Яковъ Пепровичъ *Шаховской*, на котораго, какъ на генералъ-полицемейстера, возложено было опсправить въ ссылку сихъ несчастныхъ вельможъ, весьма прогашельно описалъ сіе обстоятельство. «Очередь дошла до графа *Миниха*,» пишеть князь *Шаховской*. «Идучи къ его казармѣ, я мысленно говорилъ себѣ: «гопovsky увидѣшь зрѣлище, которое должно научить тебя не полагаться ни на разумъ свой, ни на форшуну! гопovsky увидѣшь героя, нѣкогда, съ полною довѣренностію отъ Монарховъ, начальствовавшаго надъ многочисленными войсками, не одинъ разъ увѣнчаннаго побѣдоносными лаврами, не одинъ разъ въ похвальныхъ одахъ наименованнаго Россійскимъ Сципіономъ! того знаменитаго военачальника, коего особу удостоился я въ послѣднюю войну съ Турками охранять со вѣренными мнѣ эскадронами конной гвардіи; того вельможу, коего милоспей я искалъ спарался; того любимца форшуну, которій герцога *Бирона* свергнулъ съ высоты величія, увижу, какъ преспушника, всѣхъ почестей лишеннаго, по объявленіи опредѣленной ему смертной казни на лобномъ мѣстѣ, получившаго прощенье, и наконецъ опсылаемаго въ дальнѣйшій край Сибири. — Я мучился»—продолжаетъ князь *Шаховской*—«представляя себѣ, что найду его расперзаннмъ горестію. *Минихъ* сполля подлѣ окна, ко входу спиною, когда я вошелъ въ казарму. Оборопясь, онъ подошелъ ко мнѣ, и ождалъ, что я говорю спану. Въ быспрыхъ взорахъ его оказывалась тогда холодная неупрашмность, какую неоднократно имѣлъ я случай замѣшпть во время жаркихъ съ непріятелемъ сраженій. Равнодушіе героя увеличило во мнѣ къ особѣ его почтенье, которое однакожъ изъясляеть тогда

было для меня неприлично и опасно. Я, по возможности укрѣпясь бодростію, приступилъ къ исполненію порученнаго мнѣ дѣла. Объявляя указъ, я замѣшпль на лицѣ *Миниха* признаки болѣе досады, нежели печали и спраха. Онъ выслушалъ слова мои, поднялъ руки свои и взоры къ небу, и сказалъ громко: *Боже! благослови Ея Величество и Ея царствование!*—Потомъ, пощупивъ глаза и помолчавъ нѣсколько, прибавилъ: *теперь, когда уже нить ни желать, ни ождать ничего не осталось, осмѣливаюсь просить объ одной только милости, а именно, чтобъ отпращленъ былъ со мною пасторъ для сохраненія души моей отъ вѣчной погибели.* — Я отвѣчалъ, что о семѣ донесу, кому слѣдуетъ. Супруга его, также не показавшая внупреннаго смяненія духа своего, держала въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, ждала минушы опъзда. Всѣ было гопово, и они опсправлены. *Минихъ* сосланъ въ городъ Пелымъ и жилъ въ домѣ, который по собственному его плану выпроенъ былъ для *Бирона*.»

О замыслы! О Неба судъ ужасный!

Они встрѣпились въ Казани: *Биронъ* возвращался въ Ярославль, *Минихъ* ѣхалъ въ Сибирь. Кибипки ихъ оспановились у моста: они узнали другъ друга, поклонились—и разѣхались, не сказавъ ни одного слова.

Въ ссылкѣ *Минихъ* не предался опчаянію. Онъ самъ обрабатывалъ огородъ свой; когда же паспортъ *Мертенсъ*, который добровольно сощупствовалъ ему въ Сибирь, умеръ: по самъ опсправлялъ Божію службу, сочинялъ духовные гимны, писалъ о важнѣйшихъ предметахъ Христіанской вѣры и сочинилъ *Восточный прозѣтъ* объ изгнаніи Турокъ изъ Европы.

Крал пуспынныя, безлюдная страна,
Гдѣ подъ жезломъ разгнѣванной природы
Не смѣеть на дугахъ раскинувшись весна,
Гдѣ вѣчнымъ льдомъ окованныя воды
Незримо каплящая въ безвѣспный океанъ,
Гдѣ изрѣдка безмолвіе смущаетъ
Передетающій съ сосны на сосну вранъ,
Гдѣ шопопомъ неровныхъ опвѣчатъ

Угрюмый дѣсь, когда оленей пабуны
 Появятся порой на сундрахъ мшистыхъ,
 Гдѣ дикій Самоѣдъ ихъ ждетъ среди пишины
 И слѣдомъ ихъ лепишь на лыжахъ быспрыхъ.

Тамъ жилъ въ изгнаніи философъ и герой,
 Евгенийъ нашъ, завосапелъ Крима,
 Съ непобѣдимую, покойною душой,
 На берегахъ пусыннаго Пельма.

Онъ новый пупъ на выпавшихъ снѣгахъ
 Прокладывалъ въ кедровый дѣсь угрюмый.

Въ 1762 году, при восшествіи своемъ на пресполь, *Петръ III* немедленно послалъ за *Минихомъ* и возвратилъ ему чины, ордена и деревни. Фельдмаршалъ съ новою ревностію занялся государственнымъ дѣлами. Однажды сему Государю вздумалось испытать, до какой степени простирается взаимная ненависть *Миниха* и *Бирона*. Будучи съ ними наединѣ, Онъ велѣлъ подать Шампанскаго; но когда покалы были налипы: то, по предварительному условію, одинъ изъ адъютантовъ *Петра III* вошелъ въ кабинетъ, сказалъ Ему нѣчто на ухо—и Государь вышелъ.— Долго спояли они безмолвно и неподвижно, наконецъ, полагая, что Императоръ забылъ о нихъ, поспавили покалы на споль—и разошлись въ разныя споны.

Въ оспальное время при *Петрѣ III*, одинъ *Минихъ* сохранилъ присутствіе духа, и, безъ сомнѣнія, былъ бы ему полезенъ, еслибъ его послушали. Еще поупру, заблаговременно, предлагалъ онъ ѣхать въ Кронштадтъ. Но только въ 9 часовъ вечера отчалили отъ берега. *Минихъ* споялъ на палубѣ и безмолвно смолрѣлъ на звѣздное небо. . . .

Всѣ спить . . . одна ладья мелькаетъ межъ волнами
 И весель слышится однообразный шумъ;
 Вождь-*Минихъ* на кормѣ, глубокихъ полный думъ,
 Въ воображеньи зрѣтъ минувшаго карпину:
 Свою блестящую и черную годину—
 Когда могущій вождь

Млщп слышать славы плескъ, зрѣть лавры, колесницу,
 Сибирь и ашафопъ, и вновь возвратъ въ спольлицу—

И вновь ударъ . . . бѣжитъ отъ Невскихъ береговъ
 Съ Царемъ, копорому, какъ онъ—игра ваховъ—
 Одна сія ладья осталась отъ подвѣта!

По кончинѣ Императора, своего благодѣтеля, *Минихъ* опдалъ шпагу *Екатерины II* и сказалъ: *вѣрность моя къ покойному Государю порукою за вѣрность мою Вашему Величеству.*

Въ 1766 году *Екатерина* назначила бытъ въ Петербургѣ рыцарскимъ играмъ: *Минихъ* избранъ судьей. Это чрезвычайно польспило его честсплюбію. По окончаніи турнира онъ вспалъ съ своего мѣста, находившагосл посреди амфиатра и произнесъ на Французскомъ языкѣ рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: «я, посѣдѣвшій подѣ «шлемомъ, прослужившій шестьдесятъ лѣтъ «лѣтъ, спаршій фельдмаршалъ въ цѣлой Ев«ропѣ, не разъ предводившій Россійское воин«ство къ побѣдамъ; я, сего дня, достойно «вознагражденъ за труды свои; горжусь, «благородныя дамы и рыцари! горжусь, бу«дучи не только свидѣтелемъ, но и судіей «блистательныхъ вашихъ подвиговъ.» — Кпо не вспомнилъ при семъ случаѣ пламенную оду нашего славнаго лирика *Петрова* на сіи рыцарскіе игры?— Въ слѣдующихъ спихахъ пѣсноцвѣць славилъ *Миниха*:

Тамъ мужъ, украшенъ сѣдиною,
 Той лавры раздаетъ рукою,
 Изъ коей въ браняхъ громъ металъ.
 Луна отъ спрѣлъ его ирачилась,
 Когда на Россовъ ополчалась
 И понлъ водилъ черныхъ вспрепелъ.

*

О, какъ лавръ зеленъ и прелеспень,
 Который лавроносцемъ данъ!
 Коль шопъ герой великъ и честень,
 Кой спалъ героемъ увѣнчанъ!

Въ самыхъ преклонныхъ лѣпахъ, ободренный благоволеніемъ *Екатерины* премудрой, спарый фельдмаршалъ трудился неупомимо надѣ улучшениемъ плаванія по Ладожскому

каналу, надъ постройкой Балтійскаго порта, подавалъ *Императрицѣ* полезныя проекты по дѣламъ государственнымъ, велъ постоянную переписку со многими особами въ Германіи и даже съ важностью занимался Пепропавловскимъ училищемъ при Люперанской школѣ. Незадолго до кончины писалъ онъ къ другу своему *Генриху*: «я занимаюсь своей системою фортификаціи, до-смажными дѣлами и исполненіемъ должно-ссти, ежедневно и въ праздники, и въ буд-дни, и зимою, и лѣтомъ, отъ чепырехъ час-совъ до обѣда; работаю въ моей Русской, Французской и Нѣмецкой канцеляріи; за-ссподомъ обыкновенно бываю въ кругу доб-срыхъ пріятелей: это единственное мое сразсѣяніе. Послѣ обѣда полчаса отдыхаю. Вечеромъ, окончивъ свои занятія, прогу-сливаюсь для здоровья по саду, подчищаю сдеревья, посѣщаю знакомыхъ, или читаю скнижки и газеты, чпобъ узнать что дѣлаеш-сся въ свѣтѣ.»

Любимою мечпою его было возвращеніе въ Ольденбургъ на родину; онъ приказалъ своему управителю перестроить деревенскій домъ и всё пригосовить къ его пріѣзду. Же-сспокая болѣзнь, отъ которой хотя онъ излечился, изнурила тѣлесныя его силы и поставила конецъ и трудамъ и его жизни въ 1767 году, на 84-мъ году отъ рожде-нія.

Садъ мѣстечка Лунія обязанъ быпіемъ своимъ послѣдне-умершему графу *Миниху*, внуку фельдмаршала, спраспному охотнику до садоводства. Теперь онъ запущенъ: бесѣдки упали, мосты обрушились, каналы запынѣли, дорожки заросли правою; но это не помѣшало намъ провести въ немъ нѣ-скольکو часовъ весьма пріятно. Конечно, мы не находили здѣсь ни раззолоченыхъ рѣше-покъ, ни мраморныхъ испукановъ, ни кіо-сковъ, ни погодовъ; но гуляли подъ спары-ми сѣнистыми деревьями, по берегу бысп-рой рѣчки, по которой плыли галіоны и лод-ки; мы играли въ горѣлки на зелѣномъ лугу, обѣдали подъ величественнымъ дубомъ, подъ коимъ отдыхали рыцари-Меченосцы, а мо-жетъ быть и брадапые мои предки, бывшіе

въ походахъ съ княземъ *Курбскимъ*, съ гра-фомъ *Шереметевымъ*.

Въ Эстоніи и Ливоніи много мѣспъ жи-вописныхъ, со вкусомъ и пышностью опдѣ-ланныхъ помѣщиками. Самыя замѣчатель-ныя изъ нихъ: *Нурлисъ*, принадлежащій гра-финѣ *Дунтанъ*; *Маріенбургъ*, пайнаго совѣш-ника *Фитингофа*: здѣсь и разсадка деревьевъ, и устройство садовъ, и красота зданій оп-мѣнно-привлекательны. Прогуливаясь въ са-дахъ *Нурлиса* и *Маріенбурга*, можно забыть-ся и вообразить себя въ лучшемъ Англій-скомъ саду, въ паркѣ герцогини *Девонширъ* или герцога *Нортумберландскаго*. Въ обѣихъ мѣспечкахъ хорошія фабрики; пеплицы и оранжереи великолѣпны. Мѣсположеніе *Маріенбурга* веселѣ и карпиннѣ: прелесп-ные виды по берегамъ обширнаго озера, об-пекающаго садъ и селеніе, величественныя развалины рыцарскаго замка, свидѣшеля ве-ликихъ событій, очаровываютъ и мысль и зрѣніе.—Сады *Бауэндорфа*, на оспровѣ *Бур-шенекъ*, созданы знаменитымъ графомъ *Сивер-сомъ*: прахъ его, по собспвенному его жела-нію, покоится подъ сѣнью деревъ, имъ са-мимъ насажденныхъ. Дочери его: госпожа *Гинцель* и баронесса *Иксуль*, воздвигнули надъ нимъ надгробный памятникъ, дѣлаю-щій честь ихъ вкусу и дочерней нѣжно-спи.

Генераль-маѣръ *Игельстромъ* прекрасно опспроилъ Эспонское помѣспье свое *Кер-раферъ* и опдѣлалъ мѣспа для прогулки. *Вид-дрихъ*, принадлежащій камергеру барону *Будбергу*, еспъ образецъ изящнаго вкуса и опряиности. Ландрапъ *Либартъ* имѣетъ въ Рацгофѣ одно изъ богатѣйшихъ въ Евро-пѣ бопаническихъ заведеній: на роскошномъ сподѣ его благоухаютъ самыя крупныя пло-ды спранъ полуденныхъ. Въ *Карлсруэ* пыш-ныя зданія, обширныя и прекрасно-располо-женныя сады, виды очаровательныя. *Кокен-гузенъ* Ландрапа *Лѣвенистера* и *Трейденъ* барона *Будберга* меньше обязаны искусству, чѣмъ природѣ. Первый богатъ видами, до безконечности разнообразными, дикими и величественными; послѣдній богатъ воспо-минаніями; его окрестности веселы и плѣ-

нипельны. Спаринный, развалившійся замокъ, построенный славнымъ Епископомъ и основателемъ Риги *Албертомъ I-мъ* въ 1221 году, покровительствуетъ, пакъ сказашь, новый домъ нынѣшнихъ владѣтелей, примкнушій къ его оградѣ. Кустарники и деревья покрываютъ густо-тѣмною зеленью холмъ, на которомъ возвышаются сіи священо - историческія развалины Ливоніи. Отсюда взоръ съ наслажденіемъ спускается въ широкую долину, орошаемую рѣкою *Ла*, слѣдуешь за ея прихотливыми поворотами въ даль, въ которой онъ перелетѣлъ и открываетъ за рощами пышныя развалины *Зегевольда* и башни *Кремонь*.

(Продолженіе ообщано.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕРТЫ ОСЕНИ.

Ужъ въперъ валъ на валъ капишь по жашвъ зрѣлой;
Черника лоснилась, малина опошла,
Въ саду зардѣлся яблочъ спѣлой;
Ужъ бѣлка зимовье себѣ свила,
И ладился медвѣдь въ берлогѣ;
Желшешь листь, змѣя въ норѣ,
Мѣстами мерзнешь на зарѣ;
Копышь и колесо звонче на дорогѣ...
Вездѣ какал-то мелькаешь песпроша;
Въ водахъ и на небѣ сѣдѣешь перламупромъ;
Про осень говоришь народъ у церкви упромъ
Въ день *Воздвиженія пречестнаго Креста*.
О. Глинка.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не даромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мершвецовъ,
Онъ Русскимъ геніемъ пожалованъ въ Парижѣ;
Опдѣлкой языка, сказашь и я гоповъ,
Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ ближе,
А шворчествомъ, огнемъ и полношой стиховъ
Онъ развѣ малымъ чѣмъ Хераскова поуже.
Кн. Вяземскій.

ШАМПАНСКОЕ.

Опъ плодородныхъ горъ Шампаньи
Клико по бурнымъ плылъ волнамъ,
Для дружескихъ пировъ, собраній,
На Русь пожаловалъ ты къ намъ!
Ты, какъ булнѣ неугомонный,
Жельзомъ связанъ, засмоленъ;
Ты скромнѣ въ темнотѣ холодной;
Тихъ, молчаливъ Клико, умнѣ,
Когда покоишь въ подвалахъ;
Когда-жъ бываешь ты на балахъ,
Между друзьями на столѣ,—
Кипишь въ прозрачномъ хрусталѣ,
Фоншаномъ пѣнишь, играешь,
Въ сердца веселье разливаешь!
Хорошъ Клико! — по липш на щепѣ
Большіе спавишь ты ипоги;
И кто тебя охотно пьетъ,
Тому пѣнлятъ часто ноги,
И жалуешь голова.
Но вопъ давно идетъ молва,
Какъ на Руси олцы живали:
Наливка, пиво, сладкій мѣдъ
Купцовъ, посадскихъ и господъ,
На диво всѣхъ увеселяли!
Ходили весело, бодро,
Липш госпъ поприхивалъ кудрями,
А золото и серебро
Щиппали не рублемъ—мышками!
О. Слупушкинъ.

ШАРАДА.

Когда кто *цѣлое* по шѣлу липш поводитъ:
Наружу выскочитъ мой *первый* слогъ потчасъ;
На карпы плуитъ его наводитъ,
Помомъ обыгрываетъ васъ.
Второй ешь дерево—роснешь въ мѣстахъ при-
брежныхъ,
Склоняешь на воды чело.
А съ *цѣлымъ* не площашь! совѣшь мой для не-
брежныхъ:

Кусается оно.

III.

Въ No 40, помѣщенный логотифъ значить: *Bamberg, Ambert*.

M O D E S.

Dans les remarques signalées de nos magasins de mode, nous avons omis de parler des charmantes capotes de promenade de madame Lepetit. Elles sont en poux de soie glacé. Les plus jolies sont lilas glacé de blanc et vert-pomme glacé de blanc. Les rubans parfaitement assortis sont en taffetas lilas ou vert-pomme glacé selon le chapeau. — Quelquefois ils n'ont qu'un nœud de ruban; mais plus souvent on les orne d'une fleur dont la teinte se rapporte aussi exactement que possible à l'étoffe et au ruban. — Il y a plaisir à indiquer ces charmantes modes de printemps, si fraîches, si neuves, et exécutées avec une grâce si ravissante.

Les fleurs que nous avons remarquées chez Nattier, et c'est dire celles qui sont destinées aux femmes les plus élégantes, sont les œillets qui se disposent par trois; les plus jolis choix sont paille bordé de rose vif, chamois bordé de rouge, couleur de chair ou blanc panaché de rosé. — Une seule rose sur une branche feuillée. — L'acacia rose ou blanc. — La fleur de maronnier, qui revient en grande faveur cette année. — Le *mélianthus* de toutes couleurs, le plus joli est blanc verdâtre; c'est une fleur en grappes, comme le lilas, mais plus légère. — Le *rondbékias*, fleur à ramages, comme le chèvrefeuille; elle se pose surtout sur les chapeaux de paille. — Les iris, que l'on voit paraître tous les printemps, sont extrêmement communes, ainsi que les lilas et les jacinthes qui ne sont plus du tout bien portées.

Nous avons omis d'arrêter l'attention de nos lecteurs sur la nécessité de mode des coiffures d'hommes à la *Perrinet*. Les cheveux se séparent en deux parties par une ligne très-exactement faite au-dessus de l'œil gauche; de ce côté les cheveux retombent soutenus par un léger crépé, très-lisses en dehors et faisant un peu le rond; à l'inverse d'une boucle, le bout des cheveux rentre en dedans. Le grand côté est aussi très-lisse et pommadé à la racine, légèrement crépé au-dessus du front, ne s'élevant pas du tout en papillotes et retombant presque plat sur l'oreille. Cette coiffure est incontestablement disgracieuse et sied fort mal; mais elle est si généralement adoptée par les jeunes gens élégans qu'elle est devenue une obligation.

M O Д Ы.

Въ замѣчаніяхъ, дѣланныхъ нами о модныхъ магазинахъ, мы не сказали ни слова о прелестныхъ капюшахъ для прогулокъ, Г-жи Lepetit. Они изъ двуличневаго *poux de soie*. Самые красивые лиловые и свѣтло-зелѣные съ бѣлымъ опливомъ. Ленпы совершенно приличныя, гроденаплевья лиловыя или свѣтло-зелѣныя двуличневья, на подобіе шляпы. — Иногда они съ однимъ банпомъ изъ лентъ; чаще же оплѣдывають цвѣшкомъ, котораго цвѣтъ сколько возможно долженъ приближаться къ матеріи и лентамъ.

Цвѣтпы, замѣченныя нами у Натше, это значить назначенныя для оплчныхъ щеголихъ: гвоздики, расположенныя по при; лучший выборъ соломеннаго цвѣта съ ярко-розовой каёмкой, верблюжьяго цвѣта съ красной каёмкой, пшлеснаго цвѣта или бѣлая, разрисованная розовымъ. — Одна роза на вышкѣ съ листьями. — Акаціи розовая или бѣлая. — Кашпановыя цвѣтпы, которыя входятъ опять въ большое употребленіе нынѣшній годъ. — *Melanthus* всякихъ цвѣтновъ; самый лучший бѣло-зеленоватый; эшопъ цвѣтокъ кистями, какъ сирень, но легче. — *Rondbékias*, цвѣтокъ съ разводами, какъ шевръ-вѣлы; его особенно употребляютъ на соломенныя шляпки. Касапки, которыя показываются всякую весну, слишкомъ обыкновенны, также какъ сирени и гяцинтпы, которыхъ почпы не носятъ.

Мы забыли устремить вниманіе чипапелей нашихъ на необходимость моды мужскихъ причесокъ à la *Perrinet*. Волосы раздѣляются на двѣ частию полоскою, весьма щцательно сдѣланною подъ лѣвымъ глазомъ; съ этой стороны волосы опадають, поддерживаемые легкимъ *срѣпѣ*, весьма гладкіе снаружи, соспавляютъ немного кружокъ; на изворотѣ букли, концы волосъ спрлпаны внутрь. Большая сторона также очень гладка и напомажена отъ корней, слегка взбита надъ лбомъ, не возвышается локонами и упадасъ почпы гладкая на ухо. Эта прическа безспорно не красива и обезображиваетъ, но такъ вообще принята молодыми щеголями, что сдѣлалась обязанностію.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 42.

Цѣна годовому изданію,
составленному изъ 104 №,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАЯ 27 ДНЯ 1833 ГОДА.

Смертны мы всѣ, о други, и смертны желанія наши!
Скорбь и веселье пройдушь—или мы сами пройдемъ.

Карализинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ СОЛДАТА.

Торкемада.

«Я не хочу знать, сударь, о продовольствіи;» сказалъ plainly пообѣдавшій генераль.

—Но, в. п., ежели людямъ и лошадямъ...—

«Я дерусь, сударь, двадцать уже лѣтъ, и ни разу еще не забоишься о людяхъ и лошадяхъ. Сверхъ того я не люблю, чпобы меня учили.»

Должно было повиноваться: и въ одинадцать часовъ вечера мы снова выступили. Полковникъ нашъ такъ усердно хлопоталъ о продовольствіи опъ того, чпю ему очень хотѣлось соснупь; онъ какъ будто предчувствовалъ, чпю будетъ имѣть самую безпокойную ночь. Не успѣли мы сдѣлать и мили, какъ Гверилласы, засвѣшіе на той самой дорогѣ, по которой мы шли, открыли по насъ пальбу: изъ кустарниковъ, овраговъ и ущелій, окружавшихъ дорогу, пули сыпались градомъ. Ружейный огонь, какъ молнія, непрерывно сверкалъ въ шемнопѣ—и,

прежде, чѣмъ убійственный звукъ долеталъ до рядовъ нашихъ, драгуны падали съ лошадей, какъ снопы. До сорока человекъ было у насъ изъ фронта, пока съ разсвѣтомъ не замолкла наконецъ эта скучная серенада. Упомненный успалоспю, и вздремалъ было на лошади, какъ вдругъ крикъ и хохотъ меня разбудили.

—Браво! чудная карпина!—

«По городскомъ головѣ весь госпный дворъ плачешъ.»

—Да взгляни же!—

Однако драгунъ, которому это было сказано, не отвѣчалъ ни слова: голова его лежала на зарѣзѣ лошади, ноги проскочили въ спремена, грива замерла въ рукѣ: смерть пресѣкла ему языкъ.

Солдаты не переславали кричать, хлопая руками: «по городскомъ головѣ весь госпный дворъ плачешъ.»

Я глядѣлъ во всѣ глаза, но мнѣ казалось, будто еще сплю. На розово-голубомъ краю небосклона представилась взору моему черная, неправильная груда, похожая на полуогорѣвшій остовъ огромнаго фейерверка: это

была Торкемада, небольшой красивый городокъ, по словамъ Географическаго словаря; но теперь прошла по немъ дивизія *Ласалла*.

«Спрана злополучія!» сказалъ спарикъ квартермистръ *Рапатьеръ*, обрадовавшийся случаю повторить слышанное имъ въ Бургосѣ. Семь разъ уже горѣлъ этотъ городъ, а теперь опять его выжгли. По этому-то видно и называется онъ Торкемадою, *обгорѣвшаго башию*. Тутъ родимое гнѣздо всѣхъ инквизиторовъ: не жди отъ жителей гостеприимства.»

Между тѣмъ мы подходили къ городу. Разбросанные около моста палисадины, обломки покрышаго ржавчиною оружія, и нѣсколько гольхъ, сгнившихъ пруповъ,—все говорило убѣдительно, что Испанцы храбро защищали эту переправу. Можно было подумать, что заключенъ миръ: глубокая тишина царствовала въ городѣ; на звуки трубъ нашихъ, ни одинъ Испанецъ не привѣспивовалъ съ балкона карабиннымъ выспрѣломъ поржеспвеннаго нашего вспушленія. Ни души не было на улицахъ и площадяхъ, ни души въ опворенныхъ наснежъ домахъ безъ оконъ: всѣ жители скрылись.

Много разъ удавалось мнѣ замѣчать, какое спранное впечатлѣніе, при началѣ войны, производить на солдатъ видъ первыхъ, попавшихся имъ на глаза убитыхъ: ими овладѣваетъ внезапное безмолвіе, они погружаются въ благоговѣйныя думы. Самыя живопныя чувспвуютъ въ эту минупу что-то особенное: конь шарашится и храпитъ. На другой же день зрѣлище сіе спановится уже обыкновеннымъ; и развѣ еще рекрупъ окинетъ глазами лежащія по дорогѣ прупы, и по за тѣмъ полько, чтобы выбранишь обнаженнаго покойника, отъ котораго не можеть поживиться ни сапогами, ни мундиромъ. Но при вспушленіи въ полусожженный, оставленный жителями городъ, нападаешь на насъ какая-то грусть, какой-то ужась: и можеть ли человекъ быть равнодушень къ этому опсупспвию жизни, къ этой пуспынѣ посреди громады зданій! Безмолвіе могиль менѣе производить на душу унынія, чѣмъ конскій попопъ, раздающійся

на безлюдныхъ улицахъ, гдѣ царспвуетъ нееспспвенное уединеніе. Мнѣ пріятнѣе спонъ раненыхъ на рапномъ полѣ: отъ чего? На вопросъ эпопъ умѣлъ бы я опвѣчать, еслибъ я былъ поэпомъ.

Я вошелъ въ одинъ домъ, который показался мнѣ, также какъ и другіе, необипаемымъ. Все было пусто: ни спола, ни спула, и полько исписанные углемъ спѣны парадной залы и порспретъ *Іоанны д' Аркъ* съ черными усами и спрубкою во рпу, доказывали, что тутъ госпили Французы. Я сошелъ въ нижній эпажъ, и каково было мое удивленіе, когда въ одной изъ комнапъ (судя по очагу, который одинъ полько въ употребленіи у Испанскихъ поваровъ, върояпно, это была кухня) нашель я двухъ спариковъ и мальчика лѣтъ около 12-ти, сидящихъ у огня, поджавъ ноги! При спукѣ сабли моей о плипы пола, мальчикъ, перекреспясь, какъ-бы при видѣ чѣрта, вскочиль и спряпался за большія деревянныя кресла, подъ образомъ. Одинъ изъ спариковъ, не двигаясь съ мѣспа, гордо окинулъ меня глазами, и, не снявъ шляпы, сказалъ:

—Г. офицеръ, я *Антоніо Нунецъ*, а это брапъ мой, бывшій алькадъ города. По дрялости не имѣя силъ слѣдовать за соопечеспвенниками, онъ рѣшилъ умереть въ своемъ домѣ. Я оспался присмапривать за нимъ, а мальчикъ служить намъ обѣимъ. —

«Почему же и прочіе жители не оспались, также какъ и вы?»

—Не знаю; въ ясныя ночи, они любятъ горы. —

При спхъ словахъ по длинному, желтому лицу спарца пробѣжала легкая улыбка.

Въ самую эту минупу послышался на площади необыкновенный шумъ. Я вышелъ изъ дома, и увидѣлъ въ толпѣ драгунъ капуцина верхомъ, который, бранясь чистымъ Французскимъ языкомъ, проклиналъ Испанію и Испанцевъ слишкомъ неприличными для благочеспиваго Каполика словами. Узнавъ подъ монашескимъ капишономъ адъютанпа генерала *Мильгода*, я опвелъ его къ полковнику, спавшему уже на соломѣ.—По-

говоря съ адъютантомъ, полковникъ вскричалъ съ сердцемъ: «угомонился ли это бѣсовское племя! Изволь-ка иппи пеперь къ Паленціи!—Садись!— а пы, *Rapatъерь*, оставайся здѣсь съ двадцатью пятью драгунами для содержанія почты.»

Rapatъерь поморщился: онъ не жаловалъ выжженныхъ городовъ.

«Спрана злополучная!» повторилъ спарикъ квартермистръ, закручивая съдые свои усы; «не найдешь и воды напиться!» примолвилъ онъ, взглянувъ на пересохшую Пизергу, изъ которой вода, по словамъ его, продавалась и вырученныя деньги обращались на поддержку моста. Я указалъ ему на домъ алькада, и поскакалъ вслѣдъ за полкомъ, который на галопѣ слѣдовалъ уже къ Паленціи. Идя прямо на громъ канонады, мы шли пеперь гораздо скорѣе, чѣмъ за нѣсколько до того часовъ подъ огнемъ Гверилласовъ.

Однакожь мы прибыли поздно: дѣло было почти уже кончено. Только на лѣвомъ флангѣ держалось еще каре изъ трехъ полковъ Испанской пѣхоты. По испинѣ, славное войско! Издали можно было подумать, что это наша старая гвардія; и я полагалъ навѣрное, что спычка будетъ жестокая. Но вблизи вышло совсѣмъ напророчивъ: при первомъ напискѣ, всѣ сіи черныя бороды опспутили безъ боя, дали пыль, разсыпались и бросились бѣжать безъ оглядки, вручивъ души свои Богу. Поражая всѣхъ и каждого, мы преслѣдовали ихъ чрезъ всю равнину, пока на концѣ оной валь, вышиною фула въ чепыре и за нимъ глубокій ровъ, преграждая намъ путь, не спасли бѣглецовъ отъ неминуемой гибели. Они спрятались въ эпо надежное убѣжище, оставя насъ удивляясь нашей побѣдѣ.

Но слѣдующій случай возвратилъ Испанцамъ мое къ нимъ уваженіе. Молоденькой барабанщикъ, отставшій отъ поварихей своихъ, видя, что мы, такъ сказать, уже на плечахъ у него, остановился, и, въ надеждѣ пощады, махая киверомъ, началъ кричать: «Viva Napoléon!»—Раздраженный паковымъ поспукомъ, офицеръ Кордуанскаго

полка, (какъ пеперь гляжу на него), бывшій вѣдъ всякой уже опасности, оборачиваетъ коня своего, лепитъ съ вала на мѣсто сраженія, пронзаетъ барабанщика шпагою, вскричавъ: «Muera el traidor!» (Уми измѣнникъ!) и падаетъ путь же подъ ударами палашей нашихъ.

Таковъ народъ сей: иногда цѣлый полкъ не спойтъ одного челоука, иногда одинъ челоукъ спойтъ цѣлаго полка. Вслѣдъ за симъ, другой случай доказалъ намъ, какую силу души и какое презрѣніе къ жизни можетъ явить ожесточенный Испанецъ, защищая правдъ свои.

Когда возвратились мы въ Торкемаду, *Rapatъера* уже памъ не было. Полковникъ подумалъ, что онъ съ драгунами своими опсправился для прикрытія какой либо команды, и легъ спать; а я пошелъ къ алькаду.

—Гдѣ наши драгуны?—спросилъ я.

«Очень далеко, и всѣ вмѣстѣ;» важно опвѣчалъ *Нунецъ*; и, какъ-бы въ избѣжаніе дальнѣйшихъ распросовъ, потчасъ примолвилъ Испанскую поговорку: «всѣ домъ къ вашимъ услугамъ; полько въ домъ ничего нѣтъ.»

Солдаты наши одарены необыкновеннымъ чупьемъ — опыскивать что нибудъ памъ, гдѣ нѣтъ ничего. Разсыпавшись, какъ муравьи, по всѣмъ закоулкамъ города, они шарили въ погребяхъ, лазили по чердакамъ, раскапывали самыя похаенныя западни. Изъ кухни видно было мнѣ, какъ они, равняясь другъ съ другомъ въ линію, раскаживали по саду, и, поминутно оспанавливаясь, щупали въ землѣ шомполами. Вдругъ, подъ окномъ кухни, въ углу сада, одинъ изъ драгунъ напкнулся на свѣжую груду земли, и закричалъ: «кладъ! кладъ! я нашель его!» На крикъ его всѣ сбѣгаются въ кружокъ и начинаютъ съ жадностію разрывать завѣтное мѣсто. При самомъ почти началѣ, драгунъ, усерднѣ другихъ прудившійся, вспрѣчаепъ препяпспвіе; и между пѣмъ, какъ поварищи бросаются къ нему на помощь, щаспливецъ успѣваетъ уже схватить рукою—оледенѣлую руку.... путь выспавилось плечо, за плечомъ голова, потпомъ цѣ-

мый драгунъ, и наконецъ—весь опрядъ *Рапатыра*. *Нунецъ* сказалъ правду: драгуны были *всѣ смлѣтъ*; всѣ зарѣзаны.— Можете представить себѣ изумленіе, бѣшенство солдатъ нашихъ!

Я поглядывалъ на лица моихъ хозяевъ: *Нунецъ* курилъ сигару и смотрѣлъ на происходившее вокругъ него съ равнодушіемъ запракающаго могильщика. Мальчикъ подкладывалъ въ огонь щепки, а алькадъ спокойно сидѣлъ на каменной лавкѣ: Мавританскій цвѣтъ лица его, темный плащъ, неподвижность, и какая-то безжизненность во всѣхъ чертахъ, придавали ему видъ древней запыленной статуи.

Въ одно мгновеніе домъ наполнился драгунами: проклятія и угрозы слились въ общій крикъ; и если бы не я,—алькада, брата его и мальчика зарыли бы живыхъ въ землю на мѣсто зарѣзанныхъ. Хотя и съ большимъ прудомъ, мнѣ удалось однако же спасти ихъ до прибытія полковника. Онъ пришелъ,—и въ той же самой кухнѣ, передъ грудой труповъ, экспромптомъ началъ допрашивать Испанцевъ.

«Кто зарѣзалъ этихъ драгунъ?»

Алькадъ не отвѣчалъ ни слова.

«Кто зарѣзалъ этихъ драгунъ?»

Мальчикъ молчалъ.

—Какими бы клятвами не спалъ я завтракъ, что они зарѣзаны не мною, вы все бы мнѣ не повѣрили,—сказалъ хладнокровно *Нунецъ*;—я зарѣзалъ ихъ.—

«Ты, одинъ!»

—Да, одинъ. Драгуны ваши нашли гдѣ-то водку, перепились до безчувствія,—и я всѣхъ ихъ перерѣзалъ по-одиначкѣ. Вчера вечеромъ ребенокъ эшопъ видѣлъ, какъ они спали непробудно въ верхнемъ этажѣ, а сегодня поутру онъ помогъ мнѣ спрятать ихъ. Но когда ножомъ эшимъ (трупъ вынулъ онъ изъ кармана огромный ножъ) опмщадъ я за свое отечество, *Перико* былъ здѣсь у брата.— Если поступокъ мой въ глазахъ вашихъ есть пресупленіе, такъ я одинъ совершилъ его.—

«Неправда! гнѣвно вскричалъ спарикъ алькадъ, ты выполнилъ только мое приказаніе.» И потомъ съ прудомъ привспавъ, сказалъ: «Убейте насъ обѣихъ; и каждый испинный Испанецъ да послѣдуетъ примѣру нашему!»

—Алькадъ, промолвилъ полковникъ, зѣвая, васъ обѣихъ повѣсятъ: и тебя и своего брата.—

«Очень вѣрю;» отвѣчалъ *Нунецъ*.

Мѣсто казни назначено было по ту сторону Торкемады, на Валладолидской дорогѣ, гдѣ стоить большой крестъ, обсаженный деревьями. Подъ прикрытіемъ 50-ти человекъ, гордо и довольно твердыми шагами шелъ алькадъ на смерть, не смотря на боль, причиняемую ему подагрой; *Нунецъ* его поддерживалъ, а *Перико*, прислуживавшій господамъ своимъ до самой ихъ кончины, несъ лѣспницу и веревки. Между тѣмъ, какъ алькадъ, приближась къ подножію креста, повергся на колѣна и читалъ молитвы, *Нунецъ* подошелъ къ исполнителю казни, кашпану *Давену*, и сказалъ ему:

—Это старшій мой братъ и вмѣстѣ алькадъ города: слѣдственно, до послѣдней минуты жизни, имѣетъ двойное право на мое уваженіе и почтеніе. Одной милости прошу, чтобы никто изъ людей вашихъ не прикасался къ *Дону Жозу*, *Нунецу де Квинтана*.—

«Дѣлайте себѣ какъ хотите, сказалъ *Давень*, только скорѣе: я не люблю подобныхъ порученій.»

Нунецъ поцѣловалъ брата,—и повѣсилъ его.

Но трупъ, когда дошла очередь до *Нунца*, ни одинъ изъ драгунъ, за четверть часа желавшихъ кровью мессы, не захотѣлъ исполнить надъ нимъ приговора. Одинъ говорилъ: «я не палачъ;» другой: «я съ-роду никого не вшивалъ;» третій: «если бы приказано было разспрѣлять его,—ну, это дѣло иное.»

Нунецъ, ожидавшій между тѣмъ на верху лѣспницы конца эшимъ спорамъ, переполковалъ въ дурную сторону нерѣшимость солдатъ нашихъ. «Не бойтесь!» закричалъ

онъ намъ, и самъ наложивъ себѣ на шею пеплю, подкликалъ *Перико*. Мальчикъ проворно взлѣзъ на лѣспницу и сполкнулъ *Нунца*—въ вѣчность.

Въ грустномъ безмолвіи пошли мы обратно въ городъ: *Перико* слѣдовалъ за нами съ лѣспницею.

«За чѣмъ паццишь ты лѣспницу? — сказалъ я ему; тебѣ тяжело: поставь её куда нибудь.» Ребенокъ посмотрѣлъ на меня, приставилъ лѣспницу къ дереву и полезъ на неё.

«Что ты дѣлаешь? всыпь больше нѣкого.»

— А я думалъ, что пеперь моя очередь! — отвѣчалъ онъ спокойно.

«Нѣтъ, мой другъ, тебя не повѣсятъ.»

— Какъ Богу угодно.—

Возвращаясь въ городъ, мы погребли бѣднаго *Рапатъера* и его поварицей въ прежней ихъ могилѣ: *Перико* былъ свидѣтелемъ сего печальнаго обряда. На другой день онъ бѣжалъ, съ ножомъ *Нунца*.

Пер. *Силловъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АЛТЫНЪ - АРГИНАКЪ. (*)

I.

Погибъ Кучумъ, погибъ Ермакъ;
Умолкнулъ шумъ тревоги бранной
Въ Сибири дикой и шуманной;
Тураномъ (**) правилъ Ханъ Сейдякъ.
Вогуль, Тапаринъ и Оспякъ
Забыли кары злой години.
Межъ тѣмъ въ Сибирь идутъ дружины,
По волѣ Русскаго Царя,
Скопчашъ дѣла богашыря, —

(*) Высокій мысъ, на которомъ стоитъ городъ Тобольскъ, отъ Ташаръ Алпынъ-Аргинакъ названъ.—*Миллеръ. Ист. Сибири.*

(**) Въ мѣста, лежащая около рѣкъ: Иртыша, Тобола и Туры, назывались Тураномъ.—*Миллеръ. Ист. Сибири.*

Идутъ герои-воеводы.
Отъ блеска мстительныхъ мечей,
Среди лѣсовъ, среди степеней,
Замолкнешъ дикій крикъ свободы.

II.

Надъ Ирпышемъ высокій мысъ
Громадой глинистой повисъ,
Вѣнчанный соснами. Предъше
Чудесное повѣствованье
О немъ, какъ панство, хранишь.
Въ часы полуночи глубокой
Видали часто, какъ высоко
Пурпурный водометъ горитъ
Надъ нимъ; то искры золотыя
Лешашъ, какъ брызги огневыя—
То спрашно всыхнешъ сводъ небесъ.
Но кто-жь причину сихъ чудесъ
Поспитъ?—Молилися Шаманы,
И объ Алпынъ-Аргинакъ
Имъ тайну вѣрили Шайшаны!...—
Скрылъ отъ народа Ханъ Сейдякъ
Ту тайну, гордый и угрюмый,
Томимый тяжестію думы.

III.

Промчались дни. На небѣ стромъ
Чернѣетъ осень въ пѣдрахъ пучъ;
Льетъ дождь, и рѣдко солнца лучъ
Освѣтитъ пламенемъ веселымъ
Пустую степь, угрюмый боръ;
И безопрадно видишь взоръ
Повсюду пелену шумана;
Всѣ дремлешъ: тусклая рѣка,
Окрестность, даль и облака.—
И мшился раннею порою
Въ Искеръ съ извѣстіемъ Оспякъ,
Что на Алпынъ-Аргинакъ
Онъ видѣлъ Русскихъ. И грозою
Та всѣхъ промчалась надъ спраною,
И страхомъ гибели и зла
Покой Турана попрлсла.
Но что-жь? не видно опасеня
Ни въ грозномъ взорѣ, ни въ словахъ
Младаго Хана. Онъ съ презрѣнемъ
О храбрыхъ говоритъ врагахъ;

Но въ сердцѣ, року непокорномъ,
Печали ядъ глубоко скрытъ.

Такъ молнія тревожно спитъ
За пеленою тучи черной.

IV.

Туманъ на небо палъ съдой;
Ложался инеемъ морозы;
Ирпышь тяжелою волной
Уныло плещеть въ берегъ свой.
Природы и судьбы угрозы
Презрѣлъ безпечно Ханъ молодой:
Онъ смѣло ѣдетъ на ловишву
Съ полпой богатырей, князей —
Своихъ рабовъ, своихъ друзей
И въ пишину и въ бурю битвы, —
Забывъ о близости врага;
Разсѣешь грусть онъ съ въпромъ въ полѣ.

Играютъ кони въ бурной волѣ;
Гремятъ призывные рога;
Беркутъ, добычи близкой жадный,
Крылами бьется; хищный волкъ,
Заслыша смертъ, въ лѣсу замолкъ, —
И радость носится опрадно
Въ полѣ, пестрящей нарядно.
Но молча ѣдетъ Ханъ Сейдякъ,
И смотритъ гордо и сурово
На верхъ Алпына-Аргинакъ,
На спанъ отважнаго Чулкова.

V.

На полднѣ знойное свѣшило
Сквозь завѣсъ мерзлыхъ облаковъ
Лучемъ слабѣющимъ свѣшило;
Доль ясень; съ вянущихъ луговъ
Сбѣжала мгла, и снѣгъ лѣсовъ
Не серебритъ кудрявый иній;
Свѣплѣешь въ пышной красотѣ
Сводъ неба, будто яхонтъ синій;
Но холодъ дышетъ въ высоту. —
Сейдякъ, ловишвой ушомленный,
Въ Искеръ пустилъ уже коней
Съ дружиной вѣрною своею,
Невняшной думою смущенный.
Кто-жь мчится на конѣ лихомъ?

Не вѣспникъ ли тревоги бранной?

Иль вѣспникъ пишины желанной? —
Вопъ ближе онъ; блещитъ копьемъ —
На немъ плапокъ взвѣваетъ бѣлый.
То вѣспникъ мира — юный, смѣлый,
Кипящій жизнью казакъ.
Онъ ближе, къ Хану — и, смущенный
Нежданой вѣспью, Ханъ Сейдякъ
Съ охолой принялъ приглашенье
Врага могучаго на ширь.

VI.

Съ главою Сибирскаго народа
Пируетъ Русскій воевода:
Они друзья, межъ ними миръ.
И шумно чаша круговая
Обходитъ радостныхъ гостей:
За щастье пьютъ роднаго края,
За славу бранную друзей;
Пріяни льются восклицанья.
Всѣ веселы; одинъ, въ молчаньи,
Не пьетъ угрюмый Ханъ вина:
Въ немъ духъ шерзаетъ подозрѣнье,
Въ тревогѣ умъ: всё мысль одна —
Родной спраны поработченье.
И, огорченный, съ мѣста вспалъ
Чулковъ надмѣнный и суровый — —
«Сейдякъ! гдѣ дружба? — Я узналъ
«Давно измѣны хитрой ковы;
«Напрасно злобу пы скрывалъ
«Личиною мрачности припворной:
«Змѣя слышна и ночью чѣрной» —
Съ презрѣнемъ Хану онъ сказалъ. —
Сверкнули спрашнымъ блескомъ очи
И спали вдругъ пемнѣе ночи;
Въ немъ спрасни буйныя кипятъ. —
И Ханъ вспылалъ кровавымъ мщеньемъ,
Ему не выпестъ поношенья. —
Какъ буря, вспалъ; въ рукъ булатъ.
Трепещетъ бѣшенствомъ дружина —
И битвы грозная картина
Кипитъ: рокошетъ звукъ мечей.
Ихъ блескъ и грозный блескъ очей,
Казались молніи лучами;
Когда, разрѣзавъ мракъ ночной,
Она играетъ съ облаками. —

Кровь льётся; разгорьлся бой;
 И вприпрыжку отпрыгнул холмовъ дикій
 Вопль смерти, яросные крики.
 Но гдѣ же Ханъ? Бѣгутъ толпой
 Въ Искеръ разбиныя Ташары.
 Не столько грохотъ грома ярый.
 Пугаетъ робкія спада,
 Какъ этакъ знакъ Небесной кары
 Туранъ пошрясь. Бѣда, бѣда
 Нежданой грянула грозою
 Надъ обезсиленной спраною.

VII.

Но гдѣ же Ханъ? Уже ли узы
 Въ пемницѣ мрачной онъ влачатъ,
 Иль въ бишвѣ Русскими убитъ?—
 О, нѣтъ! На берега Яузы
 Толпа враговъ его спремилъ.
 Онъ грустенъ: сосенъ видъ печальный,
 И въ мракѣ ночи крикъ совы—
 Родной спраны привѣтъ прощальный—
 Терзаютъ сердце. Гдѣ же вы,
 Дни счастья, радости, свободы?
 Въ красѣ ли чуждыя природы?
 Въ спѣнахъ ли царственной Москвы?

VIII.

Разсвѣтъ. Воспокъ зарей алѣетъ;
 Рѣдѣетъ ночи пелена;
 Искеръ проснулся ото сна;
 На башнѣ знамя съ бурей вѣетъ—
 Не рогъ луны на знамѣ помѣ:
 На немъ блестящъ любимецъ славы,
 Россіи гербъ, орелъ двуглавый.—
 Но тихо въ городѣ пусто:
 Бѣжали спарцы, дѣши, жены,
 Оставляя опческій свой кровь,
 Спрашась свирѣности враговъ;
 И Русскій вождь въ пустылъ спѣны
 Вошелъ съ дружиной удалцовъ.
 Но скоро зовъ его привѣстный,
 Радушье храбрыхъ казаковъ,
 Собрали робкихъ бѣглецовъ,
 И полюбили непримѣнно
 Они враждебныхъ какъ друзей.

IX.

Природы въ простотѣ невинной,
 Межъ городовъ, въ глуши степей,
 Орды кочуютъ дикарей.
 Прекрасна, такъ какъ цвѣтъ пустынной,
 Сибирь роскошно разцвѣла
 Подъ сѣнью Русскаго орла.

X.

Но гдѣ Искеръ, краса Турана?
 Забвенья мракъ его покрылъ!
 Вокругъ разрушенныхъ могилъ
 Сибирка ропщетъ влагой рьяной
 О плѣнной гордости земной.
 Разъ въ годъ, условною порой,
 Храня въ душѣ завѣтъ преданій,
 Ташары лишь шуда толпой
 Приходящъ съ данью слѣзъ, рыданій.—
 Но не покрылъ забвенья мракъ
 Утѣсь Алпына-Аргинакъ:
 На немъ, глашатай бранной славы,
 Воздвигся городъ; гдѣ Сейджакъ
 Спалъ плѣннымъ Русскихъ въ пирѣ кровавый,
 Тамъ Иерарховъ домъ спомилъ.—
 Всѣ о прошедшемъ говорилъ,
 О бурныхъ дняхъ завоеваній,
 Всѣ будилъ цѣпь воспоминаній,
 Какъ отпрыгнулъ вѣковыхъ могилъ,
 Въ помѣ городъ. Его волною
 Иртышъ задумчивый обвилъ,
 Блестя серебряной дугою.

Иванъ Нагибинъ.

17-е Марта 1853.
 Тобольскъ.

С H A R A D E.

Damis, amant heureux des vierges d'Aonie, (*)
 Qui parles d'or souvent, tu n'as pas mon premier.
 C'est ce qu'on dit. Alors, rien chez toi, je parie,
 N'est forcé comme mon dernier,
 Ni même comme mon entier:
 Car le tout est ici moindre que la partie.

Въ No 41, помѣщенная шарада значить: *По-бѣда.*

(*) Les Muses.

M O D E S.

Il nous reste à terminer le petit détail que nous avons antrepris, sur le produit des *serres artificielles* renouvelées pour cette saison.

Bâton, avec sa perfection habituelle, a fait en grand nombre des fleurs de cerisier doubles, blanches comme elles sont naturellement et rose tendre, ou cerise très-doux. Ces fleurs, qui tombent en flocons d'une branche allongée, sont charmantes sur un chapeau de paille. — Les fleurs de ronces, rameaux légers, à la corolle blanche, relevée par un cœur orange et noir. — Les *campanules pyramidales*, cloches en grappes d'un bleu si pur, si azuré, si frais au soleil, presque point de feuillage, mêlé à la fleur. — Pour coiffure, de jolies guirlandes en géranium; — des couronnes de lierre dont le fruit est marqué par un grain d'or.

Melle *Casaubon*, rue St.-Fiacre, n. 20, s'est attachée à une imitation parfaite des fleurs naturelles; ses branches de lilas, ses œillets, ses roses mousseuses sont admirables de fraîcheur et de vérité. Ce que nous avons vu chez elle, très-nouveau et d'un fort bon goût, sont des touffes de jonc, de roseaux, disposés en bouquets: il y en a de plusieurs nuances; mais les plus jolis sont ceux de la couleur naturelle. — Ses touffes de *rubans fleuris* sont difficiles à décrire; — ce sont de longs feuillages élancés, d'une étoffe transparente rayée de plusieurs teintes, de façon qu'elle paraît changer au soleil; elles sont fraîches et simples, charmantes à poser sur la paille de riz. — Les guirlandes en *spirale* sont restées presque seules en faveur, après toutes les coiffures d'hiver. — On ne peut rien voir de plus frais, plus jeune, plus élégant que les couronnes de Melle *Casaubon*, en roses *ibrides*, roses de haies pâles et délicates. — Celles en petits œillets-mignardise, d'un rose doux, ou blanc liséré de rouge; — d'autres moins jeunes, en fleurs de capucines ou en petites grappes, couchées toutes de même sens.

Ces *couronnes en spirale* sont fort bien portées; on les place d'un bout sur le côté de la tête, elles tournent sur le front, puis elles reviennent s'attacher par devant, dans le haut de la coiffure, après avoir tourné derrière la tête. — Elles sont très-bien avec des robes d'été un peu habillées, qui cependant ne seraient pas *toilette de bal*.

M O Д Ы.

Намъ оспаеися докончить небольшія подробности о произведеніяхъ поддѣльныхъ оранжерей, возобновленныхъ для нынѣшняго времени года.

Bâton, съ обыкновеннымъ своимъ совершенствомъ, сдѣлалъ большое количество вишневыхъ махровыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ, какъ они бывають обыкновенно и блѣдно-розовыхъ, или весьма нѣжного алаго цвѣта. Цвѣты сѣп, висящіе кисточками опъ продолговатой вѣтки, прелестны на соломенной шляпкѣ. — Цвѣты перна на легкихъ вѣткахъ съ бѣлой чашечкой, опъненной сердечкомъ оранжевымъ съ чернымъ *Campanules pyramidales*, колокольчики такого чистаго лазореваго цвѣта, такого яркаго на солнцѣ, цвѣтокъ почти безъ листьевъ. — Для головной уборки, красивыя гирлянды изъ гераніума; — вѣнки изъ плюща, у которыхъ плодъ означенъ золотыми бусинками.

Дѣвица *Casaubon*, въ улицѣ St.-Fiacre, No 20, спарается подражать въ совершенствѣ настоящимъ цвѣтамъ; ея вѣтки сирени, гвоздика, мохъ-розы, удивительны свѣжестью и близостію къ природѣ. Мы видѣли у неѣ нѣчто новое и оплчнанаго вкуса, это куспики изъ камыша и простника, расположенные букетами: еспъ разныхъ цвѣтовъ; но самыя красивѣйшія природнаго цвѣта. — Ея куспики изъ *цветущихъ лентъ* трудно описать; это длинныя легкія лисья, изъ прозрачной матеріи съ разноцвѣтными полосками, шакъ что на солнцѣ кажется измѣняется; они свѣжи и просты, прелестны на басповыхъ шляпкахъ. — *Спиральныя* гирлянды одни почти оспались въ употребленіи, опъ всѣхъ зимнихъ уборокъ. — Ничего нельзя видѣть моложавѣе, красивѣе, щеголеватѣе вѣнковъ дѣвицы *Casaubon* изъ розъ *ibrides*, розъ, распущихъ около заборовъ, блѣдныхъ и нѣжныхъ. — Изъ гвоздикъ *mignardises*, нѣжно-розоваго цвѣта, или бѣлыхъ съ красной опушкою; — другіе не шакъ моложавы, изъ капуциновыхъ цвѣтовъ, или небольшими кистями, лежащими въ одну сторону.

Эпи *спиральныя* вѣнки въ большомъ употребленіи; ихъ надѣвають, одинъ конецъ на споронѣ головы, попомъ по лбу, обертывается около головы и укрѣпляется вверху прически. — Они весьма прилично къ лѣтнимъ наряднымъ платьямъ, полько не къ бальнымъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 31 дня, 1853 года.

Случалось вамъ—въ большихъ собраньяхъ,
На праздникахъ, общеспвенныхъ гуляньяхъ,
Или на вечерахъ, на балахъ—все равно—
Встрѣчашь и замѣчашь ревнивыхъ?
Имъ, бѣдненькимъ, чего першшь не суждено?
Душъ покоя нѣтъ; во взорахъ боязливыхъ
Всегда мерещется одно!
Чуть что случилось—пойдешь,
Тревога . . . и далеко-ль до тяжкихъ бѣдъ?

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАДОСТНОЕ И ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Подъ тѣнью каштановаго дерева, на берегу рѣки, сидѣлъ Арабъ и ѣлъ рыбу. Мимо его шелъ бѣдный спранникъ.

«Откуда ты идешь?» спросилъ его любопытный Арабъ; но узнавъ въ немъ своего земляка и сосѣда—прибавилъ: «да будетъ надъ побою благословеніе Божіе; любезный сосѣдъ, ради бороды пвоей—скажи, здорово ли мое семейство? . . .»

— Слава Аллаху! тебѣ кланяются. . . — Арабъ не сказавъ даже — *спасибо*, принялся опять за рыбу и кокосы, не обращая вниманія на бѣдняка.

Спранникъ подошелъ къ нему ближе и сказалъ:

— Ахъ, какъ похожа была пвоя собака на шу, которая близъ тебя; я даже ошибся бы, еслибъ. . .

«Какъ, прервалъ Арабъ, поднявъ голову, развѣ моя любимая собака издохла; какъ это случилось?» . . .

— Она подавилась, наѣвшись верблюжины. —

«Какъ—и мой верблюдъ издохъ?» . . .

— Опъ того, что некому было его кормить; — отвѣчалъ путешественникъ, принявъ печальный видъ.

«Некому было кормить верблюда? спросилъ встревоженный Арабъ, — а жена моя, гдѣ была въ то время?» . . .

— Она . . . давно умерла. —

«Опъ чего . . . опъ чего она умерла?» вскричалъ Арабъ.

— Она очень огорчилась, получивъ извѣстіе о смерти вашего сына, и била себя камнемъ въ голову и грудь, опъ чего въ скоромъ времени лишилась жизни. —

«Боже мой, Боже мой—и сынъ мой! единственный сынъ мой умеръ! . . . Сядь, сядь со

мною бѣдный, милый, добрый другъ мой, вопъ шебъ моя рыба и плоды: уполи ими свой голодъ, кушай, кушай во славу Аллаха, а я—не могу ѣспъ, я несчастенъ, очень несчастенъ!»... вопилъ огорченный Арабъ, посыпая пескомъ себъ голову.

Въ 1832 году одинъ Французскій журналъ съ прискорбiемъ извѣспилъ насъ о кончинѣ *Державина*, а въ 1828-мъ другой провозгласилъ: qu'il est peu d'ouvrages écrits dans la langue russe, que l'on puisse comparer, sous le rapport de l'harmonie et de l'élégance, aux productions sorties de la plume féconde de Soumarocow.

Будетъ ли этому конецъ?

Мущина подобенъ Юлю, когда свашаепся; онъ смоприпъ Сенпярёмъ, когда женипся.

Дѣвица — сходна съ Маемъ Ипалiи; женщина симпапизируетъ съ Петербургскимъ Маемъ.

Наши Грамматикки очень ошиблись, опнеся словъ: доброта, нѣжностъ и снисходительностъ къ женскому роду; а гнѣвъ, сумасшествiе и капризы — къ мужескому и ереднему.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВѢ МАТЕРИ.

(Сочиненiе Ангелики Арно.)

Въ одно празничное весеннее упро г-жа Н. въ щегольской коляскѣ подѣхала къ Тюльерiйскому саду и присоединилась къ гуляющимъ. Взоры ея съ нѣжностiю оспнавливались на миломъ шеспилѣпнемъ дп-пшп, которѣ она вела за руку. Въ самомъ

дѣлѣ, прелестная *Каролина* заслуживала вниманiе; лице ея, опличавшееся необыкновенною бѣлизною и слегка подернутое румянцемъ, казалось, было создано живымъ и прихопливимъ воображенiемъ поэта, или живописца. Шелковистые русые волосы падали густыми кудрями на полуопкрытыя плечи ея; голубое кашемировое плашье одѣвало ея красивый спанъ, и придавало бѣлизнѣ и чистотѣ пѣла ея какой-то особенно нѣжный и припный опитѣнокъ.

— Прелестное дпшя!—воскликали одни... Маленькiй амуръ! говорили другiе, и эти незначущiя слова, вылепавшiя, не оставляя по себѣ памяти, пзъ успѣ пѣхъ, которые произносили ихъ, глубоко западали въ сердце *Каролиной* мапери. Она рассказала ихъ вечеромъ мужу, думала о нихъ засыпая, и въ ночныхъ ея грезахъ слова сiи снова явились ей неразлучно съ образомъ ея дочери... Такiя лестныя похвалы и нѣжный воспоргъ возобновлялись при каждой прогулкѣ.

«Какъ ты прекрасна, моя *Каролина*, говорила часто г-жа Н., когда дпшя покоилось мирнымъ сномъ за шелковыми занавѣсами въ красивой колыбели изъ краснаго дерева; ты будешь также любезна и добра, и вѣрно не будешь несчастлива, потому что форпуна и любовь улыбунулись шебъ съ первого дня пвоей жизни.—Ребенокъ рапо сдружился со щаспiемъ; игры и удовольствiя безпреспанно смѣнялись для него одно другимъ; благоразумное воспитанiе предохранило его опъ капризовъ, которыя разрушаюпъ всѣ выгоды щаспливаго соспоянiя; любимыя и рѣзвыя подруги раздѣляли его забавы. Весна сего обожаемаго существа пропекала предъ глазами г-жи Н., какъ безоблачное упро.

Каролина занемогла на нѣсколько дпей, и какого пензъяснимаго безпокойства спои-ли эти дни еѣ окружающимъ! Призвали искуснѣйшихъ врачей, и тогда вокругъ сего дѣпскаго одра съ заботливостiю сптали бодрспивовать нѣжностъ и наука. Г-жа Н. обманывала свою гореспь мелочными понеченiями, а болѣзнь *Каролины* подарками и обѣщанiями.— О! говорила она ей, ты скоро

выздоровѣешь; я повезу тебя въ деревню, на чистый воздухъ; мы станемъ готовить для тебя пивои любимыя кушанья; я куплю пу маленькую карету, о которой ты меня недавно просила. — Ребенокъ улыбался, и надежда, проникая въ юное сердце, способствовала усилюмъ природы. Силы и велелось скоро возвратились; для совершеннаго выздоровленія предписано было опъ докпоровъ пупешествіе; г-жа N. опправи-лась въ Испалію.

Каролина выроспала, и щаспливая мапъ ея безпрестанно находила новыя источни-ки радостей въ ея успѣхахъ. Лучшіе учи-тели споліцы занимались образованіемъ ума молодой дѣвушки и посвящали еѣ въ пани-спва искусствъ, также какъ г-жа N. посвя-пила ея сердце въ нѣжныя и чистыя ощу-щенія, въ благородныя и возвышенныя по-няпія.

Настала пора любви; г-жа N. говорила са-ма себѣ съ чувствомъ невыразимаго удоволь-спвія: добрая, прелестная, милая и богатая, она скоро найдетъ себѣ супруга.... Когда она вводила *Каролину* въ госпінныя, гдѣ ожи-дали сію послѣднюю веселости и леспъ по-клонниковъ, по маперинская гордость сла-достно волновала еѣ сердце.

Наконецъ *Каролина* сдѣлала выборъ. Та, копорая играла ея длинными дѣтскими ло-конами, возложила на главу ея брачный вѣ-нецъ... Г-жа N. чувствуя, что она выпол-нила долгъ свой, спокойно спала ожидать вечера жизни.

Всперь съ яростію вривался сквозь раз-битыя стекла узкаго окна въ чердакъ, гдѣ работала бѣдная *Маргарита*; дрожащій ого-некъ лампы съ трудомъ пропівился его холодному вѣянію. Въ углу на соломѣ, едва прикрытой ветхимъ рубищемъ, спалъ ребе-нокъ. *Маргарита* бросала жалоспливые взоры на это несчастное пвореніе; губы ея судорожно сжимались, и глаза съ усиліемъ удерживались опъ слѣзъ, могшихъ замедлить ея работу... опъ копорой зависло завпрешнее ея существованіе.— Спи, спи подолье, говорила она прерывистымъ голосомъ, ты

проснешся довольно рано для того, чтобы просипъ хлѣба, копорого у меня нѣтъ!

Маргарита нѣжно любила бѣдную *Луизу*, но сердце цѣпенѣетъ опъ нищеты, какъ пѣло опъ холода. Мапъ и дочь часто мѣ-нялись грубыми и суровыми опвѣтами; од-на спрадала въ надеждѣ на лучшее впередъ; другая, оспавленная на произволь самой се-бѣ, занимала опъ случая добрыя, или ху-дьяя впечатлѣнія. Юный разсудокъ и харак-перъ ея, образовавшіеся подъ несчастнымъ вліяніемъ нищеты и горести, какую она влечетъ за собою, не получили никакого направленія. Бѣдное дитя! она была пре-красна, но прекрасна, какъ поблекшая опъ бури роза, опъ копорой со вздохомъ опво-рачиваешься.

Въ одну ночь жестокая горячка овладѣла злополучнымъ ребенкомъ... И никого, кто бы помогъ *Маргаритѣ* въ ея заботахъ объ немъ; никого, кто бы позвалъ лекаря, жив-шаго далеко опъ нихъ... Надобно было оспа-вить спраждущую, покинуть еѣ одну въ добычу болѣзни, бреду и призракамъ воспа-ленного воображенія... Человекъ, копорый могъ возвратипъ еѣ къ жизни, пришелъ не прежде другаго дня. Онъ предписалъ мик-стуры, ванны, півки; все это стоило 6 фран-ковъ; половину сей суммы доставила благо-дѣтельность; природа сама довершила ост-пальное.... *Луиза* избавилась опъ смерти. Но какъ медленно и жестоко было ея вы-здоровленіе!

Ни чистаго здороваго воздуха для укрѣп-ленія ея слабаго пѣла, ни игрушекъ для за-бавы ея пощимъ, исхудавшимъ ручѣнкамъ... Сухой хлѣбъ для измученнаго желудка ея! *Маргарита* видѣла ея спраданія; она чув-ствовала ихъ, и нѣжность ея спановилась истиннымъ перзаніемъ.

Пришла пора, въ копорую наряды возбу-ждають желанія молодой дѣвушки, въ ко-порую гулянья кажутся ей такъ привле-капельны, въ копорую она грезипъ празд-никами и веселостями, ищепъ сердца, го-поваго опвѣчать ея сердцу! *Луизи* пищет-но мечпала обо всемъ эпомъ. Красота ея увядала въ непрерывныхъ трудахъ, и она не видала нарядовъ, праздниковъ, не знала

любви!... Наконецъ, однажды она почла себя щаспливою... Взоры красиваго молодаго человека вспрѣпились съ ея взорами... Это случилось въ толпѣ народа. Она возвратилась домой; онъ издали за нею слѣдовалъ; она думала быть его женою, и спала только его любовницей.

Два мѣсяца спустя, Луиза ушла изъ убѣжища, гдѣ плакала *Маргарита*; напрасно послѣдняя ожидала и звала её въ свое уединеніе; она готова была отдать жизнь, чтобы увидѣть её еще минути. Наконецъ она нашла её, о горе! одну, вечеромъ, блестящую ложною пышностію, похудѣвшую и нарумяненную. Кто-то указалъ ей *Луизу*, но несчастная, съ ужасомъ отвернувшись, опрелась отъ имени матери, и скоро умерла, проливши много горькихъ слезъ о судьбѣ той, которая её покинула.

Такая разительная противоположность участи двухъ матерей не есть, къ сожалѣнію, мечта или вымысль. Два класса женщинъ, болѣе или менѣе, раздѣляютъ: одинъ участь г-жи N., другой участь *Маргариты*, и по несчастію послѣдній гораздо многочисленнѣе. Да подумаютъ же иногда щаспливыя матери о тѣхъ, которыхъ проливаютъ слезы, съ тѣмъ ли, чтобы принести улучшение въ ихъ печальныя и убогія жилища, или чтобы потребовать отъ мужчинъ усмиренній, которыхъ бы избавили насъ отъ тяжестной мысли: «что самое сладостное и самое священное имя бываетъ часто испочиникомъ горькаго отчаянія!»

Съ Франц. Ип. Г—ва.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М У З А.

(Отрывокъ изъ посланій.)

Богини пѣсней чуденъ нравъ:
Она нѣма подъ свѣтскимъ шумомъ,
Не любитъ въпренныхъ забавъ
И хладныхъ словъ въ кругу утрюмомъ.
Она природы вѣрный другъ:
Мила ей сънь уединеній,

Ей миль задумчивый досугъ,
Товарищъ смѣлыхъ вдохновеній.
Какъ часно, сбросивъ праздный сонъ,
Я вслѣдъ за ней бреду въ дубравы:
Во мнѣ спихаетъ жизни спохъ,
Ужъ я забылъ ея оправы,
Я предаюсь, какъ самъ не свой,
Внушенью спущницы небесной,
И очарованной душой
Випаю надъ землею шѣсной.

Г.

Э Л Е Г І Я.

Когда на зовъ души унылой
Вспаюшь изъ тайной глубины,
Какъ привидѣнья надъ могилой,
Минувшихъ лѣтъ злые сны,
И ей представляется какъ прежде
Въ знакомой сердцу красотѣ,
Мечты въ блистательной одеждѣ,
Любовь въ цвѣтущей нагождѣ,
И все, что рано обольстило
Зарю щаспливыхъ первыхъ лѣтъ,
Чѣмъ приманилъ къ себѣ шакъ мило
Младую жизнь лукавый свѣтъ;
Когда въ чаду очарованья,
Восторговъ и надеждъ полна,
Всѣ радости, всѣ упованья,
Ему повѣрила она;
Когда мечта волшебной властью
Прекрасный созидала міръ,
И съ вѣрой пламенной ко щастью
Боготворила свой кумиръ,
Въ грядущемъ смѣло пачерпала
Свою судьбу перстомъ злымъ,
И быспро юнось улетала
Какъ легкій съ жертвенника дымъ;
Когда сзоветъ воспоминанье
Всѣ призраки минувшихъ лѣтъ:
Ихъ опдаленное сіянье,
Ихъ угѣшительный привѣтъ
Часы унынья сокращаетъ.
Что память? Чѣрная доска,
На коей времени рука

Всю нашу жизнь изображаетъ,
И долгій вечеръ спарика
Началомъ повѣсти плыяетъ.

Θ. Туманскій.

17 СЕНТЯБРЯ 1824.

Блаженъ, кому съ привѣтливой улыбкой
Надежда въ міръ предсечетъ!
Его челнокъ по морю жизни зыбкой
Спремитъ безпрепетный полетъ.

Блаженъ и шопъ, чья пламенная вѣра
Опчизну видитъ въ небесахъ!
Огонь и мечъ и львиная пещера
Ему ничто: онъ твердъ въ бѣдахъ.

Но избранникъ святаго Провидѣнья
Любовью чистою хранимъ:
Не знаетъ слѣзъ, не вѣдаетъ волпелъ;
Ему соупникъ Серафимъ,
Слѣтѣвшій въ міръ опъ горяго черпога,
Творецъ сердечной пишины,
Посолъ Всевышняго и отблескъ Бога
Въ прелесномъ образъ жены.

N. N.

О М О Н И М Ъ.

Тройкое имѣю я значеніе;
По *перволу*: царемъ слыву во всѣхъ спранахъ,
На солнце зрѣшь одинъ имѣю дозволеніе,
Бываю на землѣ, перяюсь въ облакахъ.—
Но здѣсь не всё мое: эмблема я Имперій,
И въ древности гордился мною Римъ;
Знакомъ я Авспріи, Россіи и другимъ,
И починялъ меня Европы страшный Геній.—
Еще же—городъ я; его холмище знаешь?
Лишь спомнишь вамъ Оки ландкаршу пробѣжатъ,
И памъ вы можете легко меня сыскашь.—

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
уѣздъ Гжатскій.

Въ No 42, помѣщенная шарада значить: *Sou-rire.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Обозрѣніе концертовъ, данныхъ въ продолженіе послѣднлаго Великаго поста.

Концерты прекратились! Театръ снова вспушилъ въ права свои, или, выражаясь поэтически, Музы, на минушу разлученныя, соединились по прежнему. Тѣмъ лучше: ибо, если разнообразіе имѣетъ цѣну, то всего болѣе въ удовольствіяхъ. Тѣ, которыхъ доспавляетъ хорошая музыка, конечно бввають живѣе многихъ другихъ; но сорокъ концертовъ сряду, безъ отдыха, не правда ли, что это черезъ чуръ? Есть однакожь такія крѣпкія организаціи, которыхъ усполяли противъ сего испытанія, какъ прожорливый желудокъ перевариваетъ множество пици, его обременяющей.

Вѣроятно, никто не обвинитъ насъ въ равнодушіи къ музыкѣ, но мы признаемъся, что не можемъ постигнуть перпѣнія Пепербургской Публики и того высокаго самоопроверженія, съ какимъ она, въ продолженіе пяти недѣль, каждыи вечеръ, а иногда и упромъ, выносила это наводненіе нопъ. И какъ будто бы сего удивительнаго множества концертовъ недоспавало еще для насыщенія жадныхъ слуховъ, музыкальные вечера являлись увеличивать собою затрудненіе выбора. Замѣйте припомъ, что слушатели почти всегда и вездѣ были одни и тѣ же, и послѣ того дивившесь опказамъ, которыми часто отвѣчали на приглашенія концертисповъ, особенно запоздавшихъ своимъ появленіемъ.

Время концертовъ есть то, въ которое общая выгода соединяетъ арписповъ. Какъ щасливъ живописецъ! ему доспапочно собственныхъ его пособій: полотно и краски, вопъ его помощники! Но они не прихотливы и не убыточны. Напропивъ ты, о бѣдннй музыкантъ, сколько заботъ и затрудненій предспоятъ тебѣ для достиженія успѣха! Твое произведеніе кончено, но это еще ничего не значитъ. Бумага, въ которую перелилъ ты свое вдохновеніе, не заговоритъ сама собою; въ такомъ состояніи концертъ пвой оспанется безгласнымъ; теперъ долженъ ты созвать, по крайней мѣрѣ,

десяпка два своихъ собраній, которые бы помогли тебѣ сыграть его, и что еще важно, Публику, которая бы его выслушала и обсудила. Вообще, каковы бы ни были слѣдствія сей спекуляціи, въ которой самолюбіе часто играетъ главную роль, выгоды оной рѣдко вознаграждаютъ тебя за всѣ безпокойства, которымъ ты подвергался. Почти всегда ты обманываешься въ своихъ надеждахъ: значительныя издержки и маловажный сборъ.

Всѣхъ концертистовъ можно раздѣлить на три разряда, именно: на людей съ истиннымъ дарованіемъ, настоящихъ артистовъ, дѣйствующихъ по призванію свыше; на спекуляторовъ, музыкантовъ-торгашей, которые умѣютъ обращать въ свою пользу талантъ другихъ, и наконецъ на тѣхъ, которые не научаясь опытомъ прошедшаго, ежегодно въ одно и то же время возобновляютъ оный. Сихъ послѣднихъ мы только пожалѣемъ и не станемъ говорить о нихъ. Что касается до спекуляторовъ, мы представляемъ читателямъ угадать имена тѣхъ, которыхъ должно включить въ этотъ разрядъ; ибо между ними есть люди, одаренные талантомъ и оказывающіе большіе услуги искусству. Впрочемъ, мы шакого мнѣнія, что они хорошо дѣлаютъ, пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ, какое Публика имъ оказываетъ.

При исполненіи принятой нами на себя обязанности, цѣлью нашею было заплачивать дань похвалъ опличнымъ артистамъ, находящимся въ здѣшней столицѣ, а совѣмъ не забавлять читателей горечью криптики. Сдѣлавъ такое признаніе, значитъ сказать напередъ, что спашья наша не будутъ занимательна; постараемся по крайней мѣрѣ, чтобъ она была сносною.

Филармоническимъ обществомъ даны были два концерта въ пользу музыкантскихъ вдовъ и сиротъ. Первый состоялъ изъ ораторій и инструментальной симфоніи *Бетговена*, а второй, изъ ораторіи *Херубини* и великолѣпной героической симфоніи. Сіи два вечера, а особенно первый, привлекли множество слушателей; такую силу имѣютъ име-

на композиторовъ, произведенія которыхъ были предметомъ оныхъ, надъ любителями хорошей музыки. Къ тому, что уже сказано о *Бетговенѣ*, ничего не остается прибавить; глубина и сила его твореній превосходятъ все, что было до него вымыслено. Каждая изъ симфоній сего великаго художника есть высокая поэма, но чѣмъ выше ея созданіе, тѣмъ пруднѣ исполненіе оной. Милыя увертюры *Обера* и *Россини* далеки отъ эпихъ огромныхъ паршиуръ, гдѣ могущественный геній является на каждой страницѣ. Послѣ одной хорошей репетиціи, можно играть первыя; но послѣ трехъ или чепырехъ, едва ознакомишься съ послѣдними. Подобныя творенія преобладаютъ прилѣжнаго изученія. Не таланта, а времени недоспадо артистамъ, составляющимъ Филармоническое общество. Опдадимъ справедливостъ ихъ стараній, и поблагодаримъ ихъ за то, что они воздали эпу почестъ великому композитору, которымъ гордится музыка.

Г-жа *Карадори-Алланъ*, возвращаясь изъ Москвы, откуда она вывезла столько же денегъ, сколько славы, дала два новые музыкальные вечера и послѣдній большой концертъ. Къ сожалѣнію воптъ все, что мы можемъ сказать о нихъ, потому, что на этотъ разъ, намъ не удалось имѣть удовольствія её слышать.

Неупомимый *Бельз* былъ и въ нынѣшнемъ году однимъ изъ лучшихъ украшеній нашихъ концертныхъ. Онъ игралъ варіаціи своего сочиненія и опличный концертъ *Бальо*. Каждый разъ, когда мы слушаемъ сего искуснаго артиста, намъ кажется, что онъ представляетъ новое совершенство къ своей, и безъ того уже совершенной игрѣ.

Есть имя, которое встрѣчаешь почти на всѣхъ концертныхъ афишахъ, и которое никогда не можетъ наскучить. Чей этотъ прекрасный концертъ для скрипки? *Маурера*.—А эта хорошенькая увертюра? *Маурера*.—И то ли еще вы услышите? Концертино для одного или двухъ кларнетовъ, варіаціи для флейты, концертшашы для двухъ и даже для чепырехъ скрипокъ, что, замѣ-

шимъ мимоходомъ, естъ ничто иное, какъ *tour de force*; симфоніи, оперы, романсы, *morceaux* для фортепьяно... и все это прелестное, легкое, исполненное живости и оригинальности. Попеременно композиторъ, солистъ, глава оркестра, *Мауреръ* второе Провидѣніе для виртуозовъ, и всегда пріятная встрѣча для Публики, которая любитъ и цѣнитъ его рѣдкое дарованіе. Онъ сочинилъ по крайней мѣрѣ 34 концерта для скрипки, изъ коихъ каждый открываетъ великаго художника. Не довольствуясь личными своими успѣхами, *Мауреръ* захопѣлъ присоединить къ нимъ и успѣхи своего семейства. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть двухъ сыновей его, разыгрывающихъ съ нимъ прелестныя прію на двухъ скрипкахъ и виолончели. Старшій изъ сихъ милыхъ дѣтей воспитывается опцомъ своимъ; онъ теперь уже играетъ на скрипкѣ, какъ профессоръ, и если бы имѣли удовольствіе его слышать, то согласились бы, что мы говоримъ правду. Младшій беретъ уроки на виолончели у г. *Мейнгарда* и обѣщаетъ сдѣлать со временемъ честь своему учителю. *Мауреръ* совершенно оставилъ Германію, которая сожалѣетъ о немъ; онъ поселился въ Петербургъ. Должно надѣяться, что скоро онъ спанетъ давая намъ семейные концерты... Щастливый отецъ!

Программа концерта г. *Геприха Ромберга* представляла въ нынѣшнемъ году любопытное разнообразіе. Одинъ изъ номеровъ ея наиболѣе возбудилъ общее любопытство; это былъ менуэтъ, за которыми слѣдовалъ финалъ *Бетговена* квапуора, исполненнаго 4 первыми и 4 вторыми скрипками, 4 альтами и 4 виолончелями, всего 16 человѣками. Сей прекрасный *morceau*, котораго ждали съ нетерпѣніемъ, былъ сыгранъ съ большою почтостію, и пошому произвелъ магическое дѣйствіе.

Г. *Мейеръ*, который играетъ всегда такъ скоро и такъ хорошо, исполнилъ 1-е аллегро фортепьяннаго концерта *Моцелеса* и прекрасную пьесу своего сочиненія, названную имъ сенпуоромъ, вѣроятно пошому,

что она написана для семи различныхъ инструментовъ. Г. *Рейнгардтъ*, котораго блаторазумный талантъ также весьма уважаенся, игралъ въ эпошъ разъ концертъ, написанный имъ самимъ. Ему апплодировали какъ авшору и какъ исполнителю. Оба сіи искусные пианиспа достойно заслужили извѣстность, и пошюлино оную оправдываютъ.

Упомянувъ о семь инструментахъ, мы не должны забыть одного молодаго человѣка, котораго въ нынѣшнемъ году мы слышали еще впервые. Мы говоримъ о г. *Герке*, сыгравшемъ рондо *Мейера* съ равною пылостію и искусствомъ. Художникъ сей попалъ на хорошую спезю, и долженъ беречься оспалять оную; въ немъ естъ жаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ владетъ вѣрнымъ тактомъ: качество довольно рѣдкое, а особливо между нашими пианиспами. Это размышленіе приводитъ намъ на память г. *Реллерса*, который ежегодно пріобрѣтаетъ пагубные успѣхи на скрипкѣ. Механизмъ, механизмъ, и ничего болѣе, кромѣ механизма. Вмѣстѣ съ симъ, горячностъ безъ истинной пещоты и безпорядокъ, который все поршитъ. Опасно, чтобы рукоплесканія, какія распочають ему, и какія иногда онъ очень заслуживаетъ, не ввели его въ заблужденіе; это было бы достойно сожалѣнія, пбо недоспакамъ его еще легко можно помочь. Повѣрьте намъ, г. *Реллерсъ*, перемѣните свое направленіе; опложите на время въ спорону произведенія *Каллисады* и *Мейседера*, займитесь хорошими концертами *Біотти*, *Крейцера* или *Маурера*; поспавыте мепрономъ въ вашей учебной компаніи, и все поидель гораздо успѣшнѣе. Говори вамъ съ такою опкровенностію, мы болѣе походимъ на друзей вашихъ, нежели пѣ, которые оспають васъ похвалами.

Концертъ, данный въ пользу г. *Рубини*, былъ блистательнѣе всѣхъ прочихъ, и принестъ болѣе сбора; зала г-жи *Энгельгардтъ* была въ эпошъ день полна лучшею Публикою, которая съ заботливостію ищетъ уроковъ сего искуснаго учителя пѣнія. Г. *Рубини* вѣроятно не имѣлъ времени сочинить кантаты для сего вечера; впрочемъ, онъ при-

няли въ немъ участіе, и билъ такъ въ morceaux d'ensemble.

Говоря о пѣніи, нельзя не назвать г-жи *Эйснеръ-Зибертъ*. Эта пѣвица сдѣлала большіе успѣхи. Всѣ вокругъ насъ съ удовольствіемъ въ эпоху признавались. Она обязана симъ ученію и совѣтамъ своего мужа, одного изъ превосходнѣйшихъ музыкантовъ нашихъ.

Не всѣ музыкальныя собранія были равно блестящи; не всѣ представляли пошъ инпересъ, который оспавляетъ по себѣ воспоминаніе, и здѣсь надлежало бы намъ кончить свое обозрѣніе. Мы не можемъ однакоже успокоить прошивъ желанія, расскажем чшпателямъ, какимъ спраннымъ образомъ кончился концертъ, данный однимъ бывшимъ пenorомъ, который нѣкогда обладалъ хорошимъ голосомъ. Первая часть концерта была спокойно выслушана, но едва началась впорая, какъ двадцать или тридцать человекъ, составлявшихъ число слушателей, вдругъ вспомнили, что они уже довольно слышали музыки въ продолженіе поста. Всѣ они вспали и опсправились къ дверямъ, такъ что, кромѣ оркестра, зала оспалась пустою. Одинъ запоздавшій меломанъ, который пришелъ въ самую эпо минупу, не рѣшаясь заставить продолжаться концертъ для одного себя, послѣдовалъ за толпою, et le combat finit, faute de combattant.

N. N.

MODES.

Les chapeaux de paille qui viennent des magasins d'*Herbault* sont très-relevés au-dessus du front, descendant sur les joues; — les brides sont garnies de blonde, mais le haut ne l'est pas contre les papillottes. — Il place ordinairement dessus une seule branche de fleurs, quelquefois liée simplement par un ruban qui descend des deux côtés, quelquefois avec une très-simple rosette.

Les capotes de paille anglaise, d'une apparence très-commune, se doublent en petit gros de Naples. — Les couleurs préférées sont le lilas glacé de blanc, citron glacé de blanc et vert glacé. — Celles qui se portent ainsi et plus élégantes sont en paille d'*Italie cousue*.

Un joli chapeau de paille de riz des magasins de Mme Larochelle, était d'une forme relevée, doublé en crêpe blanc; les rubans en gaze, grenadine, cerise pâle, faisaient lien autour d'une branche de marronnier; — les brides étaient garnies de blonde, et au-dessus du front était une traverse de ruban retombant comme une pointe de fichu.

Les pélerines d'étoffes se garnissent souvent avec une garniture pareille, haute d'une main.

On porte beaucoup chez soi, et quelquefois même au spectacle, des mitaines courtes en tricot de soie noire, avec des manches longues; elles remplacent les gants courts.

МОДЫ.

Соломенные шляпки изъ магазина d'*Herbault* очень приподняты отъ лба, и спущены на щеки; завязки обшиты блондою, но кверху, къ локнамъ не обшиты. — У него обыкновенно прикалываютъ одну вѣлку цвѣтовъ, иногда перехваченную просто лентою, спущенною съ обихъ споры; иногда же съ самою простою розеткою.

Капоты изъ Англійской соломки, весьма простаго вида, подкладываютъ шонкимъ гроденапелемъ. — Предпочитаемые цвѣта: лимонный и зелѣный двулиственные съ бѣлымъ. — Дѣлаемые такимъ образомъ весьма щеголеваты изъ Италіанской сшивной соломки.

Красивая басовая шляпка изъ магазина Г-жи *Larochelle*, открытаго фасона, подложена бѣлымъ крепомъ; ленты гренадинаваго газа, блѣдо-алаго цвѣта, перевязывали вѣлку каштановъ; завязки обшиты были блондою, а надъ лбомъ лента, лежащая въ видѣ конца отъ косыночки.

Пелеринки изъ матеріи часто обшиваютъ оборкою изъ такой же матеріи, шириною въ ладонь.

Дома носятъ, иногда даже и въ спектакляхъ, короткіе, чѣрные, шелковые, вязаные митены, съ длинными рукавами; они замѣняютъ короткія перчатки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 44.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 3 дня 1853 года.

— Какъ пѣть при Соловьѣ? Одинъ лишь, право, смѣхъ!
Сказала Снигирю Машиновка съ досадою:
Ему хвала, признательность отъ всѣхъ,
Тебѣ презрѣніе наградою.—
«Согласенъ, душенька, Снигирь промолвилъ ей,
Что всѣхъ пѣнляетъ Соловей;
Но я и самъ чего нибудь да спою:
Я больше Соловью цѣны даю собою.»

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ СОЛДАТА.

Г а н а у.

«Le cochon s'expose à la mort par une vie douce
dont la volupté est réelle: vous, Ulysse, vous
vous exposez de même à une mort prompte par
une vie malheureuse et pour une gloire chimé-
rique. Mieux vaut être cochon que Héros.»

Fenelon, dialogues des morts.

Чѣрпъ возьми славу! Въ Германіи нѣтъ
уже никуска хлѣба. «Въ Маинцѣ! въ Маинцѣ!»

Такъ, по переходѣ чрезъ Эльсперъ, кри-
чали толпы бродягъ, впереди арміи грабив-
шихъ все, что ни попало. Вмѣсто кинушихъ
ими ружей, шаца на плечахъ жаровни, вер-
педы, коспрюли, безъ оглядки бѣжали они
къ Рейну. Эпихъ *кашеваровъ* (такъ прозва-
ли ихъ въ арміи) было тысячъ до двѣнадца-
ти: всѣ изъ числа раненыхъ или больныхъ,

а большею частію изъ рекрутъ. Въ этой
смѣси пѣхопинцевъ и кавалеристовъ почти
нельзя было различить мундиры. Запачкан-
ные грязью, съ лицами, обезображенными
успалостию и бивачнымъ дымомъ, бѣжали
они въ припрыжку главнымъ путемъ, въ со-
вершенномъ безпорядкѣ, какъ овцы, преслѣ-
дуемая собаками. Не рѣдко панической спрахъ
нападалъ на сіе многочисленное стадо: бро-
дяги разсыпались на-право и на-лѣво, пере-
скакивали черезъ рвы и заборы, наводняли со-
бою поля и опхлынывали даже до рядовъ на-
шихъ. Но только что проходилъ ужасъ ихъ,
или миновалась опасность, они съ крикомъ:
«въ Маинсѣ! въ Маинсѣ!» опять отъ насъ
опдѣлялись, и, задыхаясь отъ успалости,
бродили кучами по дорогамъ до тѣхъ поръ,
пока пѣнь какого нибудь казака снова ихъ
не разсѣвала. И эпихи-то люди дрались хра-
бро подъ Люценомъ и Бауценомъ, покрыли
себя славою подъ Дрезденомъ! но тогда они
шли впередъ; а теперъ репирада, говоря

словами *Наполеона*, развратила ихъ; не было средствъ ихъ оспановить: по нимъ спрѣлиди, какъ по непріятелямъ,—они бѣжали все далѣе и далѣе.

Однажды, въ ясное утро, маршалъ *Удино*, желая примѣрнымъ наказаніемъ обуздать бродягъ сихъ, приказалъ схватить изъ нихъ человекъ десять, на удачу, кто попадется. Судъ надъ ними былъ очень коротокъ:

— Кто ты таковъ? —

« *Кашеваръ.* »

— Бездѣльникъ! гдѣ полкъ пвой? —

« Не знаю. »

— На колѣни. —

И его разспрѣляли.

Кашевары, изъ любовныяства, сомнѣніями сбѣжались поглядѣвъ на эпу экзекуцію. Одинъ изъ осужденныхъ такимъ образомъ, въ самую роковую минушу вдругъ вскакиваетъ съ колѣнъ, дѣлаетъ на лѣпу анпрша, вскрикиваетъ дикимъ голосомъ, подобно паяцу, бросается въ толпу зрителей-поваричей и скрывается въ оной. Ту-жъ минушу схвайываютъ въ толпѣ сей первого попавшагося, разспрѣливаютъ его вмѣсто бѣглеца,—и предсавленію конецъ; *Кашевары* освѣспываютъ оное, и пускаются въ свой путь.

Впрочемъ, они не всегда были кропки: эпо испымалъ на себѣ эскадронный командиръ *Россиньоль*. Сопровождаемый нѣсколькими офицерами, при выѣздѣ изъ деревеньки, близъ Гюнефельда, вздумалъ было онъ оспановить шайку эпихъ бродягъ, и обнаживъ саблю, сказалъ имъ:

— Подлецы! слава и честь. . . — Но онъ не успѣлъ окончить.

« Слава и честь погибли! » закричали они въ одинъ голосъ. « Къ чѣршу всѣхъ офицеровъ! »

И съ ругательствами и смѣхомъ спалили ихъ съ лошадей, и пошли прямо по нимъ.

Не лучше посмупали они и между собою. Падаль ли кто нибудъ изъ нихъ на дорогѣ олъ голода и усалоспи, шу-жъ минушу одинъ изъ поваричей векакивалъ ему на грудь, а другой спаскивалъ съ него сапоги

и плашь. Нещасный, чтобы не быть рѣшишельно раздавленнымъ, опползалъ по грязи нѣскольکو шаговъ и умиралъ у первого рва.

Но *Россиньоль* не погибъ такимъ образомъ. Остатки полка нашего, копорымъ онъ командовалъ, нашли его; перевязали ему раны и посадили его на лошадь. Съ тѣхъ поръ припадки меланхоліи не покидали *Россиньоля*, даже и тогда, когда приходило ему желаніе повеселиться. Съ явнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ онъ на желпые основы, копорыми, какъ валежникомъ, по обѣимъ споронамъ усплана была дорога, и надъ копорыми вились и каркали спай воронъ.

« Однакожь его нѣтъ между шрупами; » сказали мнѣ однажды *Россиньоль*.

— Кого эпо? — спросилъ я.

« Кого! » разумется *Дюманета*, нашего адскаго попа; » ошвѣчалъ онъ.

Дюманетъ былъ ни кто иной, какъ бѣднякъ, Кормандской семинаристъ, котораго министръ полиціи превратилъ въ улана. Въ Семинаріи написалъ онъ что-шо въ честь Папы, кажется какую-то глупую Латинскую оду, въ копорой назвалъ Пія VII-го regnatorem orbis: эпо не понравилось очень г-ну *Ровиго*, нынѣшнему Римскому князю, а тогдашнему бѣшеному республиканцу, — и поэта-церковника опсправили на покаяніе въ нашъ полкъ просто рядовымъ. Признался, тяжкое покаяніе! Не имѣя ни минушы покоя ошъ дерзкихъ шутокъ своихъ поваричей, осмѣиваемый, оскорбляемый самымъ послѣднимъ рекрупомъ, *Дюманетъ*, въ добавокъ ко всему этому, нашелъ еще непримираго себѣ гонителя въ эскадронномъ своемъ командирѣ *Россиньоль*. — Всѣ поваричи сего стараго пандура республики, произведеннаго въ шшабъ-офицеры за Жеманское еще сраженіе, попали въ короли или въ генералы; одинъ только онъ, по прежнему, оставался эскадроннымъ командиромъ. Вмѣсто чиновъ, давали ему леппочки и креспики: кавалеръ Почетнаго Легіона, Желзной короны и ордена Примиренія, онъ не сохранилъ ошъ прежняго своего республи-

капизма ничего, кромѣ серегъ *à la Détonner* и опивраженія къ духовенству. Одинъ Богъ знаетъ, сколько фухпелей опщипалъ онъ этому духовенству на плечахъ бѣднаго *Дюманета*, приговаривая всегда: «гадкій попъ! тебя не хопяшь повѣсить! Но я, я еще не проспиль тебѣ.» Обиды, побои, все переносилъ *Дюманетъ* съ христіанскимъ перпѣніемъ, и всегда исправно опправлялъ не только свою должность, даже обязанноспи другихъ. Подъ Лейпцигомъ никто изъ нашихъ храбрѣе его не дрался; но послѣ эшаго дѣла мы не видали его болѣе.

«Онъ опять явился,» повпорялъ *Россиньоль*, вѣдучи рысью на Русской лошади своей; «явился опять; коршунъ эпопъ вездѣ замной гонился.»

— Мершвые не возвращаются; а его вѣрно нѣпъ уже въ живыхъ,—опвѣчалъ я.

«Не вѣрю. Онъ возвратился на мое нещасіе... А посмотри, ежели эпо не онъ?» сказалъ *Россиньоль*.

Тупъ указалъ онъ мнѣ на пощій, голый человѣческой прупъ, исколотый пиками. Опъ попопа коней нашихъ прупъ эпопъ, казалось, ожилъ, и ползя вслѣдъ за нами на рукахъ, жалобно пицалъ: «кусокъ хлѣба, поварищи, Христа ради, кусокъ хлѣба!» Одинъ изъ уланъ нашихъ смаллся надъ нимъ, и—приспрѣлилъ его изъ карабина.

29-го Октябрия грѣлись мы вкругъ огня на бивакахъ подъ Шлючерномъ: *Россиньоль* былъ очень задумчивъ. По обыкновенію своему сидѣлъ онъ безъ мундира; писенная грудь его походила на полковой цейхгаузъ: на ней выколоты были солдапъ, подающій розу своей любовницѣ, военна армапура, шапка республиканская, и надъ всемъ эшимъ—орель. Сверхъ пого висѣлъ на ней на золотой цѣпи широкій медальонъ, на который *Россиньоль* поглядывалъ очень умильно. Эпо былъ портретъ дюжей женщины, дородная грудь которой, обвивая прехъ-цвѣпнымъ шарфомъ, доставала до самаго подбородка.

«Ахъ, *Юлія!* вскричалъ *Россиньоль*; какая эпо проклятая кампанія! мы лишились болѣе половины полка, орда своего, нашего

полковника; чѣрпъ знаетъ, чего не потеряли мы, и изволимъ еще безъ оглядки репироваться! а очень нужны вѣдъ эпи попы въ арміи?... Господа, что скажете вы объ эпой женщицѣ?... Я готовъ ужъ былъ на ней жениться. Она не разлучалась со мной во всю первую Ипаліанскую войну. По нещасію, подъ с. Домингомъ попала она съ обозомъ нашимъ въ плѣнь.»

— Ахъ, маѣръ!—сказалъ я: когда такая миленькая попадетъ въ плѣнь...—

«Да, мой другъ,» продолжалъ *Россиньоль*, подавая мнѣ медальонъ; «посмотри на эпи очаровательныя черпты, на эпи божеспвенныя прелести... И чтожь! все эпо досталось Неграмъ; а я между пѣмъ все въ одномъ и томъ же чинѣ, потому, что не умѣю попкапъ... Да что же за пальба еще въ эпой споронъ?»

— Не безпокойпесь, эпо нашихъ *кашевировъ* гопяпъ ружейными выспрѣлами: ихъ изволяпъ возвращапъ намъ господа казаки, либо измѣнники Баварцы, которые, какъ слышно, хопяпъ намъ опрѣзапъ дорогу.—

«Какъ, Баварцы хопяпъ опрѣзапъ намъ дорогу? Баварцы! о, эпо ужъ слишкомъ!»

И краска вспыхнула на лицѣ спараго солдата.

«Впрочемъ, продолжалъ онъ вздохнувши, съ пѣхъ поръ, какъ завелся у насъ эпопъ окаанный попъ, я всего ожидаю. Ты смѣешься? Выслушай же: много лѣпъ назадъ пому, когда Императоръ былъ еще субалтернъ-офицеромъ, а я уже капитаномъ, вступалъ я съ эскадрономъ въ Баль, въ Швейцаріи. На улицѣ вспрѣпился мнѣ попъ, и я машинально вопкнулъ въ него саблю. Быпъ можетъ, поступокъ мой несправедливъ, потому, что попъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, и даже не сказалъ ни слова; но въ эпо время энпузіазмъ... ты понимаешь меня? Короче сказать, я его убилъ; но бездѣльникъ, умирая, бросилъ на меня такой взглядъ, который, казалось, выговорилъ: «я опомщу тебѣ рано или поздно.» Съ эпой минулы, негодяй дѣйспвительно вездѣ меня прелѣдуепъ, и всегда предскажетъ какое нибудь

нещастіе. Я видѣлъ его въ Мадридѣ, во время возмущенія 2-го Мая; въ Ковнѣ, вечеромъ передъ спрашной грозою, и поспѣшъ же хотѣлъ доложить Императору, что это предвѣщаетъ для насъ дурной конецъ Русской кампаніи. Наконецъ, въ Дрезденѣ приводишь ты къ намъ парцію рекрупъ, и въ первомъ, попавшемся мнѣ на глаза человѣкѣ, я узнаю врага моего, зарѣзаннаго мною пона—*Дюманета*.»

Съ ужасомъ смопрѣлъ я на *Россиньоля*; казалось, онъ сошелъ съ ума.

— Какъ, маёръ! вы вѣрите... —

«Я не всему вѣрю; слѣдственно вовсе не суевѣренъ. Но ежели нужна мнѣ моя вакансія, то предсказываю, что она очень скоро очистишься; мнѣ ужъ не выдашь Франціи: спрашный попъ этому препятствуетъ.»

— Но когда вы его убили... —

«Вопъ онъ, говорю я тебѣ; онъ или его сынъ.»

Съ этими словами прубка выпала изъ рукъ оцѣпенѣвшаго *Россиньоля*.

— Что съ вами, маёръ? —

«Видишь: это онъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ огня, полуугасшаго отъ дождя, увидѣлъ я боязливо приближающагося *Дюманета*: голова его обвязана была окровавленнымъ плащкомъ. Бѣдняжка цѣлые десяти дни искалъ насъ, бродя по одинъ одинѣшенекъ, по съ *кашеварами*, которыхъ ошибкою принималъ за авангардъ. Не говоря ни слова, подалъ онъ спасенный имъ полковой орелъ, все еще блѣдному *Россиньолю*, который, прищворно принявъ на себя веселый видъ, хотя впрочемъ ему было вовсе не до смѣха, сказалъ:

«Ты намъ принесъ съ собою дождь, господишь попъ.»

Гордясь оспрымъ словцомъ своимъ, обернулся онъ ко мнѣ и сказалъ: «теперь ты видишь, что я не суевѣренъ.»

Взявъ орелъ и поцѣловавъ оный, чудакъ не взглянулъ даже на его спасителя.

«Спасибо, попъ; маршъ въ эскадронъ!»

Вопъ все полученное *Дюманетомъ* привѣдствіе. Онъ опошелъ прочь, не избавясь однакожь отъ лживельныхъ шутокъ своихъ поварищей, которыми путь же подарилъ карпузъ табаку, купленный имъ у нашихъ бродягъ. — На другой день пошелъ онъ съ нами подъ Ганау.

Войска генерала *Вреде* расположены были по рѣкѣ Кинпцигу, впереди города: правое крыло опиралось на Ламбойскій мостъ, а центръ находился между мостомъ и большою дорогою въ Гелигаузенъ, на которой поставлена была 60-ти пушечная батарея. И безъ неѣ легко было бы уничтожить нашихъ измученныхъ и ослабѣвшихъ духомъ солдатъ; но, по щастію, авангардъ нашъ ошибается дорогою и беретъ влѣво отъ пушки, ведущаго къ Ганау; главный корпусъ слѣдуетъ за нимъ, — и мы заходимъ во флангъ непріятелю; чего не было въ умѣ ни у Баварцевъ, ни у самихъ насъ. Какъ описать удивленіе передовыхъ нашихъ развѣздовъ, когда они, выйдя изъ Ламбойскаго лѣса, напкнулись на Баварцевъ, бывшихъ отъ нихъ не далѣе, какъ на выспрѣлъ! Какъ выразилъ изумленіе Баварцевъ, ждавшихъ насъ совсѣмъ съ прошивной стороны! Трудно вообразить весь безпорядокъ. Отъ крику и шуму было и спрашно и смѣшно. Мы думали, что на насъ напали; а *Вреде* думалъ, что ему зашли въ пылъ; и та и другая сторона почитали себя погибшею. Правда, *Наполеонъ* сдѣлалъ большую ошибку; но эта ошибка спасла армію. Артиллерія наша на два часа позади насъ, опрады наши разсыяны пачь и сямъ, Императоръ, безъ всякаго почпи конволя, на епископешный отъ непріятеля выспрѣлъ: и что-жь! все это генералу *Вреде* казалось не инымъ чѣмъ, какъ искуснымъ маневромъ. Такимъ образомъ, составленный имъ планъ сраженія ни къ чѣму уже не годился. Будучи принужденъ переменить всю свою диспозицію, онъ робѣетъ, рѣшительнo итеряется; между тѣмъ, какъ Императоръ одушевляетъ солдатъ своихъ слѣдующими словами: «друзья! передъ вами измѣнники, а за нами Франція.»

Въ эпопѣй день я видѣлъ чудеса: коногренадеровъ нашей старой гвардіи обратила въ бѣгство и взяла въ плѣнъ легкая Баварская кавалерія; а побѣдипельницу, въ ея очередь, расколошила наша почетная гвардія—посмѣшище арміи, рекрупсы на паршивыхъ, облезлыхъ клячахъ.

Напоследокъ непріятель, совершенно разспроенный, быспро опспунилъ за Кишцигъ.

Около прехъ часовъ уже споялъ *Россиньоль* съ остатками полка нашего у прикрытія батареи. Подъ вечеръ ядра, перелепавшіе до тѣхъ поръ черезъ насъ, начали попадать въ нашъ фронтъ и вырывать ряды; *Дюманетъ*, по обыкновенію, креспился, а *Россиньоль* поминушно ворчалъ:

«Ужъ эпопѣй попѣ! Кабы не онъ, ядра не били бы насъ!»

Дѣйспвишпелно градомъ сыпались они на горспѣ солдатъ нашихъ, которые спояли подъ ними неподвижно, не вынимая изъ ноженъ сабель, и долго выдерживали ихъ съ глупымъ самозабвеніемъ. Наконецъ, безпорядокъ проникъ въ слишкомъ сквозившіеся ряды наши. Тупъ *Россиньоль*, чпобы припворною веселостію ободрипѣ нѣсколько солдатъ, вскричалъ:

«Ну, господинъ попѣ, опбей эпоу гранату, летящую на насъ рикошетами: креспись, проворнѣ!»

Но *Дюманетъ* не успѣлъ перекреспиться: граната поразила уже его. Испуганная лошадь взвилась на дыбы; однакожь семинариспѣ сидѣлъ еще крѣико, не смопря на то, что, при всякомъ прыжкѣ лошади, раздробленная рука его развѣвалась какъ флютеръ на пикѣ. Безъ малѣйшей жалобы опсправилъ онъ въ походный гошпицаль, куда, вслѣдъ за нимъ, прибыли *Россиньоль*, и я, и многіе другіе. Смѣшно видѣнъ было, какъ аптекарскій ученикъ, надѣвшій лекарскій мундиръ для того только, чпобъ избавипѣсь опъ конскрипціи, суепишпся около кучи равенныхъ, и кричалъ: «я не могу опспрѣзывать ноги всѣмъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, кажется не зналъ онъ, какъ за эпо принятьсь. Подлѣ него сидѣлъ *Дюманетъ* на обломкѣ пороховаго ящика и перпѣливо ждалъ очереди своей, когда два улана принесли полумертваго *Россиньола*. Ту-жъ минушу успунилъ онъ ему свое мѣсто, (вѣжливостъ уже излишняя) и, опойдл немного, сѣлъ на краю оврага у опушки лѣса.

Долго осмапривалъ медикъ-скороспѣлка рану *Россиньола*, и наконецъ сказалъ:

— У васъ вырвана ляжка.—

«Куда какая новость, знаменитый докторъ! Проворнѣ перевязывай меня; а то, видишь, ядра такъ и гоняпся за нашимъ дьявольскимъ попомъ, и пожауй, чего добраго, опорвутъ мнѣ другую ногу.»

Въ самое эпо мгновение воздухъ свиснулъ мнѣ въ уши, и вдругъ, какъ будто бы что-то прокапилось мимо насъ по сухимъ листьямъ: голова *Дюманета* была у ногъ нашихъ.

«А чпю?» вскричалъ *Россиньоль*; оплпть онъ! вѣчно! Прочъ его... И такъ, смерти моей жаждешъ ты, люпый пигръ!»

Тупъ сдѣлалъ онъ усиліе привстать,—и упалъ ко мнѣ на руки.

— Кажетспя, я чупъ доспрогиваюсь до васъ,—сказалъ оерапторъ, съ котораго попѣ капилъ градомъ, продолжая перевязывать мертваго *Россиньола*.

Недалеко опспуда, подъ корнями огромнаго изувѣченнаго ядромъ дуба, *Россиньоль*, изъ уваженія къ штабъ-офицерскому его званію, вырыли могилу, въ которую умѣстился съ нимъ и *Дюманетъ*. Я слышалъ, какъ уланы, хоронившіе его, говорили между собою: «не командиръ былъ, а злодѣй! довольно помучилъ онъ насъ въ свою жпзнь. Дай, кинемъ на него пона: авось, лежа вмѣстѣ, они подружатся.»

Черезъ пятнадцатъ лѣпѣ послѣ эпоаго, пупешеспвуя по Германіи, вздумалось мнѣ посѣнитъ ихъ могилу. Я узналъ дряхлый дубъ, еѣ охраняющій: онъ не умеръ еще опъ ранъ своихъ, и на почернѣвшей корѣ

его все еще видѣнъ былъ вырванный саблею орелъ. Горестное чувство овладѣло мною. Невольно вспомнилъ я о несчастіяхъ, предшествовавшихъ сраженію подъ Ганау и злополучныхъ онаго послѣдствіяхъ; о Франціи, дважды склонявшей голову свою предъ казаками, и о знаменитомъ, за опдаленными морями заживо погребенномъ пиратѣ, загладившемъ грѣхи свои долговременными спрдаціями и другимъ гробомъ безъ почестей и слѣзъ. «Писмоленъ Баварца, сказалъ я самъ себѣ, могъ убить здѣсь *Наполеона*: тогда, по крайней мѣрѣ, мы похоронили бы его, и орелъ также бы указывалъ его могилу.»

Я ошибался: ему хорошо на островѣ св. Елены.

Обойдя поле сраженія, возвратился я къ дубу, чтобы въ послѣдній разъ проспириться съ прахомъ *Россиньоля* и *Дюманета*. Вокругъ дуба, съ шумнымъ веселіемъ, играли ребятишки. Они заспавляли цѣловаться и драпаться, подобно маріонеткамъ въ кукольной комедіи, двѣ вопкнувшія на палки мерзвыя человѣческія головы, изъ коихъ, казалось, одна смѣялась, а другая скрежетала зубами. Дѣти окопали ихъ нечаянно: увидя, что я долго сидѣлъ на этомъ мѣстѣ, они вообразили, что шутъ что нибудь спрячано, и начали рыться въ землѣ. — Старшій изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по Нѣмецки: «г. Англичанинъ! вопъ головы двухъ храбрыхъ *Наполеоновыхъ* солдатъ; не угодно ли купить?»

Давъ дѣтямъ нѣсколько копѣекъ, я просилъ ихъ положить головы на прежнее мѣсто, и они обѣщали мнѣ никогда уже впередъ не прогашъ бранныхъ оспанковъ моихъ сослуживцевъ. Но, благодаря новой промышленности, ихъ опять вырыли. Въ послѣднихъ Англійскихъ журналахъ напечатано: «въ Шотландію прибылъ грузъ съ собранными на равнинахъ Ганау и Лейпцига «копьями храбрыхъ воиновъ, которые пали «на оныхъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ «въ 1813 году. Изъ костей сихъ сдѣлана бу- «депъ вакса.»

Бѣдный *Россиньоля*! онъ сражался на Анпильскихъ островахъ, подъ Москвою, подъ

спѣнами Вѣны и Мадрида: и для чего? Что приобрѣлъ онъ, выдержавъ сонно сраженій? Ни пяди земли въ уголкѣ Германіи, ни золотника даже славы, ибо кто другой, кроме меня, знаетъ теперь имя *Россиньоля*? — Покоритель Басиліи, безспрашно бившійся на поляхъ Маренго и Авсперлица, на равнинѣ Бородинской, на высотахъ Бауцена! пвоими перевареными и въ пылъ исперпыми костями будупъ чиспипъ сапоги Эдимбургскимъ и Гласговскимъ данди! За чѣмъ не приспалъ пы къ кашеварамъ?

Силовъ.

К О Ё - Ч Т О .

Гнѣвъ желалъ бы, чтобы весь родъ человѣческій имѣлъ одну голову: ему бы легче было сорвать её.

Любовь хопѣла бы, чтобы у всѣхъ людей было одно сердце; печаль — два слезные источникъ; а горестъ — два согнувшія колѣна.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОИМЪ СТИХАМЪ.

Въ моихъ стихахъ не блещетъ геній;

Въ нихъ только сердца теплота,

Да очеркъ милыхъ сповидній,

Да чувствъ душевныхъ простота.

Въ нихъ не найши вамъ вдохновенья,

Не новизны, ни оспрыхъ словъ,

Ни сладкихъ звуковъ пѣснопѣня,

Ни «философінъ слѣдовъ!

Въ нихъ просто бредъ души веселой,

Воспоминанье о быломъ;

Да вздоръ и грусть изъ жизни новой —

Моимъ проказили перомъ.

Вопъ все, друзья, что въ нихъ найдете,

Что Муза въ даръ вамъ принесла.

Лишь вы одни её поймете,

Однимъ лишь вамъ она мила!

И пакъ, вопъ цѣлую шепрадку
Я шлю къ вамъ съ Невскихъ береговъ
За пѣмъ, друзья, чѣобы загадку
Рышгли вы моихъ спеховъ:
Писашъ ли ихъ? или въ опшавку
Скорѣй просишься у боговъ?—

Петръ Никифоровъ.

К Ъ З В Ъ З Д Ъ.

Звѣзда любви, блестящее свѣпило!
Ты все горишь во пѣмъ ночной!
Но гдѣ же ночи пѣ, когда пы выходило
Съ надеждой для меня надъ плачущей землѣй?
Ихъ нѣтъ! Одно воспоминаье
Осталось мнѣ въ замѣнъ любви!
И спрастное пвое сѣянье,
Глаза опъ слѣзъ пошухиѣ мои,
Едва выносяпъ въ ночи пѣмной—
Такъ, какъ упрекъ въ винѣ нескромной!
Я жду: когда взойдешъ звѣзда?
Но жду звѣзду безъ упованья!
Мечшаю: будешъ ли свиданье?
И пробуждаюся съ опвѣпомъ: *никогда!*
А пы горишь моя звѣзда,
Звѣзда любви, блестящее свѣпило?
О, лучше-бъ пы не выходило
Надъ плачущей землею никогда!

Н. Стасюловъ.

LE SYLPHÉ.

Je suis un sylphe, une ombre, un rien, un rêve,
Hôte de l'air, esprit mystérieux
Léger parfum que le zéphyr enlève,
Anneau vivant qui joint l'homme et les dieux.

De mon corps pur les rayons diaphanes
Flottent mêlés à la vapeur du soir;
Mais je me cache aux regards des profanes,
Et l'âme seule en songe peut me voir.

Rasant du lac la nappe étincelante,
D'un vol léger j'effleure les roseaux:
Et, balancé sur mon aile brillante,
J'aime à me voir dans le cristal des eaux.

Dans vos jardins quelquefois je voltige;
Et, m'enivrant de suaves odeurs,
Sans que mon pied fasse incliner leur tige,
Je me suspends au calice des fleurs.

Dans vos foyers j'entre avec confiance;
Et, récréant son œil clos à demi,
J'aime à verser des songes d'innocence
Sur le front pur d'un enfant endormi.

Lorsque sur vous la nuit jette son voile,
Je glisse aux cieux comme un long filet d'or,
Et les mortels disent: «C'est une étoile,
Qui d'un ami vous présage la mort.»

Alexandre Dumas.

LOGOGRIPHE.

Attention, lecteur, point d'emphase au début;
Je parle sans détour et marche droit au but.
Sur mes six pieds, aux grands cœurs je suis chère;
On me gagne, on me perd; en mer je suis brigand.
Sur cinq, je suis faible ou puissant,
Ou je nourris le chat reconnaissant;
La chose est, je crois, assez claire.
Poursuivons mon démembrément:
Toujours sur cinq, j'indique et je rassemble
Deux objets, quels qu'ils soient, marchant toujours
ensemble.

Je fais surtout ou l'espoir ou l'effroi
De l'animal qu'on poursuit à la chasse.
Sur quatre pieds, chacun voudrait de moi
Dans un butin. Sur trois, j'occupe tout l'espace;
Je suis une voleuse, et l'objet plein d'attraits
Pour Apollon ou pour Cérès;
Enfin certaine bête, à la course légère,
Qui fut l'objet des chants de l'immortel Homère.

Въ No 45, помѣщенный омонимъ значить: *Орелъ.*

MODES.

Les ruches se voient en grand nombre aux chapeaux
demi-habillés; elles se placent sur toutes les étoffes,
même sur la paille. Une charmante capote venant des
magasins de Mlle Coulier, rue du Bac, était en natte
indienne, couleur paille, très-grande de passe, ovale

évasée; l'intérieur était doublé de crêpe; le nœud très-simple était en ruban grenadine zébré, paille sur paille; autour il y avait une ruche très-fournie, et dessous un petit bonnet figuré, en blonde, était noué par des brides semblables au chapeau.

Les ruches sont bien autour des capotes de crêpe ou de gros de Naples.

Une des plus jolies capotes de crêpe que nous ayons vues depuis la saison, vient des magasins de Mme Lapetit, rue Grange-Batelière; elle était en crêpe rose, doublée de gros de Naples d'un rose plus vif; la forme évasée découvrait le front sur lequel reposait une traverse de ruban rose qui soutenait la blonde figurant le bonnet; sur la forme était placé un petit fichu de crêpe doublé, et bordé d'une petite blonde, venant s'arrêter aux oreilles. — Point d'autres rubans qu'un nœud placé derrière, un peu de côté, sous le bavolet, et un seul ruban pour les brides qui tournaient autour d'une magnifique rose mousseuse. Ce ruban en gaze grenadinemate était broché en soie mate, à carreaux écossais, rose sur rose.

Un autre à passe arrondie, la forme un peu renversée, était en pou de soie bleu glacé de bleu pâle; d'un nœud de ruban très-délicat en rosette simple, sortaient deux branches de campanules pyramidales; les brides intérieures garnies de blonde; sur le front était une traverse de ruban posée de biais, au-dessus de laquelle était une ruche de blonde qui allait joindre une rosette.

Une branche de fleurs avec un ruban sans nœud est aussi simple sur une capote de paille que des nœuds de ruban. La fleur se pose en biais, et les brides tournent autour sans le moindre ornement.

Les capotes de paille à jour ne se porteront pas du tout cette année.

De jolies capotes d'enfants sont en paille anglaise, avec des rubans de taffetas, ou des capotes à coulisses en gros de Naples glacé.

Pl. No 16. Modes en vogue à Paris le 12 Juin n. st.

М О Д Ы.

Рюшей видно очень много на полу-нарядных шляпках; их кладут на всякия материи, даже на соломенные шляпки. Прелестный капот из

магазина дѣвцы Coulier, въ улицѣ *Vac*, изъ *natte indienne*, соломеннаго цвѣта; поле весьма большое, овальное открытое; снизу подложено крепомъ; бантъ весьма простой изъ гrenaдиновой ленты *zébré*, соломеннаго цвѣта съ соломеннымъ; вокругъ гуспой рюшь, а снизу маленькой блондовый чепчикъ, завязанъ такими же лентами, какъ на шляпѣ.

Рюши очень приличны около креповыхъ и гроденаплевыхъ капотовъ.

Одинъ изъ красивѣйшихъ капотовъ, какой мы видѣли въ продолженіи нынѣшняго времени года, былъ дѣланъ въ магазинѣ Г-жи *Lepetit*, въ улицѣ *Grange-Batelière*; онъ былъ изъ розоваго крѣпа, подложенъ яркимъ розовымъ гроденаплемъ; разширенное поле открывало лобъ, на которомъ лежала лента, поддерживающая блонду, составлявшую чепчикъ; на тульѣ была косыночка креповая на подкладкѣ, обширная узенькой блондою, продолжавшаяся до ушей. — Никакихъ лентъ, кромѣ банта сзади, припшпленного немного на спору по дѣволетомъ, и одна лента для завязокъ, которая прихватывала пышную мохъ-розу. Лента сія изъ гrenaдиноваго маповаго газа, зашкана была маповымъ шелкомъ, Шотландскими клешками, розовымъ по розовому.

Другой капотъ съ округленнымъ полемъ; тулья немного опрокинута; изъ *rou de soie* двуличневаго голубаго съ блѣдно-голубымъ; изъ весьма легкаго банта изъ лентъ, простою розеткою, выпущены были двѣ вѣлки *campanules pyramidales*; внутреннія завязки обширны блондою; надъ лбомъ поперечная лента, подложенная вкось, сверхъ ея положенъ былъ рюшь, оканчивающійся у розетки.

Вѣлка цвѣтовъ съ лентою безъ банта, также просто на соломенномъ капотѣ, какъ банты изъ лентъ. Цвѣтокъ кладется вкось, и завязки обернуты около безъ всякаго украшенія.

Капотовъ изъ прозрачной соломки совсѣмъ не будутъ носить нынѣшній годъ.

Красивыя дѣвскіе капоты дѣлаются изъ Англійской соломки, съ тафляными лентами, или двуличневые гроденаплевые на сборкахъ.

Карп. No 16. Въ последнемъ листкѣ нашемъ, при которомъ роздана карпичка, надлежало сказать: головные уборы, шкп, шляпки, чепцы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 45.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 7 дня, 1833 года.

Войти безмертвѣ въ храмъ надежной онъ ласкался:
Пошелъ—и съ голоду дорогою скончался.

Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОСТОВЪ И ТЮРЕМ- НЫЙ КЛЮЧЬ.

*Каролина Пихлеръ къ Барону Фридриху
де-ла-Мотъ - Фуке.*

Ваши *Берлинскіе листки*, баронъ, доставили мнѣ много незабвенныхъ часовъ своимъ разнообразнымъ, по важнымъ, по веселымъ, по поучительнымъ содержаніемъ, и въ особенноти одна небольшая повѣсть сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе: ибо она оживила во мнѣ воспоминаніе объ одномъ удивительномъ происшествіи, которое случилось въ моей молодости, и описаніе коего при семъ вамъ посылаю, съ покорнѣйшею просьбою, удостоить его мѣстечка въ вашемъ изданіи.

Въ молодости моей, почти до самаго моего замужства, жила въ нашемъ домѣ родная тѣпка, пожилая дѣвица, которая по старости лѣтъ и по причинѣ тѣлесныхъ недуговъ, мало участвуя въ нашемъ домашнемъ кругу, вмѣстѣ съ двумя ими пріятельницами, такими же, какъ она, пожилыми дѣвицами, проводила время въ рукодѣльяхъ, чтеніи и воспоминаніяхъ юности. Тѣпка

сія въ молодости своей не получила, что называется, отличнаго воспитанія, ибо молодость ея принадлежала первой половинѣ 18-го столѣтія, въ которой дѣвицы, не только средняго состоянія, но нерѣдко и высшихъ классовъ, обыкновенно были наставляемы только въ хозяйствѣ и рукодѣльяхъ, такъ что большая часть ихъ во всю жизнь не читала другой книги, кромѣ молитвенника и повареннаго искусства. Впрочемъ, тѣпущка *Елисавета* читала хорошо, читала много и писала совсѣмъ не дурно; у неѣ, какъ-то попаенно опъ насъ, открылась поэтическая жила, въ слѣдствіе чего она — разумѣется впайнѣ — сочинила нѣсколько трагедій, совершенно во вкусъ тогдашняго времени, высокопарными Александрійскими стихами. Объ этомъ она никому не говорила ни слова, и не прежде, какъ я уже пришла въ зрѣлый возрастъ и нѣкоторыя изъ моихъ пѣсенъ были напечатаны, она сообщила племянницѣ, столь близкой ей родственницѣ и по Музамъ, нѣсколько отрывковъ изъ сихъ драматическихъ сочиненій. Я въ то время конечно была еще молоденькая, неопытная дѣвушка, на сужденіе коей нельзя было много положиться; однакожь

мнѣ много понравилось въ сихъ пьесахъ, и, сколько теперь могу припомнить, то нѣкоторыя мѣста были написаны съ чувствомъ, нѣкоторыя картины отличались свѣжестью красокъ, а въ особеннѣйши завязка и развязка были весьма не дурны.

Припомъ же эпа пѣшка рассказывала очень пріятно, и потому самому рассказывала охотно, такъ что мы, уже вышедъ изъ дѣтскаго возраста, и даже многіе изъ пожилыхъ людей, входяхъ въ нашъ домъ, съ удовольствіемъ внимали ея занимательнымъ рассказамъ о самыхъ обыкновенныхъ происшествіяхъ. Поле, на которомъ болѣе всего любилъ рыскать ея фантазія, принадлежало къ области чудесъ, таинственности, сновидній, предчувствій и неизъяснимыхъ происшествій. Тогда еще не жили въ такомъ вѣкѣ *Вирги*, какъ теперь, тогда хотѣли *созерцать*, во всемъ удостовериться, и все по, него не могли постигнуть пяпью чувствами, или доказать, какъ ариѳметическую задачу, велемудрые люди того времени безъ околичностей започали въ царство грезъ, или выдавали за суевѣріе, за предразсудокъ. Посему не мудрено, что моя добрая пѣтушка только весьма немногимъ рассказывала свои маленькія исторіи, коимъ служили основою отчасти преданія, отчасти истинныя, съ нею самою случившіяся происшествія. Разумѣется, что къ сямъ немногимъ принадлежали племянникъ и племянница, которые оба, въ особеннѣйши я, жадно внимали словамъ ея, когда она рассказывала намъ свои пророческіе сны, или какія нибудь спрашныя повѣсти. Сколько уже разъ ни слышали эти исторіи, мы всегда внимали имъ съ одинакимъ удовольствіемъ. Часто и долго еще послѣ смерти сей доброй родственницы, я съ умиленіемъ вспоминала ея и ея прелестныя рассказы, изъ коихъ въ послѣдствіи даже заимствовала я нѣкоторыя черты для моихъ сочиненій, какъ напр. для повѣстей: *Замокъ Виршицъ и Монастырь Пиркией*.

Одинъ сонъ, который, какъ она утверждала, ей самой приснился, кажется мнѣ весьма удивительнымъ.

Тѣтушка *Елисавета* въ молодости своей каждое лѣто госпила по нѣскольку недѣль у фамилии, издавна соединенной съ нашимъ семействомъ узамъ искреннѣйшей пріязни и владѣвшей по близости столицы богатымъ помѣстьемъ. Замокъ, въ которомъ жила сія фамилія, и который еще слабо помню изъ младенчества, потому что и родители мои иногда по нѣскольку дней госпили тамъ со мною, весь построенъ былъ въ стилѣ прежнихъ вѣковъ, но есль снабженъ огромными сводами, глубокимъ ровомъ и подѣмнымъ мостомъ. Въ свое время дослательно защищенный противъ непріятельскаго нападенія, онъ хотя и споялъ на равнинѣ, но со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ частымъ лѣсомъ, и для пѣтушки имѣлъ особенную прелесть по его романтическому положенію, по преданіямъ и повѣрьямъ, которые о немъ носились въ окрестностяхъ. Сіи сказанія пріобрѣли еще болѣе вѣроятности тѣмъ, что работники, при починкѣ замка, однажды наткнулись на подземелье, въ которомъ найдено множество древняго оружія и старинной утвари, и наконецъ открыто, что одинъ изъ столповъ, поддерживающихъ замокъ, пущь, и ведетъ въ подземельные проходы, чрезъ которые, въ случаѣ взятія замка приступомъ, жители могли спастись бѣгствомъ.—Сіе неожиданное открытіе возбудило въ высокой степени любопытство моей пѣтки и вообще всей молодѣжи; жившей въ замкѣ; всѣми овладѣла спрасная охота изслѣдовать древнее подземелье. Но всѣ ихъ покушенія, что либо предприняты, рушились отъ причудливаго упрямства помѣщика, который и слышать не хотѣлъ о подобныхъ розыскахъ въ своемъ замкѣ, изъ опасенія, что въ сосѣдствѣ назовутъ его кладокпашелемъ, и что смраднѣйшій воздухъ, столько лѣтъ запершій въ подземныхъ пространствахъ, можетъ сдѣлаться смертоноснымъ для тѣхъ, которые слишкомъ далеко зайдутъ въ подземелье.

Однажды сдѣлалась прещина въ одномъ изъ внѣшнихъ проспектовъ, и потому послали за каменщиками, чтобы починить его. Семейство, въ томъ числѣ и моя тѣтушка, только что сѣло за столъ, какъ вошелъ

егерь, и съ большою важностью донесъ, что каменщики, работая у проспекта, при взрытии земли нашли человеческій остовъ, и просящъ господъ, не угодно ли осмотрѣть эту спранныю находку.—Всѣ кинулись на дворъ, гдѣ, къ общему удивленію, дѣйствительно увидѣли совершенно уцѣлѣвшій человеческій остовъ, который лежалъ не глубоко въ землѣ въ горизонтальномъ положеніи. По видимому, это былъ человѣкъ еще молодой, крѣпкаго сложенія и высокаго роста ибо скелетъ сей имѣлъ въ длину шесть фузовъ съ небольшимъ. Онъ лежалъ на спинѣ, какъ будто распятый, потому что распроспертыя руки его большими гвоздями пригвождены были къ землѣ. Въ одномъ плечѣ порчала спрѣла, древко коей казалось еще совершенно уцѣлѣвшимъ; подобная спрѣла находилась въ черепѣ. Оба ряда прекрасныхъ зубовъ сохранились въ цѣлости; колѣна были нѣсколько согнуты, вѣроятно отъ боли, покуда смерть не положила конца его спрданіямъ. Пораженные, изумленные симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, сначала всѣ съ безмолвнымъ участіемъ разсматривали останки погибшаго, потомъ слышались разныя догадки о времени и участи несчастнаго.

Тѣтушка моя, наклонясь, попыталась выпощипъ за древко спрѣлу изъ кости, въ которую она глубоко вонзилась, но сіе древко, равно какъ и другое, при первомъ прикосновеніи распалось въ прахъ, и сія чрезвычайная ветхость, равно какъ и родъ оружія (спрѣла и лукъ) свидѣтельствовали о значительной древности: ибо смерть сего человѣка, по всей вѣроятности, относилась къ тѣмъ временамъ, въ которыхъ еще не изобрѣтено было огнестрѣльное оружіе. Наконецъ, помѣщикъ приказалъ собрать сіи человеческіе и вѣроятно Христіанскіе останки, и схоронить на кладбищѣ. Но этому воспротивилось суевѣріе работниковъ.—Они утверждали, что остовъ поддерживалъ проспектъ, который непременно обрушится, какъ скоро перенесутъ кости на другое мѣсто. Сей грубый предразсудокъ одержалъ верхъ, не смотря ни на какія возраженія: каменщики принялись инструментами свои-

ми разбивать остовъ, чтобы зарыть его поглубже подъ проспектомъ. Тѣтушка моя съ прудомъ выпросила себѣ обѣ челюсти съ прекрасно-уцѣлѣвшими зубами и тѣ кости, которыхъ поражены были остриями спрѣлы.

Душевно разспроенная участливостью сего происшествія и мучительною кончиною незнакомца, которая, хотя съ того времени вѣроятно протекли столѣтія, въ эту минуту живо представилась ей воображенію, тѣтушка *Елисавета* удалилась съ своею драгоценною находкою, тщательно спрятала её въ комодъ, и нѣрѣдко послѣ того погружалась въ думы о спрванной, плачевной участи погибшаго.

Нѣсколько дней спустя ей пришло на умъ, что она нѣкоторымъ образомъ можетъ пощипъ надгробнымъ памятникомъ его останки, хотя и отказали имъ въ дѣйствительномъ Христіанскомъ погребеніи. Она выписала изъ Вѣны нѣсколько листовъ картонной бумаги, и весьма искусно склеивъ изъ папки маленькій красивый саркофагъ, положила въ него останки пайденыша, а приходскій священникъ по просьбѣ ея сочинилъ надгробную надпись, въ которой было означено, когда и при какихъ обстоятельствахъ найденъ остовъ. Послѣ сего она поставила сей памятникъ въ оружейной залѣ замка, какъ будто въ фамильномъ склепѣ.

Въ вечеру того же самаго дня, въ которое происходило сіе поржественное погребеніе, она въ обыкновенное время удалась въ свою спальню, и сама замкнула дверь, которая изъ ея комнаты вела въ переднюю, гдѣ спала горничная.

Въ ночи она, какъ ей показалось, пробуждена была тѣмъ, что отворилась эта дверь, и найденный остовъ вошелъ къ ней въ комнату. Тѣтушка, разумѣется, сильно перепугалась, хотя только во снѣ, когда сей страшный посѣпитель приблизился къ ея постелѣ, и сказалъ ласковымъ голосомъ:

«Ты меня схоронила. Благодарю тебѣ. Я называюсь—(имя его тѣтушка вѣроятно въ испугъ позабыла или не разслышала; но много лѣтъ спустя, она все еще утверждала, что оно было извѣстно ей изъ Германской исторіи). Приходи завтра поупру, на

зарѣ, въ ту часпъ сада, въ которой содер-
жался фазаны: памъ я награжу шебя за
пвое челоувколюбіе.»

При сихъ словахъ видѣніе исчезло. Вско-
рѣ послѣ сего, раннимъ упромъ (разумѣет-
ся во снѣ), тѣпушка увидѣла себя въ спо-
ловой залѣ, примыкавшей къ той споронѣ
парка, въ которой содержались фазаны.
Тупъ она сошла съ деревенскимъ священ-
никомъ, который спросилъ её, куда она
идетъ пакъ рано? Тѣпушка рассказала ему,
кто пригласилъ её на свиданіе. Паперъ ужа-
снулся: «и вы приняли приглашеніе духа?»
спросилъ онъ, и когда тѣпушка объявила,
что она твердо на то рѣшилась, то онъ
посоветовалъ ей оградить себя по крайней
мѣрѣ чѣмъ нибудь священнымъ.—(Не забудь-
те, что это происходило лѣтъ семьдесятъ
тому назадъ, и что тогда въ Католиче-
скихъ земляхъ всякой носилъ на себѣ какую
нибудь священную вещьцу, мощи, чепки и
п. п.)—Тѣпушка пошарила въ карманахъ,
но казалось, что она позабыла взять съ со-
бою образъ Богородицы, который обыкновен-
но на себѣ носила. Паперъ надѣлъ на неѣ
чепки, и благословивъ её, распался съ нею.—
Вошедши въ паркъ, она вскорѣ увидѣла свое-
го таинственнаго вожапаго, который уже
ждалъ её у группы деревьевъ, осынявшихъ
небольшую поляну.— «Весьма похвально,
что ты пришла,» сказалъ онъ: «прикажи
въ этомъ мѣспѣ взрыть землю на сполько-
то фузовъ; (онъ назвалъ ей число); что
пупъ зарыто, то было причиною моей
смерти.»—При сихъ словахъ сновидѣніе ис-
чезло и—тѣпушка проснулась.

Первое, что ей бросилось въ глаза, была
наспежъ распворенная дверь, которую,
она очень хорошо помнила, за собою замк-
нула, прежде чѣмъ легла спать. Она неволь-
но вздрогнула, вспала, поспѣшно одѣлась, и
пошла въ залу, гдѣ обыкновенно все семей-
ство завпракало. У самыхъ дверей залы она
встрѣтилась съ паперомъ, котораго прежде
никогда не видала пакъ рано въ замкѣ. Она
въ испугѣ схватила за карманъ, но не
было въ немъ образочка, который всегда
на себѣ носила. Сей удивительный случай
привелъ её въ крайнее замѣшательство, ко-

порое ясно изобразилось на ея лицѣ, и по-
тому было замѣчено всѣмъ семействомъ. Съ
искреннимъ, заботливымъ участіемъ всѣ при-
ступили къ ней съ вопросами о ея здоровьѣ;
она рассказала имъ свой пророческій сонъ,
и пупъ же карандашемъ набросила на бу-
магу легкое изображеніе той группы де-
ревьевъ, которую она видѣла во снѣ, и подъ
которою будто бы зарытъ вышепомянутый
доспопримѣчательный предметъ. Всѣ были
изумлены симъ рассказомъ; нѣкоторые по-
шли съ тѣпкою въ паркъ, гдѣ, послѣ долга-
го исканія, наконецъ дѣйствительно нашли
оную группу деревьевъ.— Но этимъ кончи-
лось сіе происшествіе.— Не смотря на сіе
удивительное спеченіе обстоятельство, не
смотря на просьбы молодѣжи, не смотря
даже на предложеніе почтеннаго папера,
который вызвался, съ помощію брата свое-
го, на время къ нему прѣхавшаго, со все-
возможною оспорожноспью отрыть землю
подъ означенною группою деревьевъ, помѣ-
щикъ ни подъ какимъ видомъ на то не со-
гласился, и спрожайше запрепилъ предпри-
нимать подобныя розыски въ его владѣ-
ніяхъ.— Тонъ, которымъ онъ изьявлялъ сіе
упорство, доспапочно увѣрилъ тѣпушку
Елисавету и другихъ домашнихъ, что на-
добно опказаться опъ сего предпріяпія,
если не хотѣли до крайности раздражить
владѣтеля замка, который впрочемъ былъ
предобрый и предпочтенный челоувкъ. Слѣд-
ственно *то, что было причиною насильствен-
ной смерти нещастнаго*, осталось тайною.

Нѣсколько времени спустя, когда тѣпуш-
ка опять госпила въ замкѣ, ей снилось од-
нажды, будто кто-то шепнулъ ей на ухо,
что въ одномъ изъ погребовъ замка, въ опи-
санномъ ей мѣспѣ, задѣланъ въ спѣнѣ же-
лѣзный сундукъ, въ которомъ хранятся ог-
ромныя сокровища, и что ключъ опъ она-
го она пакже найдетъ въ ошверспій, сооб-
щающемъ сему погребу свѣтъ и воздухъ.
Тѣпушка, рассказавъ на другой день свой
сонъ помѣщику, получила опъ него позво-
леніе взять съ собою въ погребъ управи-
теля, челоувка разсудительнаго, который
на ту пору случился въ замкѣ, и посмот-
рѣвъ, можно ли разламывать эту часпъ

спѣны, не причиняя вреда цѣлому зданію. Они оправились; управитель ни слова не зналъ про пѣтушкинъ сонъ; ему только приказано было взять съ собою фонарь и лѣспницу, и проводить пѣтушку въ погребъ. Спустившись, она поспѣшь узнала то мѣсто, которое она видѣла во снѣ, и въ кошоромъ будто бы хранился желѣзный сундукъ. Она камнемъ ударила въ спѣну, въ ней опозвалось пустошю. Потомъ она попросила управителя, чтобы онъ по лѣспницѣ взошелъ къ погребному окошечку и посмотрѣлъ бы, не найдетъ ли памъ чего нибудь.— Помилуйте, сударыня! возразилъ управитель: чему памъ бытъ, кромѣ пыли и паушины.— Однакожъ онъ взлѣзъ, поширилъ межъ паушинъ и наконецъ воскликнулъ:—«что за чудо! вопъ шупъ я нашелъ старый ключъ; какъ онъ сюда попалъ?» Изумленная пѣтушка съ нѣкоторымъ поржеспвомъ приняла изъ рукъ его сей ключъ, и поспѣшно побѣжала обратно въ замкъ, чтобы показать помѣщику шаинспвенную находку. На сей разъ онъ былъ сговорчивѣе, вѣрояпно по той причинѣ, что шемнопа и скрыпность погреба освободили его опъ опасенія, что предпріяшіе сіе сдѣлаются гласнымъ. И шакъ, взявъ съ собою надлежащія орудія, пошли въ подземелье; но и шупъ открылось весьма важное запрудненіе. Спѣна, которую надобно было разламывать, чтобы добраться до вышепомянушаго заспѣнка, служила основаніемъ капшпальнымъ сводамъ нижняго яруса. Тупъ нельзя было сдѣлать никакого возраженія прошивъ опказа помѣщика: ибо старый замкъ во многихъ мѣспахъ былъ уже шакъ венхъ, что при сломкѣ сей спѣны легко могла бы обрушиться большая часть зданія.— Указаніе сна, найденный ключъ,—опложены были въ спорону. Все оспалось въ замкѣ по прежнему, и шѣпка моя, вмѣстѣ съ прочими жшпелями замка, и на сей разъ принуждена была опказаться опъ удовлетворенія весьма основательнаго любошпшства.

Такимъ образомъ кончилисъ оба сіи спранныя происшествія, воспоминаніе о коихъ живо возобновилось во мнѣ при чтеніи од-

ной повѣсти въ вашемъ періодическомъ изданіи. Съ того времени пропекло много лѣтъ: замкъ нѣсколько разъ перемѣнялъ своихъ владѣльцевъ; пѣтушка моя болѣе прищипи лѣтъ уже покоилса въ могилѣ; но не смотря на то, я ласкаюсь надеждою, что чшпатели вашего журнала благосклонно примутъ сей крапкій рассказъ.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С М Е Р Т Ъ Ф И Г Н Е Р А.

Опытъ народной поэзіи.

I.

Ужъ солнце скрылось за лѣса.
Пойдемъ и сядемъ здѣсь, любезный .....*свишь!*
Ты закрупи свои два длинные уса!
И пы, какъ сказочный Иванъ-царевичъ,
Слыхалъ, видалъ большія чудеса!...
Но я одинъ, и вижу какъ въ каршинѣ
Живой, каршинный пвой рассказъ,
Какъ бились вы на смерть надъ Эльбой на плошпшѣ,
Гдѣ *Фигнеръ*-паршпзанъ, какъ молнія, угасъ...
О, *Фигнеръ* былъ великій воинъ
И не простой... онъ былъ колдунъ!...
При немъ Французъ былъ вѣчно безпокоенъ...
Какъ невидимка, какъ лепунъ,
Вездѣ неузнанный лазупчикъ,
То вдругъ Французамъ онъ попушчикъ,
То госпъ у шихъ: какъ Нѣмецъ, какъ Полякъ,
Онъ ѣдешъ вечеромъ къ Французамъ на бивакъ,
И въ каршы козыряешъ съ ними,
Поѣшь и пьѣшь..... и распросшлся онъ
Какъ будто съ братьями роднымъ.....
Но успалыхъ въ пиру еще обдержипшъ сонъ,
А онъ, шшшкомъ, съ своей командой зоркой,
Прокравшисъ изъ лѣса подъ горкой,
Какъ шупъ!... «Пардонъ!» Имъ нѣтъ пардона;
И не испрашивъ ни папрона,
Берешъ двѣ прешш экадрона....
И вопъ оплшъ на мѣспѣ спалъ,
Какъ будто и не онъ!.....

II.

Онъ широко шагаль!
И часто, послѣ шибкой драки,
Его лешучіе биваки
Сіяли гдѣ шибудь въ глуши:
Въ болошѣ шопкомъ, въ чащѣ лѣса,
На гребнѣ дикаго ушеса.....
И вопъ *Орловскій* самъ картину съ нихъ пиши!
Храпяшъ у коновязи кони,
Звѣняшъ надъ кормомъ удила:
«Никто не смѣй снимашъ сѣдла!
«Кругомъ Французъ!... Мы шупъ какъ рыба въ шонѣ;
«Дремли безъ сна и будь гошовъ!»
Такъ онъ приказываль.... И, лежа вкругъ копловъ,
Куряшъ табакъ усашые гусары
И зорко вдаль глядишъ казакъ.....
И онъ своимъ рассказываетъ такъ:
«Я бился съ Туркомъ; мнѣ знакомы Янычары;
Тогда служилъ я съ пушкою пѣшкомъ.
«Гошovy лѣспницы!» сказалъ *Каменской*.
А было то подъ грознымъ Руцукомъ:
«Но ровъ не вымѣряшъ... Тушъ съ хипроспѣю женской
Потребно мужество... И кто изъ удалцовъ
Украдкой проползель и вымѣряель ровъ?»
Онъ все сказалъ. И я пуспился.....
Темнѣло въ полѣ и въ садахъ,
Мулы сзывали на молишву,
И Турки, говоря про бившу,
Табакъ курили на валахъ...
Фипиль надъ пушкою дымился,
Дремаль усалый часовой...
Я подошелъ..... перекрестился.....
И *лотъ*, на сурь, въсовой
Тихонько съ берега скапился.....
Я вымѣрилъ, и возвратился.
И храбрый Русскій генераль
Спасибо Русское за подвигъ мѣтъ сказалъ,
И я въ душѣ ношу спасибо это.
Хозяинъ мудрый править свѣтомъ:
Товарищи, нашъ Богъ великъ!
Онъ опъ погибели спасаетъ немилучей.»
Такъ онъ рассказываль... и красный лучъ зари
Уже проглядываль вдали за синей шучей...

Тогда въ Саксоніи вели войну Цари,
И прошивъ ихъ Наполеонъ могучій,
Какъ шемная гроза, надъ Эльбою споляль,
И въ перемиріе онъ бившвы замышляль....

.....
.....

III.

..... Чу, кто шамъ проскакаль
Близъ городка красиваго *Дессау*?
Конечно къ *Верлицу*? Да, Верлицъ садъ на славу!
Я самъ въ немъ былъ и онъ меня плѣнялъ...
«Смошрише, и не пьянь, а по колено море:
«Вопъ Паршизанъ прямой! Въ груди заслышавъ горе,
«Въ веселый садъ онъ мчипся погуляшъ!
«А можель и не въ садъ... Какъ знашь?
«Ужъ перемирію конецъ... опять шревоги:
«Французской конницей заспавлены дороги;
«Въ Саксонскихъ городахъ вездѣ Французъ...
«Нашъ Паршизанъ лихой! Ужъ подлинно не шрусъ.....
«И онъ безъ успали... всю ночь шипаель звѣзды!
«Самъ повѣряель цѣпь и спавилъ самъ развѣзды.....
«При немъ никто не смѣй зѣвашъ!»
Но кто взмушилъ песокъ зыбучій?
Что шамъ синѣлся? Какъ издали узнашь?...
Бышь можель, лѣсъ, бышь можель, шучи...
Ахъ, нѣшъ, то къ Верлицу валишъ Французовъ
рашъ....

IV.

«Бей сборъ! мушшучъ! шруби! Вся паршія къ походу!
Французъ объѣхаль насъ дугой
И жмешъ къ рѣкѣ. Друзья, назадъ намъ прямо въ воду!
Впередъ, на шшыкъ, на смершный бой!
Но я, друзья, за васъ въ надеждѣ,
Что слово смерть не испугаетъ васъ:
Не все-ль равно, что годомъ прежде,
Что позже десятию возьмешъ могила насъ!...
Слушай! споляшъ! не суемипшсья!
Патронъ и мужество беречь!
Спрѣлкамъ по соснамъ размѣшпшсья:

Ни слова... ни дохнуть, въ пиши сперечь!
Драгуны могутъ, спѣшась, лечь....

А вы, мои залѣтные гусары!
Бодри коней и спаровляй удары,
Ни вы меня, ни я друзей не выдавалъ!
Дай саблѣ поцѣлуй, и бьемся на повалъ!»
.....

V.

Шумитъ..... вдали песокъ дымился:
Французъ сквозь часный боръ проникъ.
Палятъ!... Вошь конница и пѣшихъ крикъ:
Уланъ Польскіе... и все на насъ валился,
Какъ лѣсъ!... «Молись и на коня!
Сюда, на узкую плошину:
Одна смѣлай другую половину.
И всѣ смотрише на меня!....
Ужь я съ женой, въ душѣ, проснулся,
Сказалъ послѣдній мой завѣстъ:
Я зналъ, когда на свѣтъ родился,
Что вѣдъ должно-жь ославить свѣтъ....»
Сказалъ... пошелъ... и закипѣло.....
.....
.....

VI.

Ну, ... *свить!* эпо дѣло
Изъ самыхъ славныхъ Русскихъ дѣлъ...
Ужь бой давно, давно горѣлъ:
Дрались въ лѣсу и на порѣчьѣ;
Послался трупомъ узкій путь,
И Русская прещала грудь.
Никто не думалъ объ увѣчьѣ:
Прочь руку, сабля ужъ въ другой!
Ни вершаловъ, ни перевязки!.....
Признашься, развѣ только сказки....
Разскажутъ о борьбѣ шакой....
.....
.....

VII.

«Но гдѣ-жь союзники? Ко времешк-бъ и мѣсту
Теперь имъ бышь!... На нихъ надежда ужъ плоха!
Дерись... година намъ лиха!»
Такъ два опчальныхъ, влюбленныхъ жениха

До смерти рѣжуся за милую невесту...
Что зашумѣлъ громче лѣсъ?

Еще звончей и ближе попошь...
Берушь Французы перевѣсъ!
У нашихъ слышенъ тайный ропотъ...
То не боязни, но злѣй.... по попошь:
«Что не видашь его въ огнѣ?»
Доселѣ, въ буркѣ, на конѣ,
Онъ все былъ шупъ, въ глазахъ малчилъ,
Онъ самъ, онъ первый рубку началъ...
.....
.....

VIII.

Взошла, какъ и всегда, луна,
И въ ясной Эльбѣ попопула;
Какая мертвая, глухая пишина!....
Но развѣ днемъ не эпа спорона
Кипѣла адомъ? Да! и вошь уснула!
И врагъ и другъ въ непробудимой сонѣ!...
О берегъ, берегъ Эльбы дальней!
Что мнѣ сказать женѣ печальной?
Гдѣ онъ, герой? Куда-жь дѣвался онъ?
Никто не знаетъ, неизвѣстно!
Его искали повсемѣстно:
На полѣ битвы, по лѣсамъ;
Но онъ осмалелъ въ ненайденныхъ,
Ни между тѣлъ, ни между пленныхъ:
Его безвѣстенъ жребій намъ!...
Лишь ты, любезный ..... *свить!*,
Порою, вспомянувъ о немъ,
Мнѣ говоришь: «онъ былъ прямымъ богатыремъ
И чудомъ... какъ *Боа*, Додонскій королевичъ!...»
Ты помнишь, какъ тебѣ твердилъ я: «говори!
(Какъ вмѣстѣ мы за прошлымъ жили лѣпомъ)
Разсказывай мнѣ, другъ, о чловѣкѣ эпомъ:
Я радъ прослушать до зари!»
И проводили мы въ разсказахъ дни и ночи.
Тогда какимъ огнемъ твои пылали очи!
Летѣли мимо насъ вечерніе часы,
Слеза въ очахъ твоихъ свѣтлалась
И пыхо изъ очей капилась
На длинные усы!....

Ф. Глинка.

Ш А Р А Д А.

И первое, и ты — бѣмся въ второва;
А все есть промыселъ подъячаго лихова.

III.

Въ No 44, помѣщенный догоришь значить: *Patrie*;
изъ него можно составишь *pari, pirate, parti, tripe, paire,*
trape, pair, air, pie, épi и *rat*.

M O D E S.

Pour les jeunes femmes, on voit déjà des capotes de mousseline ou d'organdi, froncées par des pailles et doublées entre deux mousselines d'une marceline rose, lilas, paille ou cerise; ce dernier laisse un transparent à lignes vives, et charmans reflets; quelquefois elles sont ornées d'un nœud en ruban de gaze ou d'un nœud semblable à la capote; ordinairement elles sont accompagnées d'un demi-voile d'Angleterre.

On fait de petits bonnets en tulle uni, plats sur le sommet de la tête, fermés derrière par une couture drôte; trois nœuds en rosette sont placés en ligne dans toute la longueur de cette couture; le devant reste garni de deux rangs de tulle ou blonde en ruhe.

Une jolie robe en mousseline de soie, à dessins cerise et noir, était garnie au corsage d'une mantille de dentelle noire; les manches à très-longs sabots de dentelle noire, descendant au coude; devant, dans toute la longueur de la jupe, étaient placés des nœuds de gaze, alternés cerise et noir, descendant jusqu'au bas, en un seul rang, et augmentant de grandeur.

Les brodequins en satin ou autre étoffe de soie, ne convenant qu'aux toilettes de ville; il faut dire un mot des chaussures de campagne. — Les femmes élégantes portent des guêtres en satin turc, gris de fer ou vert bouteille. — Afin qu'elles n'en aient pas le pied fatigué, elles les font doubler en soie.

La mode des blondes noires conserve aux voiles noirs leur faveur avec les chapeaux d'étoffe d'été. — Ordinairement à cette époque, il était de mauvais goût de les porter encore.

Il a été long-temps de mode de plier les lettres, longues et étroites, puis larges et presque carrées, dans une feuille de papier à l'anglaise; à présent, on est revenu aux enveloppes. — Il est toujours élégant de faire marquer son papier d'un chiffre imprimé en blanc, surtout quand il est surmonté d'une couronne

titulaire; et c'est une double recherche de faire retrouver ce chiffre à la pointe de l'enveloppe qui recouvre le pain à cacheter.

M O Д Ы.

Для молодыхъ дамъ видны уже кисейные капоты, или изъ органди, собранные на соломку и подложешные между двумя кисеями розовымъ, лиловымъ, палевымъ или алымъ марселиномъ; отъ сего послѣдняго проглядываютъ яркія полоски и прелесный отблескъ; иногда ихъ опдѣляютъ банпомъ изъ леншъ, или такимъ же банпомъ какъ капотъ; они бывають обыкновенно съ полу-вуалемъ изъ Англійскаго кружева.

Дѣлаются маленькіе чепчики изъ гладкаго шюля, на маковкѣ плоскіе, сзади прямой шовъ; при банпа, сдѣланные розетками, пришитыены впрямь во всю длину сего шва; спереди опдѣляются шюлевымъ или блондовымъ рюшемъ въ два ряда.

Красивое платье изъ шелковой кисей, съ алыми и чѣрными узорами; лифъ опдѣланъ былъ чѣрною кружевною манпильею; рукава съ весьма длинными, чѣрными кружевными *sabots*, спущенными до локтя; спереди, во всю длину юбки были газовые банпы, попеременно алые съ чѣрными, вплоть до низу, въ одинъ рядъ, поспешенно увеличиваясь.

Сапожки апласные или изъ другой какой шелковой матеріи, будучи приличны только городскимъ нарядамъ. Надо сказать слово о деревенской обуви. — Щеголихи носятъ шпиблеты изъ Турецкаго апласа, сѣро-жельзнаго цвѣта или зеленаго буфылочнаго. — Чшобъ ногамъ было легче, подкладываютъ ихъ шафшою.

Мода на чѣрныя блонды сохраняется употребленіе чѣрныхъ вуалей съ лышними шелковыми шляпками. — Обыкновенно въ эту эпоху считалось неприличнымъ ихъ носить еще.

Долго было въ употребленіи складывать письма, длинныя и узкія, полномъ широкія и почти чепвероугольныя, въ листъ Англійской бумаги; теперь возвратились опять къ пакешамъ. — Всегда щеголевато мешить свою бумагу бѣлымъ печатнымъ шифромъ, особенно когда онъ украшенъ шпшулярной короной; отличное щегольство, чшобъ шифръ эпошъ находился также на кончикѣ пакеша, которымъ прикрываютъ облапку.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 46.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No, съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 55 рублей.

СУББОТА, Іюня 10 дня 1853 года.

Вѣдь нынѣ

Не то, что въ старину: не запирають женъ.

Обычаи у насъ совсѣмъ другаго рода:

Замковъ, рѣшетокъ больше нѣтъ;

Въ вѣкъ просвѣщенія и намъ дана свобода;

Любезнѣй спать, доврчивѣе свѣтъ!

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНГЛИЧАНЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

I.

Лордъ *Альворти*, путешествующій Англичанинъ, съ удивительно неуспрашимостию взбирался на крупизны Гималайскія; скользя по снѣгу, цѣпляясь за терновникъ, вѣчно покрытый инеемъ, чптобы не скатиться въ бездну; онъ продолжалъ подниматься на высоты, съ легкостию серны перебираясь черезъ пропасти, и не сморя на вѣрную опасность, твердо и неупомимо шелъ впередъ... Наконецъ, послѣ двухчасовой ходьбы, одинъ изъ трехъ провожатыхъ, съ нимъ бывшихъ, закричалъ: остановившись, милордъ; никто еще не переходилъ черезъ эту разщелину. — Никто? — Да, милордъ. — Тѣмъ лучше; если никто не переходилъ чрезъ неѣ, то никто и не всходилъ до такой высоты, до какой достигну я!

Альворти былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хотяпъ видѣть не для того, чптобы видѣть, но чптобы сказать: я видѣлъ! Онъ

уже чпсаль мысленно въ Лондонскихъ газетахъ извѣстіе о томъ, что лордъ *Альворти* взошелъ на вершину Гималайи; ему уже слышались вопросы молоденькихъ миссъ, собравшихся около него въ кружокъ съ раскрытыми устами, съ усурменными на него взорами голубыхъ очей, въ ожиданіи любопытныхъ разказовъ, обильный запасъ которыхъ надѣялся онъ имъ привести съ собою.

«Смѣлѣй, смѣлѣй спускай за мною.»—Нѣтъ, я не пойду за вами на явную погибель.—И я поже.—И я поже.—«Какъ! развѣ я мало заплапиль вамъ.»— Жизнь намъ дороже вашихъ гиней.—«Великій Боже! сойли внизъ, и послѣ не имѣть права похвалиться, что я доходилъ туда, куда никто другой не заносилъ ногъ! Нѣтъ, этому не бывать; подождите меня, бездушные прусы, я скоро вочуюсь.»

Храбрый лордъ *Альворти* сдержалъ слово, и точно не замедлилъ воротиться; едва только онъ сдѣлалъ шаговъ двѣсти, какъ очутившись на покатой плоскости, попе-

рля равновѣсіе, и неминуемо бы обрушился въ пропасть, если бы не попалось ему одно изъ пѣхъ суковатыхъ деревь, копорья распуть на возвышенныхъ мѣстахъ, и схватившись за вѣтвь коего, онъ повисъ на ней, какъ паукъ на своей паупинѣ. Нѣсколько разъ оборачивался онъ къ своимъ спутникамъ, но безъ всякаго крика: ибо пренебрегши ихъ совѣты, онъ спыдился просить шеперь ихъ помощи. Съ препепомъ мѣрля онъ глазами глубину пропасти, съ препепомъ разсмапривалъ онъ огромные утесы, лежащіе на днѣ ея, и копорые, бывъ уменьшены разстояніемъ, казались ему спадомъ овецъ, разсыаннымъ по долинѣ; онъ вычислялъ: во сколько времени долепипъ онъ шуда, если вѣтвь переломипся, а она уже начинала ломаться. Малѣйшее движеніе ея было для *Альворти* ударомъ ножа въ сердце; при малѣйшемъ движеніи судороги корчили лице его, и онъ закрывалъ глаза; когда же снова открывалъ ихъ, то бросалъ на вѣтвь пакой же взглядъ, какой бросаешь виновный на судью, когда одно слово сего послѣдняго рѣшаетъ вопросъ, возвратипся ли онъ къ своему семейству, или умретъ на эшафотѣ.

Не смотря на это,—замѣчательная спранность!—*Альворти* рассказывалъ послѣ, что въ такомъ ужасномъ положеніи онъ думалъ о помѣ, въ какихъ выраженіяхъ описать свое безпокойство, когда ему придепся быть у миледи *Грей*, въ Пикадилли.

Вѣтвь переломилась, и, по щасливому случаю, движеніе, съ которымъ она опдѣлилась отъ дерева, способствовало бѣдному Англичанину попасть на выдавшійся уголь одного утеса... Утвердившись на немъ, онъ нагнулъ голову въ пропасть.—Вѣтвь не пролепѣла еще и четвертой доли всего проспранства; онъ слѣдилъ еѣ глазами до самой пной минутой, когда она сдѣлалась такъ мала, такъ мала, что онъ уже не могъ еѣ примѣнить.

«О, о! сказалъ лордъ *Альворти*, если бы я послѣдовалъ за нею, то миледи и *Вилмилль* еѣ были бы очень довольны.» Потомъ, съ пою флегмою и упрямствомъ, копорый

составляютъ отличительное свойство Англійскаго народа, онъ спалъ всходить снова, не смотря на опасность опять покапипся внизъ, и можетъ быть, уже не споль удачно. Но у подошвы одной совершенно опвѣсной скалы онъ принужденъ былъ наконецъ остановипся, видя рѣшительную невозможность на неѣ взобратся. Тогда онъ обнажилъ голову, преклонилъ предъ вершиною горы, спалъ въ шаепральную позицію, и произнесъ воззваніе, копорое можно передать слѣдующими стихами *Ламартина*:

Salut, brillant sommet, champs de neige et de glace!
Vous, qui d'aucun mortel n'avez gardé la trace;

Vous que le regard même aborde avec effroi,
Et qui n'avez souffert que les aigles et moi.

Эпизузіазмъ его былъ такъ силенъ, шѣлодвиженія такъ живы, что онъ чуть было не упалъ навзничъ; однакожъ послѣшно нагнувшись впередъ, онъ успѣлъ удержатся, и чпобы сохранишь равновѣсіе, просунулъ руку въ щелину скалы. Предспавьте же его изумленіе, когда изъ этой дикой и неприступной скалы, изъ этой скалы, досягаемой одними только орлами, онъ вынулъ... Чпю бы вы думали? Бьюсь объ закладъ, что не опгадаете... Вы скажете: онъ вынулъ клокъ моха, орлиное яйцо... Но шупть бы не было ничего необыкновеннаго.—Такъ чпю же?—Сувениръ съ спальнымъ замочкомъ, и въ немъ визипную карпочку, на веленовой бумагѣ, съ золотыми краями и надписью: *Сиръ Левисъ. Лондонъ, Паркъ-Стритъ, No 19.*

Если когда нибудь вамъ случилось найши въ будуарѣ жены вашей письма любовника, то вы были также потрясены, какъ *Альворти*, держа въ рукѣ карпочку сира *Левиса*. Онъ поблѣднѣлъ, и долго не могъ припши въ себя. «Какъ! сполько трудовъ! сполько препятствій, и все это по нуспякамъ!» Однакожъ мысль, копорая внезапно мелькнула въ умъ его, чувспвительного уменьшила его горестъ; онъ вспомнилъ о сорокѣ-воровкѣ; если она унесла серебряныя вещи и припала ихъ на крышѣ, то почему орель не могъ найши этой карпочки, и занести еѣ

сюда? Я не вижу шупъ ничего несбыточнаго... Но вопъ бѣда! *Альворти* прочель на оборотѣ слѣдующія чепыре слова: *Сиръ Левисъ, на Гималайхъ*.—«Не можетъ бытъ, подумалъ онъ, чпобы *Левисъ* сдѣлалъ на ней пакую надпись съ тою мыслію, чпо орель доставитъ её по адресу. Нѣтъ, вѣрно онъ самъ приходилъ сюда; но какая нужда, я взойду выше его!» Не смотря однакоже на всѣ усилія, *Альворти* не удалось подняться выше прецины, и онъ, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, прибѣгъ къ единственному средству, которое оставалось ему: по естѣ, замѣнилъ карпочку *Левиса* своею и сошелъ внизъ со слезами, съ какими уходящъ опъ обожаемой любовницы, приказывающей сказать о себѣ: нѣтъ дома.

II.

Сцена, которую представили мы взорамъ чпшателя, происходила 23-го Іюня 1817 года. 23-го Окпября того же года поушру *Альворти*, возвращаясь въ Лондонъ, отправился въ Паркъ - Сприпъ, и позвонилъ въ 19 Но. «*Сиръ Левисъ?*»—Здѣсь, милордъ, попрудипись взойти вверхъ.—*Альворти* вошелъ.—«*Сиръ Левисъ?*»—Здѣсь, милордъ, не угодно ли войти.—*Альворти* вошелъ. Слуга ввелъ его прямо въ рабочій кабинетъ *Левиса*. Вокругъ комнаты, на нѣсколькихъ столикахъ были искусно расположены рѣдкія распѣнія, замѣчательные камни, вывезенные *Левисомъ* изъ его долговременныхъ и далекихъ спранствованій. Каждая земля имѣла тамъ своихъ представителей; въ эпомъ кабинетѣ можно было видѣть вселенную въ миніатюрѣ. Хозяинъ онаго, сидя за столомъ, казался погруженнымъ въ созерцательный воспоргъ; онъ съ любовью разсматривалъ, осязалъ, пощпалъ взоромъ нѣсколько минералогическихъ предметовъ, предъ нимъ лежавшихъ. Онъ оборачивалъ ихъ со всѣхъ споронъ, бралъ по временамъ микроскопъ, чпобъ изслѣдовать ихъ богатство въ малѣйшей подробности, и потомъ съ важностію восклицалъ: «*Magnus in magnis, maximus in minimis!* Это прекрасно! это превосходно! Кристаллизациа въ пылинкѣ, гранитныя колоннады,

блестящіе своды, куподы... *Maximus in minimis!* Это удивительно!

Левисъ, казалось, былъ такъ углубленъ въ свои занятія, чпо слуга его медлилъ доложить ему о приходѣ незнакомца. *Альворти* сдѣлалъ слугѣ знакъ удалиться, подошелъ къ столу, и свѣль прошивъ *Левиса*.

Послѣ чепверпи часа глубокаго молчанія, ему захопѣлось кашлянуть; онъ не успоелъ прошивъ эпаго побужденія и кашлянулъ. *Левисъ* его замѣпилъ, и нимало не удивясь, показалъ ему одинъ камень. «*Maximus in minimis Dlus est;*» сказалъ *Альворти*.—Браво! вскричалъ первый, браво; эпопъ человекъ меня понимаетъ.—И онъ опложилъ въ спорону свои дражайшіе минералы.

«Позвольте узнать, милоспивый государь, съ кѣмъ имѣю честь говорить?»—Я лордъ *Альворти*, милліонщикъ по званію и пупешественникъ по склонности, или, если угодно, милліонщикъ по склонности и пупешественникъ по званію.—«Вы желаете опъ меня какой нибудь услуги? мнѣ было бы эпо весьма пріятно.»—Нѣтъ, сударь.—«Тѣмъ хуже.»—Я самъ, желая бытъ вамъ полезнымъ, пользуюсь случаемъ, который подало мнѣ къ сему одно совершенно-нечайное обстоятельство... Я нашель, очень далеко опсюда, вещь, которую, судя по вѣрнымъ признакамъ, счель вамъ принадлежащею, и, попому спѣшу возвратить её.—*Левисъ* уже разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности,—нѣтъ ни одного Англичанина, который бы не терялъ драгоценныхъ вещей во время пупешествія,—когда *Альворти* подаль ему вышереченную визитную карпочку съ надписью: *Сиръ Левисъ на Гималайхъ*.

Какъ громомъ пораженный, *Левисъ* вскочилъ, посинѣлъ, побагровѣлъ; зубы его застучали; судорожная дрожь овладѣла всѣмъ его тѣломъ.—«А за чѣмъ вы, милоспивый государь, вынули мою карпочку изъ эпаго упеса?»—Спранный вопросъ? За тѣмъ, чпобы вложить пуда свою.—«Но знаете ли, чпо вы воръ? Знаете ли, чпо вы опнимаете у меня упѣшеніе моей старости и, если хотипе, мое безмертіе!... Да! нѣкогда наши бы эту карпочку, напечатали бы мое

имя, спали бы говорить: знаменитый, славный *Левисъ!* а теперь это имя кончилось въспѣть со мною; теперь скажутъ: знаменитый *Альвортъ*, когда-бы надлежало сказать: *Альвортъ* разбойникъ!»—Однако прошу васъ быть осторожнѣе.—«Мнѣ бытъ осторожнѣе! нѣтъ, не надѣйтесь этого; такое безчестіе можно омытъ только кровью... Я жажду пвоей крови!»—На здоровье.—«Мы непременно спанемъ драпаться.»—Очень радъ.—«Время?»—Черезъ часъ.—«Мѣсто?»—Въ Гринъ-Паркъ.—«Оружіе?»—Писполеты, это всего вѣрнѣе.—«Хорошо, до пріятнаго свиданія.»

Часъ спустя, *Альвортъ* и *Левисъ*, въ сопровожденіи свидѣтелей, прибыли на Гринъ-Паркъскую площадь. Зарядивъ писполеты, два пропивника спали одинъ пропивъ другаго на условленное разстояніе, въ шести шагахъ, и весело прищѣлились; раздалась выстрѣлы....

Левисъ прищѣлился вѣрно; *Альвортъ* прищѣлился также вѣрно, какъ *Левисъ*.

Бѣдные глупцы! Да упокоить Господь ихъ души!

Свидѣтели положили пѣла въ карепу и отправились, разговаривая дорогою о помѣ и сѣмь. Вдругъ одинъ изъ нихъ, которій между пѣмъ читалъ газету, вскричалъ: А! пишуль изъ Тибета, что Жеверскій пикъ горы Гималаи обрушился съ ужаснымъ шумомъ. Это именно въ помѣ мѣспѣ... ха! ха! ха!—и они расхохотались.

Нѣкто, замѣтивъ ихъ веселость, сказалъ: вѣрно эти господа возвращаются съ свадебнаго пира, гдѣ они лишнее выпили.

Съ Франц. *Ил. Г—въ.*

Директоръ Нѣмецкаго театра въ Ниренбергъ, по неопспуной просьбѣ одной молодой пѣвицы, которой онъ нѣсколько разъ отказывалъ, дозволилъ явшься на сценѣ. Артистка при первомъ появленіи была оспана. Досадуя на такую неудачу, директоръ вышелъ на театръ и обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами: «ми-

лоспивые государи и государыни! я вижу, что дебюпаншка вамъ не нравится?»—Нѣтъ! нѣтъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. «И мнѣ пакже!» прибавилъ онъ—и скрылся при громкомъ смѣхѣ зрителей.

Одинъ мужъ, котораго жена была мопована, называлъ её: *моя дорогая*.

Въ одномъ обществѣ смѣялись надъ эпитомъ его знакомые. Пріятель его оспановилъ ихъ, сказавъ: «онъ правъ, жена ему *не дешёво* обходится.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОРСКАЯ ФЕЯ.

Сказаніе; сочин. Смита.

Посреди обширнаго океана лежалъ оспровокъ, прелестная, райская обитель любви и щастія. Вѣчная весна царствовала на семъ оспровѣ, и природа изливала на него свои дары съ распочительною щедростью. Будучи опрѣзаны опъ всякаго сообщенія съ прочимъ міромъ, оспровипяне не знали обычаевъ и нравовъ образованныхъ и необразованныхъ спранъ, и проводили дни свои въ папріархальномъ спокойствіи.

Случилось однажды, что отважные мореходцы, коимъ на родинѣ спало пѣсно, предприняли гупешествіе, чтобы опкрыть новыя земли и вмѣспѣ съ пѣмъ новыя богатства. Корабль часпо перемѣнялъ направленіе своего плаванія, почему наши выходцы вскорѣ увидѣли одинокій среди океана оспровъ.

Обитатели, сбѣжавшись на берегъ, съ любопытствомъ посмапривали на незнакомыхъ имъ пришельцевъ. Дѣппи прыгали опъ радости; юноши и дѣвы съ нѣжностью перешепывались; спарики сомнительно покачивали головы, громко изъясняя свое опасеніе, что эти незнакомцы нарушатъ спокойствіе ихъ жизни; мужи готовились опразить силу силою.

Корабль приплылъ и бросилъ якорь въ недалеиъ разстоянїи отъ оспрова. Путешественники вышли на берегъ, ласково приветствовали оспровитянь, и были ими споль же дружески и гостепрімно встрѣчены. Вскорѣ они увѣрились, что путь силюю ничего не возьмутъ, а весьма хопѣлось имъ завладѣть прелестнымъ оспровомъ. Они прибѣгнули къ хипроспи: въ разныхъ видахъ вмѣшивался въ толпы оспровитянь, они съ жаромъ повѣсповали имъ про свою веселую жизнь на родинѣ, покуда въ сердце добродушныхъ не заронилось желаніе сихъ неизвѣспныхъ благъ. Тупъ они лукаво замолчали и спали жипъ по обычаямъ своей родины. Сначала цѣломудренныя оспровитяне гнушались симъ соблазномъ, но вскорѣ нѣкоторые начали навѣщати ихъ изъ любопытства, другіе уже спали тайно участвовати въ ихъ увеселенїяхъ, наконецъ всѣ забрели въ лабиринтъ, и весь оспровъ обрапился въ непрерывное шумное пиршество. Съ эпои минулы, казалося, дерева и цвѣты облеклись въ одежду печали, свѣплая досель лазурь небесная покрылась мрачными пучами, бури грозно завывли, и зыбкая равнина водъ, взволнуясь, яростно возстала проптивъ успешспныхъ береговъ оспрова.

Тупъ *Мал*, дщерь царя сего оспрова, удалилась въ чашу лѣса и залилась слезами. Ей не понравился образъ жизни, которому преданъ народъ; она чувствовала себя покинутою, несчастною. Слезныя очи ея впярялись во мракъ лѣсной, и тяжкіе вздохи волновали ея нѣжныя перси. Внезапно лице вспыхнуло яркимъ румянцемъ, ибо предъ нею стоялъ *Біаноръ*, сынъ начальника пришельцевъ. *Біаноръ* былъ юноша невыразимой красоты; онъ находился на рубежѣ, съ котораго прелестъ юности переходилъ въ могучую мужеспвенность. *Мал* также блиспала восхищительною красотою, копорая неоднократно возбуждала зависть богини любви.—Не разъ уже *Біаноръ* искалъ случая поговорить наединѣ съ царспвенною дѣвою, къ которой онъ возгорѣлъ чистѣйшею любовію, но всякій разъ она робко отъ него удалялась. Теперъ онъ стоялъ предъ нею подъ свѣію широколиспенной пальмы, и

хотя уста безмолвспвовали, но глаза говорили вняпно, и вскорѣ между ними завязалась дружеская бесѣда.

«Мнѣ не правится вашъ образъ жизни,» сказала *Мал*: «я чувствую себя несчастною.»

—И мнѣ поже,—возразилъ *Біаноръ*: ахъ, еслибъ я могъ вырваться изъ сей убійспвенной суматохи!—

«А куда?» спросила царевна.

—Къ тебѣ!—радоспно воскликнулъ юноша: къ тебѣ, царица души моей! Съ тобою я былъ бы щаспливѣйшій смерпный даже въ пустынной мглѣ дубравы, или на зыбкихъ волнахъ океана!—

Такимъ образомъ бесѣда любовниковъ продолжалась въ безпорочной искренности. Покаявшись въ вѣчной вѣрности, они разспались.

На другой день *Біаноръ* открылся своему опцу въ любви своей. Не получивъ отъ него рѣшительнаго отвѣта, онъ пошелъ къ царю оспрова, чтобы просить руки его дочери. Но въ сердцахъ родителей не обипала любовь ихъ дѣтей: высокомеріе и упрямство управляли всѣми ихъ дѣлїями. Каждый почиталъ себя слишкомъ выше другаго, чтобы войти въ такое униженное родство, и оба спрожайше приказали своимъ дѣтямъ прервати всякое знакомство.

Долгое время дѣти уважали спроее приказаніе родителей, но любовь наконецъ одержала верхъ, и разрушила всѣ оковы. Благопрїятспвуемые спемнотою ночи, они имѣли частныя свиданїя, повторяли другъ другу кляпвы въ вѣчной любви, и все пѣснѣе и пѣснѣе связывали союзъ сердецъ, но ангелъ невинности былъ неразлучно съ ними, и охранялъ ихъ безпорочность.

Однажды, въ ночную пору, они въ дружеской бесѣдѣ по горевали о жестокости родителей, по мечтали о щаспливой будущности.—Внезапно разлился вокругъ ихъ яркій свѣтъ; они въ испугъ вскочили, ибо въ морѣ свѣта, ихъ окружавшемъ, увидѣли нѣжныя очерки эфирнаго женскаго образа.

Дрожа отъ страха и поминпельнаго ожиданія, любовники крѣпко обхватились.

«Не бойтесь!» възглаго видѣніе сладостнымъ голосомъ: «я составлю ваше щастіе. Я Фея эпаго моря; островъ сей досель былъ моимъ жилищемъ. Одно только это мѣсто на землѣ, чуждое испорченности людскихъ нравовъ, было достойною меня обителью. Но явились суровые пришельцы, разрушили мой рай и лишили меня послѣдняго приюта. Теперь я создала себѣ царство, которое пребудетъ вѣчно сокровеннымъ для человѣческаго ока; оно не шумъ, оно не памъ, оно повсюду для того, кто хочетъ его видѣть. Мое созданіе процвѣтаетъ въ дивной красотѣ; недоспаетъ только существъ, которыхъ могла бы я ощастливить; я живу одиноко въ моемъ обширномъ царствѣ. Вы оба сохранили вашу чистоту въ опасной пучинѣ; хотѣли ли вы поконушь въ порокахъ нечестиваго земнаго племени, или послѣдовать за мною?—Выбирайте!»

— За побой, куда хочешь!— воскликнули они единогласно.

«Такъ подите сей часъ домой!» продолжало видѣніе: «и въ точности исполните сонъ, который вамъ приснился въ будущую ночь.»

Морская Фея, благословивъ ихъ, исчезла.— Любовники, пораженные видѣннымъ ими дивомъ и вмѣстѣ ободренные надеждою, разспались и пошли разными пушями во-свои.

Когда наступила ночь, и сонныя вѣжды ихъ сомкнулись, то имъ приснился одинъ и тотъ же сонъ. Казалось имъ, будто видѣніе, явившееся имъ въ лѣсу, представало ихъ одру. Они проснулись и увидѣли предъ собою Фею. Кропкими словами она велѣла имъ встать. Они послѣдовали ея зову, и Фея, паря предъ ними, повела ихъ безпрепятственно сквозь спражу: ибо, со времени послѣдняго свиданія въ лѣсу, они находились подъ спрогоимъ надзоромъ. Дорога вела ихъ полями, лугами и лѣсами съ невѣроятною быстротою. На берегу морскомъ они сошлись, и бросились другъ другу въ объятія. Вся обширная равнина водъ пылала какъ-бы въ заревѣ заходящаго солнца; у

берега колыхалась залопал гондола; морская Фея, скользя по волнамъ, приблизилась, и подала любовникамъ знакъ рукою, чптобы они съли. Они повиновались приглашенію. Фея исчезла, но разноцвѣтныя огни, всплывая изъ свѣтлой пучины, попянулись къ востоку и вслѣдъ за ними поплыла гондола безъ руля и безъ паруса.

Быстрымъ, равномернымъ движеніемъ продолжалось плаваніе нашихъ путешественниковъ; островъ давно ужъ исчезъ изъ виду; огни погасли, и востокъ обогрѣнился первыми лучами солнца. Крѣпче прижалась *Мая* къ своему возлюбленному *Бинору*, видя себя посреди необозримой водной пустыни. Вдругъ гондола остановилась, какъ будто въ глубь океана опустился хранипельный якорь. Тихое дуновеніе вѣтра подернуло рябью равнину моря,—и всплыла Фея.

«Добро пожаловать въ мое царство!» сказала она съ кропоспью: «да властпуетъ надъ вами щастливое созвѣздіе, дабы вы никогда не содѣлались недостойными моего къ вамъ благорасположенія!— Ко мнѣ, мой милые!»

Она повелительно махнула рукою, окинувъ море величественнымъ взоромъ.

И на восточномъ небѣ мгновенно вспыхнули первые лучи животворнаго солнца, и какъ будто отъ прикосновенія волшебнаго жезла, вся спрана внезапно преобразилась. Высокіе, зеленѣющіе берега всплыли изъ волнъ; вдали густыя пальмовыя рощицы осѣняли холмы; въ роскошныхъ долинахъ спруились свѣтлыя рѣки; луга песпрылись безчисленными цвѣтами, красота коихъ и ослѣпляла и радовала взоръ. Бѣломраморныя замки до лазури небесной возносили свои величественныя башни, сверкающія золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.— Любовники, вскрикнувъ отъ радостнаго изумленія, со слезами восторга кинулись другъ другу въ объятія.

Морская Фея указала имъ на свое волшебное царство. «Ко мнѣ, мой милые!» сказала она, и исчезла за горами. Тутъ приплыли два бѣлоснѣжныхъ лебедя, опутали ладью гир-

ландою изъ розъ, и съ быстротою молніи умчали любовниковъ. Око смертнаго съ пѣхъ поръ ихъ не видѣло.

Вопъ сказаніе про морскую Фею! Еще до нынѣ, когда подъ южными широтами рѣдѣющая почъ передаетъ свой властительный жезлъ юному дню, пуманы, клубясь, ложатся на воды, и фанпаспическое царство морской Феи всплываетъ изъ волнъ океана. Но велемудрый морякъ, облокопясь на руль, смотрипъ сонными глазами на дивное, а для него весьма обыкновенное явленіе, и бормочепъ про себя: «вопъ ояпъ уже эпа прокляпая *фата-моргана*; буря задаспъ намъ ояпъ порядочную качку!»—Фея, слыша сіе, гнѣвно попрясаепъ голову; волшебный островъ погружается въ море, и волны грозно вздымаясь, выгоняють дерзкаго моряка и корабль его изъ предѣловъ Феина царства. Но кто съ невинною, младенческою душою, съ сердцемъ безпорочнымъ,зираепъ на сіе веселое явленіе, топъ видипъ въ немъ новый міръ, созданный изъ пѣны морской и зыбей пумана, и преисполненный очаровательной поэзіи.—А высочайшая поэзія жизни—любовь!—

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ N. N.

Среди прудовъ и важныхъ Музь,
Среди учености всемірной
Ты не утратилъ нѣжный вкусъ:
Еще ты любишь голосъ лирной,
Еще въ душѣ пвоей огонь,
И сердце наслажденій просипъ,
И Анполоновъ борзый конь
Опъ Музь тебѣ въ Книеру посипъ.
Опъ древней Спарты до Аеннъ,
Опъ гордыхъ памятникъ Рима
До снѣнъ Пальмиры и Солима
Умомъ ты міра гражданипъ.
Ты любишь опдыхать съ Эрашой

Разнообразной и живой,
И насъ уносишь за собой
Въ міры фанпазиі крылатой.
Тебѣ легко: ты награжденъ,
Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родилса небомъ,
Но будшо въ Аппикѣ рожденъ.

Батюшковъ.

СОНЕТЪ.

Въ альбомъ ***.

Бывали-ль вы среди волненья,
Когда толпящійся народъ
Спѣша изъ залы представленья,
Загромоздитъ собою входъ?
Шумъ, давка, всѣ хопяпъ впередъ!
Такъ въ пароксизмѣ вдохновенья,
Когда по жаръ, по знобъ берѣпъ,
Толпяпса мысли, выраженья.
Одно, мнѣ кажется, старо,
Другое сухо, прешье вяло...
Грызу въ отчаяннн перо:
Какъ ни хвали васъ—а все мало!
Васъ пѣпъ лишь генію пристало:
Вамъ похвала мол—зеро.

В. Шастинъ.

С H A R A D E.

Lorsqu'un acteur saura lui plaire,
Souvent on verra le parterre
Cent fois répéter mon premier.
Souvent aux plaisirs du jeune âge,
Comme aux plaisirs de l'homme sage,
On verra servir mon dernier.
Souvent enfin dans le ménage,
Deux époux, au doux badinage,
Feront succéder mon entier.

Въ No 45, помѣщенная шарада значипъ: Я-быда.

M O D E S.

Les blondes noires au bord des pélerines sont de grande et élégante mode, de toutes grandeurs, de toutes façons; quelquefois à une pélerine simple on place un seul rang de blonde ou dentelle haute d'une main, froncée légèrement; ou à des doubles pélerines on met une petite blonde haute de deux doigts, plate.

Les tours de cou en dentelle noire sont d'une extrême recherche et de très-bon goût.

Les corsages montans sont souvent marqués par trois plis qui se réunissent au milieu. — Maintenant avec les étoffes d'été revient une façon extrêmement commode pour les étoffes de demi-toilette, qui conviennent également à un négligé ou à une très-simple toilette de promenade et du soir; — le corsage décolleté est à draperie croisée, fermant derrière soit par un dos à la tyrolienne, soit par des plis croisés; — dedans on place une guimpe plate, montante, qui ferme dans le dos par des boutons, et s'ajuste à l'épaule de manière que les coutures se rencontrent exactement.

Aux redingotes d'étoffes, on met quelquefois un petit collet rond qui retombe comme celui des amazones. Une collerette à petits plis, soutenue par une cravate très-courte, placée dans l'intérieur du collet, convient parfaitement à une toilette très-simple.

On fait des robes d'organdi, dont le devant de la jupe est brodé en éventail; de chaque côté, en dehors de la broderie, on place une rangée de nœuds qui augmentent de volume en s'approchant du bas.

La robe de dentelle, représentée par notre dernière livraison, peut donner l'idée d'une charmante toilette de mariée; disposée ainsi en blanc pour la cérémonie, elle se change ensuite en toutes couleurs.

Plus simple, elle peut être en mousseline brodée; la jupe de dessous garnie de volans de dentelle, ou même selon le goût, de mousseline brodée; les manches courtes et les mantilles, en dentelle.

Il n'est pas besoin de faire remarquer combien cette toilette serait élégante en dentelle ou en blonde noire sur une jupe de pou de soie.

Pl. No 17. Costumes Parisiens du 2 Juin n. st.

M O Д Ы.

Чёрныя блонды вокругъ пелеринокъ всякой величины и всякаго фасона въ большомъ употребленіи и весьма щеголевато; иногда проспую пелеринку обшивають въ одинъ рядъ слегка собранною блондою или кружевомъ, шириною въ ладонь; или двойныя пелеринки обшивають узкою блондою въ два пальца, въ гладь.

Чёрныя кружевные борочки въ оплечномъ употребленіи и въ хорошемъ вкусѣ.

Высокіе лифы часто обозначаютъ премя складками, соединяющимися въ срединѣ. — Теперь съ льшними матеріями возвратился фасонъ, весьма способный для полу-нарядныхъ матерій, которыя приличны также для *négligé*, или къ весьма простому наряду для прогулки, или для вечера; — лифъ открытый, съ крестообразными складками; спинка à la tyrolienne или крестообразными складками; — подъ низъ надѣвають гладкую, высокую шемизетку, которая застегивается сзади на пуговки, а на плечахъ такъ припаровлено, что шовъ прошивъ шва.

Къ льшнимъ рединготамъ иногда пришивають небольшой круглой воротничекъ, который опкидывается какъ у Амазонскихъ плащевъ. Борочки, сложенный мелкими складочками, поддержанный коропкимъ галстучкомъ, надѣтымъ внутрь воротничка, очень приличенъ къ сему простому наряду.

Дѣлають плащя изъ органди, у которыхъ передъ вышитъ опахаломъ; съ каждой стороны, вишь шипья, рядъ банповъ, которые увеличиваюшся, приближаясь къ низу.

Кружевное плащье, предсавленное на последней картинкѣ, можетъ подать мысль къ прелестному наряду для невѣсты; бѣлый, для церемоніи, перемѣняется попомъ во всякіе цвѣта.

Простѣе, можно сдѣлать вышитое кисейное; нижняя юбка обшита кружевными оборками, или смотря по желанію, вышитыми кисейными; рукава коропкіе, маншилы кружевыя.

Не пужно давать на замѣчаніе, какъ бы этотъ парядъ былъ щеголеватъ изъ чёрныхъ кружевовъ или блонды на юбкѣ изъ *pou de soie*.

Карп. No 17. Парижскіе костюмы 2 Юня н. спиля.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 47.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюня 14 дня, 1855 года.

Смертный, гонимый людьми и судьбой, разсаваяся съ міромъ,
Злобу людей и судьбы сердцемъ проси и забудь;
Къ солнцу вполсѣдніе взоръ обрати, какъ Руссо, и утѣшься:
Въ пернахъ заснувшіе здѣсь, въ миршахъ пробудятся память.

Баронъ Дельвицъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ МОЕМУ РОМАНУ: *ИВАНЪ
КРИВОНОГІЙ*, ИЛИ БОЖБА И БРАНЬ
ВМѢСТѢ.

*Разговоръ между сочинителемъ и чита-
телемъ.*

Читатель. Куда вы спѣшите?

Сочинитель. Въ домъ писненія, или, если
угодно, въ храмъ безсмертія.

Читатель. Что-жь эпо у васъ за кппа
бумагъ?

Сочинитель. Эпо? — Великое и безсмерт-
ное!

Читатель. Что значить великое и без-
смертное?

Сочинитель. Великое то, что велико; а
безсмертное то, что не умираешь. — Оно
почерпнуто изъ сокровищницы Санскрип-
скаго кладязя.

Читатель. Что-жь эпо такое у васъ бу-
детъ?

Сочинитель. Будетъ то, что будетъ.

Читатель. Ваши слова не совсѣмъ для ме-
ня ясны....

Сочинитель. Ясно говорили *Карамзинъ*,
Озеровъ; за то надъ ними и смѣются въ
XIX-мъ спольщии. Я говорю гіероглифами.
Я не парикъ, не классикъ; не могу пи-
сать, какъ *Ломоносовъ*, какъ *Михаилъ Ник-
пичъ Муравьевъ*. Простопла хуже воров-
ства! *Канта* современники его прозвали *все-
сокрушающимъ*: ибо онъ безпощадно сокру-
шалъ предразсудки, парадоксы, сбивчивыя
идеи, ложныя понятія; хочу, чтобъ меня
наименовали *всеразрушающимъ*, за то, что
испребляю ложныхъ боговъ, идоловъ-писа-
пелей, кои пользуются похищенною; а не
заслуженною славою, свергаю съ прона са-
мозванцевъ-поэшовъ....

Читатель. И вы не боитесь прослыть
всеискажающимъ?

Сочинитель. Пускай себѣ пвердятъ рабы
Лагарпа и *Мерзлякова*, будто я превращаю
въ грязь всё, до чего допрогиваюсь. Я для
нихъ въ пеленахъ, какъ богиня *Изида*.

Читатель. Конечно, для васъ низко писать понятно, недоспойно васъ говорить просто.

Согинитель. Да! Попробность вѣка побудила меня прииясь за романъ, а бѣдность нашей литературы еще болѣе утвердила мое намѣреніе. Всѣ эпи, такъ называемые знаменитые Русскіе писатели, не понимали сущности сего дѣла, да и не могли понять. *Доломоновъ*—бѣднякъ, рыбакъ, приходилъ въ школу учиться подѣ ферулою классицизма; бѣгалъ по Германіи; шапался изъ угла въ уголь; писалъ торжественныя и хвалебныя оды;—наконецъ, сѣлъ на профессорскія кресла и падѣлъ парикъ современнаго любомудрія: понимаете ли, что это—Нѣмецъ? *Державинъ*—чиновникъ, министръ, спихопроверецъ безъ познаній и — только! *Карамзинъ* гонялся за цвѣтами слога въ исторіи; онъ въ повѣстяхъ и разсказахъ не былъ философомъ-наблюдателемъ; не понималъ сущности романа; не имѣлъ транцендантальной идеи—о томъ, что есть исторія—и писалъ еѣ! отъ эшаго взгляды его односпоронни и ничтожны, а слогъ только что *цвѣтистъ*; словомъ, онъ не Русскій писатель: ибо не сознавалъ великаго Русскаго духа; его *бѣдная Лиза, Наталья, болгарская дочь и Марфа Посадница*—Француженки съ Кузнецкаго моста въ Русскихъ маскерадныхъ сарафанахъ. *Пушкинъ*—взгляды его измѣняются; онъ не поэтъ уже, безпечный, разгульный и буйный юноша-поэтъ, что былъ 16-ть лѣтъ тому назадъ; впрочемъ, посмотримъ, что по онъ сдѣлаетъ *нынѣ*, нынѣ, когда вѣкъ шагаетъ впередъ и поэзія подчиняется философіи и математическимъ выкладкамъ, а въ трагедіяхъ — участь исторіи!... *Загоскинъ* и *Ложкиниковъ*, и самъ *Вулгаринъ*—романы ихъ доказываютъ только то, что у насъ нѣтъ еще—*Русскихъ романовъ*—они это сами чувствуютъ, и вѣрно не скоро имъ придетъ охота вновь прииясь за историческіе романы. Въ семь-то жалкомъ положеніи Русской литературы, я рѣшился совершить подвигъ великій: познакомить Русь съ Русью, внуковъ съ пращурами, внучекъ съ прабабушками. Вообразите, что я — шущу XIV столѣтія, *Балакирева* при дво-

ръ *Димитрія Донскаго*; что я подѣ сказками, присказками, былями, небылицами, шутками, прибаутками — показываю вамъ бытъ Русскаго боярина и просполоудина; вообразите, что я обѣщался, сѣдя на печи, разсказать вамъ сказку о томъ, какъ *Иванъ*, по прозвищу *Кривоногий*, божился и бранился *вмѣстѣ*, когда къ тому побуждали его *барыши*, и о томъ, что изъ того воспослѣдовало. Мое дѣло разскавитъ по сценѣ всякую всячину; одѣтъ въ зипуны и лапти актѣровъ, въ душегрейки и кокошники актрисъ; заставитъ ихъ ругаться, драпаться между собою и пѣть кстапи и не кстапи романсы и кантапы. Ваше—взять мою кипгу... по есть, купить еѣ (а она не дорога, всего 17 рублей съ полниною ассигнаціями!); потомъ разувѣритъ себя, что вы живы, и вообразитъ, что вы давнымъ давно умерли, сгнили, превратились въ прахъ, въ ничто, и что, лежа въ безсмертномъ одемъ, душа ваша воспоминаетъ, какъ вы жили на землѣ въ XIV вѣкѣ, что видѣли, что дѣлали, что мыслили, или, говоря другими словами, вамъ должно перейти мысленно въ XIV - й вѣкъ, и—читать мой романъ. Тогда вы увидите *Русь*, какъ она дѣйствительна была—и романъ мой вамъ полюбится.

Читатель. По этому вы написали Русскую быль?

Согинитель. Эхъ, вы совсѣмъ ничего не понимаете! Кваснаго патриотизма я не перплю; не думайте, чтообъ я написалъ просто—*Русскую быль*; пѣтъ, это будетъ *Европейско-Россійская сказка-быль*... Повпоряю: кваснаго патриотизма я не перплю, но все Европейское знаю и люблю; и еще болѣе, позвольте мнѣ признаться, что — Европа меня знаетъ и любитъ.

Читатель. Умно и скромно!...

Согинитель. Да, мой подвигъ не маловажный—и по плечу только мнѣ одному!.. По головѣ мы еще ребята. Мы разбираемъ только: *Азѣ, Буки, Вѣди, Глаголь, Добро, Есть и Живете*—сирѣчь: начала Европейской азбуки; такое жалкое положеніе пребуетъ возсоздать всю азбуку до послѣдней іопы; для эшаго необходимо: 1) искреннее созна-

ніе, что у насъ нѣтъ еще ни азбуки, ни грамматки, ни риторки, ни романовъ, ни поэмы, ни сказки, ни исторіи, ни повѣсти, ни пѣсни; 2) справедливое сознаніе, что все чужеземное превосходно — и что все выше-сказанное у нихъ есть.

А по сему совокупить наше *невѣдѣніе* съ чужеземнымъ *всеѣдѣніемъ* — и тогда мы получимъ плодъ великій — *вѣдѣніе*. Смѣшно слышать, когда толпа квасныхъ папріотовъ, безъ высшихъ взглядовъ, кричитъ во все горло: «о Россія — мы любимъ тебя!»

Понимаете ли, что это крикъ реблчій? Я люблю Русь не за то, что въ ней растутъ грибы-сыроежки, пьютъ пѣнникъ и закусываютъ печёнкой, но за то, что она моя родимая родина, моя отчизна, моя земля, мое обиталище, мое жилище; край народа бѣло-кураго, кругло-лицаго, голубо-окаго, красно-щёкаго, широко-плечаго, брано-любиваго и могучаго. Такъ кричалъ, писалъ, думалъ и гадалъ я, и вопъ квасной папріотизмъ, самохвальство, ханжество и невѣжество — не услышали, не поняли, не поспигли, не разгадали меня, но я презираю ихъ, я доволенъ самъ собою, я гордъ самъ собою!..

Читатель. Именемъ челоѣчества преклоняю предъ побою колѣна, смиренномудрый Мужъ!

Терпѣій Кабановъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П И Р Ъ.

(Испанская историческая повесть.)

Генрихъ III, король Кастильскій, прозванный *хворымъ*, соединялъ въ себѣ любезность характера съ рѣдкою живостью ума. Такъ какъ при вступленіи его на престолъ, ему было только одиннадцать лѣтъ отъ роду, то для управленія дѣлами государства, во время его малолѣтства, назначено было регентство. Его составляли маркизъ де *Виллена*, архіепископъ Толедскій и нѣсколько другихъ вельможъ, которые своими кознями и происками произвели въ государствѣ зна-

чительное разстройство. Столько же пронупый частными жалобами народа, сколько негодовавшій на лукавство и алчность вельможъ, *Генрихъ* рѣшился наконецъ не ограничиваться только пустымъ пиломъ короля, но дѣйствительно принять бразды правленія. До тѣхъ поръ, опекуны его вслѣдствіе спарались удалить его отъ дѣлъ общественныхъ, и многочисленныхъ несправедливости и угнетенія, какія они оказывали его подданнымъ, оспаривались для него совершенно неизвѣспными.

Спрасно любя охоту и музыку, *Генрихъ* дѣлилъ почти все время между сими двумя забавами, а вельможи, управлявшіе отъ его имени государствомъ, ни мало не заботились о томъ, чтобы король предавался забавамъ, не допускаящимъ его обратиться къ занятіямъ болѣе важнымъ. Но происшествіе, случившееся въ то время, когда *Генриху* едва минуло пятнадцать лѣтъ, открыло ему коварство и корыстолюбіе его воспитателей, и понудило его наконецъ воспользоваться властію, которую они себѣ присвоивали.

Случилось однажды, что король ранѣе обыкновеннаго возвратился съ перепелиной охоты, которая была его любимой забавой. Проголодавшись, онъ долго ждалъ, чтобы ему подали обѣду, но видя, что никто отъ этого не заботится, послалъ своего пажа узнать, что было причиною такого непростительнаго нерадѣнія. Пажъ скоро возвратился, но, казалось, не осмѣливался объявить о послѣдствіяхъ даннаго ему порученія.

— Ну, *Фадрикъ*, говори же, — сказалъ король: отъ чего происходитъ такая медленность? Не случилось ли чего съ моимъ поваромъ, или экономомъ?—

«Ничего, государь, отвѣчалъ пажъ; но сегодня не готовили обѣда.»

— Клянусь св. Яго, это непростительно! Мнѣ кажется, для моего обѣда вовсе не нужно большихъ приготовленій; умѣренность моя довольно извѣстна. Поди скажи, чтобы мнѣ подали чего хопать, но только поско-

рѣе, потому что я порядочно проголодался на охотѣ.—

Пажъ опсправился съ симъ новымъ приказаніемъ, но скоро воропился назадъ, въ сопровожденіи не полпы слугъ, несущихъ кушанья, а одного эконома, котораго выпянувшееся лице предвѣщало не много добраго.

— Пресвятая Дѣва!—вскричалъ король: что значить эптокъ плачевный видъ, любезный *Мартосъ*, и опъ чего не гоповъ мой обѣдъ?—

«Покорнѣйше прошу прощенія у вашего высочества, но обѣдъ...»

— Ну! обѣдъ—что же съ нимъ сдѣлалось, спросилъ, улыбаясь, король: развѣ его съѣли кошки, или испортилъ поваръ?—

Экономъ покачалъ головою съ выразишельнымъ видомъ, который какъ будто служилъ только прологомъ къ его печальному отвѣсту.

«Мнѣ весьма прискорбно бытъ такимъ худымъ вѣспникомъ для вашего величества, но дѣло въ томъ, что пеперь во дворцѣ нѣтъ ничего, чтообы можно было подать вамъ.»

— Нужды нѣтъ,—отвѣчалъ король: я буду доволенъ сущю бездѣлицею; ты знаешь, что я не прихотливъ. Поди же скорѣе.—

Но *Мартосъ* не прогался съ мѣспа, и лице его, безъ того довольно угрюмое, приняло видъ еще болѣе мрачный.

«Государь, возразилъ онъ, во всемъ дворцѣ не нашлось бы обѣда даже для послѣдняго изъ вашихъ подданныхъ. У насъ повсе ничего нѣтъ.»

— Тѣфу пропасть!—вскричалъ король, полушупя и вмѣстѣ съ досадою. Развѣ ты не знаешь, что въ моихъ обѣдахъ не бываетъ большой роскоши. Я думаю, рѣдкій изъ дворянъ моего королевства не ѣстъ лучше своего короля, но и шупъ я не могу добиться, чтообы мнѣ подали даже хопя эптокъ умеренный обѣдъ. Но какъ я все-таки не могу обойтись безъ пищи, то принеси мнѣ хопя ломпикъ холоднаго мяса и какихъ нибудь овощей.—

«Я въ опчаянціи, отвѣчалъ хладнокровный экономъ; но у насъ нѣтъ ни мяса, ни овощей.»

— Эпто ни на что не похоже!—Послѣ эптаго, я гоповъ думать, что если бы я попросилъ куска хлѣба, то и тогда получилъ бы опказъ.—

Молчаніе *Мартоса* ясно показало королю, что онъ не ошибался въ своихъ догадкахъ.

— По крайней мѣрѣ, вели повару приготовить дичину, которую я принесъ съ охоты; она вѣрно еще цѣла, если только обѣдъ мой не подверженъ вліянію какой нибудь волшебной силы.—

Пока гоповили обѣдъ, король принялся размышлять объ ужасномъ опустошеніи, господствовавшемъ въ его кухнѣ. Увѣрившись, что шупъ скрывается какая нибудь шайна, онъ швердо рѣшилъ узнать еѣ и непременно опкрыть причину такого рѣшительнаго недоспатка. Когда наконецъ дичину подали на столъ, онъ съ удивленіемъ замѣнилъ, что кромѣ *Мартоса* и самаго повара никто не пришелъ служить ему.

— Что эпто значить?—вскричалъ раздраженный *Генрихъ*: гдѣ же мои лакеи? Я давно замѣчаю, что число ихъ день опо дня уменьшается, но сегодня, развѣ они всѣ нашлись пьяными?—

«Всѣ разошлись! государь, всѣ разошлись!» сказалъ *Мартосъ* плаксивымъ голосомъ.

— Разошлись? Куда? Неблагодарные!—неужели они до такой степени были недовольны своимъ положеніемъ, что съ общаго согласія, разомъ оставили дворецъ мой?—

«Увы! государь, казна ваша такъ оптощена, что еѣ недостаетъ даже и на домашніе расходы вашего величества. Давно уже слуги ваши не получали ни одного *марведиса* жалованья, и больше не захотѣли жданъ.»

Король едва могъ повѣрить эптому разсказу. Онъ пристально посмотрѣлъ на *Мартоса*, котораго печальный видъ и тѣлодвиженія подтвердили истину словъ его.

— Эпто требуетъ спрочайшаго изслѣдованія,—сказалъ *Генрихъ*, спараясь скрыть овладѣвшее имъ негодование. Когда почтенные опекуны мои не слишкомъ заботились о своемъ питомцѣ, то надобно по крайней мѣрѣ освободить ихъ опъ всякой отвѣст-

спивенности. До чего же доведены мои бѣдныя подданные, если уже государь ихъ першпшъ недоспашокъ въ обѣдъ и прислугъ!—

Сардоническая усмѣшка *Мартоса* и весьма выразительное движеніе головы, послужили знакомъ, что онъ могъ бы открытъ много любопытнаго; если бы ему было позволено говорить. Король понялъ это и убѣдилъ его объясниться безъ принужденія.

« Моженъ бытъ съ моей стороны и большая дерзость вмѣшиваться въ то, что до меня не касается, и осмѣливаясь объявлять свое мнѣніе, сказалъ *Мартосъ*, но я имѣю весьма сильный поводъ думать, что опекуны вашего величества порядочно обворовываютъ королевскую казню.»

— Съ нѣкотораго времени и я началъ такъ думать,—прервалъ его король: но все же алчность ихъ не можетъ простираеться до такой степени, чтобы морить самого меня голодомъ.—

« Государь, сказалъ *Мартосъ* съ видомъ шайнспивенности, я знаю нѣчто такое, что можетъ намъ пояснить это дѣло.»

— Неужели!—Посмотримъ, что такое ты знаешь?—

« И такъ, государь, мнѣ извѣстно, что одинъ изъ регентовъ, а именно архіепископъ Толедскій, даетъ сегодня огромный пиръ, на который приглашена большая часть придворныхъ!»

— Превосходно! Между тѣмъ, какъ король Касильскій хлопочетъ о своемъ обѣдѣ, его высококомѣрные вельможи пируютъ на его щепъ. Хорошо! я отправлюсь на ужинъ къ прелату безъ приглашенія. Доспойные опекуны мои, зная мои мирныя склонности, увѣрены, что я буду сидѣть во дворцѣ и опдыхать послѣ охоты; но я хочу захватить ихъ въ располхъ и присутствовать на праздникѣ. *Фадрикъ*, достань мнѣ плащъ бѣднаго спранспвующаго менестреля; а ты, *Мартосъ*, чрезъ архіепископскаго управителя, постарайся доставить мнѣ входъ въ залу, гдѣ происходитъ у нихъ пиршество.—

Намѣреніе короля было немедленно приведено въ исполненіе. Онъ переодѣлся, взялъ

гипару, и когда наступила ночь, отправился къ дому архіепископа. Король послалъ впередъ вѣрнаго своего эконома, чтобы выхлопотать ему свободный въ него доступъ, а между тѣмъ, полагаясь на преданность *Мартоса*, и надѣясь, что въ одеждѣ менестреля никто не узнаетъ его, онъ подошелъ къ воротамъ архіепископскихъ чертоговъ въ самое то время, когда собесѣдники собирались садиться за столъ. Еще издали слышалъ *Генрихъ* шумъ и стукъ, происшедшіе отъ приготовленій къ ужину, а увидя полпу слугъ, которые суемились и бѣгали въ разные стороны, онъ по справедливости заключилъ, что пиръ сей давался съ истинно-царскою роскошью. Это возбудило въ немъ сильное негодованіе; но онъ рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобы короче узнать придворныхъ, и приготовился употребить все силы, чтобы искусно выдержавъ роль лица, которое онъ взялся представить.

Сначала онъ заигралъ прелюдію, чтобы возбудить любопытство въ собесѣдникахъ, съ шумною веселостію предававшихся удовольствіямъ ужина. Очаровательные звуки гитары скоро привлекли ихъ вниманіе, и они опоздали съ большею похвалою о дарованіи музыканта.

— Я не слыхивалъ ничего пріятнѣе этой музыки,—сказалъ маркизъ *Виллена*: а безъ хвастовства могу похвалиться знаніемъ сего искусства. Вамъ извѣстно, господа, что мнѣ была поручена эта важная часть королевскаго воспитанія.

« Клянусь честью, сказалъ донъ *Педро де Мендоза*: я сомнѣваюсь, чтобы самъ король, при всемъ своемъ дарованіи, могъ сравниться съ этимъ менестрелемъ.»

— Кто онъ таковъ?—спросилъ прелатъ у своего управителя.

« Бѣдный, спранспвующій музыкантъ. Мнѣ рекомендовалъ его одинъ изъ моихъ пріятелей, какъ человека съ отличными талантомъ.»

— И онъ не обманулъ тебя, возразилъ архіепископъ. Приведи этого менестреля

сюда, чтобы мы лучше могли судить о его достоинствах.—

Приказание сіе было потчасъ же исполнено, и мнимый менестрель очутился посреди празднества. Великолѣпіе, которое паче господствовало, чрезвычайно поразило его. На столѣ наставлены были самыя роскошныя и рѣдкія кушанья, и множество слугъ спешили исполнять малѣйшія желанія гостей. *Генрихъ* спалъ въ углу, откуда легко могъ наблюдать за происходившимъ, и слышать всѣ замѣчанія опекуновъ своихъ.

— Ты, кажешься, еще очень молодъ, сказалъ архіепископъ: а уже сдѣлалъ большіе успѣхи въ своемъ искусствѣ. Кто ты таковъ?—

«Ахъ, благородный сеньоръ! — я бѣдный сирота, доведенный до такой крайности, что даже не обѣдалъ сегодня.»

— Бѣдный! Дайте ему чего нибудь поѣсть. И ты всегда былъ въ такомъ жалкомъ положеніи?—

«О, пѣтъ, сеньоръ! — я происхожу отъ благородной фамиліи, но, по несчастію, былъ еще очень малъ, когда имѣлъ несчастіе потерять отца; опекуны же мои, вмѣсто того, чтобы по совѣсти исполнить долгъ свой, лишили меня всего наслѣдства, и оставили въ такой крайности, что я принужденъ прудами рукъ своихъ спискивать себѣ пропитаніе. Богъ свидѣтель въ справедливости моихъ словъ.»

— Эпопъ молодой человекъ мнѣ очень жалокъ,—сказалъ донъ *Педро де Мендоза*, одинъ изъ величайшихъ расхищителей королевскаго достоянія.— Поступить такъ безчеловѣчно съ сиротою, это ужасно!—

«Да благословишь васъ Богъ, великодушный сеньоръ!— отвѣчалъ король: но вы бы еще болѣе вознегодовали, если бы я сказалъ вамъ, что въ то самое время, какъ я прибѣгаю подъ покровительство благороднаго архіепископа, жестокіе опекуны мои роскошно пируютъ на мой щепъ.»

— Если ты говоришь правду,—вскричалъ съ живостію добродѣтельный прелатъ: то они заслуживаютъ примѣрное наказаніе.—

«О! конечно,—сказалъ *Мендоза*: они непременно должны возвратить все, что у тебя опіяли.»

— Какъ, донъ *Педро*!—возразилъ архіепископъ: неужели вы находите достапочнымъ это наказаніе? По моему, подобныя пресупленія достойны пюрьмы и даже смерти.—

«Да благословяшь васъ всѣ угодники Божіи, сеньоръ,—вскричалъ *Генрихъ*. Я не замедлю обратиться къ вамъ съ просьбою оказать мнѣ правосудіе.»

Пиръ продолжался далеко за полночь. Въ печеніе сего времени король успѣлъ увѣрился въ возвращенныхъ правилахъ и коварствѣ своихъ вельможъ. Выраженія, самыя непристойныя, шутки, самыя вольныя, переходили изъ устъ въ уста; неумѣстныя повсюду, пѣмъ болѣе казались они такими за споломъ перваго духовнаго сановника.

Излишнее употребленіе вина заставило пирующихъ позабыть всякую оспорожность; они начали свободно говорить о своихъ предположеніяхъ и даже хвалились искусствомъ, съ какимъ умѣли они прибираться къ рукамъ государственныхъ доходовъ. Нѣскольکو разъ въ негодованіи хопѣлъ король сбросить съ себя нарядъ и посрамить недостойныхъ, но удержался, чтобы опмститься имъ болѣе блистательнымъ образомъ. Опъ игралъ и пѣлъ въ продолженіе пиршества, и наконецъ удалился, не возбудивъ въ собесѣдникахъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

(Оканчаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Какъ новый годъ всегда пріятень!

Онъ жизни прелесть придаетъ;

Не опъ того-ль, что Свѣшь превращень,

Здѣсь всякой будущаго ждетъ?

А настоящимъ мы скучаемъ!

Мечты, надежды и молюбы—

Мы къ будущему обращаемъ,

И лучшей ждемъ себя судьбы.
 Годъ новый сколько насъ прельщаетъ!
 И слово новоспн одно!
 Чего намъ не сулишь оно?
 Но вотъ въ желанный день—блиспаешь
 Свѣпила радостный восходъ,
 И мы другъ друга поздравляемъ,
 Другъ другу щаспье общаемъ,
 И говоримъ: «вотъ новый годъ!»
 Желалъ бы я, скажу мечпая,
 Имѣть волшебное стекло,
 Чпобъ всѣ предметы приближая,
 Оно представилъ мнѣ могло
 Во множествѣ различныхъ видовъ
 Сборъ суешлящихся людей—
 Опъ хижинки просполоудиновъ
 До пышной залы богачей;
 Толпы приказныхъ и придворныхъ,
 Толпы чиновныхъ и проспыхъ,
 Непросвѣщенныхъ и учёныхъ,
 Людей духовныхъ и мирскихъ,
 Съ упра до вечера кружащихъ
 Изъ дома въ домъ, туда-сюда
 Идущихъ, ѣдущихъ, лепящихъ.—
 Въ сей день издревле и всегда,
 Вездѣ учпивость суешпнся;
 Забоша великому своя:
 Вотъ съ новымъ годомъ—поклоннпсья
 Купецъ идешь къ судѣ; судья—
 Спѣшишь къ начальнику съ почпеньемъ;
 Но опъ, съ плюмажемъ подъ рукой,
 Къ вельможѣ ѣдешь съ поздравленьемъ,
 Въ надеждѣ милоспн большой,
 Превосходительству лаская.
 А шопъ, чпобъ часа не шеряшь,
 Съ крыльца другаго выбѣгая,
 Спѣшишь самъ также поздравляшь.—
 Годъ новый! шолько люди шъ же,
 И шъ же спраспн, шъ-жъ сердца!
 Ахъ, заблужденьямъ нѣтъ конца,
 И глупоспн не спали рѣже!
 Тщеславный хочешь бышь знанпй,
 Красавица плѣняшь улыбкой,
 Купецъ съ поклономъ и ужимкой
 Божишься въ честноспн своей,

Обманывая всѣхъ не даромъ
 Дурнымъ и дорогимъ поваромъ.
 По городу изъ края въ край
 Въ каретѣ повои щеголь скачетъ;
 Ханжинъ кричишь: проценты дай,
 А по душѣ своей все плачетъ!
 Дѣвицы будущъ до утра
 Кружишься въ рѣзвыхъ копильнонахъ;
 Лъстецы и нынѣ и вчера
 Выигрываютъ на поклонахъ;
 Но журналистъ - Хамелеонъ,
 Кого хвалишь, шого ругаетъ,
 Кого бранишь, восхваляешь онъ;
 Подпщикъ сердился, зѣваетъ;
 Но дѣлашь нечего . . . . чптаешь!
 И вы, о добрые мужья,
 По старому, хопя въ годъ новый,
 Женъ милыхъ рядите въ обновы.—
 Какъ прежде, вижу, слышу я
 Любовь, вражду, пріязнь и свары;
 Ахъ, согласишесь же, друзья,
 Чшо новый годъ—похожъ на старпй!

Б. Федоровъ.

А Н А Г Р А М М А.

Я существо чудесное въ природѣ,
 Почпн безъ ппжеспн, безъ ногъ, безъ глазъ, безъ
 рукъ,

Но двигаюсь, лечу и исчезаю вдругъ,
 И нынѣ, въ Англии особенно, я въ модѣ.—
 Тамъ научились мною чудеса шворншь.
 Моею силою: вы ѣдете въ каретѣ,
 Безъ парусовъ корабль по безднамъ водъ лепишь,
 И мало ли чудесъ я дѣлаю на свѣтѣ?
 Могу я вышивать, и прясать, и шкать, и шпшь!—
 Но ежели меня на оборотъ прочтѣте,
 Вдругъ Генерала вы передъ собой найдѣте,
 Котораго любилъ Наполеонъ,—
 И Данцигъ защищалъ опъ Русскихъ долго онъ.

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
 уѣздъ Гжатскій:

Въ № 46, помѣщпная шарада значншь: *Bis-bille.*

M O D E S.

Les gros de Naples à carreaux, soit à mille raies, soit plus grands carreaux de deux couleurs, tracés par une ligne délicate, sont fort bien pour des redingotes-peignoirs que les femmes mettent le matin pour sortir en négligé.

Il y a eu surtout écru noisette de deux nuances, d'autres chocolat et blanc qui sont d'une simplicité très-élégante. On doit observer que les jupes sont extrêmement amples; sept lez ne sont que suffisans; les pélerines aussi simples que possible, et pour ceinture l'étoffe comme la robe;—avec cela une capote de paille et une collerette de batiste, font un très-joli ensemble de toilette.

Les jeunes personnes ont aussi leurs mantelets; simples et gracieux, ils sont moins élégans que tous ceux dont nous avons déjà parlé. Ils sont de même forme ou fermés, et garnissant le cou par un col, ou un peu ouverts et garnis dans le haut seulement par une ruche. Autour point de garniture et au milieu, fermés par trois nœuds de ruban; — ils doivent être en fine mousseline, ourlés ou brodés;—quelques-uns cependant se font en tulle, applications de Bruxelles, et doublés en soie ou en gaze Dona Maria; mais toujours sans garnitures.

Nous avons eu occasion de voir dans les magasins de M. Lavigne, boulevard Poissonnière, n° 18, des charmantes pélerines froncées à la ceinture, et des cols à ruches renversées tout-à-fait élégans pour des promenades ou des visites du matin; des mantelets en grand nombre et de très-jolies guimpes montantes. M. Lavigne qui s'occupe beaucoup de nouveautés, a fait pour ce printemps des capotes de tulle de coton brodé, en laine de couleur très-fine, sur lesquelles il pose des rubans et des fleurs et qui sont tout-à-fait extraordinaires.—Elles doivent convenir parfaitement à des toilettes de campagne, en ce qu'elles sont habillées à cause des ornemens, très-légères et susceptibles d'être blanchies.

Une charmante manière de mettre une ceinture, surtout avec une robe blanche en mousseline ou jacobas, de forme toute simple, est un large ruban de taffetas qui tourne deux fois autour de la taille et revient nouer devant avec une rosette; quelquefois à petits bouts, très-écartés; d'autrefois à pans flottans assez longs.

M O Д Ы.

Гроденапли клетчатые, съ мелкими полосками, или крупнѣе двуцвѣтные клѣтки, означенныя легкою полоскою, весьма приличны для редигоповъ-пенуаровъ, которые женщины надѣваютъ обыкновенно упрямъ за-просто.

Есть особенно écru-noisette, двухъ пѣней, другіе шеколатные съ бѣлымъ, просто и щеголевапо. Надо замѣтить, что юбки чрезвычайно полны; семь полошницъ только что достапочны; пелеринки проспы сколько возможно; поясъ изъ шаковой же матеріи какъ плащъ; при семь соломенный капотъ и башистовый борочикъ составляють весьма красивый, полный нарядъ.

Молодые особы также носятъ мапшилы, проспы и красивыя; онѣ не такъ щеголевапы, какъ пѣ, о которыхъ мы говорили. Онѣ шакого же фасона или закрышыя, прикрывають шею ворошничкомъ, или немного опкрышыя, аверху обшышыя только рюшемъ. Вокругъ и въ среднѣ безъ опдѣлки, завязаны према баншами изъ ленпъ; онѣ должны бытъ изъ шонкой кисей, съ рубцемъ или вышыпы; иныя дѣлаются однако изъ шюля, съ Бриссельскими пакладками, и подложенныя шафшою или газомъ Донна-Марія; но все безъ опдѣлки.

Мы имѣли случай видѣть въ магазинѣ Г-на Lavigne, на бульварѣ Poissonnière, прелесныя пелеринки, собранныя подъ поясъ, съ опкидными ворошничками, съ рюшемъ; онѣ весьма щеголевапы для прогулокъ или упренныхъ визитовъ; мапшилы въ большомъ количествѣ, и весьма красивыя высокія шемизешки. Г-нъ Lavigne, много занимающийся новостями, сдѣлалъ для сей весны шюлевые капоты, вышыпые весьма шонкою цвѣтною шерспью; онѣ накалываешъ на нихъ ленпы и цвѣпы; они совершенно необыкновенны.—Они должны бытъ приличны къ деревенской одеждѣ, попому, что нарядны по опдѣлкѣ, весьма легки и удобно моются.

Прекрасный и проспой способъ носить поясъ, особенно съ бѣлымъ кисейнымъ или жаконповымъ плащемъ;—широкая шафшяная ленша оберпывается въ два раза около шали и завязываешъ спереди розеткою; иногда съ коропкими концами, весьма раздѣленными, иногда съ довольно длинными развѣвающимися концами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 48.

Цѣна годовому изданію,
состолщему изъ 104 №, съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 17 дня 1833 года.

«Умень и перцѣливъ! шодкалъ его и билъ,
Не охнулъ!»—такъ Осель о камнѣ говоритъ.
«Вопъ скопникъ нашъ мнѣ кажеться скопиной:
Я давиче его немного зацѣпилъ,
А онъ меня дубиной!»
И по дѣломъ, Осель! ты знай себя,
Того не задирай, кпо смѣшленѣй тебя.

Н. Остолоповъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИРЪ.

(Описание.)

Возвратясь во дворецъ, *Генрихъ* спалъ думать о средствахъ нанести глубокое униженіе гордости виновныхъ и достойно наказать ихъ. Съ эпою минушы онъ птверже, нежели когда либо, рѣшился принять бразды правленія. Черезъ нѣсколько дней должно было исполниться ему пятнадцатъ лѣтъ, и онъ избралъ сей день для доспичженія своей цѣли. На завпра онъ разослалъ ко всѣмъ придворнымъ приглашенія къ поржественному обѣду, которымъ хопѣлъ онъ праздновать день своего рожденія, и послѣ эпоаго, казалось, совершенно забылъ все происходившее. Онъ принималъ по прежнему архіепископа и другихъ правителей, такъ что они ни мало не подозрѣвали, чтобы королю могло бытъ извѣстнымъ ихъ лукавство.

Въ назначенный день придворные исправно собрались по королевскому приглашенію. Они любопытствововали видѣть, какой праздникъ могъ имѣ дасть король, когда казна его была совершенно опустошена. Можетъ бытъ, думали они, открылъ онъ какое нибудь сокровище, или сдѣлалъ заемъ у короля Аррагонскаго; однакожь, донъ *Педро де Мендоза* никакъ не могъ понять, чптобы въ первомъ случаѣ сокровище избѣжало бдипельнаго надзора его, и чптобы во впоромъ, заемъ могъ бытъ сдѣланъ безъ его посредничества. *Генрихъ* спарался распустишь различные слухи о великолѣши пригоповляемаго имъ пира, и придворные съ неперпѣніемъ ждали, чптобы самое событіе подтвердило сіи слухи, или обличило ихъ несправедливостъ.

По мѣрѣ эпоаго, какъ они приходили, ихъ впускали въ комнату, въ которой всѣмъ имъ назначено было собраться. Когда же наконецъ всѣ явились, по ихъ опвели, съ большою церемонією, въ залу, пригоповленную для пиршества. Но какъ описать ихъ изум-

леніе при спрранномъ зрѣлищѣ, которое предспавилось памъ ихъ взорамъ! Въмѣсто богатаго убранства, они увидѣли только голыя, ни чѣмъ не обитыя спѣны, безъ всякихъ украшеній. Деревянный столъ грубой работы и пакія же скамьи соспавляли всю мебель этой комнаты. Король, вооруженный съ головы до ногъ, сидѣлъ за верхнимъ концемъ стола, на которомъ не было никакого кушанья, кромѣ куска черстватаго хлѣба и кружки воды, находившихся предъ каждымъ изъ гостей.

Генрихъ, самымъ ласковымъ пономъ пригласилъ вошедшихъ садиться, и сдѣлалъ честь изгопвленному для нихъ обѣду.

— Можеть быть,—сказалъ король, онъ и не слишкомъ вкусенъ, но я очень хорошо знаю вашу преданность и вѣрность, а потому не сомнѣваюсь, что вы съ удовольствіемъ примете всякій знакъ благоволенія отъ своего государя.

Придворные постарались вызвать на свои лица самую пріятную улыбку, которая могла у нихъ родиться въ такомъ критическомъ положеніи, и съвѣ за столъ, принялись убирать суровую пищу, которая была имъ предложена. Они никакъ не могли отгадать цѣли сего спрраннаго явленія, но будучи довольно лукавы, не сомнѣвались, что нутъ скрывается какая нибудь тайна. Видя веселость и благосклонность къ нимъ короля, они начинали даже думать, что все это было дѣйствіемъ его прихоти; а вооруженіе *Генриха* заспавляло ихъ предполагать, что онъ хотѣлъ представить пѣмъ эмблему лишеній, которыми въ спарину часто подвергались рыцари.

Между пѣмъ, король съ жадностью сдѣдалъ свою долю, и гости довольно усердно слѣдовали его примѣру.

— Я боюсь,—сказалъ онъ, что вы не будете довольны этимъ обѣдомъ, но надѣюсь, что впорая перемѣна болѣе вамъ понравится.

Отъ этихъ словъ удовольствіе снова показалось на лицахъ придворныхъ, и они не сомнѣвались болѣе, что это была только шушка, имѣвшая цѣлью придашь болѣе цѣ-

ны пиршеству, для нихъ назначенному. Они вспали въ эпомъ увѣреніи и послѣдовали за королемъ въ другую комнату, куда, по словамъ его, было подано второе кушанье; но едва они вошли туда, какъ опять измѣнились въ лицѣ. Спѣны сей комнаты были обиты чернымъ сукномъ, окна заворены, и только двѣ или три лампы освѣщали её. Со всѣхъ сторонъ видны были печальныя эмблемы смерти. Въ глубинѣ комнаты что-то скрывалось за широкимъ чернымъ завѣсомъ; далѣе находился гробъ, у подножія котораго стояло большое распятіе; вокругъ лежали мертвый черепъ, монашеская одежда и молибенникъ.

Король приказалъ тогда заворить двери, и обратясь къ придворнымъ, сказалъ имъ твердымъ и важнымъ голосомъ:

— Вы видите, что все готово; но прежде, нежели коснемся до второй перемѣны и до десерта, который долженъ заключить нашъ праздникъ, мнѣ нужно сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Вы, почтенный архіепископъ, по высокому сану своему и важнымъ заслугамъ, лучше другихъ можете мнѣ отвѣчать на него.—

Послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ болѣе спрогимъ голосомъ:

— Теперь, скажите мнѣ откровенно: сколько вы видѣли королей въ Каспидіи? —

«Я видѣлъ прехъ»,—отвѣчалъ смущенный предать: «Дона *Генриха Трантамара*, великаго дѣда вашего, отца вашего донъ *Жуана* и ваше величество.»

Король повторилъ многимъ попъ же вопросъ, и всѣ отвѣчали, смотря по лѣпамъ, что они видѣли двухъ, или прехъ королей Каспидскихъ.

— Фи! *caballeros!*—вскричалъ король, нахмуривъ брови; вы обманываете своего государя. Какъ! самый старшій изъ васъ видѣлъ только прехъ королей въ Каспидіи! Какимъ же образомъ я, который всѣхъ васъ моложе, успѣлъ уже видѣть ихъ болѣе полдюжины?—

Придворные крайне изумились; по безпокойству ихъ гораздо болѣе усилилось, когда,

по сердшному виду короля, они увидѣли, что эпаго уже невозможно было почиташь шулкою.

— Да, повторилъ онъ, я видѣлъ въ Касши-ли шесть королей, и вы можете судить, что зрълице это было не совсѣмъ пріятно для меня, который также имѣеть нѣкопоруя припязанія на корону. Такое мпожеспво государей вредитъ благосостоянію спраны, и для ея щастія будетъ гораздо лучше, если одинъ соединитъ въ рукахъ своихъ всю власпъ. Мнѣ кажется, я больше каждаго изъ моихъ соправителей имѣю правъ на такое опличіе. И такъ, пусть король-архіепископъ Толедскій, король маркизъ *де Вильена*, и всѣ прочія величеспва сей же часъ опрекутся опъ своей власпи, а въ прошивномъ случаѣ пригошовапся вынеспи всѣ послѣдствія своего опказа.—

При сихъ словахъ, онъ топнулъ ногою, и изъ за чернаго занавѣса выступила толпа вооруженныхъ воиновъ.

— Вотъ, продолжалъ король, часпъ храбрыхъ воиновъ, которые постояптъ за права мои.—

Смятеніе и безпокойспво вельможъ доспигли высочайшей спепени, и они наперерывъ принялись испощать свое краснорѣчіе, чтобы умилоспивить короля. Они увѣряли его, что если имъ и случилось воспользоваться королевскими правами, то единспвенно опъ излишняго усердія и опъ желанія облегчить для него ппжеспъ государспвеннаго управленія. Но *Генрихъ*, ни сколько не увлекался сими лживыми увѣреніями, оспавался непреклоннымъ. Низкія уверпки ихъ еще болѣе раздражили его, и онъ опказалъ имъ въ прощениі, которое вѣрояпно получили бы они при опкровенномъ и чистосердечномъ признаніи.

— Намъ остається кончить еще одинъ предметъ,—продолжалъ *Генрихъ*. Вы видѣли, какой праздникъ я для васъ пригошвилъ; я согласенъ, что въ опношеніи къ великолѣпю, онъ никакъ не сравнитъся съ тѣмъ, который давалъ, за нѣсколько дней предъ симъ, архіепископъ Толедскій. Въ этомъ праздни-

кѣ, котораго я никогда не позабуду, вы всѣ замѣтили молодаго сироту, спранспвующаго менеспредя, и общали оказать ему правосудіе. Я принялъ на себя эпу заботу, и клянусь св. Яго, сирота будетъ удовлетворенъ самымъ блиспательнымъ образомъ!

Архіепископъ и его сообщники осполбѣнѣли опъ спраха; они увидѣли, что бесполезно было бы пріискивать какія пибудь оправданія, и въ молчаніи ожидали развлчки сего происшеспвія. Она случилась скорѣе, нежели они думали. По знаку, поданному королемъ, опворилась попаенная дверь, и вошли священникъ и палачъ. Черный занавѣсъ былъ опдернутъ, и взорамъ придворныхъ представились плаха и попоръ. *Генрихъ* продолжалъ:

— Господа, вы сами произнесли свой приговоръ. Теперь подпишите признаніе въ своемъ преступленіи, и актъ, по которому вы должны возвратить все, что захватили споль низкимъ образомъ.—

Бумаги топчасъ были подписаны.

— Теперь, — сказалъ король пвердымъ голосомъ: оспается только исполнить приговоръ, произнесенный архіепископомъ. Препоручите души ваши Богу.—

При сихъ словахъ прелатъ и его поварищи, почти полумертвые, бросились къ ногамъ оскорбленнаго государя, и признавались въ своемъ преступленіи, самымъ униженнымъ образомъ просили у него помилованія. Король, который вовсе не былъ жестокъ, и можетъ бытъ хопѣлъ только дать имъ урокъ, послѣ нѣкопорого молчанія, положилъ конецъ ихъ ппжскому спраху.

— Я васъ прощаю,—сказалъ онъ: потому, что не хочу запятнать кровію день моего рожденія; но вы пробудете въ пюръмъ до тѣхъ поръ, пока казна не вспулитъ во владѣніе всѣмъ, что вы у нее похипили. Тѣ изъ гостей моихъ, копорыхъ я пригласилъ только для того, чтобы они были свидѣтелями сего происшеспвія, и могли извлечь изъ онаго пользу, имѣютъ полную свободу удалиться; но вы, господа правители, споль постыдно упопрѣбившіе во зло вѣренную

вамъ власпъ, послѣдуйте за вѣрными моими офицерами. Идите. —

Родственники и друзья заключенныхъ приложили всевозможное стараніе, чтобы выхлопотать имъ освобожденіе. Все похищенное было возвращено съ спрожайшею почтоспю, и королевскія кладовыя скоро опять наполнились для щаспія цѣлаго народа.

Сіе происшествіе, въ копоромъ споль юный монархъ изъявилъ такую рѣшимоспъ, благоразуміе и пвердоспъ, придало ему еще болѣе цѣны въ глазахъ его подданныхъ. Съ эпохой минулы онъ царспвовалъ одинъ безъ всякой помѣхи. Раздоры, возникшіе во время его малолѣтспта, прекрапились, и Каспилья была спокойна и щасплива до самой его смерти. Къ несчастію, слабое соспояніе его здоровья, ранѣе, нежели можно было ожидать того, пресѣкло его драгоцѣнную жизнь. *Генрихъ III* скончался двадцати семи лѣтъ, оставя по себѣ наслѣдняка еще въ колыбели.

Пер. *Ип. Глбевъ.*

ПИСЬМО ЛАМАРТИНА.

Не излишнимъ щипаемъ представитъ читателямъ отрывокъ изъ письма *Ламартина* къ г. *Казилесу*, отъ 12 Декабря (30 Ноября) 1832 года.

«Недавно провелъ я сорокъ пять дней подъ шапромъ и на лошади, посѣпилъ все проспранспво, отъ кедровъ Ливанскихъ до степей Египетскихъ, отъ великаго моря до морей Галилейскаго и Мерпваго, и до горъ Аравійскихъ. Пріѣхавъ къ Іерусалиму, я нашелъ тамъ заразу со всеми ея ужасами. Не смотря на то, я вѣхалъ въ городъ, видя въ семъ прекрасный случай чѣмъ нибудь порисковать. Я все осмолрѣлъ, все обходилъ, все понялъ. Вчера я возвратился въ Бейрутъ, къ женѣ и дочери, а на эпихъ дняхъ снова опсправляюсь въ Дамаскъ, Бальбекъ, Пальмиру, и потомъ въ Алеппо и на Евфрапъ. Не смотря на холеру, заразу и войну, вѣроятно ни одинъ изъ путешествен-

никовъ не имѣлъ такихъ удобспвъ, какъ я, для посѣщенія сей прекрасной спраны. *Ибрагимъ* паша обошелся со мною, какъ ни одинъ изъ Европейскихъ государей не обошелся бы съ Мусульманиномъ, еслибы онъ захалъ къ намъ въ Европу. Онъ предоспавилъ въ мое распорядженіе даже войска свои на случай, когда они будутъ мнѣ нужны для путешеспвія къ самымъ спрашнымъ племенамъ Арабскимъ. Я вѣзжу всегда со спвою, по крайней мѣрѣ изъ придцати, или сорока человекъ.

«Мы всѣ здоровы; климатъ здѣшній превосходенъ. Я прекрасно обзавелся въ домѣ, копорый опдѣланъ мною на зиму. Мы нашли здѣсь довольно хорошее и пріятное общеспво.—Послѣ весны, я опсправлюсь въ Турцію чрезъ Таврскій хребетъ, буду въ Смирнѣ и Констанпинополѣ, опкуда возвращусь къ вамъ, если Богъ защититъ насъ отъ язвы, войны и буръ морскихъ. Молитесь Ему за насъ: я молился за васъ и за всѣхъ друзей моихъ на гробницѣ Спасителя міра.

«Сей часъ получилъ я Французскіе журналы. Я уже говорилъ вамъ, что для того, дабы хорошо видѣть Европу, надобно бытъ въ Азіи. Весь Парижскій шумъ, всѣ его спспемы такъ жалки, когда посмолришь на нихъ съ высоты Ливана, или изъ средины степей. Прощайте! Извѣстите обо мнѣ оспальныхъ друзей нашихъ, и скажите имъ, что я надѣюсь возвратиться въ будущемъ Септябрѣ мѣсяцѣ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНЪ МОЕГО ОТЦА.

Стихотворная повесть.

Къ гитателлямъ.

Отецъ и дѣдъ и прадедъ мой
Имѣли слабоспъ за собой
Подъ кровомъ Музъ, вдали отъ свѣта,
Въ уединеннѣ кабинета,

Подъ часъ бесѣдовать съ мечтой.
 Они бумагъ повѣряли
 Проказы юныхъ, пылкихъ дѣтъ
 И повѣсть жизни одѣвали
 Въ свой родословный переплетъ.
 Живя въ спѣнахъ негарной хапы,
 Какъ всѣ поэты въ міръ семъ,
 Они и добрые Пенаты
 Бывали приемами богаты,
 А больше, кажется, ничѣмъ.
 Спихи невыгодное средство
 Къ тому; чпобъ сдѣлать капиталъ—
 И все покойниковъ наслѣдство:
 Рѣзной, серебряной покаяль,
 Пясть книгъ, да съ нексаромъ подвалъ.
 Пясть книгъ и пыльныхъ и огромныхъ;
 Въ нихъ пѣма и прозы и стиховъ,
 Въ нихъ много чувствъ и оспрыхъ словъ,
 Смѣшныхъ надеждъ и вздоховъ томныхъ!
 Тамъ много разныхъ перемѣнъ.
 И для шоски и для опрады
 Мелькають: спансы и баллады,
 И омонимы и шарады,
 Посланья къ бабушкѣ N. N.
 И анекдоты пѣхъ времянь! —

Я радъ былъ этому наслѣдству,
 Я радъ, къ чему мнѣ здѣсь скрывать?
 Подвала близкому сосѣдству
 И комнатѣ, гдѣ могъ мечтать.
 Любилъ хозяйство я сначала—
 И эта склонность зрѣлыхъ лѣтъ
 Весьма естеспвенна. Бывало
 Начну хозяйничать съ подвала,
 А памъ и къ Музамъ въ кабинетъ!
 Въ шуманѣ чувствивъ огъ испареній,
 Въ пыли завѣтной спарины,
 Глопалъ я нексаръ вдохновеній—
 И въ часъ безмолвной пишпины,
 Надъ мной парилъ опцовскій геній!
 Мнѣ было сладко вспоминать
 О милыхъ прадѣдахъ и дѣдахъ;
 Чистая повѣсть ихъ, мечтатель
 О шумныхъ праздничныхъ обѣдахъ
 И дымныхъ рыцарскихъ бесѣдахъ.
 Все это мило! Я люблю.

Тревожилъ въ книгахъ пыль родную;
 Прочту одну—возьму другую,
 Её чишаю и не сплю.
 Спарикъ, отецъ мой, умирая,
 Мнѣ со слезами подаль ихъ,
 И шакъ примолвилъ, отдавая:
 «Вопъ повѣсть прадѣдовъ швоихъ!
 «Они писали на досугъ;
 «Я къ нимъ прибавилъ и свою—
 «Люблю чишать—ихъ и мою.
 «Прочтя порой, поплачь о другѣ!»—
 Онъ опошелъ—шуда, въ святой
 Приюпъ для спранниковъ за гробомъ,
 Гдѣ радость чистая, покой
 И пылая бесѣда съ Богомъ!...

Для васъ съ наслѣдственныхъ преданій
 Завѣсу шайнсва сорву,
 И изъ листовъ бытописаній
 Начну послѣднюю славу.

Глава I.

«Андрей! готова-ль Спрекоза (*)?
 Да раскури мнѣ трубку—живо!
 Ну, что пы выгучилъ глаза?
 Вернись проворнѣй—гдѣ огниво?...»
 И вопъ Андрей, деньщикъ лихой,
 Лепилъ за трубкою спирьмой.
 Спучилъ огниво подъ руками,
 И ужъ послушный прупъ горилъ,
 Изъ трубки дымъ клубясь лепилъ
 И пробирался межъ усами,
 Лицо геройское копшилъ!

Такъ удалой Корнешъ гусарскоѣ,
 И безъ гроша и безъ заботъ,
 Сбирался выступить въ походъ.
 Въ его нежирномъ чемоданѣ,
 Забытомъ роскошью, лежалъ:
 Персидскій шелковый халапъ,
 На случай купленный заранъ,
 Кой-что бѣлья, да въ уголку
 Чепыре *унна табаку.

(*) Верховая лошадь.

Въ надеждѣ сладкаго свиданья
 Съ любезнымъ дядюшкой въ Москвѣ,
 Онъ испощилъ свои спаранья
 Очищивъ мѣсто въ кошелькѣ.
 Онъ ждалъ, чшобъ къ пиковой Данаѣ
 Спустился Фебъ въ златомъ дождѣ;
 Но другъ сказалъ ему вздыхая,
 Чшо дамы въпрены вездѣ!
 Надежда! кто тебѣ не вѣрилъ?
 Кто не былъ жертвою пвоей?
 Чей взоръ шой бездны не измѣрилъ,
 Куда ввергаешъ ты людей?
 За чѣмъ надъ слабою душою
 Ты ложнымъ призракомъ паришь?
 За чѣмъ съ обманчивой мечпою
 Такъ сладко сердцу говоришь?

 Въ минупы первыхъ размышлений
 Опець мой неспокоенъ былъ;
 Но скоро угѣшишель - геиѣй
 Его съ судьбою примирилъ.
 Безпечной, пылкою душою,
 Отдавъ себя во власпъ судьбы,
 И съ неперпѣнемъ и съ мечпою
 Онъ ждалъ призывный гласъ трубы;
 Онъ ждалъ шопъ мигъ, когда знамены
 Военный вихоръ разовешъ,
 И конъ его перенесешъ
 На шумный шпръ сыновъ Беллоны.
 Въ часы фанпазиі златой
 Ему мечта изобразила
 Всю прелестъ жизни боевой
 И пупъ, проложенный войной,
 Лучами славы озарила.

 Въ шопъ день забопливый Андрей,
 Еще предъ упренней зарей,
 Проснувшись въ полночь до разсвѣта,
 Спрахъ недоволенъ былъ собой:
 Онъ вспрѣшилъ лучъ дневнаго свѣта
 Съ больной, шуманной головой.
 Качаясь, съ барскаго мундира
 Рукою сонной пыль смешалъ,
 И пополамъ съ грѣхомъ, ругаль:
 Походъ, войну, заботы міра
 И полковаго командира!

Какая скучная забота
 Вспавашь для глупой суеты,
 Тогда, какъ сладкая дремоша
 Сзываетъ сонныя мечты —
 Когда Морфея, позабывая
 Приличный людямъ экикетъ,
 Успа невольню раскрывая,
 Опять въ поспелю насъ зовешъ. — —
 Поклонникъ лѣни, другъ Морфея,
 Чипашель добрый! пожалей
 О шрудной должности Андрея
 Вспавашь съ румяною зарей!

 Ему въ минупы упражненій
 Почши не доспавало рукъ:
 Головь мундиръ для посѣщеній,
 Къ прогулкамъ упреннымъ сершукъ;
 Проснешся баринъ — дай умышься;
 Пошомъ, неси скорѣ чай;
 Пошомъ, гляди и примѣчай,
 Чшобъ, если спросишь невзначай,
 Въ минупу съ шрубкою явишься.
 Все эшо, надобно сказать,
 Пресуешливая работа,
 Съ лицомъ, измоченнымъ опъ поща,
 Все ушро бѣгашъ, хлопощашъ,
 И подавашъ и принимаешъ...
 Здѣсь, право, надобно родишься!
 А мой Андрей, на эшошъ разъ,
 За исключеніемъ проказъ,
 Едва ли вовсе не годишься...
 За шо, могу увѣришь васъ,
 Онъ пріобрѣлъ большіе виды
 На кровишельство Киприды.
 Его глаза, лукавый взглядъ,
 Удыбка, ласковыя рѣчи,
 Геройскій шпанъ, широки плечи,
 И ловкость плуша и парядъ—
 Все эшо помогло Андрею
 Свесши знакомства раг ашоуг.
 Онъ былъ опасный балагуръ,
 И подъ прикрышіемъ Морфея,
 Не разъ сдавалась бапарея!...
 Бывало иногда, Корсетъ,
 Послушный дружному призванью,
 Къ своимъ шоварицамъ уидешъ

На вечеръ, къ шумному свиданью. . . .

Андрей въ ермолкѣ, у ворошѣ
Проводитъ вечеръ безъ заботѣ.

Въ его рукахъ бренчитъ гитара;
Въ его лицѣ довольный видъ;
Въ его романсахъ мало жара,
Но въ нихъ бездѣлье говоришь.

Предъ нимъ мелькаешь порошливо
Толпа привѣтливыхъ Харитъ;
Ихъ взоръ, улыбка, боязливо,
Андрею многое сулишь.

И здѣсь, поклонникъ Эпикура,
Кириды баловень прямой,
Онъ ловитъ жадною душой
Благоволенія Амура! . . .

Но кончимъ это. Нашъ корнетъ
Уже готовъ и ждетъ похода;

Дорожный дуломанъ надѣшь,
Мечтамъ о славѣ тѣма расхода.

Андрей хлопочетъ убирашь
Оспашки роскоши военной

И принадлежность жизни брэнной
Въ походный узелъ завязать.

Пуспѣешь дымная обипель—

И только мебель по угламъ,
Нѣмой хлопотъ хозяйскихъ зришель,
Сквозь пыль является глазамъ.

И на споллахъ и подъ сполохами
Споишь печальными рядами
Бушмокъ позабытый спрой,
Съ краснорѣчивой пуспмошой.

Еще вчера—проспи веселье!

Вчера здѣсь былъ послѣдній шпръ,
Шумѣло важное бездѣлье

И Бахусъ, рыцарей кумиръ.

Въ послѣдній разъ гусары шли;
Въ рукахъ ихъ медленно ходили,

За шумнымъ дружескимъ спомомъ,
Покамы юлные съ виномъ.

И долго, долго шумъ невялшнй
Бесѣду вошповъ живилъ,

И полный кубокъ ароматный
Веселыхъ рыцарей поилъ!

За полночь госпикъ расходились;
Уже по воздуху клубились

Пары слетающей росы

И влагой упренней ложились
На ихъ кудрявые усы.

И шупъ и памъ мелькаешь пара. . .
Вошъ скрылись. . . лишь вдали гремишь,
Какъ будто сабля у гусара
Съ звенящей шпорой говоришь! . . .

Давно ли, нѣга жизни бурной,
Здѣсь лѣнь безпечная жила

И пылкимъ рыцаремъ была
На мигъ забыта—въ караульной?

Давно ли ропмиспръ и корнетъ
Здѣсь председашь имѣли право?

Давно-ль рѣшишельный валетъ
Ходилъ на лѣво и на право? . . .

Свершилось! близокъ часъ войны!
Гусаръ! гусаръ! гдѣ эти сны,

Предвѣспники любви привѣта?
Они умрутъ въ душѣ швоей

И не воскреснутъ для корнета
Во шмѣ вокишвенныхъ почей!

Не вкусишь съ нектаромъ арака,
Мечты въ полпѣ привычныхъ думъ;

Еѣ прогонишь битвы шумъ
И видъ гусарскаго бивака.

Тамъ ждетъ тебя иная спрасть,
Иная сила вдохновенья;

Ея неопразима власшь:
Въ громахъ, средѣ ужасовъ сраженья,

Въ вѣнцѣ двуглаваго орла,
Она паритъ надъ полемъ битвы;

Она звучна, какъ гласъ молшшвы;
Спрашна, какъ ужасъ и мила!

Царица свѣта величава

Ея послушная Молва. . . .

Склонилась робкая глава

И ты въ мечтахъ зываешь: *слава!*

Иди-жь, кровавою спезей—
Девизъ швой: *местъ и низложенье!*

Разсыпь его между толпой
Враговъ, достойныхъ пораженья. . .

И вошъ пробилъ желанный часъ,
Труба къ походу зашрубила,

Окрешность эхомъ повшорила! . . .
Внимай! внимай! къ оружию гласъ! . . . .

Лепяшъ гусары, пыль клубишся
 Изъ подъ копышъ лихихъ коней
 И на опважныхъ усачей
 Въ окнахъ народъ гядѣшь пѣснишся.
 Ряды промчались; имъ во слѣдъ
 Идемъ послѣдняя колонна;
 И слышно съ ближняго балкона:
 «Простите, господинъ корнешъ!»

Бартдинскій.

E N I G M E.

J'abandonne le corps, quand l'âme en est ravie.
 Je me laisse émouvoir aux passions d'autrui.
 Je vis avec le coeur et je meurs avec lui,
 Et marque les instans des heures de la vie.

Въ No 47, помѣщенная анаграмма значить: *Парь.*

M O D E S.

Les mantelets sont si généralement adoptés, que l'on commence à les voir avec les robes les plus simples, en étoffe pareille à la robe; ceux-ci sont très-grands, couvrant un peu les épaules et descendant jusqu'au bas de la jupe. Ou les garnit tout autour d'une bande froncée en étoffe haute d'une main; quelquefois ils ont un collet carré également garni. Nous ne pouvons donner une idée plus exacte de ces mantelets qu'en rappelant ceux qu'on voit aux paysannes des environs de Paris. Ils doivent se rejeter beaucoup en arrière, faisant des plis sur les épaules, et peuvent ne pas s'attacher devant comme ceux de dentelle.

Cette forme convient aux étoffes de soie, et même de mousseline et de jaconas.

Quant à ceux de vieille dentelle, ils sont toujours par-dessus tous de la plus grande distinction.

La doublure de soie la plus élégante pour les mantelets de blonde noire est *écru*.

Les redingotes de mousseline brodée, avec des dessous de marceline de couleur, sont d'une mode fort recherchée; la couleur paille surtout est en grande faveur.

La vogue des foulards s'augmente tous les jours; en effet, une étoffe si légère, si souple et si moëlleuse convenable pour toute toilette, ne pouvait manquer d'être toujours recherchée. Les fonds écrus et nankin sont connus des l'année passée; les plus nouveaux sont noir, marron, bleu et surtout *vert anglais*. Les dessins courans à ramages sont les mieux choisis.

M O Д Ы.

Маншильи въ споль общемъ употребленіи, что начинають показываться съ простыми платьями, изъ такой же матеріи, какъ платье; онѣ очень велики, закрывають немного плеча, а концы въ ровень съ юбкой. Ихъ обшивають оборкою изъ той же матеріи, шириною въ ладонь; иногда онѣ съ четверугольнымъ воротникомъ, также обшитымъ. Мы не можемъ подашъ вѣрнѣ понятія о сихъ маншильяхъ, какъ указать на нѣ, которыя носянтъ креспьянки въ окрестностяхъ Парижа. Онѣ должны много опкидываться назадъ, составляя складки на плечахъ, и могутъ не завязываться спереди, какъ кружевные.

Этотъ фасонъ приличенъ шелковымъ матеріямъ, также кисеѣ и жаконету.

Самыя же отличныя всѣ изъ спаринныхъ кружевовъ.

Самая щеголеватая подкладка, подъ чѣрныя блондовыя маншильи, небъленаго цвѣта.

Вышшые кисейные рединготы, подложенные цвѣстнымъ марселиномъ, въ отличной модѣ; соломенный цвѣсъ особенно въ большемъ употребленіи.

Фулары день опъ для входящъ болѣе въ употребленіе, и конечно шкань, споль легкая, мягкая, приличная всякому наряду, не могла оспаться въ пренебреженіи. Группы небъленаго цвѣта и нанкиноваго извѣсны уже съ прошедшаго года; новѣйшіе же: чѣрный, каштановый, голубой и особенно Англійскій зелѣный. Узоры съ разводами припаются лучшими.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 49.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10 1/4 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюня 21 дня, 1855 года.

Какъ заглянуть у насъ въ семейный бытъ:
За каждой дѣвушкой—полкъ цѣлый волокишь;
А у мужей и женъ... все хорошо снаружи,
За то внутри семей—что день, то право хуже.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАДУРЪ.

Восточная сказка.

(Изъ Клязъ Краглицкаго.)

Былъ въ городѣ Дамаскъ челоѣкъ, копо-
рый сидя на мосту, просилъ милостыни у
проходящихъ; звали его *Кадурь*.— Каж-
дый охотно подавалъ ему милостыню; ибо
можно сказать, что онъ былъ самымъ не-
щастнѣйшимъ твореніемъ въ цѣломъ свѣ-
тѣ: онъ имѣлъ горбъ на спинѣ, былъ очень
малъ ростомъ, и кривъ, и хромъ; а сверхъ
того, мучительная болѣзнь лишила его зу-
бовъ, и онъ такъ заикался, что съ трудомъ
выговаривалъ слово.

Собирая подавнія въ продолженіе многихъ
лѣтъ, *Кадурь* накопилъ изрядную сумму де-
негъ и принялъ намѣреніе, дополнивъ оную
потребнымъ количествомъ, купить себѣ домъ
и землю, гдѣ бы могъ провесити независимо
остатокъ пѣгоспной жизни. Недалеко отъ
того мѣста, на которомъ сидѣлъ онъ съ
утра до вечера, былъ погостъ, и на этомъ

погостѣ, подъ деревомъ, закапывалъ онъ свои
деньги; а самъ ночевалъ всегда въ одномъ
домѣ, вблизи находившемся.— Однажды, въ
сумерки, онъ пошелъ на погостъ, думая за-
рыть деньги, собранныя въ послѣднее время;
но подойдя къ тому мѣсту, гдѣ хранилось
его сокровище, увидѣлъ, что яма была раз-
рыта—и денегъ въ ней уже не было.— При-
веденный въ отчаяніе такою поперехою, бѣд-
ный *Кадурь* зарыдалъ и спалъ рванъ свои
волосы и одежду.— Сосѣди, услыша плачь
его, сбѣжались на погостъ, и узнавъ при-
чину своей превогги, подали ему милосты-
ню и оставили на произволъ горькой пе-
чали.

Но *Кадурь* не могъ переносить своего от-
чаянія: онъ опивался упоииться!— Оп-
дохнувъ на скатѣ зеленого берега и помы-
сливъ о своей слезной долѣ, онъ уже готовъ
былъ броситься въ воду... всталъ—но опер-
шись, по неоспорности, на большую по-
гу свою, снова упалъ на землю... Въ эту
минуточку увидѣлъ онъ почтеннаго старца,
который подошелъ къ нему, спалъ распра-
шивать о причинѣ его печали, подалъ ему
богатую милостыню, и узнавъ объ ужас-

номъ намѣреніи *Кадура*, убѣдилъ его переносить предопредѣляемыя Небомъ нещастія.

Распростившись со старцемъ, *Кадуръ* направилъ путь свой въ Багдадъ. Путешествіе его было медленно: онъ шелъ и хромалъ, шелъ—и пинался однимъ подаяніемъ. Пройдя такимъ образомъ болѣе половины дороги, настигнувъ онъ на полѣ большой караванъ, собиравшійся ѣхать по дорогѣ къ Багдаду. Купцы, провожавшіе караванъ, спросили у *Кадура*: далеко ли онъ намѣренъ итти? Желая безъ замедленія отвѣчать на вопросъ ихъ, онъ спалъ заикаться, и купцы, не дождавшись отвѣта, засмѣялись надъ бѣднымъ *Кадуромъ*; но узнавъ послѣ горькое его положеніе, позволили сѣсть на одного изъ своихъ верблюдовъ. — И пакъ, *Кадуръ*, возблагодаривъ, какъ могъ, своихъ благодѣтелей, отправился вмѣстѣ съ ними по дорогѣ къ Багдаду.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, путешественники замѣтили впереди густое облако пыли, предвѣщавшее, по видимому, не добрую встрѣчу. Караванъ находился въ степи; смущеніе овладѣло всѣми — и не напрасно: ибо вскорѣ напала на нихъ большая шайка разбойниковъ. Купцы защищались храбро: многіе пали на мѣстѣ сраженія, другіе были обезоружены, и въ числѣ плѣнныхъ находился *Кадуръ*. Послѣ побѣды разбойники начали раздѣвать и обыскивать побѣжденныхъ, дѣлили между собою добычу, и потомъ убивали нещастныхъ защитниковъ каравана. Дошла очередь до *Кадура*; но разбойникъ, который раздѣвалъ сего бѣдняка, не пашедъ при немъ денегъ и видя, что одежда его и вепха и почпи негодна къ употребленію, сжалился надъ *Кадуромъ* и уговорилъ поварницей пощадить его. Въ это самое время, одинъ изъ шайки, кривой и хромой, подошелъ къ *Кадуру*, посмотрѣвъ на него приспально, и найдя болѣнное сходство между нимъ и собою, началъ хохотать во все горло и примолвилъ поварницамъ: «благодарю васъ, друзья, за пощадку этого бѣдняка! Во всю свою жизнь не видалъ я ни одного человѣка, который бы такъ былъ похожъ на меня—и если-бъ я не

былъ увѣренъ, что у меня нѣтъ брата, по подумалъ бы, что мы близнецы!» — Присупивъ къ *Кадуру* и ударивъ его по плечу, онъ сказалъ: «тебѣ, братъ, далеко еще итти—а плаще свое легко; возьми-ка мою епанчу и чалму, и спускай подъ защитною пророка!» — Съ сими словами онъ надѣлъ на него чалму и набросилъ на плеча *Кадура* широкую свою епанчу. Смотря на то, другіе разбойники насмѣялись до сыта, и подавъ *Кадуру* хорошую милоспыню, разѣхались въ разныя стороны; а *Кадуръ* опять побрелъ по дорогѣ къ Багдаду.

Онъ достигъ уже города, находящагося не въ далеку отъ столицы; но только что успѣлъ переступить за городскія ворота, какъ начальникъ спражи подскочилъ къ нему и вскричалъ: «своиъ *Гумлахъ*, держите его!» — *Кадура* схватили и повели къ кадю. Начальникъ спражи, представивъ *Кадура*, сказалъ: «это поплъ самый *Гумлахъ*, который за нѣсколько дней предъ симъ убилъ моего брата. На немъ еще па же самая чалма и па же епанча!» — Созвали свидѣтелей. Всѣ они, зная убійцу *Гумлаха*, и обманувшись сходствомъ лица и увѣчьями бѣднаго *Кадура*, клятвенно подтвердили, что онъ былъ *Гумлахъ*, подозрѣваемый начальникомъ спражи. Судъ приговорилъ обвиненнаго къ смерти. Онъ клялся великимъ пророкомъ, заклиналъ и судью и свидѣтелей—пщепно!... Пришелъ палачъ... но въ то самое время, когда онъ снялъ съ *Кадура* епанчу и занесъ попоръ, приготовясь опсѣчь нещастную голову, начальникъ спражи оспановилъ его руку, и обратясь къ кадю, сказалъ: «судія вѣрныхъ! сознаюся въ моей ошибкѣ; наружность сего бѣдняка обманула и меня и представленныхъ мною свидѣтелей. *Гумлахъ*, котораго знаемъ мы, прямиъ и спашень; эпомъ же человѣкъ горбашъ—чего не возможно было примѣнить подъ широкою его епанчею.» — Свидѣтели подтвердили сіе показаніе, и кадій, удаля палача и подавъ милоспыню *Кадуру*, объявилъ его совершенно свободнымъ. — И пакъ, *Кадуръ*, благодареніе Богу, пошелъ далѣе, по дорогѣ къ Багдаду!

На пупи своемъ нашелъ онъ поварница, копорый, подобно ему, шелъ въ Багдадъ съ копомкою за плечами. Они разговорились другъ съ другомъ, и узнавъ, что оба идупъ въ одинъ городъ, согласились путешествовать вмѣстѣ. Однажды, когда они вышли изъ лѣса, и палачій зной солнца упомянулъ путешественниковъ, спутникъ *Кадура* сказалъ: «отдохнемъ немножко въ тѣни кустовъ и посидимъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока жаръ уменьшится.»—Вопъ, они съѣли. Товарищъ *Кадура* снялъ съ плечъ суму, легъ на праву и заснулъ. Пробудившись, увидѣлъ онъ на вѣтвяхъ кустовъ плоды, похожіе на орѣхи, и началъ собирать ихъ. *Кадуръ* также сорвалъ орѣхъ; но положивъ его въ ротъ, не могъ раскусить скорлупы, потому, что она была крѣпка, а у него не было ни одного крѣпкаго зуба. Этотъ случай весьма опечалилъ *Кадура*. Онъ разсердился на самого себя, и бросилъ орѣхъ на дорогу; а проворный его спутникъ началъ надъ нимъ смѣяться, говоря: «видишь ли, бѣдный *Кадуръ*, какъ хорошо имѣть зубы! Надо бы тебѣ было беречь ихъ на случай: теперь бы ты кушалъ, да кушалъ орѣхи!»—Сказавъ сіе, взялъ онъ орѣхъ, раскусилъ его, съѣлъ — и упалъ, мертвый, на землю. *Кадуръ* подбѣжалъ къ нему... но поварницъ *Кадура* уже не существовалъ на семь свѣтъ!... Что было дѣлать? *Кадуръ* съѣлъ вошь покойника, и горько заплакалъ!..

Онъ еще плакалъ надъ тѣломъ покойника, какъ увидѣлъ вдали челоуѣка, ѣхавшаго на спальной лошади, въ сопровожденіи другихъ людей, по видимому, составлявшихъ его свиту. Этотъ челоуѣкъ примѣтилъ плачущаго *Кадура*, подѣхалъ къ нему, сошелъ съ лошади и спалъ спрашивать о причинѣ смерти несчастнаго путешественника. *Кадуръ* рассказалъ ему все, что было, и показалъ орѣхи, отъ которыхъ умеръ его поварницъ. — «Благодари Магомета за то, что ты самъ еще живъ!» отвѣчалъ незнакомецъ: «эти плоды заключаютъ въ себѣ ужаснѣйшій ядъ, и челоуѣкъ, съѣвъ одинъ или два такіе орѣха, умираетъ въ минуту.»—Окончивъ рѣчь, незнакомецъ приказалъ своимъ слугамъ похоронить тѣло

покойника и велѣвъ *Кадуру* съѣсть на лошади одного слуги, уговорилъ его ѣхать съ собою. Вскорѣ достигли они воротъ великолѣпнаго замка, и вѣхавъ на обширный дворъ онаго, сошли съ лошадей. Тогда хозяинъ сего жилища, новый знакомецъ *Кадура*, взявъ его за руку, повелъ въ богатыл комнаты, убранныя разными украшеніями и живописью, и наконецъ, привелъ въ одну просторную залу, изъ оконъ коей представлялись прекрасныя виды, посадилъ его на диванъ и началъ такъ говорить: «счастливъ тотъ на землѣ, кому Провидѣніе дало возможность упѣшить несчастнаго, накормить голоднаго и приютить безпріютнаго! Ты рассказалъ мнѣ о послѣднемъ своемъ приключеніи; расскажи теперь подробно, прошу тебя, обо всемъ, испытанномъ тобою на свѣтѣ.»—И *Кадуръ* спалъ рассказывать то, что перенесъ онъ въ теченіе своей жизни, начиная съ тѣхъ поръ, когда деньги его, зарытыя на кладбищѣ, были похищены.—Послѣ сего разговора, подали ужинъ, по окончаніи коего хозяинъ проводилъ гостя въ назначенныя для него комнаты. На другой день, по утру, *Кадуръ*, вышедъ изъ спальни, въ которой проводилъ ночь, увидѣлъ въ прихожей новое платье, для него приготовленное, и слугу, ожидавшаго его приказаній. Потомъ поспилъ его самъ хозяинъ. До обѣда они занимались разговорами, а послѣ обѣда поѣхали прогуливаться верхами на лошадяхъ, убранныхъ съ необыкновенною роскошью. Окончивъ прогулку, они вошли въ садъ, и хозяинъ провелъ *Кадура* въ великолѣпный кіоскъ, изъ котораго видно было прозрачное озеро, разливающееся до самаго сада.—Немного погодя, принесли шербетъ, копорымъ они прохладились отъ зноя, и остальное время дня невидимо прошло въ разговорахъ; а какъ *Кадуръ* имѣлъ быспрый и проникательный разумъ, то всѣ его разговоры, казалось, весьма занимали хозяина.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ *Кадуръ* поселился въ семь домѣ. Всякой день разнообразныя забавы и увеселенія слѣдовали однѣ за другими, и онъ, не испытывая ни какихъ удовольствій въ жизни, мечпалъ, что

живеть въ помѣ мѣстѣ, которое про- рокъ назначилъ для праведныхъ душъ послѣ смерти. Однажды, когда начинало смеркаться, онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ прогуливался по берегу озера. Повернувъ опъ онаго въ сторону, хозяинъ повелъ *Кадура* излучи- стую тропинкою черезъ рощу, усаженную высокими деревьями, между которыми съ шумомъ извивались прохладные ручейки. Ночь была свѣтлая—и сіяніе мѣсяца, пробираясь сквозь сѣнистыя вѣтви деревьевъ, дѣ- лало мѣсто сіе неизъяснимо очарователь- нымъ и невольно погружало въ задумчи- вость.—Въ семь положеніи, вдругъ, не ожи- данно, чрезвычайный блескъ поразилъ взоръ *Кадура*, и въ эпу минушу увидѣлъ онъ ве- дикольное зданіе, изъ оконъ котораго опра- жался сей необыкновенный свѣтъ. Въ пер- вомъ воспоргѣ изумленія, онъ вскричалъ: «шакъ! почно я вижу здѣсь рай, обшюван- ный пророкомъ!» — Хозяинъ усмѣхнулся, услышавъ сіе восклицаніе, и между пѣмъ ввелъ *Кадура* съ собою на лѣспницу замка. Они вошли въ залу, обдѣланную мраморомъ и золотыми карнизами, и освѣщенную мно- жествомъ разноцвѣтныхъ огней. При входѣ ихъ, раздалась волшебная музыка, и *Кадуръ* обезумѣлъ опъ удивленія, когда хозяинъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «въ пвоей волѣ возможность быть обладателемъ эшаго замка!»—Послѣ сихъ словъ, онъ ударилъ въ ла- дощи—опворилися боковыя двери простран- ной залы, и шестъ Арабокъ, вмѣстѣ съ ка- кою-то маленькою оеобою своего пола, гор- батою и хромою, накрыпою золотымъ фле- ровымъ покрываломъ, вошли въ сію комна- ту. Маленькая особа поклонилася гостю; Арабки оспановились по сторонамъ дивана, для ней приготовленнаго.—«Эпо дочь моя,» продолжалъ хозяинъ, «единственнаа наслед- ница всего моего богатства. Я съ охотою выдамъ её за тебя, если ты согласишься на ней жениться.»— *Кадуръ* хопѣлъ пастъ къ ногамъ своего благодѣтеля; но сей послед- ній, вскочивъ съ дивана, подошелъ къ дочери, спилъ съ ней покрывало—и *Кадуръ* увидѣлъ женщину, какой никогда бы не могъ пред- ешавишь онъ мысленно! Она была молода; но лице ея было изрыто морщинами; зубы

огромные и кривые, какъ клыки выспаля- лися изъ за-губъ ея, которыми, казалось, не могли никогда сомкнуться;—сверхъ того, она смопрѣла только однимъ глазомъ; ибо другой былъ закрытъ совершенно.—Вздрог- нулъ *Кадуръ*! Но побѣдя опвращеніе, опвѣ- чалъ хозяину, что охотно готовъ женить- ся на его дочери. Въ одно мгновение музыка заиграла повсюду, и нареченные женихъ и невѣста, вмѣстѣ съ опцемъ и со свипою, вошли въ особую комнату, гдѣ пригото- вленъ былъ столъ, заспавленный богатыми яспвами. *Кадуръ* сидѣлъ возлѣ невѣсты, и припворялся восхищеннымъ своею еудьбою. Послѣ ужина, хозяинъ взялъ его за руку и повелъ въ кабинетъ. Тамъ они сѣли на бо- гатыя подушки, и первый началъ шакъ го- ворить: «Судьбѣ не угодно, чпобы я былъ совершенно щасливъ:—ты видишь дочь мою. Но природа, лишивъ её красоты, щедро на- градила душевными качествами. Многие ис- кали руки ея; не смотря на обыкновеніе нашей земли, я показывалъ её всѣмъ, и хо- тя говорилъ о ея дарованіяхъ, но женихи немедленно уѣзжали изъ моего замка. Вспрѣ- таясь съ тобою, почти сполько же обижен- нымъ природою, какъ и дочь моя, я подумалъ, что можеть быть именно тебя Про- видѣше назначило для ней супругомъ; но какъ согласиємъ на сей бракъ, ты можеть быть, дѣлаешь для меня пожертвованіе, то прошу тебя признаться въ томъ опкровенно: я не буду пѣнять, если откажешься опъ пред- полагаемаго супружества.» — Но *Кадуръ* объявилъ рѣшиительно, что бивъ увѣренъ въ хорошихъ качествахъ своей невѣсты, онъ предпочитаетъ ихъ самой блестящей наружности. Хозяинъ, обрадованный та- кимъ увѣреніемъ, съ веселымъ видомъ пошелъ къ своей дочери; а какъ двери кабинета бы- ли опворены, по *Кадуръ* вышелъ въ садъ.

Погрузясь въ мысли о томъ, что происхо- дило съ нимъ въ последнее время, онъ сѣлъ на берегъ канала, проведеннаго неподалеку опъ замка. Задумчивость его продолжалась долго. Вдругъ, мѣсто, на которомъ сидѣлъ онъ, сильно поколебалось... ударилъ громъ.... *Кадуръ* упалъ ницъ на землю—и когда, опа- мятовавшись, поднялъ голову, по увидѣлъ

передъ собою знакомаго спарца, котораго видѣлъ погда, когда хотѣлъ упопипься. Спарецъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Судьба, естъ слово пустое: опъ назначенія Бога зависипъ судьба челоуька! Помнишь ли, какъ я опклонилъ тебя опъ безбожнаго намѣренія, когда ты, опчаяваясь опъ попериденегъ, хотѣлъ кинушься въ воду? Помнишь ли, какъ, приподымаясь съ мѣспа, съ симъ пагубнымъ умысломъ, ты упалъ, опершишь на большую ногу? Эпо паденіе избавило тебя опъ насильственной смерти:—убѣжденный моими совѣтами, переспалъ ты опчаяваясь.—Ты заикаешься; но вспомни, что разговоромъ своимъ насмѣшилъ купцовъ, и черезъ по получилъ позволеніе путешествовать съ ними. Нищета спасла тебя опъ ножей разбойниковъ; горбъ избавилъ опъ смерти въ по время, когда попоръ палача былъ занесенъ надъ тобою! Не имѣя зубовъ, ты избавился яда, скрывавшагося въ орѣхахъ. Наконецъ попому, что ты кривъ, горбашъ и хромъ; ождаешь тебя шакая блестящая участь, какой никогда ты не могъ предвидѣть. Смирись, и знай, что испытаніе, называемое людьми нещастіемъ, естъ даръ Провидѣнія!»—Окончивъ, онъ прикоснулся къ нему рукою, и въ это мгновеніе *Кадуръ* почувствовалъ, что горба на немъ не спало, зубы снова появились во рту, нога распрямилась, онъ началъ хорошо говорить... но спарець исчезъ.—*Кадуръ* палъ на землю, читая молитву, по окончаніи коей примѣпилъ хозяина, прибѣжавшаго съ извѣстіемъ, что всѣ увѣчья его дочери внезапно исчезли. Сей послѣдній, видя равную перемѣну въ самомъ *Кадуръ*, проводилъ его къ нареченной невѣстѣ. *Кадуръ* не узналъ еѣ; ибо она имѣла уже спройный спанъ и величественную осанку. Когда же опецъ снялъ съ неѣ покрывало, по взорамъ *Кадурра* предспавилась необыкновенная красота.

Щастливый день сей былъ оппразднованъ ими съ неизъяснимою радостію. *Кадуръ* получилъ добродѣтельную, прекрасную и богатую жену, и жилъ съ нею до самой глубокой старости. Тестъ его, честный и

добрый челоуькъ, видѣлъ передъ смертію и дѣпей и внуковъ своихъ щастливыми.

Съ Польскаго, В. Р—ъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОБНОВЛЕНІЕ.

О живительное лѣто!

Сердцу сладокъ воздухъ пвоид.
Вновь съ побой оно согрѣшо
Нѣгой, думой и поскокой.

Долго съверъ, мрачный, хладный,
Духъ уныпиемъ помипъ;
Долго съ вѣспію опрадной
Вѣтеръ юга не лепипъ.

Но повѣялъ—къ краткой жизни
Сердце вновь пробуждено,
И съ порывомъ укоризны
Къ воли просипъ оно.—

Все, что пляжкимъ сномъ въ немъ спало—
Щастье, грезы прошлыхъ дней,
Звуки радости бывалой,
И мечты бывлыхъ ночей,

И надежды и желанья
Промелькнувшихъ юныхъ дней,
Обманувшій гласъ призванья
Неизвѣспному во слѣдъ—

Снова все въ груди тѣспипъся;
Спраспно жметъ къ ней рука,
И опипъ въ неѣ спремипъся
Нѣга, дума и поска.—

О весна, души подруга,
Съ ней по-долге побудь!—
О, опрадный вѣтеръ юга,
Полетѣй по-долге грудь,—

Какъ въ часъ ночи предразсвѣтпый
Насъ лелѣетъ призракъ сна,
Въ часъ, когда мечтой завѣспной
Вновь душа услажена!—

А. Гильбовъ.

ДЕРЕВНЯ (*).

(Б. М. Федорову.)

Вотъ ужъ мѣсяцъ и другой насталъ
 Какъ живу въ деревнѣ милой я,
 Одинокъ, безъ скуки, ропота,
 Привыкаю къ дыму сельскому,
 Начинаю тишину любить,
 Простоту, хозяйство доброе
 И привѣтливыхъ крестьяночекъ,
 Деревенскихъ — красныхъ дѣвушекъ:
 Ихъ повязочки глазешныя,
 Сарафанчики кумашные,
 Тѣлогрѣчки парчовыя,
 Все то Русское — не модное,
 Такъ невольно полюбуешься,
 И безъ блондъ онѣ, безъ кружева,
 И безъ локоновъ красавицы.
 Какъ сберуся въ посидѣлки прятать
 Тупь-то радости и хохота!
 Безъ усталости прядуть кудель,
 Шушаютъ; рѣзво улыбаются,
 Пѣсенки поютъ подблюдныя,
 Хороводныя, песелья,
 Горемышныя, печальныя:

«Брали Ваню во солдапушки,
 Разлучили съ доброй Капеею,
 Сердце поешь — не заплачется,
 Вѣрно такъ ужъ суждено было
 Ахъ! подъ звѣздочкой злосчастною
 Вѣкъ прожить ей одинокою.»

Запоютъ какъ голосистыя,
 Не увидишь вечеръ кончится!
 Смотришь, слышишь пѣлухи кричатъ,
 Молодцы придутъ веселые,
 Кто съ гудкомъ, кто съ балайкою,
 Брови чѣрны, соколиныя,
 Знаютъ слово про любовь шепнуть.
 Призадумавшись, вздохнетъ Андрей

(*) Изъ стихотвореній А. Грена, продающихся въ пользу чиновницы 6-го класса, вдовы, оставшейся въ бѣдности съ 9-ю сиротами, — у самого сочинителя, живущаго въ лазаретѣ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. — В.

И сердечушко у Аннушки
 Встрепенется какъ листокъ деревь,
 И невольно робко Аннушка
 Взоромъ ласковымъ, улыбочкой —
 Подаритъ Андрея милаго!
 Здѣсь любовь простая, чистая,
 Дружба брашская, согласная,
 Все простое — все сердечное,
 Для души всегда опрадное;
 Пересудовъ не услышишь здѣсь,
 Что Дуниша въ платьѣ ситцевомъ,
 А Еленушка въ набойчатомъ,
 Кто имѣетъ что — и носить по!
 Не завидуютъ богатому
 Лишь любуются сердечю имъ;
 Уважаютъ дочь почтѣмейстера
 И Нашашу, дочь священника,
 Выхваляютъ молодцамъ своимъ.
 Все согласно, добродушно здѣсь,
 Все такъ чисто, какъ жемчужинка,
 Жизнь играетъ брилліантикомъ.
 Я люблюсь, воспѣваю васъ
 Деревенскія красавицы.

1831.

Э П И Г Р А М М А.

Положимъ, *Магометъ*, коварный *Магометъ*,
 Виновникъ спрашнаго на свѣтѣ заблужденья,
 Войной кровавою, попряшей цѣлый свѣтъ,
 Достойнъ твоего гоненья;
 Но что же сдѣлали, скажи мнѣ, на примѣръ:
 Пѣвецъ Брипаніи, и *Шиллеръ* и *Мольеръ*,
 Которыхъ пы, злодѣй, убилъ безъ милосердыя?
 М. Сарандинаки.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ — огромный древній Царь,
 Онъ Александру былъ соперникъ зпаменитый;
 Второе говоримъ — какъ насъ гнетѣтъ печаль,
 Или когда мы щаспиемъ забыты. —
 А цѣлое мое — греминтъ въ бояхъ,
 Тамъ поражаетъ жизнь, льетъ многимъ въ сердцахъ
 страхъ;

Хотя и избрелъ его одинъ монахъ,
Но сколько пало жертвъ на сушѣ, на водахъ? —

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
Уѣздъ Гжатскій.

Въ No 48, помѣщенная загадка значить: *Pouls.*

ВОСПОМИНАНИЕ ПОТЕРЬ, СДѢЛАННЫХЪ РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРОЮ ВЪ ПОСЛѢДНИЕ ТРИ ГОДА.

26-го Августа 1830 года скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ краснорѣчія и поэзіи при тамошнемъ Университетѣ, Алексѣй Ѳеодоровичъ *Мерзляковъ*, на 52-мъ году отъ рожденія.

Онъ написалъ: 1) Краткое начертаніе теоріи изящной словесности; 2) Краткую риторичку, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ; 3) Похвальное слово Императору Александру I; издалъ: 4) подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ; 5) переводъ пидліи госпожи *Дезулььеръ*; 6) переводъ *Виргиліевыхъ* эклогъ; 7) Эпической поэмы *Тасса*: Освобожденный Иерусалимъ; 8) издавалъ журналъ, подъ названіемъ *Амфіонъ* и 9) оставилъ много превосходныхъ мелкихъ стихотвореній и сочиненій прозаическихъ.

14-го Января 1831 года скончался въ С. Петербургѣ издатель альманаха *Сѣверные цвѣты* и Литературной газеты. Онъ подарилъ Русской словесности нѣсколько прелестныхъ стихотвореній, изъ коихъ двѣ пидліи и нѣсколько Русскихъ пѣсень заспаваютъ сожалѣнь, что онъ мало жилъ и мало написалъ.

16-го Января того же 1831 года скончался въ С. Петербургѣ, извѣстный своими баснями и сказками, Александръ Ефимовичъ *Измайловъ*, издатель журнала *Благонамѣренный* и альманаха *Календарь Музъ*. Онъ былъ *Теньеръ* Русской словесности. Его сказка *Леунъ*, останется навсегда образцемъ веселаго, остроумнаго разсказа и доказательствомъ, что сапиръ имѣеть цѣлю испра-

влять людскіе пороки, но никогда не доспигаешь своей цѣли.

Въ С. Петербургскомъ Календарѣ 1832-го года ошибкою напечатано, будто бы онъ былъ издателемъ журнала *Россійскій Музеумъ*: его издавалъ Владиміръ Васильевичъ *Измайловъ*, редакторъ въ продолженіи 1814 года *Вѣстника Европы*, авторъ *Путешествія* въ полуденную Россію и умершій въ 1829-мъ году. Сей послѣдній оказалъ важныя услуги отечественной литературѣ; онъ перевелъ: 1) Картину историческую и политическую Европы въ концѣ XVІІІ-го вѣка; 2) *Руссовы* письма о ботаникѣ, и напечаталъ съ дополненіемъ его ботаническаго слова, съ объясненіемъ прехъ лучшихъ методъ *Турнефорта*, *Линнея* и *Жюссье*, и съ ботаническими часами, изобрѣшенными безсмертнымъ *Линнеемъ*; 3) Молодую *Индіанку*, комедію *Шалифора*; 4) О независимости ученыхъ людей, небольшое стихотвореніе *Мильеуа*; 5) *Шатобрианову* стихотворную повѣсть: *Апала*, или любовь двухъ дикихъ въ пустынь.

Сверхъ того, онъ оставилъ нѣсколько басенъ, число, прилично и умно разсказанныхъ, и много прозаическихъ мелкихъ статей.

9 Ноября 1832 года скончался Василій Михайловичъ *Соколовъ*, оплочно хорошо переведшій книги: 1) Картина осенняго похода 1813 года, соч. *Д. П. Бутурлина* и 2) Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ 1808 и 1809 годахъ, соч. Графа *П. П. Сухтелена*.

Восиковъ.

Недавно Русская словесность понесла новую потерю. Сего 1833 года, Мая 27 числа, скончался здѣсь въ С. Петербургѣ извѣстный литературными занятіями своимъ Орестъ Михайловичъ *Соловъ*, на 40-мъ году отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ 30 Мая, во впорникѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Его оригинальныя повѣсти, разсказы, рецензіи и дѣятельное участіе во многихъ журналахъ и альманахахъ, содѣлываютъ управу сію для Русской литературы весьма чувствительною.

Въ покойномъ О. М. Соловь соединялись два отличительные качества: наблюдательный умъ и отлично доброе сердце. Душа его, до самаго конца своего пребыванія на землѣ, сохранила живую воспримчивость для всего прекраснаго, и сія благородная потребность внупренней жизни не гибла въ немъ среди непрерывныхъ липейскихъ нуждъ, упоминательныхъ бденій и неблагодарныхъ липературныхъ трудовъ. Покойный Соловь не искалъ ни почестей, ни богатства: онъ былъ истинный жрецъ Музъ, посвятившій всю жизнь свою единственно липературѣ.

Л. Якубовичъ.

M O D E S.

Pour robes habillées, on porte des gros de Naples chinés, à bouquets détachés et variés.

Plus simples, — les gros de Naples à rayures de fantaisie se portent à la promenade alternant avec les robes de foulards.

Les cols en façon de dentelle ou en application sont presque toujours doublés de couleur; la gaze *Dona Maria* est plus légère, et donne une teinte plus douce que la marceline.

Les colliers de dentelle noire sont les plus élégantes cravates qu'on puisse porter.

En négligé, on conserve cependant les pointes de foulard et de gros de Naples. Pour ne pas être gênée de leur volume, on les coupe comme un très-large ruban en enlevant la petite pointe qui ne se montre plus.

La maison dont une de nos dernières gravures a donné des toilettes d'enfant, *Mme Rome*, passage Choiseuil, n° 51, est parvenue à une grande supériorité de perfection pour les petites capotes; elles sont toutes simples, de forme anglaise, froncées dans toute la longueur à égale distance, peu élevées de la calotte, et la passe arrondie. Ces détails seraient incomplets, si l'on n'ajoutait pour résumer, que cette coiffure d'enfant prend, dans les mains de *Mme Rome*, une grâce ravissante et toute nouvelle.

Nous signalerons encore, venant de chez elle, de charmans cane ons en mousseline brodée, croisant dans la ceinture et à double pelerine.

Son magasin s'est occupé, comme nouveauté, des chemises d'hommes en guingamp rayé, à jabot pareil; mais cette mode, fantaisie recherchée pour négligé, est peu répandue encore. *Mme Rome* a fait avec grand succès des chemises de batiste blanche, dont les larges plis de devant sont indiqués par un point à jour.

Pl. No 18. Les costumes qu'ont vu à Paris le 21 Juin n. st.

М О Д Ы.

Нарядныя платья дѣлають изъ волнистаго гроденапля, съ отдѣльными разнообразными букетами.

Простые, — платья изъ гроденапля съ полосками носягы на прогулкахъ попеременно съ платьями изъ фулара.

Кружевные воротники или шюлевые накладные, всегда почти на цвѣшной подкладкѣ; газъ *Донна-Марія* легче и придаетъ пѣжнѣ цвѣтъ, нежели марселинь.

Галстучки изъ чѣрныхъ кружевовъ самыя щеголеватыя, какіе можно носить.

За-просто однако носятъ косыночки изъ фулара и гроденапля. Чтобы онѣ не были слишкомъ полсты на шеѣ, ихъ рѣжутъ какъ весьма широкую ленту, опрѣзываютъ кончикъ.

Г-жа *Rome* достигла до большаго превосходства въ отдѣлкѣ маленькихъ капотовъ; они чрезвычайно просты, на Англійскій манеръ, собраны во всю длину въ равномъ разстояніи; шюлья не высока, поле округлено. Эти подробности были бы недостачны, если бы не прибавить къ шюму, что эпошь дѣтской уборы, принимають въ рукахъ Г-жи *Rome*, отличную и совсѣмъ новую прелесть.

Мы укажемъ еще, на сдѣланные у неѣ же, прелестныя вышитыя кисейныя канзу, крестообразно подѣ поля и съ двойною пелеринкою.

Въ магазинѣ еѣ занимались, какъ новостью, мужскими сорочками изъ полосатаго гингама, съ такимъ же воротникомъ; но мода сія, отличная для *négligé*, еще мало распространилась. Г-жа *Rome* дѣлала съ большимъ успѣхомъ бѣлыя бапи-стовыя сорочки, у которыхъ широкія складки спереди означены прозрачною спрочкою.

Карт. No 18. Послѣдніе костюмы, кои видѣли въ Парижѣ 21. Юня н. сп.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 50.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 24 дня 1833 года.

Блестящій пылячю Ирисиныхъ цвѣтовъ
Изъ мыла пузырекъ на воздухъ гордился;
Но дунуль вѣтръ, и вмигъ онъ въ каплю превратился:
Судьба временщиковъ.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЫБОРЪ ВДОВЫ.

Вчера послѣ обѣда, по чести, весьма умереннаго и пригошвеннаго сообразно съ анекдотомъ либератора, который еще немножко боишься холеры и инфлюенцы, вчера послѣ обѣда, я взялъ свои перчатки и проспичку, обвелъ нѣсколько разъ мягкую щепку вокругъ шляпы и вышелъ, напѣвая арію изъ *Бѣлой женщины*. Нѣсколько времени шелъ я въ нерѣшимости вдоль улицы, проклиная по временамъ свѣтскихъ модниковъ, которые пускали на меня цѣлыя облака сигарочнаго дыма, но вдругъ вспомнилъ, что въ этотъ день собираются знакомые у Эмили Алексѣевны *Волгиной*.

Я очень люблю подобныя собранія; разговоры служатъ единственнѣйшимъ занятіемъ въ продолженіе цѣлаго вечера, и если случается на лицо нѣсколько умниковъ, то я, не имѣя удовольствія участвовати въ бесѣдѣ, ушѣшаюсь по крайней мѣрѣ, слушая другихъ. Для говоруна эпо было бы сущимъ

наказаніемъ. Г-жа *Волгина* вдова; она еще молода, не дурна собою, очень остроумна и чрезвычайно богата. Всего эпого слишкомъ довольно, чтобы расплодиль поклонниковъ, и потому къ ней полпами являюся искапели руки ея. У самой *Пенелопы* врядъ ли ихъ было столько; но какъ мы не въ Ипакъ, то и г-жа *Волгина* не имѣетъ нужды уничтожать ночью дневную свою работу, чтобы опдѣлаться отъ обожателей. Она забавляется ими, переважно ихъ выслушиваетъ, и потомъ вдругъ опнимаешь у нихъ всякую надежду рѣшительнымъ отказомъ, точно такимъ, какимъ бы, на примѣръ, вы отвѣчали на предложеніе прослушать пептрадищу стиховъ какого нибудь *Бедулова*, *Зимулина*, или *Паршова*.

Въ ту минуту, какъ я входилъ къ ней въ гостиную, она захохотала такъ сильно, что едва могла кивнуть мнѣ головою; вокругъ неѣ также всѣ смѣялись, и смѣхъ эпого въладѣлъ даже мною, хотя я не въдалъ причины такой прилипчивой веселости.—«Вообразите,» сказала мнѣ наконецъ хозяйка: «нынѣшній вечеръ мнѣ объявлена

формальная война. Всѣ эти господа упреждающе, что я должна выбрать себѣ повелителя.»— Совсѣмъ нѣтъ, закричали во всѣхъ углахъ комнаты, не повелителя, а невольника!— «Да, понимаю,» возразила она: «невольника, который будетъ повелѣвать, и которому надобно повиноваться. Но положимъ по вашему! Я согласна даже и на это!»

При сихъ словахъ господа вскрикнули отъ изумленія; каждый принялся озираться вокругъ и угадывать, кто будетъ тотъ благополучный смертный, на котораго падетъ выборъ. Но увидѣвъ, что хозяйка собирается говорить, всѣ замолкли.—«Послушайте,» сказала она: «хочу объясниться съ вами безъ околичностей, — супружество не пугаетъ меня; признаюсь даже, что вдовство мнѣ наскучило, потому, что быть одинокой среди многочисленнаго общества, и не имѣть покровителя въ полнѣ льстецовъ, очень тягостно. Главное препятствіе заключается въ томъ, что я немного прихотлива, и никакъ не хочу рисковать своею свободою не навѣрное. Объявляю вамъ всѣ свои требованія и потомъ, если вы найдете когонибудь, кто бы могъ всѣ ихъ выполнить: попрошу васъ покорнѣе, сказать ему, чтобы онъ ко мнѣ явился; мы тотчасъ же съ нимъ и обвѣнчаемся.»

«Вопервыхъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы мужъ мой имѣлъ пріятную наружность: это всегда предупреждаетъ въ пользу мужчины. Хотѣлось бы, чтобы онъ былъ смуглень и высокаго роста: низенькій ростъ и неуклюжестъ вредятъ мужчине; чтобы у него были хорошіе зубы: бѣлизна ихъ придаетъ пріятности улыбки, и бѣлыя, мягкія, однакожь не женскія, руки. Для моего будущаго мужа необходимы также выразительные глаза и пріятный голосъ; больше въ этомъ оплошешіи ничего не желаю; вы видите, что я не слишкомъ взыскательна. (*Изъ явленіе солнышка между собесѣдниками.*)»

Что касается до состоянія, то я немного о немъ забочусь, и если у него будетъ такое же, какъ у меня, эпаго мнѣ очень доставочно. За чинами также не гонюсь,

однакожь мнѣ бы хотѣлось оспашься полковницею.

Главные же причуды мои относятся до ума и характера. Я хотѣла бы, чтобы всѣ опличали моего мужа, и чтобы онъ вездѣ годился; могъ бы съ честью занять мѣсто въ гражданской службѣ, сплотивъ со славою въ рядахъ славнаго войска Бѣлаго Царя; игралъ бы на фортепіано, какъ *Кашинь*, пѣлъ Русскія пѣсни, какъ *Рупини*, владелъ кистью, какъ *Венеціановъ*; писалъ прозою, какъ *Батюшковъ*, а стихами, какъ *Баратынскій*; чтобы жена могла, не спыдаясь за него, называть его своимъ мужемъ; кромѣ того, я желала бы, чтобы онъ говорилъ по Англійски, по Нѣмецки, по Французски. Въ такомъ вселенскомъ городѣ, какъ Петербургъ, куда спекаются ученые, негоціанты, путешественники изъ всѣхъ странъ Европы, пріятно молодой женщине пощеголять своимъ передъ иностранцами, изъ которыхъ ни одинъ не умѣетъ пикнуть по Русски. (*Общее безпокойство искателей.*)

«Касательно характера, о Боже мой! будь только онъ крошечъ, снисходительнень, любезень, пертльливъ, вѣренъ и не ревнивъ: я все готова отъ него вынести.»

«Вы видите, господа, что меня нельзя называть причудницею. Всѣ эти свойства часто намъ встрѣчаются въ людяхъ; хочу только, чтобы они были соединены въ одномъ человекѣ; вотъ и все! Теперь, пользуясь вашею дружбою, прошу васъ: подумайте, поразвѣдайте, поищите, я буду вамъ за находку чрезвычайно благодарна. Притомъ старайтесь не прашить времени; мнѣ хочется показать вамъ, что если я засидѣлась во вдовахъ: то не я виновата!»—

—Вамъ, сударыня, нуженъ насмѣшлывъ фениксъ!—вскричалъ одинъ изъ обожателей.

«Совсѣмъ нѣтъ, мнѣ нуженъ хорошій мужъ!» насмѣшливо возразила плушовавшая хозяйка: вижу, что я достойна сожалѣнія, что мнѣ долго ждашь.»

... Когда мы отъ нея вышли, то ни кто изъ насъ уже не смѣялся.

Герасиль Камелевъ.

РАСХОДЪ СЪ ПРИХОДОМЪ ВЪРЕНЬ.

Во время Французской революціи издержано до Парижскаго мира:

Людей разнаго возраста и пола . . . . . 8,651,983 человекъ.
Денегъ . . . . . 16,390,998,729 франковъ.

Получено доходовъ:

22,371 законъ, 9 конспируцій, безначаліе, *Робертсбергъ*, *Бонапартъ*, флотъ плоскодонныхъ судовъ и слава двукрапнаго завоеванія Парижа.

Богатство и нищета, знатность и низость—равно опдалены отъ щастія. Есть средняя между ними почка: она называется—*довольство* (aisance).

Доволенъ своимъ соспоаніемъ, своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, въ опечествѣ, въ семьѣ, не шопъ, котораго поспоронніе, чужіе люди такимъ почитаютъ; но шопъ, который самъ себя почитаетъ довольнымъ, или, говоря прѣстѣ: кто доволенъ самъ собою и другими.

Фортуна не даетъ ни добра, ни зла; она предлагаетъ намъ ихъ семья: душа наша, болѣе могущественная, нежели фортуна, возращаетъ оное, развиваетъ и употребляетъ по собственной волѣ своей. Душа единственная-виновница и *хозяинка* своего щастія.

Между Молвою и Славою такое же разспоаніе, какое между большимъ и великимъ человекѣмъ.

Есть и на Руси писатели, о которыхъ Слава никогда не говорила, Молва кричала во всё горло; но скоро осипла, охрипла и умолкла на вѣки.

Какъ тяжело бытъ опшѣпу за-живо!

Опцы, дѣды и пращурьы наши были прощачки: они знали только то, чему учились; мы, ничему не учась, всё знаемъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНА БОСФОРА

въ лѣтній день.

Величественный узникъ Европы и Азии, какъ выразить свои очарованія. Для того, чтобы описать свои прекрасныя воды, которые не зрѣли другихъ бурь, кромѣ тѣхъ, кои обрушиваются надъ людскимъ величіемъ; свои цѣлительные берега, усѣянные деревушками и уединенными рощами, и попеременно столь шумные, и столь спокойные, какъ будто-бы въ сихъ мѣстахъ природа хотѣла бытъ всегда гошовой призыватъ къ себѣ людей и упишатъ волненія спраспей ихъ,—гдѣ пламенное перо, изобразившее намъ чудеса черпоговъ *Арлидиныхъ*? Твои безчисленныя красоты пребууютъ кисти *Генера*; я удивляюсь имъ и не нахожу для нихъ выраженій. Какъ простой наблюдатель, я хочу попытаться изъ тысячи ежедневныхъ явленій, которые ты представляешь намъ, изобразить въ краткомъ очеркѣ нѣсколько, наиболѣе достоинныхъ замѣчанія.

Начнемъ съ пристани Баткче-Капизи (садовый ворота). Здѣсь каждое упрѣ миниспры и другіе государственные сановники пристають къ берегу, опправляясь во дворець, лежащій не въ дальнемъ разспоаніи. Кягья пристани (чиновникъ мѣстной полиціи), пользуясь долготѣнею опытностию и наблюденіемъ, спшитъ всегда у входа въ крышную галерею, гдѣ прѣзжающіе выходятъ на берегъ, и еще издали завидя сильнаго вельможу, спшитъ своею услужливостию облегчить ему выходъ изъ лодки. Опытный глазъ его съ перваго взгляда проникъ черпы миниспра; онъ угадалъ въ нихъ господствующее впечатлѣніе, котораго не помогаетъ скрыть привычная важность, и еслибы кягья не былъ человекъ скромный, пропкнутый чувспвомъ своей важности, и почитающій постъ свой одною изъ необходимыхъ опоръ государственнаго управленія, то онъ могъ бы съ нѣкоторою почтостию объяснить намъ положеніе дѣлъ, ходъ переговоровъ, пайны минисперскаго

портфеля. Его полипическій термометръ заключается въ выраженіи лицъ, которыя вспрѣчаются ему днемъ и вечеромъ; въ нихъ научается онъ узнавать радости и безпокойства, которыя попеременно владѣютъ людьми, пекущимися о дѣлахъ общественныхъ: пламенные молніи, раздрающія душу и продающія дорогою цѣною выгоды могущества.

Смирный присланикъ получаетъ отъ каждаго изъ нихъ, какъ-бы нибыль высокъ санъ его, Мусульманскій поклонъ, поклонъ, исполненный пріятности и благородства, и какъ будто говорящій: сердце мое принадлежитъ тебѣ, и голосъ мой готовъ на твою защиту; — нѣжное изъясненіе брагства, котораго напрасно будемъ искать въ странномъ обыкновеніи, осуждающемъ всякаго гражданина образованной Европы, не смотря на погоду, обнажать голову; чптобы привѣтствовать себя подобнаго. Государственный мужъ въ Турціи не знакомъ съ грубостію и надменностію противъ людей низшаго класса; щастіе не ослѣпляетъ его; поэтъ, кого оно возноситъ сегодня на высоту, пристально смотритъ на завпрешнія превращенія: спокойная всегда, въ щастіи, какъ и въ несчастіи, мысль его, въ послѣднемъ случаѣ не изнемогаетъ подъ бременемъ омчачія попому, чпто въ первомъ она не пресступала съ гордостію границы, раздѣляющей людскія званія.

Мы отправляемся; *Османъ* самый знаменитый изъ лодочниковъ; его *ичи-чифіе* (чепырехъ весельный каякъ) сдѣланъ изъ орховаго дерева и украшенъ искусною рѣзбою; онъ блеститъ чистотою и роскошью; онъ спашень, какъ Арабскій конь, и легокъ, какъ дельфины, прыгающіе по споронамъ его. Турецкій лодочникъ въ Босфорѣ всегда сохраняетъ свою одежду, независимую отъ прихотей моды, неизмѣнную, какъ Мусульманская философія, но богалую и красивую; еѣ составляютъ: маленькая красная скуфья съ кисточкою изъ голубаго шелка; полосатая шелковая рубаха, бѣлая какъ снѣгъ, съ широкими рукавами, развѣвающимися по вѣтру.

Спрѣла, пущенная Индійскимъ охотникомъ, не быспрѣе въ своемъ полетѣ, чѣмъ Босфорскій каякъ, бѣгущій подъ мѣрными ударами двухъ сильныхъ гребцовъ. Мы миновали уже старинный сераль. Оспановись, *Османъ*, дай мнѣ насмотрѣться на это обширное проспранство, это удивительное вмѣстипище деревъ, зданій, киосковъ, перемѣшанныхъ между собою, и своею безыскуственною, но вмѣстѣ исполненною пріятностию песпроюю, какъ-бы соперничающую со всею строгостію древней архитектуры. Здѣсь было жилище Султановъ до того дня, когда разорвавъ оковы, наложенныя спольтіями, *Махмудъ II* отважился на поражение мятежной рапи, чптобы утвердить своею побѣдою воинскую дисциплину и свободу престола. Въ послѣдствіи, преобразовапель уже не вспуपालъ въ великолѣпные черпоги своихъ предковъ; воспоминанія, неразлучныя съ сими мѣстами, ошягопили бы сердце его; онъ оптвергаетъ все, чпто можеть ему напомнить времена рабства и слабости. Эпи длинныя, мраморныя галереи, это множество комнатъ, обогащенныхъ пышностію сполькихъ государей; эпи сады, висящіе подобно садамъ *Селимирлицды*; эпоть павильонъ съ позлащенными окнами, изъ которыхъ *Селимъ* видѣлъ послѣдній достпославный подвигъ своего царствования, когда Англійскій флотъ былъ опраженъ патриотическимъ порывомъ его народа, — все это не имѣеть болѣе обшпателей. Войдите на эпи проспранные дворы; въ продолженіе многихъ вѣковъ они были одушевлены пѣмъ блескомъ, который неразлученъ съ могуществомъ царей; теперь же посреди сихъ уединенныхъ мѣстъ бродитъ только нѣсколько евнуховъ, которымъ позволено умереть тамъ, гдѣ пекли дни ихъ, спарыхъ служителей другаго вѣка, послѣднихъ оспанковъ покинутой системы, которая скоро вовсе угаснетъ вмѣстѣ съ нами. ....

Тяжелое весло, которое кажется проспинкою въ мощной рукѣ *Османа*, снова разсѣкаетъ пѣняющіяся волны. Красивая группа Топ-хане, ея мечеть, изящный павильонъ, приличный Султану *Махмуду*,

ел фоншаны, плацъ - парадъ, промелькнули предъ нашими глазами. Мы несемъ вдоль Европейскаго берега, посреди лодокъ, увлекаемыхъ также, какъ и наша, быстротою печенія. Столпившись опъ необходимости плыть по одному направленію, зыбкіе челноки сіи, быстрые какъ полетъ птицы, скользая по влажной равнинѣ, приближаются и уходятъ другъ опъ друга съ такимъ же прѣворсвомъ, какъ спая галокъ, пересѣкающая воздухъ въ различныхъ направленіяхъ. Смѣлѣе, *Осланъ*, ты опередишь ихъ всѣхъ; ты подобенъ бойцу на Олимпійскихъ играхъ, покрытому попомъ, презирающему усталость, совершенно занятому мыслию о томъ, чтобы оспасться непобѣжденнымъ. И такъ, слава дѣйствуетъ на каждаго; всѣ получили опъ природы ту чувствительную струну, которая потрясается такъ легко, и до которой надобно только умѣть искусно коснуться. Смотря на эти спая лодокъ, на заборливыхъ гребцовъ, можно подуматъ, что видишь бой, которымъ старый *Ацестъ* увеселялъ, на сихъ же самыхъ водахъ, взоры Троянскаго героя, праздная его возвращеніе и желая заспавивъ его позабыть свои несчастія.

Дорогу! Намъ пересѣкаетъ путь судно, управляемое десятью Греческими гребцами; корма его украшена золотымъ колоколомъ; судно это принадлежитъ сераскиру-пашѣ. Онъ переплываетъ чрезъ Босфоръ и отправляется въ Скутари, на спомръ войскамъ. Сей неупомимый министръ пропивооспавляетъ все болѣе и болѣе возрастающую дѣятельность безчисленнымъ заботамъ, которыхъ лежатъ на немъ. Не смотря на множество дѣлъ, которыхъ тяготѣютъ надъ его главою, когда-бы вы его не вспрѣтили, всегда найдете въ немъ спокойный видъ и приличный голосъ. Въ возрастѣ, въ которомъ вездѣ государспвенные люди думаютъ только объ успокоеніи, *Хозревъ - Мегметъ*, сдѣлавшись сераскиромъ - пашею, занялся изученіемъ основныхъ правилъ военнаго искусства, посвящая оному дни и ночи для того, чтобы скоро бытъ самому въ состояніи судить о познаніяхъ другихъ.

Такимъ-то образомъ, такимъ-то невѣроятнымъ примѣромъ самоотверженія и неупомимости, успѣлъ онъ возбудить усердіе и приобрести довѣренность всего этого воинспвеннаго юношества, которое смотритъ на него, какъ на стараго главу одного семейства. Цѣлая армія обязана своимъ образованіемъ спарцу, который, при концѣ своего поприща, будучи свидѣтелемъ развитія новой системы, какъ будто сбрасываетъ часть лѣтъ своихъ, и съ новыми силами является служить ей опорой. Потомство одобряетъ *Сенеку*, въ 60 лѣтъ садившагося на школьническую скамью; но какой хвалы не заслуживаетъ визирь, который въ лѣтахъ болѣе преклонныхъ, предался изученію науки безконечной, чуждой привычкамъ всей его жизни, и съ мужествомъ углубился въ безиссленныя подробности совершеннаго преобразования? Такія дѣла не бывають слѣдспвіемъ обыкновенной склонности. Если-бы *Хозревъ - Мегметъ* не любилъ такъ ревностно своего государя и свое опечество, то онъ съ перваго шага опспушилъ бы назадъ опъ упомненія. Слава и честь великодушнымъ мужамъ, которыхъ сердца бьются для блага общаго и для неразлучныхъ съ онымъ выгодъ ихъ государей!

Я предался симъ размышленіямъ, и мысль моя блуждала въ проспранномъ полѣ улучшений, между тѣмъ какъ быстрота печенія мчала меня къ цѣли моего плаванія. Фондукли, Бешпкъ-Ташъ и веселый дворецъ его, бывший Трианонъ Турецкихъ Султановъ, лежащій такъ близко къ берегу канала, что онъ какъ будто спомрися въ его прозрачныя воды; Орпа-Кей и много красивыхъ селеній, оспались далеко позади меня. Куру-Чесме представляется мнѣ съ своими высокими домами, служившими прежде лѣпнымъ жилищемъ могущеспвенныхъ Фанарскихъ Грековъ. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще живутъ тамъ, и одинъ, оправдывающій въ самыхъ уважительныхъ опношеніяхъ блистательную славу, какую приобрѣли его соопечеспвенники, есть нынѣ глава Греческаго народа въ Константинополѣ, и справедливо пользуется довѣренностію государя и его министровъ.

Пробило четыре часа; это время отдохновения для должностныхъ Мусульманъ, которыхъ восходящее солнце заспаешъ уже бодрствующими. Вотъ раздалась очаровательная музыка; въ стѣнахъ новаго дворца превосходно разыгрываютъ симфоніи великихъ композиторовъ. Музыка сія называется музыкою *Серальскаго аги*; она исполняется молодыми Турками, которые сдѣлались истинными артистами подъ ученымъ руководствомъ профессора *Донгетти*. Между тѣмъ, какъ брашъ сего послѣдняго приобрѣшаетъ знаменитость въ Италіи своими твореніями, которыми достойно рукоплещетъ Европа, онъ самъ пришелъ на Воспокъ, чтобы примирить его съ музыкальною гармоніею, и положишь конецъ неспрошеному, носовому пѣнію, наследованному имъ отъ древней Греціи. Въ настоящую эпоху это одинъ изъ успѣховъ, достойныхъ замѣчанія.

Мы спѣшимъ, чтобы лучше слышать, и достигаемъ дворцовой набережной. Снимаемъ шляпы; вотъ Султанъ. Государь разговариваетъ у окна съ своимъ сыномъ. Безъ сомнѣнія онъ переливаетъ въ это юное сердце совѣты, которые самъ онъ получилъ отъ добродѣтельнаго *Селима*. «Видишь ли ты, говоритъ онъ, этотъ народъ; нѣкогда судьба его будетъ отъ тебя зависѣть; это залогъ, который вручитъ тебѣ Провидѣніе, и въ которомъ въ послѣдствіи ты долженъ будешь дать ему отчетъ. Люби народъ, и онъ заплашитъ тебѣ спорицею за любовь твою, за твои попеченія о его щастіи. Природа, которая судила тебѣ родиться для престола, могла сокрыть тебѣ въ одномъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ званій, гдѣ помнися столько несчастныхъ. Думай часто объ нихъ; да упѣшатъ ихъ благодѣянія твоего правленія въ той суровой и тяжелой жизни, которая досталась имъ на долю, и тогда въ государствѣ твоемъ слабый возвыситъ голосъ только для того, чтобы благословлять твое имя.»

Удались; душа моя полна словами государя; я хочу подышать на просторѣ. Тише, *Османъ*, спустимся не спѣша по пеще-

ню и насладимся симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Послѣдніе лучи солнца горятъ на волнахъ Босфора; народъ, упомянутый дневною дѣятельностью, толпился на семь влажномъ пуги, вѣдущемъ его къ тихому сельскому уединенію; тысячи весель, убѣляющихъ воду; крики лодочниковъ, издали дающихъ о себѣ знашь, какъ Лондонскіе кучера въ ночь придворнаго раута; легкіе катки, большіе суда съ сонными пассажирами; Мусульмане, Франки, Армяне, Греки, множество разнообразныхъ одеждъ и лицъ, и все это, сославляющее беспорядочную смѣсь въ проливѣ, увѣнчанномъ двойнымъ амфишпиромъ въ Бешикъ-Ташъ; громъ военной музыки въ Топ-Ане, призывающій къ вечерней молитвѣ; звуки опбойной прубы въ Скупарійскихъ казармахъ; наконецъ, движеніе муравейника, перенесеннаго на воду, и прекраснѣйшій пейзажъ, какой только можетъ освѣщать воспочное солнце, — вотъ картина Босфора, ежедневно лѣтомъ, въ пять часовъ вечера.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОЧЬ НА БЕЗОБДАЛѢ (1).

Я не забуду Безобдалъ,
Его печальныя вершины,
Ручьи, бѣгущіе въ равнины,
Его утесы. — Вѣпръ свисалъ;
Поднявшись, легкій паръ носился
Надъ спящею его главою;
Ужъ солнце скрылось за горой
И въ небѣ голубомъ явился
Кавказскихъ горъ хребетъ сѣдой:
Необозримыя громады,
Картины дикія очамъ.

Здѣсь, для спасительной прохлады,
Въ шапрахъ кочуютъ по горамъ

(1) Гора въ Бамбакѣ. Черезъ нее съ удивительнымъ успѣхомъ проложена дорога, — бѣдучи отъ Тельмиса на Джалел-оглу въ Караххисъ и Персію.

Семьями вольные Ташары:
 Направо степь, и надъ рѣкой
 Виднѣются оспапки Лары (2)
 И нивы желшой полосой;
 Аулы разоренныхъ Грековъ,
 Спада, загоны шабуновъ,
 Ограды бѣлыя садовъ
 И ихъ защиты ошъ набѣговъ.

На косогорѣ, подъ шапромъ,
 Ташарки смутныя лежали;
 Тамъ госпя вкуснымъ молокомъ
 Ошъ привѣшно угощали;
 Смѣялись рѣзvosпи его,
 Незнанію ихъ словъ проворныхъ,
 И, даже, послѣ для него
 Очей не закрывали чѣрныхъ.
 Бышь можешъ, нравились имъ
 Его подарки, шакже младоспъ,
 Безпечное довѣрье къ нимъ,
 Въ очахъ признашельная радоспъ,
 Когда онъ съ ними въ пишинѣ
 Вкушалъ покой. Съ улыбкой скромной
 О немъ заботились онъ
 Въ его мечшательности шомной.
 Упали шѣни по горамъ.
 Ташары дружною шолпою
 Съѣзжались къ своимъ шапрамъ,
 Гоня спада передъ собою.
 Тогда, оставя легкій сонъ,
 Вдали ошъ своего бекеша,
 Берешъ проворно шашку онъ,
 Книжалъ, ружье, два шисполеша;
 Прощаетсѣ—и скрылся въ мигъ,
 Пишая грусшъ и упованье.—
 Давно, какъ онъ оставилъ ихъ;
 Повсюду мершное молчанье;
 И казаки своихъ коней
 Ужъ для ночлега разсѣдали;
 Вокругъ угаснувшихъ огней
 Ташары безмяшечно спали;
 Не всходишъ въ полночи луна;

Темно въ ущельяхъ горъ высокихъ,
 И шолько близъ ручья видна,
 Съ кувшиномъ за плечми, одна
 Во шмъ подруга черноокихъ;
 Но *гарда* снята: зоркій глазъ
 Опшальной дѣвы не увидишъ;
 И кто же въ сей спокойный часъ
 Ташарку милую обидишъ?
 Бѣда-ль, кто случаемъ узналъ
 Ея шоску, ея желанье?...
 Я не забуду, Безобдалъ,
 Бывалое очарованье!

И. Косляревскій.

LOGOGRIPHE.

Au milieu des déserts
 De la brûlante Afrique,
 Je fais une cité brillante et magnifique;
 Par mes beaux monumens j'étonnai l'univers.
 Mais de tant de splendeur et de gloire éclipsées,
 Il ne reste aujourd'hui que colonnes brisées,
 Que temples en ruine, et l'étranger surpris,
 Admire avec respect ces augustes débris.
 Si mieux encor, lecteur, tu voulais me connaître,
 Décompose les pieds, qui forment tout mon être.
 Alors je peux t'offrir certain petit bateau,
 Qu'au moyen de la rame, on fait voguer sur l'eau;
 Un duché d'Italie; un élément perfide,
 Où périt trop souvent le marin intrépide;
 Deux notes en musique; un article; un pronom;
 L'instrument favori d'Orphée et d'Amphion,
 Qui par leur jeu divin enchantèrent la Grèce;
 Ce que, poussé par un faux point d'honneur,
 Un fameux spadassin manie avec adresse;
 Ce que peut t'arracher une vive douleur;
 Un rameau vert, consacré par l'histoire,
 Comme un symbole de victoire;
 Pour le pieux Chrétien, c'est un signe de paix.
 Une boisson en honneur chez l'Anglais.
 Puis ce souffle céleste, invisible substance,
 Qui des humains prolonge l'existence
 Au de-là du tombeau. . . L'opposé de tout bien;
 Mais c'est assez parler, et je ne dis plus rien.

Въ No 49, помѣщенная шарада значишъ: *Пор-охъ*.

(2) Старинный замокъ близъ рѣки Каменки и Джалел-оглу.

M O D E S.

La mode des redingotés est très en faveur cette année, on en voit de beaucoup de sortes, simples ou liabilées. Il y en a de fort bien, faisant *witchoura*, qui peuvent pour ainsi dire prendre ce nom, car elle sont destinées à être portées en pardessus.

Elles se font en étoffe de soie très-légère ou en chali, et la jupe ouverte sur le côté est doublée en marceline verte, bleue, berise, paille, ou enfin tout autrement, selon le goût de la personne. On doit observer que cette doublure, qui s'accorde avec le dessus, doit aussi être tranchée d'une manière assez positive pour ne pas ressembler à un envers.

Ces *witchouras* se mettent par dessus, en laissant apercevoir une élégante robe brodée. La pélerine doit toujours être brodée d'une dentelle noire.

D'autres charmantes redingotes du matin, ou négligés du soir, sont en gros de Naples à mille raies noires sur fond vert, violet ou écrit noisette.

Un des plus jolis ensembles de toilette que nous puissions citer, l'ayant remarqué à une femme très-élégante, était une de ces redingotes en gros de Naples, fond vert émeraude très-clair; les pélerines garnies de dentelle noire étaient faites, l'une en pointe dans la ceinture, et l'autre s'ouvrant en éventail sur la poitrine; un petit col de mousseline, brodé d'une large guirlande de mugets, était garni de deux rangs de valencienne. Une capotte de paille anglaise doublée de mousseline paille, avec des rubans de la même couleur et une seule branche d'aubépine, placée presque droite sur le côté, venait de chez mademoiselle *Larseneur*; pour terminer, une petite cravatte en gaze grenadine-rose achevait cette gracieuse et jeune toilette.

Des modes de cette hiver, il nous est resté les manches à la Diane de Poitiers, marquées par deux bouillons; elles sont larges et laissent au bras plus de liberté que les manches collantes, par conséquent plus commodes pour la chaleur.

Les cols du matin sont presque toujours simples; mais ils sont bordés d'une très-riche et large broderie, et garnis de deux rangs de dentelle.

M O Д Ы.

Рединготы въ большомъ употребленіи нынѣшній годъ; они видны разнаго рода, простые или нарядные. Есть очень красивыя, сдѣланныя какъ *witchoura*, которыя могутъ, такъ сказать, принять это имя поному, что они назначены для наряднаго свеху.

Ихъ дѣлають изъ весьма легкой шелковой шкани или изъ шали, а юбка, открывающаяся съ боку, подложена марселипомъ зеленымъ, голубымъ, алымъ, соломеннаго цвѣта, или другимъ цвѣмъ, смотря по желанію. Надѡ замѣнить, что подкладка сія, которая примыкаетъ къ верху, должна отдѣляться однако довольно резко, чтобы не приходилъ на изнанку.

Witchouras сими нарядуются свеху, не закрывая щеголеватнаго вышитнаго платья.

Другіе прелестныя упреніе рединготы, или вечерніе *négligés*, гроденаплевые съ черными мелкими полосками по зеленому, фиолетовому или цвѣта сырыхъ ореховъ груншу.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ полныхъ нарядовъ, какой мы можемъ описать, замѣченный нами на большой щеголихѣ, состоялъ изъ подобнаго гроденаплеваго редингота; груншъ изумрудный, весьма свѣпый; пелеринки, обшитыя чернымъ кружевомъ, сдѣланы были, одна съ мыскомъ подъ поясъ, а другая открывающаяся на груди опахаломъ; небольшой кисейный воротничекъ, вышитый широкою гирляндой изъ ландышей, обшитъ въ два ряда Валансиенскими кружевами. Капоть изъ Англійской соломки, подложенный кисеей соломеннаго цвѣта, съ лещами шакога же цвѣта и одною вѣлкою шерпа, припшпенной почти впрямъ на споронъ, былъ дѣланъ у дѣвцы *Larseneur*; на конецъ, небольшою галсучекъ изъ розоваго гренадинаваго газа довершилъ сей ловкій и моложавый нарядъ.

Опъ зимнихъ модъ остались намъ рукава à la *Diane de Poitiers*, означенные двумя флоймами; они широки и свободны для руки, нежели рукава въ обпашку, а поному покойны въ жары.

Упреніе воротнички всегда почти просты; но всегда по краю широко и богато вышиты, и обшиты въ два ряда кружевомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 51.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10 1/2 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюня 28 дня, 1853 года.

«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чорить возьмешь тебя!»

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Т Р У С Ъ.

I.

Въ улицѣ Ларошфуко, въ богапоубранной гостиниой одного дома, сидѣли вокругъ спюла двѣ дамы и нѣсколько муштинъ, и съ живостію о чемъ-то разговаривали. Старшая изъ дамъ, называвшаяся г-жею *де Нервиль*, была мать другой, по имени *Маріа*. *Маріа* опличчалась природною блѣдностію; у неѣ были русые волосы, а большіе голубые глаза ея, ослѣненные длинными черными рѣсницами, открывали въ ней одну изъ тѣхъ возвышенныхъ и мечтательныхъ душъ, которыя сгораютъ внутреннимъ пламенемъ. Въ эту минуту, обычная блѣдность еѣ покинула; глаза ея блистали, румянецъ разгорѣлся на щекахъ ея и дрожащій голосъ показывалъ, какъ сильно была она тронута.

— Какъ, г. *Ласкуръ*, — говорила она: — этакъ человекъ снесъ пощечину? —

«Да, сударыня, нѣсколько дней тому назадъ, въ Эрменонвильскомъ павильонѣ.»

— И онъ не оплатилъ за неѣ тѣмъ же? —

«Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.»

— Онъ не попребовалъ удовольстворенія отъ того, кпю такъ оскорбилъ его! —

«Онъ скорѣе спалъ бы просинь у него же прощенія.»

— А нельзя ли узнать имени эпаго нестойнаго человека, чптобы, когда мнѣ случится съ нимъ встрѣпиться, я могла показать ему, какъ я его презираю. —

«Узнать о его имени? Эпо довольно трудно, потому, что единственнмъ свидѣтелемъ сего происшествія былъ мой пріятель, который мнѣ съ эпомъ рассказывалъ; а презирать его вамъ нѣтъ никакого повода; онъ можетъ быть очень хорошей человекъ.»

— Онъ! эпотъ прусь! —

«Трусъ! вотъ забавно! Какъ будто онъ виноватъ въ эпомъ! Мужество зависитъ отъ крѣпости нервъ, и бытъ храбрымъ точ-

но также не въ нашей волѣ, какъ бытъ всегда здоровымъ. Вотъ вамъ примѣръ: капитанъ *Дерверъ*, котораго вы коротко знаете, рассказывалъ мнѣ недавно, какъ одинъ молодой человекъ, потерпѣвшій какую-то важную обиду, при раза падалъ въ обморокъ въ самую ту мину, когда хотѣлъ взяться за шпагу: не ужели, по вашему и онъ достоинъ за это презрѣнiя? Опъ него ли зависло не падать въ обморокъ? У него могутъ бытъ пренѣжныя чувства, чистѣйшая душа, но только слабыя нервы; такъ ужъ въ этомъ надобно винить его ноги, а не душу.»

— А я, возразила *Марiя*, утверждаю, что гдѣ нѣтъ мужества, тамъ не можетъ бытъ и чести. Сдѣлайся мущина игрокомъ, убийцею, и даже измѣнникомъ, любовь еще можетъ извинить это, потому что ненависть и преступленiе бываютъ удѣломъ не однихъ только слабыхъ душъ... но прусъ! ахъ! одно это слово для меня несносно, и будь теперь попъ человекъ, обиды котораго вы были свидѣтелемъ, здѣсь, у ногъ моихъ, хорошъ какъ ангелъ, богатъ какъ *Крезъ*, и знаменъ какъ Испанскiй грандъ, я бы не опдала ему руки своей, если-бъ даже была проспою служанкою.—

Когда она оканчивала эти слова, молодой человекъ, сидѣвшiй въ другомъ углу гостиной и неучаствовавшiй въ разговоръ, выронилъ изъ рукъ альбомъ. *Марiя* оборотилась, и во взорахъ ея вдругъ отразилась удивительная нѣжность; она встала и подошедши къ молодому человеку, сказала ему въ полголоса:

— *Савиньи*, другъ мой,—слушайте, что же вы насъ оставили? Развѣ вы не одобрите того, что я сказала!—

При сихъ словахъ, выговоренныхъ съ прелестною искренностию и смиренiемъ, женихъ *Марiи* поднялъ голову и открылъ лице прiятное и благородное, но немного измѣнившееся.

«Извините, *Марiя*, я разсматривалъ въ вашемъ альбомѣ эпотъ рисунокъ, и ничего не слыжалъ.»

— Ахъ! какъ это жалъ, — молвила она; зная ваше благородство, я увѣрена, что вы были бы довольны моимъ образомъ мыслей.—

«*Марiя*,» сказалъ *Савиньи* пронутымъ голосомъ, показывая ей альбомъ: «посмотрите на это изображенiе старой женщины; какое выраженiе! какая вѣрность! Оно напоминаетъ мнѣ мою добрую бабушку, которая такъ меня любила.»

— Ахъ! мой другъ, — возразила *Марiя*, я вижу слѣзы у васъ на глазахъ, оприте ихъ, а не то и я заплачу вмѣстѣ съ вами... Какой онъ добрый, мой *Савиньи*!—

Между тѣмъ за столомъ, гдѣ сидѣла г-жа де *Нервиль*, полки все еще продолжались.

«Нѣтъ, говорилъ *Ласкуръ*, я ни во что ставлю храбрость; но если у меня будетъ сынъ, на меня похожiй, то я всегда спану пвердить ему: никакъ не позволяй безнаказанно оскорблять себя.»

— Что касается до меня, — сказала г-жа де *Нервиль*: если бы я имѣла сына, и когда бы ему случилось потерпѣть то, что вы называете оскорбленiемъ, то я на колѣнахъ спала бы умолять его не драться. Что мнѣ нужды, что сынъ мой будетъ прусъ? лишь бы онъ былъ живъ. Я не Спарпанка и не скажу своему сыну: возвратись со щипомъ, или на щипѣ; а проспо скажу ему: не ходи.—

«Да! если-бы я былъ вашимъ сыномъ, сударыня,» прервалъ *Ласкуръ*: «то и самъ не спалъ бы драться, потому что у меня было бы тогда двадцать тысячъ ливровъ годоваго дохода, и я рѣшительно ни въ чемъ бы не нуждался, а имѣлъ бы экипажъ, хорошiй споль, тысячу разныхъ удовольствiй, и разумѣется, не сдѣлалъ бы такого дурачества, чтобы рисковать своею щасливою жизнью прошивъ жизни какого нибудь бѣдняка, у котораго нѣтъ ни гроша за душою.»

— Но если-бы, сударь, — возразила съ живостию *Марiя*, которая между тѣмъ опять подошла къ нимъ: эпотъ бѣднякъ сказалъ вамъ какую нибудъ дерзость?—

«Я бы принялъ её за учтивость.»

— А если-бы онъ васъ ударилъ?—

« Я бы скорѣе ушелъ, чтобы онъ не сдѣлалъ эпаго въ другой разъ.»

— Но безчестіе! —

« Какое? »

— Видно, что вы очень собою дорожите. —

« Чрезвычайно, сударыня. Впрочемъ, за что же и дерутся люди, если не изъ любви къ самимъ себѣ? Одни дерутся изъ любви къ своему доброму имени; я не спалъ бы драпясь изъ любви къ коспиямъ своимъ. Теперь, если сравнишь эти два рода себялюбія, выйдетъ, что мое гораздо основательнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, честь, въ чемъ она заключается? Вы говорите, смертельный ударъ для чести... Съ такими смертельными ударами легко проживешь сто лѣтъ; но палочный ударъ будетъ гораздо чувствительнѣе, а пистолетный и того больше... »

— Но чтобы сказала вамъ въ такомъ случаѣ совѣсть ваша? —

« О! если-бы я былъ богатъ, то совѣсть никогда бы меня не попревожила.»

— Но обиды мужчинъ, презрѣніе женщинъ? —

« Кого нынче презираютъ, сударыня? Положимъ, что я прусъ, но кому это будетъ извѣстно? двумъ изъ спа, десяти изъ тысячи? Да и эти десять, неужь-ли вы думаете, что моя прусосць помѣшала бы имъ пить мое Шампанское, брать у меня деньги и называть меня другомъ? Они перзали бы меня за глаза, но какая мнѣ до эпаго нужда? Я бы не зналъ о томъ, да если-бы и зналъ, то все таки что нужды? Я подошелъ бы къ зеркалу и увидѣлъ свѣжее, бодрое, смѣющееся лице свое; открылъ бы шкапулку, и въ глаза мнѣ бросились свершки золопа, кипы ассигнацій; оглянулся бы во кругъ, и взорамъ моимъ представились бы превосходныя карпины, богатая мебель, роскошные ковры. Тутъ я подумалъ бы: право я хорошо сдѣлалъ, что добровольно не лишилъ себя всѣхъ этихъ выгодъ, и пошчасть же позабылъ бы все, что могутъ сказать обо мнѣ; потомъ съѣлъ бы на лихаго коня, выѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, и сколько хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ обратилось

бы ко мнѣ съ поклонами, съ улыбками, съ привѣтствіями! Такимъ образомъ я продолжалъ бы почитать себя щастливымъ, пользовавшимся общимъ расположеніемъ и служить для многихъ предметовъ зависти... Но все то, что я имѣлъ удовольствіе вамъ высказать, не препятствуетъ, что если завпра же ктонибудь оскорбитъ меня, то я немедленно спану драпясь.»

— Опъ чего же это, сударь? —

« Опъ того, что теперь я совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Я по неволѣ долженъ заботиться о чести; она нужна мнѣ, чтобы поддерживать свое существованіе. Я издаю журналъ, и потому долженъ быть храбръ. Вспомните, что я обязанъ быть храбрымъ за всѣхъ своихъ соудниковъ, которые не отвѣчаютъ за изданіе; я служу щипомъ ихъ уму... или глупости; храбросць—это для меня поже, что Шампанское, трюфли, фазаны *à la royale*; а какъ я большой охотникъ до Шампанскаго и до фазановъ *à la royale*, то и долженъ имѣть много храбросци. Но если бы мнѣ не было нужды доставать деньги перомъ, или другимъ способомъ, то хотѣлъ бы быть трусомъ, хотѣлъ бы, чтобы всѣ почитали меня такимъ; я выставилъ бы слово трусь, вмѣсто своей фамиліи, на визитныхъ карточкахъ, и ни чье расположеніе ко мнѣ не измѣнилось бы опъ эпаго; я бы оплуспилъ усы, и повѣрете, что нашлись бы люди, которые спали-бъ изъяслять сожалѣніе, что я не ношу мундира, а изъ всѣхъ женскихъ портреповъ, подаренныхъ мнѣ, вышла-бъ цѣлая галерея.»

— Нѣтъ, сударь,—возразила *Марія*, вѣрно ни одна порядочная женщина не вздумаетъ полюбить такого мужчину. Какъ! я люблю челоуѣка, спану являться съ нимъ въ общесствѣ, и первый повѣса, которому вздумается оскорбить меня, будетъ имѣть для эпаго полную свободу; я должна буду бояться, что топъ, который теперь увѣряетъ меня въ любви своей, при первой угрозѣ готовъ уступитъ меня! что если я упаду въ воду, онъ допуститъ меня упонуть; буду захвачена пожаромъ, онъ оставитъ меня

сгорѣть; попаду во власть какого нибудь злодѣя, онъ позволитъ обезчестить меня. Трусъ, сударь, человекъ, для котораго нѣтъ ни любви, ни состраданія, ни дружбы; прусъ не можетъ быть ни мужемъ, ни сыномъ, ни опцемъ, потому что онъ не умѣлъ бы защитить ни матери, ни жены, ни дочери. **И полюбите такого мужчину! Нѣтъ, никогда, никогда!**—

«Спранно — прервала г-жа *де Нервилъ*; *Савиньи* ушелъ, не сказавъ намъ ни слова.»

II.

На другой день, *Савиньи*, сидя дома въ грустномъ раздумьи, услышалъ, что знакомый голосъ спрашиваетъ объ немъ у слуги его. Въ ту же минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ *Ласкуръ*. *Савиньи* съ холодною учтивостію попросилъ его садиться, и *Ласкуръ* началъ такъ:

— Милостивый государь, я имѣлъ честь видѣться съ вами у г-жи *де Нервилъ*, и пришелъ оказать вамъ услугу.—

«Какую? позволите узнать?»

— Вы прусъ, сударь.—

«Милостивый государь, вы со мною расплатились за такую обиду, и я докажу вамъ...»

— Сдѣлайте одолженіе, не гнѣвайтесь; я знаю, что вы не сердитесь на меня въ душѣ, а боитесь... Но я пришелъ не съ шѣмъ, чтобы оскорблять васъ, и потому избавьте себя отъ прищворной храбрости, которою пельзя обмануть меня. Я начинаю снова, и говорю, что вы прусъ...—

«Милостивый государь!»

— Позвольте мнѣ кончить...—

«Нѣтъ, сударь, я не поперлю...»

— Спранный человекъ!... Если я говорю вамъ, что я пришелъ не съ шѣмъ...—

«Такое оскорбленіе, у меня въ домѣ!»

— Да выслушайте меня; я такой же прусъ, какъ вы, даже больше, чѣмъ вы, въ тысячу разъ больше; успокойтесь же и поговоримъ о нашемъ дѣлѣ хладнокровно, какъ

люди разсудительные. Я не буду повторять, что вы прусъ, если это слово вамъ такъ непріятно; но скажу, что вы не храбрець. Я также не храбрець, какъ я уже и объявилъ вамъ, и вопъ что привело меня сюда... Вы не совсѣмъ это понимаете, неправда ли?—

«Ни сколько, сударь.»

— Вѣрно; но будьте терпѣливы. Помните ли, что назадъ тому нѣсколько дней вы завтракали въ Эрменонвильскомъ павильонѣ, въ Булонскомъ лѣсу, и что одинъ мужчина съ усами...—

Услышавъ это, *Савиньи* поблѣднѣлъ, и закрывъ руками лице, сказалъ глухимъ голосомъ: «ахъ! ради Бога, пощадите меня!»

— Не бойтесь, сударь,—продолжалъ *Ласкуръ* съ одинакимъ равнодушіемъ: я не спану напомнить вамъ объ обидѣ, которую вы вынесли, и которая васъ обезчестилъ; я пришелъ сюда какъ другъ вашъ, и сей часъ объясню вамъ цѣль моего посѣщенія. Вы сватаетесь за дочь г-жи *де Нервилъ*. Она прекрасная дѣвица; у неѣ полмилліона франковъ приданого, и дѣло у васъ почти слажено. Но вчера, послѣ вашего ухода, я объявилъ этому семейству, что герой Эрменонвильскаго павильона были вы, и дѣвица сказала очень рѣшительно, что она никогда не выдѣтъ за человека обезчещеннаго. Случай прекрасный, приданое огромное, и упустить его, было бы весьма непріятно; такимъ образомъ, вамъ необходимо нужно сдѣлать какое нибудь блестящее дѣло, чтобы поправить свое доброе имя, но не подвергалъ себя ни малѣйшей опасности, слышите ли, не подвергая себя ни малѣйшей опасности...—

Ласкуръ остановился на минуту; *Савиньи*, устремивъ глаза въ землю, слушалъ его неподвижно, и только крупная слеза скапывалась по временамъ по блѣдной щекѣ его. Между шѣмъ *Ласкуръ*, съ веселымъ видомъ, съ насмѣшливою улыбкою, качаясь на спулѣ, наблюдалъ своего несчастнаго пациента... Онъ продолжалъ:

— Мнѣ, также какъ и вамъ, необходимъ какой нибудь мужественный подвигъ, который бы надѣлалъ шуму въ свѣтѣ; вопъ

для чего именно... Я, какъ вы знаете, издаю журналъ. Въ эпомъ ремесль, чптобы существовать, надобно быть занимабельнымъ; чптобы быть занимабельнымъ, надобно немножко прикрашивать; путь нужны личности, нужна огласка. Но я боюсь сердитыхъ людей; мнѣ надобенъ блестящій дуэль, который бы послужилъ мнѣ на будущее время щлпомъ для свободного нападенія на всѣхъ полухрабрыхъ моихъ знакомыхъ. Теперь, если я ни разу не подерусь на своемъ вѣку, то они вздумаютъ еще пребывать отъ меня удовлетвореніи; когда же, напрошивъ, они узнаютъ, что я уже не новичокъ въ эпомъ дѣль, то припворятъ, что не читаютъ моего журнала, гдѣ мнѣ случается задѣвать ихъ. Когда я увидѣлъ, что вы спертѣли обиду въ Эрменонвильскомъ павильонѣ, то сначала вздумалъ было вездѣ васъ преслѣдовать, и воспользоваться первымъ случаемъ, чптобы публично оскорбить васъ, и на вашей прусоспи основать себѣ славу храбреца. Но не знаю отъ чего, не смотря на это происшествіе, я продолжаю уважать васъ; я старался наблюдать за вами во время эпой непріятной испоріи, и увидѣлъ, что вы точно честный человекъ; я замѣнилъ, что вы сами на себя негодовали, и сдѣлали все, что могли, чптобы только принудить себя къ дуэли; но врожденное чувство васъ до неѣ не допустило, и я увѣренъ, что послѣ того вы провели много ночей въ слезахъ, вспоминая о своемъ позорѣ. По эпому я потчасъ же отказался отъ намѣренія оскорблять васъ, и наконецъ нашелъ средство, которымъ можно все уладить, поправить ваше доброе имя, помочь вашей женитбѣ и обезпечить мое положеніе; вопъ эпо средство.—

Савини, который съ четверть часа уже не говорилъ ни слова и споллъ, какъ осужденный передъ инквизиціею, вдругъ поднялъ голову, съ пятоспнымъ усиліемъ подошелъ къ *Ласкуру* и сказалъ ему:

«Милоспивый государь, я васъ понимаю и презираю; извольте выпши.»

Ласкуръ засмѣлся и продолжалъ, ни сколько не смупившись:—если-бы я пришелъ сю-

да только для вашей выгоды, а не для своей съ пѣмъ вмѣспѣ, то, разумѣется, не оспался бы ни минуты долѣе, но я также пуждаюсь въ васъ, какъ вы во мнѣ, и спасу васъ даже прошивъ вашей воли.—

«Милоспивый государь,» возразилъ *Савини* съ благородспвомъ, но вмѣспѣ съ замѣшательспвомъ: «вы уже слышали опвѣтъ мой.»

—Послушайте, сказалъ *Ласкуръ*, извипите меня, чпто я напомнилъ вамъ давиче о богатспвѣ г-жи *де Нервилъ*; я знаю, чпто вы выше вслкихъ расчетовъ корысплюбія; но вопъ чпто васъ ко мнѣ привязываетъ: вы любите дѣвицу *де Нервилъ*, любите еѣ спраспно, она также васъ любитъ; доспапнетъ ли у васъ духу отказаться отъ неѣ добровольно?—

«Да, лучше отказаться, нежели получить ея руку посредспвомъ хитроспи.»

—Но вспомните, чпто вы не только еѣ перяете, но оспаетесь обезпеченнымъ въ умѣ ея; вспомните, чпто она всегда будетъ видѣть на лицѣ вашемъ слѣды поношенія, и чпто она никогда не вспрѣшится съ вами, чптобы не сказать себѣ внуспренно: вопъ человекъ, который вынесъ пощечину!—

«Ахъ! эпо адское мученіе!» вскричалъ *Савини*, и крупныя капли пота выступили на лбу его.

—Скажите одно слово, и мученіе ваше прекрапитъ.—

«Но чпто же вы хопите дѣлать?» сказалъ съ опчаяніемъ молодой человекъ.

—Вопъ чпто: спупайте сегодня вечеромъ въ Оперу, садитесь въ балконъ, на лѣво, въ первомъ ряду; я прихожу послѣ васъ, въ срединѣ спектакля; вы подходите ко мнѣ и спрашиваете, по какому праву осмѣлился я клеветать на васъ; я опвѣчаю вамъ грубо; вы называете меня дерзкимъ; я начинаю сердиться; вы запоспте на меня руку; всѣ встаютъ, окружаютъ насъ, и когда собирается порядочная толпа, я громко называю васъ по имени, чптобы всѣ знали, чпто эпо потчно вы, и мы назначаемъ на завпра дуэль.—

«Никогда! никогда!» вскричалъ несчастный *Савиньи*, задыхался опть опчаянїя.

— И пакъ вы не любите дѣвицу *де Нервилъ*?—

«Я не люблю её! Боже мой! Я не люблю её!» сказалъ онъ, ударивъ себя въ голову.

— Такъ позвольте же мнѣ кончить. На слѣдующій день, то есть завтра, мы отпра-вляемся на мѣсто. . . . —

«Говорю вамъ, что я не пойду!» вскричалъ *Савиньи* съ бѣшенствомъ: «ни за что не пойду! Знаете ли, что средство, которое вы мнѣ предлагаете, оправило бы всю жизнь мою! Мнѣ получить обманомъ то, что всего прекраснѣе въ мірѣ, уваженіе людей! Быть обязану хорошимъ о себѣ мнѣніемъ — обману, дружбою — подмой уверткѣ; думать среди чистѣйшихъ ласкъ любви, что я краду ихъ; видѣть, что меня почитаютъ честнымъ человѣкомъ, и чувствовать, что я самое низкое, презрѣнное существо! . . . Нѣтъ, нѣтъ, сударь; пусть лучше прослыву я трусомъ, нежели неправдою куплю себѣ славу храбреца; я не приду.»

— Очень хорошо, — хладнокровно возразилъ *Ласкуръ*: мнѣ остается сказать дѣвицѣ *де Нервилъ*. . . . —

«Ахъ! ради Бога, не произносите этого имени!» вскричалъ *Савиньи*. «Что мнѣ дѣлать? О, какъ это мучительно. . . *Марїа*. . . безчестіе . . . свѣтъ . . . совѣсть. . . Голова моя кружится. . . Боже мой! Боже мой! если Ты судилъ мнѣ прожить еще тридцать лѣтъ, то отними опть меня двадцать пять, и дай мнѣ въ замѣнъ ихъ храброспи. . . .»

— Но я предлагаю вамъ её безъ всякой замѣны; опть чего же вы не соглашаетесь?—

«А развѣ я не получилъ уже пощечины?»

— Я одинъ былъ эпому свидѣтелемъ, и одинъ распустилъ слухъ объ эпомѣ; вы нападаете на меня, какъ на клеветника, и все заглажено. . . . Выслушайте же меня, и дайше мнѣ кончить. Завтра упроемъ мы отпра-вляемся на мѣсто, спановимся въ двадцати шагахъ. . . . нѣтъ, въ пятнадцати, это будетъ шоржественнѣе. Намъ заряжаютъ пи-

сполеты, мы выспрѣливаемъ вмѣспѣ. . . . на шесть дюймовъ выше головы, понимаете ли? на шесть дюймовъ выше головы. Послѣ первыхъ выспрѣловъ, свидѣтели объявляютъ, что честь наша удовлетворена; но вы — я предоспаляю вамъ однимъ всю славу — вы говорите, что эпато недоспапочно. . . . Писполеты снова заряжаютъ; мы спрѣляемъ, опять не задѣвая другъ друга. . . . заряжаютъ въ третій разъ, мы опять не попадаемъ: тогда свидѣтели начинаютъ рѣшительно намъ прошивиться; вы наконецъ уступаете ихъ убѣжденіямъ, но объявляете, что будучи на моемъ мѣспѣ, вы бы эпимъ не довольствовались. Не смотря на то, насъ мнряютъ; мы беремъ другъ друга за руку; меня величаютъ храбрецомъ, а васъ наспоющимъ героемъ; эпато возспановляетъ ваше доброе имя; вы жѣнитесь на дѣвицѣ *де Нервилъ*, и я объявляю объ эпомѣ въ своемъ журналѣ. Что вы скажете о моемъ планѣ? —

Савиньи ничего не опвѣчалъ; казалось, въ немъ происходила та внутренняя борьба, которая въ часъ уносптъ десять лѣтъ жизни. Кольна его дрожали, зубы судорожно сжимались; минутъ пять споялъ онъ въ такомъ положенїи передъ *Ласкуролъ*, который испугавшись зрѣлица эпой нравственной пыпки, потерялъ свое равнодушіе, замолчалъ и поблѣднѣлъ. Вдругъ *Савиньи* подошелъ къ *Ласкуру*, и сказавъ ему глухимъ голосомъ: до вечера, въ театрѣ, и скрылся въ другую комнату.

(Окончаніе въ слѣд. листѣт.)

При представленїи въ Парижѣ комической оперы *Донъ-Жуанъ* (музыка *Моцарта*), не успѣли еще опустить занавѣса, какъ публика спала вызывать актѣра, представлявшаго героя оной. Вызовъ былъ изъ *райка*. *Донъ-Жуанъ*, влекомый фурїями, вырывается изъ рукъ ихъ съ громкимъ крикомъ: «пустите, пустите меня, я не хочу въ *Адъ*! Развѣ вы не слышите, что меня зовутъ въ *Рай*!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЦВѢТЫ ЛЮБВИ.

Незнакомою дорогой
 Шель по колкимъ пѣрнамъ я,
 Тихо, пусто и убого
 Было все вокругъ меня;
 Надо мной ходили тучи:
 Вдругъ незримая рука
 Съ высоты на пѣрнь колючій
 Уронила два цвѣтка.
 Яркой упренней росую
 Изъ цвѣтловъ блисталъ одинъ;
 Онъ бы лучшей красою
 Былъ роскошнѣйшихъ долинъ,
 Если-бъ (прелестъ неземная)
 Онъ въ садахъ Эдема цвѣлъ,
 Вѣрно-бъ Ангель, жительство рай,
 Въ свой вѣнокъ его заплелъ!
 Я споялъ—мой взоръ окованъ
 Былъ волшебной красою—
 Но не долго очарованъ
 Я и нѣгой и мечшой:
 Въперъ свиснулъ—и по волѣ
 Цвѣтъ ревниво обхвапая,
 Онъ занёсъ въ глухое поле
 Сада пыльное дупля!

Спало грустно,—но въ опраду
 Мнѣ оставленъ цвѣтъ другой,
 Онъ красою блещетъ взгляду,
 Но не упренней красой;
 Есть глубокая примѣша
Преходящаго на немъ.
 Грудь его была согрѣша
 Льта знойнаго огнемъ!
 День еще—и онъ завянешъ,
 И за-упро съ высоты
 Перлъ росы безплодно канешъ
 На засохшіе листы.

А. Подолинскій.

НАТАША.

(Посв. А. Д. О . . . . ѵ)

«И ты, смиренница, въ обновкѣ?»
 — Сегодня, бабушка, семикъ.—
 «Въ кумачникъ и лента на головкѣ!
 Смощри, ужо тебя сердипый мой старикъ!
 Не любишь онъ, чтобъ щеголяли внучки;
 Вѣдь правду, дупляшко, сказашъ,
 Въ нарядъ просенькомъ привольнѣе плясашъ;
 А по сиди, поджавши ручки.
 Смощри, вонъ староспина дочь
 Чинехопько сидишь, какъ куколка на лавкѣ;
 Бѣдняжкѣ и нарядъ не въ мочь:
 Хотѣлось бы побѣгашъ по муравкѣ,
 Съ подружками попѣшишься въ кружку,
 Иль посидѣшь на берѣжку—
 Анъ пѣтъ, отецъ ея жалѣетъ сарафана:
 Зацѣпишь-де повязкой за сучекъ,
 Сомнешъ черевики изъ алаго сафьяна,
 Иль неровно какой полчекъ. . . .
 Всѣхъ бѣдь не перечешъ! И бѣдная Неня
 Какъ пригорюнилась, головку опуспила!
 Я видѣла, она опъ спараго шайкомъ
 Оперла личико кисейнымъ рукавомъ. . . .
 Ожъ, это щегольство! оно и впрямъ зараза!
 Не даромъ шакъ его Аншипичъ мой зовешъ.
 Спаринушка не скупъ: вѣдь онъ тебя, какъ глаза
 Опъ навожденій злыхъ, Наташа, бережешъ.»
 — Я слушаюсь его, родимая, гопова,
 И право не люблю не кстапи щеголяшъ;
 Пусти меня теперь къ подружкамъ поплясашъ:
 Вѣдь у меня—нарядная обнова.—

Пл. Ободовскій.

ЛОГОГРИФЪ.

Я въ цѣломъ—свѣпу врагъ большой,
 Не только знашся,
 Съ нимъ не могу я даже повидашся,
 И въ день не встрѣшитесь вы никогда со мной.—
 Но букву прочъ—и я живу водой,
 Въ ней плаваю, ползу; мнѣ многіе чюдятся,
 И многимъ я служу, какъ пищею проспой.—

Смѣшайте-жь *цѣлое*—получите вы мною
Прекрасный цвѣтъ и плодъ полезный всемъ собою;
Кто кушаетъ его—тому наводитъ сонъ;
Что-жь можетъ лучше быть, когда лишь въ пору
опъ?—

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
уездъ Гжатскій.

Въ No 50, помѣщенный логотифъ значить: *Palmyre*;
изъ него можно составить: *Parme, Parme, mer, ré, la,*
le, me, lure, lame, larme, ale, âme и mal.

М О Д Е С.

La valencienne, de même que l'angleterre, conserve toujours son rang de dentelle *comme il faut*; c'est elle qui borde les mouchoirs de poche de batiste brodés ou simplement ourlés. On la voit aux pèlerines du matin en batiste d'Écosse, aux bonnets très-négligés enfin à tout ce qui s'appelle *le linge*, et en élégance recherchée, rien ne la remplace.

Les petits bonnets du matin en mousseline claire, ou en tulle avec des entre-deux de mousseline, garnis de trois rangs de petite dentelle, sont bien avec un ruban de taffetas glacé étroit, tournant autour de la garniture et formant un très-petit nœud posé très en avant. Un joli ruban est à mille raies ou petits carreaux mille raies, lilas et blanc, pistache et blanc, bleu ou rose et blanc, de sorte que la couleur dominante se trouve glacée. Les coques de ces nœuds doivent être petites et aplaties, en éventail.

Les tabliers de gros de Naples à mille raies ou carreaux, sont distingués, mais moins convenables pour la campagne que ceux de batiste écru brodés. Sur ces derniers les fils d'Écosse de couleur font de jolies arabesques, plus légères que celles de laine.

Les mitaines de soie deviennent générales; celles de soie noire sont les mieux, même avec une robe blanche, et cette mise est au contraire fort recherchée

Pour le matin, les hommes portent de charmantes cravates de *madras* à carreaux; elles se mettent fort larges et nouées simplement en rosette.

Voici une élégante toilette de jeune homme: un pantalon *cosaque* en casimir à côtes, noisette; un gilet blanc, une redingote noire, une chemise de guingamp, à raies vertes ombrées, larges d'un doigt, à jabeau double, une cravate en soie noire.

М О Д Ы.

Валансиенскія и Англійскія кружева всегда сохраняютъ свое достоинство кружевъ *comme il faut*; ими обшиваются носовые платки, вышитые или просто обрубленные. Онѣ видны также около ушренныхъ пелеринокъ изъ Шотландскаго батиста, около весьма простыхъ чепчиковъ, наконецъ около всего, что называется *белье*, и въ отличной щеголеватости ничто ихъ не замѣнитъ.

Небольшіе ушренніе чепчики изъ прозрачной кисеи, или шюля, съ кисейными прошивками, обшитые въ три ряда узенькимъ кружевомъ, очень приличны съ узенькою шафляною, двуличневою лентою, обвернутою около оборки и составляющею небольшою бантъ, припиленный весьма напередъ. Красивы лепны съ мелкими полосками или мелкими клѣпками, лиловыя съ бѣлымъ, фиштакковыя съ бѣлымъ, голубыя или розовыя съ бѣлымъ, такъ что господствующій цвѣтъ выходитъ двуличневый. Петли сихъ бантовъ должны быть не велики и плоски, опахаломъ.

Гроденаплевые передники съ мелкими полосками или клѣпками, весьма отличны; но менѣе приличны для деревни вышитые по небѣленому батисту. На сихъ послѣднихъ Шотландскія цвѣтныя нипки составляютъ красивыя арабески, легче, нежели вышитыя шерстью.

Шелковыя митены дѣлаются общими; чѣрныя красивѣе другихъ, даже съ бѣлымъ плащемъ, и одѣться такимъ образомъ, щипается щегольствомъ.

Упрямъ мушны посятъ прелестныя галстуки изъ клѣпчатого *мадраса*; ихъ складываютъ весьма широко и завязываютъ просто розеткою.

Вошь красивый нарядъ для молодого человѣка: казацкія панталоны изъ рубчатого казимира, орховаго цвѣта; бѣлый жилетъ, чѣрный серпукъ, сорочка изъ гингама съ зелеными въ тѣнь полосками, шириную въ палецъ, съ двойнымъ *жабо*; чѣрный шелковой галстукъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 52.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 1 дня 1833 года.

Мы видимъ щастья нѣтъ въ мечтахъ земнаго свѣта:

Есть щастье гдѣ нибудь: нѣтъ нѣтъ безъ предмета.

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Т Р У С Ъ.

(*Окончаніе.*)

III.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, слѣдующая сцена происходила за Монмарпирскою заспавою. Открытый живописный лщикъ стоялъ на землѣ, и два человека, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, еще держали въ рукахъ оружіе. Тогда одинъ изъ свидѣтелей подошелъ къ нимъ и съ твердосію сказалъ: «милоспивые государи, вы сдѣлали шесть выстрѣловъ, эпшаго довольно для вашей чести, и слишкомъ много для нашей совѣсти; вы должны кончить бой, или мы разойдемся.» Бой въ самомъ дѣлѣ прекратился. *Ласкуръ* подошелъ къ *Савиньи*, прося у него руку.—Я не имѣю права отказать вамъ въ ней, отвѣчалъ *Савиньи*, и протянулъ ему руку.—Теперь, господа, сказалъ *Ласкуръ*, обращаясь къ свидѣтелямъ, прежде нежели мы разспанемся, я попрошу васъ подписать свидѣтельство о томъ, что мы, по еспѣ г. *Савиньи* и я, носпуцили въ эпшомъ случаѣ какъ благород-

ные люди. Онъ потчасъ сѣлъ на землю и написалъ карандашемъ слѣдующее:

«Сегодня упромъ происходилъ въ Монмарпирѣ дуэль между гг. *Савиньи* и *Ласкуръ*, главнымъ редакторомъ журнала ***. Съ обѣихъ споронъ сдѣлано было по три выстрѣла, и мы по чести объявляемъ, что оба соперника показали себя при семъ какъ должно благороднымъ и храбымъ людямъ.»

Подписали: *Делоне*.—*Деркуръ*.

Ленуаръ.—*Морваль*.

Послѣ эпшаго, *Делоне*, свидѣтель со спороны *Ласкура*, подошелъ къ *Савиньи* и сказалъ ему:

—Милоспивый государь, я очень желаю, чтобы знакомство наше, начавшееся въ паккихъ непріятныхъ обстоятельспахъ, эпшимъ не кончилось; ваши благородные и достойные уваженія поступки заспавляютъ меня предложить вамъ мою дружбу, и если вамъ угодно подарить меня своею, то я спану ею гордиться, какъ дружбою одного изъ благороднѣйшихъ людей, копорыхъ я знаю.—*Савиньи* поклонился.

«Позвольте, господа,» сказалъ *Ласкуръ*, подошедши къ *Савиньи* и опвода его въ спорону: «позвольте мнѣ сказать нѣсколько

словъ поному, который сей часъ былъ моимъ пропивникомъ, но теперь, надѣюсь, спалъ мнѣ другомъ.—Ну! что же вы такъ печальны? планъ нашъ удался сверхъ всякаго чаянiя... Знаете ли однакожь, что я немножко спрусилъ, когда вы выспрѣдили въ первый разъ!... ну, если-бы вы попали и убили меня!— *Савиньи* сдѣлалъ знакъ досады.— Шука-по, мой милый, была бы плохая. Къ счастью, все кончилось какъ нельзя лучше. Вотъ наше свидѣтельство; я разсылаю его во всѣ журналы: сегодня вечеромъ оно будетъ напечатано, а завтра извѣстно всему Парижу; чрезъ недѣлю у насъ прибавится соння другая друзей, а черезъ мѣсяцъ намъ не спанеть времени, чтобы являться на всѣ приглашенiя въ *Rocher de Cancale*, который будутъ намъ дѣлать.

«Между тѣмъ пойдете позавтракать. Какъ вы думаете, господа? не прогуляться ли намъ въ Эрменонвильскiй пав... Увидѣвъ, что при этомъ словѣ *Савиньи* поблѣднѣлъ, онъ поспѣшно поправился; нѣтъ, я ошибся, къ *Жилле*».

— Извините меня, господа, если я не пойду съ вами, — сказалъ *Савиньи*, я худо себя чувствую.— Онъ сѣлъ въ свой кабриолетъ, и быстро помчался по дорогѣ въ городъ.— «Какой удивительный человекъ, какое чертовское хладнокровiе! сказалъ *Делоне* послѣ его отъѣзда; знаешь ли, любезный *Ласкуръ*, что ты очень счастливъ, опдѣлавшись безъ дальнихъ хлопотъ отъ такого пропивника.»

IV.

Полдень. Въ гостиной, въ которой происходилъ прежде описанный нами разговоръ, *Марiа* въ упренномъ нарядѣ, съ неубраченными волосами и съ глазами, полными слезъ, безпрестанно переходитъ отъ дверей къ окну; она, какъ можно болѣе наклоняется на край балкона, высовывается до половины изъ окна, приспально смотритъ на конецъ улицы, опслоняетъ волосы, которые спускаются по лбу ея, чтобы лучше видѣть, и потомъ бросается въ кресла, рыдая и закрывая лице руками.

— Онъ убилъ! онъ убилъ!... Я увѣрена, что онъ убилъ!—

«Дочь моя, милая дочь! ради Бога не опчаявайся.»

— И я подозрѣвала его въ прусоспи, я могла думать, что онъ допустилъ оскорбить себя, тогда, какъ въ поже время...—

«Онъ возвратился, *Марiа*, онъ вѣрно возвратился!»

— О, если-бы онъ возвратился, какъ-бы я спала умолять его о прощенiи!... Онъ проспипъ меня; да, я скажу ему, какъ я люблю его, и скажу ему это съ такою цѣлностiю, что онъ вѣрно проспипъ меня. Но онъ не придетъ; небо наказываетъ меня за то, что я сомнѣвалась въ благороднѣйшемъ изъ людей. Онъ умеръ! я его больше не увижу! *Савиньи*!... о Боже мой! Боже мой!—

Вдругъ въ ближайшей комнатѣ послышался легкiй шумъ.—Это онъ!—вскричала *Марiа*, и бросилась къ дверямъ. Въ самомъ дѣлѣ вошелъ *Савиньи*, блѣдный, какъ положно, и упалъ на первый стулъ.— Вы не ранены, неправда ли? вы не ранены? вскричала она; о нѣтъ, нѣтъ! Какое счастье! Это онъ! посмотрите, маменька, это онъ!... Боже мой, какъ я плачу... но эти слезы мнѣ приипны, я бы хотѣла всегда такъ плакать. Милый *Савиньи*! ахъ, какъ милоспивъ ко мнѣ Создатель! Но отвѣчайте же мнѣ, скажите мнѣ хотя одно слово, только одно слово, мнѣ нужно слышать вашъ голосъ; назовите меня по имени, и эпаго будетъ для меня довольно... но вы молчите! А! я угадываю... вы узнали о томъ, что я говорила, и на меня за это сердитесь! О, другъ мой! проспипте меня, я была за это жестоко наказана... я такъ спрадала!... Если бы вамъ сказали, что ваша *Марiа* обезславилась себя, вы бы умерли отъ горести, не такъ ли? Такъ посудите же о моемъ мученiи, когда меня спали увѣряли, что видѣли какъ кто-то безнаказанно оскорбилъ *Савиньи*,—*Савиньи*, столь храбраго, благороднаго, великодушнаго! Правда, мнѣ бы не должно было этому вѣривъ, но мнѣ клялись, что это справедливо... Припомъ же, вы сами виноваты, если я такъ прихотлива во всемъ, что касается до чести... За чѣмъ было раскрывать мнѣ всѣ сокровища вашего благород-

наго и гордаго сердца? Проспите меня! проспите! Но вы не опивчааете, отвращаете голову... Ах! мой другъ, вы очень жестоки; умоляю васъ, взгляните на *Марію*, которая проспиралась къ вамъ руки, не откажите мнѣ; къ тому же, вы знаете, я принадлежу къ благородной фамилии *де Нервилей*, въ которой никогда не было прусовъ, и я готова была умереть отъ одной мысли, что человекъ, любимый мною, перенесъ такое оскорбленіе... Но какъ могла я этому повѣрить? это пресупленіе, не проспительное пресупленіе... Скажите же мнѣ, какъ просить у васъ прощенія... Взгляните на вашу *Марію*... когда вы на неё взглянете, то не въ состояніи будете долѣе сердиться... Ах! какое щастіе! ваша рука жметъ мою руку, вы улыбаетесь; я снова вижу моего *Савиньи* такимъ, каковъ онъ былъ со мною прежде. Ах, маменька, позвольте мнѣ обнять его... — И не дожидаясь согласія матери, которая улыбалась, смотря на неё, *Марія* бросилась на шею своего жениха, нѣжно обняла его и скрыла на груди его лице свое; *Савиньи* прижалъ её къ груди, поцѣловалъ въ голову, выронилъ слезу къ ней на шею, и сказалъ: «милая *Марія*...» Потомъ вырвался изъ рукъ ея и ушелъ, примолвя: «я возвращусь.»

Черезъ часъ подали г-жѣ *де Нервилъ* письмо отъ *Савиньи*, запятнанное кровью. Онъ заспрылся.

Бѣдная *Марія*!

V.

— *Жозефъ*, подай мнѣ шоколадъ и принеси журналы! — кричалъ *Ласкуръ* изъ своего алькова. — А! вопъ и журналы! Посмотримъ! прочтемъ свою славу!... Превосходно!... —

«Вчера происходилъ дуэль, и пр.»

— Именно такъ! А, еще имя *Савиньи*... чтобы это значило?... —

«Вчера, въ два часа по полудни, заспрылся на своей кварширѣ г. *Савиньи*. Незвѣстные причины, побудившія его къ сему ужасному поступку. Онъ готовился вступитъ въ союзъ съ одною изъ знаменитѣйшихъ фамилій въ столицѣ.»

— *Савиньи*! не во снѣ ли мнѣ это грезится?... не можете быть!... *Савиньи*!... Но

такъ, это онъ; онъ точно хопѣлъ женишься... Нѣтъ больше никакого сомнѣнія! Какая загадка!... столько храбрости... Однакожъ, эта спашья очень суха. Можно было бы воспользоваться этимъ сближеніемъ дуэля и самоубійства; можно было бы сказать что нибудь прекрасное объ опчаянной неустрашимости человека, который въ одно утро при раза подвергалъ опасности жизнь свою, и черезъ часъ спустился рѣшился прекратитъ её, не чувствуя ни малѣйшаго опвращения къ смерти тогда, какъ видѣлъ её передъ глазами... И это такъ чудно-храбрый человекъ дрался со мною! я дрался съ нимъ! Это мнѣ дѣлаетъ честь... Спашью надо было бы передѣлать. Но какая бы могла быть причина?... не понимаю. Вѣрно онъ помѣшался... А! я начинаю догадываться; дѣло въ томъ, что съ такою головою онъ могъ бы измѣнить нашей пайи, если бы не заспрылся... Подай же мнѣ шоколадъ, *Жозефъ*! —

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Ъ Т О В А Н І Е Т А С С А.

Поэма Лорда Байрона.

(Посвящено В—ру Н—ву Фонтъ-Дервизъ.)

I.

Какъ медленно несетса время!
 Какъ тяжко для питомца Музы
 Влачить невольничества бремя,
 Невинной жертвой быть сихъ узъ!...
 Сносить гоненье отъ шпрановъ:
 Насмѣшки, муки, клевету,
 Возвышенныхъ надеждъ щипцу
 И всю жестокость ихъ обмановъ!
 О, сколь помпильно груститъ
 Моя душа въ сей кельѣ тѣсной:
 Свобода гордоу манишь
 И чистый воздухъ поднебесной. —
 Дверь ненавистная, всегда
 Ты заперта передо мною,
 И тѣнь своя своею тѣмою
 Лучъ солнца кроетъ отъ меня. —

И мнилъся, что мой спражь шоремой
Съ насмѣшкой злобой и надменной
Сію рѣшетку спережешь,
И черствой хлѣбъ мнѣ подаетъ
Рукою холодной, равнодушной.—
Вопь что судьбой дано въ удѣлъ
Тому, кто ей во всемъ послушной
Любить прекрасное умѣлъ.—

Мои ты испощася силы,
О участь скорбная моя!
Уже ли мнѣ и до могилы
Все надобно спосить себя?
Но я еще не успуналъ
Опчально и злымъ спраданьямъ,
Я все живилъ ожиданьемъ.—
Изъ пѣсныхъ спѣвъ сихъ умелалъ,
Въ мечтѣ возвышенной, свободной,
На подвигъ ратный, благородной;
Тамъ геній въ шоржесивѣ парилъ,
Святымъ воспоргомъ окриленный;
Тамъ сонмъ, за вѣру ополченный,
Самъ Ангелъ брани предводилъ.—

Я цѣль тебѣ, святой Сіонъ!
Я пѣлъ швое завоеванье,
Весь ужась бивъ, невѣрныхъ спонъ,
Твоихъ героевъ ликованье.—
Спаситель міра! мнѣ внемли:
За всѣ спраданія земныя
Награды вѣчныя, благія
Въ небесной жизни мнѣ пошли!—

II.

Ужь кончено сіе шворенье,
Сей угѣшитель мой въ скорбяхъ;
Но если горькихъ слезъ печенье
Сопреть стихи въ его листвахъ:
То вѣрше, что не ропотъ въ мукѣ.
Былъ горькихъ слезъ моихъ виной,
Онъ пролиши при разлукѣ
Съ швореньемъ созданнымъ здѣсь мной:
Съ прелестнымъ сыномъ воображенья,
Который жизнь мнѣ услаждалъ,
Съ кѣмъ я прилжно забывалъ
Весь ужась моего помненья;
Но покидаетъ онъ меня!

И сколь грущу и плачу я!
Для шпроси, бурей преломленной,
Тяжелъ ударъ ей нанесенной.—
Что мнѣ предвидѣть?—что мнѣ ждаться?
Мое спокойствіе въ могилѣ.—
Увы! осталось лишь искать
Опрадъ въ одной душевной силѣ.—
Душа еще шверда моя,
Она не знаетъ угрызений;
Средь спрашныхъ вокругъ меня явленій
Неизмѣнился духомъ я.—

Несправедливые щипаютъ,
Что рокъ лишилъ меня ума:
Гдѣ-жъ признаки?—пусть отвѣчаютъ!
Элеонора! ты сама
Скажи: замѣчено-ль шобою,
Что почто умъ пошерялъ мною?..
Влекомый пылкостью желаній,
Я, безъ сомненья, былъ не правъ,
Тебя, прелестная, избравъ
Предметомъ спрашныхъ чувшвованій.—
Я помнилъ чувшвъ моихъ законъ;
Я позабылъ съ ращепомъ свѣта,
Сколь жребій швой былъ раздѣленъ
Съ судьбою бѣднаго поэта.—
Но шуть не умъ мой заблудился,
Но сердце полное тобой:
Твой взоръ былъ милъ—я имъ плѣнился;
И вопь единшвенной виной,
Что я отъ общесства, отъ милыхъ
Опвержень злобою людей;
И обречень жишъ какъ злодѣй
Въ стѣнахъ сихъ мрачныхъ и унылыхъ.—

Пусть я шерплю, Элеонора,
Пусть буду вдвое я шерпѣшь:
Но швоего лучъ ясный швора
Все будетъ въ сердцѣ пламенъшъ.—
Ты знаешь, бшстро исчезаетъ
Пыль шпроси въ щасливой любви,
Въ щасливой же не угасаетъ,
Пылаетъ вѣчно онъ въ крови.—

III.

Но что такое надо мной?
Я слышу яроспные крики;

Ужасенъ мнѣ сей голосъ дикій,
Сей звукъ безумья роковой.—
Сей вопль назначенныхъ судьбою
Быль въ устахъ пѣломъ и душою.—

Сколь часпо тѣ, чьему надзору
Сія спрадалицы вручены,
Ужасный ихъ, въ нпую пору,
Бывають смысла лишены:

Жестокіе, мученьемъ злбнымъ
Мечпають жалкихъ излечить,
Тьму ихъ разсудка прояснить
Тиранствомъ звѣрству только сроднымъ.—
Лишенный радости свободы,
Свидѣтель спрашныхъ сихъ каршинъ,
Съ поскливой думою—одинъ,
Провель я многіе здѣсь годы.—

IV.

Увы! чрезмѣрно я терпѣлъ,
Но до конца терпѣнья желаю.—
Забылъ здѣсь много, что хошѣлъ;
Но все невольно возбуждаю
Въ шоминѣльной мечнѣ моей
Воспоминанья прошлыхъ дней—
И расправляю сердца раны.—
Прощу ли вамъ, мои тираны?
Вамъ, заключившіе меня
Въ юдоли горя и спраданья,
Гдѣ безъ оправдъ, безъ упованья
Влачился жизнь шеперь моя.—
Гдѣ смѣхъ—не естъ знакъ чувствъ веселыхъ,
И мысль гдѣ естъ—не знакъ ума;
Гдѣ видѣнъ ужасъ мукъ тяжелыхъ,
Безумья гореспная пѣма.—
Изъ жерпвъ гдѣ умшвенной неволи,
Всякъ помнаешъ лишь себя,
Всѣ, кромѣ одного меня,
Достойнаго не этой доли.—
Попухнешъ ли моя досада
Противъ гонимелей моихъ?
По пауценію ли ада,
Томя меня въ спраданьяхъ сихъ,
Унизили въ умѣ людей,
Опнявъ мой собственный желали,
Мой образъ мыслей осуждали—
Лишили счастья лучшихъ дней?—

Уже-ль рѣшился на опмщенье?
Нѣтъ, мепъ низка въ глазахъ моихъ;
Я слишкомъ гордъ,—пусть Провидѣнье
Караешъ за жестокость ихъ.—

Прощаю имъ несправедливость,
И жду я смерть—какъ леба милость!—
Такъ, божество души моей!
Пускай печальныхъ мыслей въ ней
Не будетъ вообще съ побою.—
Пусть пвой жестокій, гордый брапъ
Ко мнѣ ппаетъ злобы ядъ,
Но я не мспителенъ душою.—

V.

Изслѣдуй ты мою любовь:
Она ясна какъ лучъ денницы,
Какъ помный, спрастный звукъ цѣвницы
Она волнуешъ тихо кровь;
Опчаянье и изспупленье
Еще не подружались съ ней,
Но съ каждымъ днемъ еѣ помленье
Все пламеннѣе, все спрастный.—
Она мой геній, мой хранитель,
Надежда милая моя,
Единый въ жизни ушѣшитель,
Она мнѣ прелестъ бытія.—
Какъ въ мракѣ грозныхъ, бурныхъ шучъ
Скрываетъ молнія свой лучъ:
Такъ и любовь сія сокрыпа
Глубоко въ сердцѣ у меня;
Какъ молнія средъ знойна дня
Бываетъ шучею излита:
Такъ и при имени швоемъ
Огонь по жиламъ пробѣгаешъ,
И вдругъ мгновенно воскрешаетъ
Воспоминанье о быломъ.—
Въ шотъ мигъ въ мншувшемъ я душой,
—И мнѣ опрадно заблужденье!
По быспро милое видѣнье
Вновь исчезаетъ предо мной.—

Нѣтъ, я не ослѣплялъ себя
Пустой, несбыточной мечшою:
И жребій, данный мнѣ судьбою,
И санъ пвой слишкомъ вѣдалъ я.—
Ни словомъ я, ни вздохомъ спрастнымъ.

Любви моей не обличилъ,
 И не щипалъ того опаснымъ,
 Чшо вшайтъ споль тебя любилъ;
 И спросить безъ удомешворенья
 Была мнѣ верхомъ наслажденья.—
 Въ ней все мое я заключалъ:
 Чшо душу къ жизни привлекало,
 Чшо чувства сердца мнѣ пипало,
 Награду въ чемъ мою щипалъ.—
 И если взоръ мой непослушнымъ
 Бывалъ разсудку иногда,
 За то наказанъ былъ всегда
 Твоимъ молчаньемъ равнодушнымъ.—
 Ты для меня всегда была
 Предметомъ сладосныхъ мечпаній;
 Мысль о тебѣ въ душѣ жима
 Святымъ залогомъ упованій
 Небесныхъ будущаго дней.—
 Не обольщался саномъ я,
 Тебѣ дарованнымъ судьбою;
 Я былъ плѣненъ одной побою,
 Я обожалъ въ тебѣ—тебя.—
 Любовь тебя мнѣ предспавляла
 Небесной гостьей на земли,
 Какъ божествомъ побой пипала
 Душа надежды всѣ свои.—
 Я дорожилъ судьбой моей,
 Ты мной повелѣвашъ умѣла;
 —И, чудно, что всегда блѣднѣла
 Моя звезда передъ твоей.—
 Когда любилъ тебя невольно
 Безъ цѣли, безъ надеждъ есть зло:
 То я наказанъ ужъ довольно;
 Но все въ душѣ не умерло
 Небесъ прекрасное внушенье—
 Я все люблю!.. И если-бъ я
 Могъ разлюбилъ, забывъ тебя,
 Тогда моей ужасной доли
 Достоинъ былъ бы я вполне.—
 Любовь причиною неволи
 Томительной, ужасной мнѣ;
 Но не еѣ-ль святымъ внушеньямъ
 Обязанъ пѣмъ, что я сношу
 Судьбу мою съ такимъ шерпѣньемъ.—

Одной побою я дышу,
 Тобой одной дышать желаю,
 И всѣ спраданья презираю.—

VI.

Сему не надо удивляться,
 Узнавши короркко меня:
 Съ дней дѣтства начала пипаться
 Огнемъ любви душа моя.—
 Сколь часто—лишь встрѣчали взоры,
 Я былъ готовъ любить душой.—
 Лѣса, пустыни, доли, горы,
 Мнѣ соспавляли рай земной;
 Тамъ распроспершился уныло,
 Подъ стѣною мрачною деревъ,
 Бесѣдовавъ любить я съ милой
 Мечшой по нѣскольку часовъ.—
 И спарцы мудрые главами
 Качали шедъ мимо меня,
 Съ примѣпной скорбью предрекали,
 Чшо злополучень буду я,
 Чшо я, любящій праздность, волю,
 Себѣ готовилъ злую долю.—
 Совѣтъ ихъ былъ, чшобъ наказаньемъ
 Спараться нравъ мой измѣнить,
 И пѣмъ зло слѣдспвій упредилъ.—
 Но щещепно жертвой наказаній
 Жестокихъ, пляжкихъ я бывалъ:
 Я не помился опъ спраданій,
 А ихъ съ презрѣньемъ проклиналъ;
 И въ пшину уединенья
 Опяшь украдкой уходилъ,
 Гдѣ, на свободѣ, слѣзы лилъ—
 И на яву зрѣлъ сновидѣнья!....
 Въ лѣсахъ же мужества и силы,
 Я чувспвовалъ: душа моя
 Полна надеждъ какихъ-то милыхъ,
 Какихъ-то таинъ быпшя.—
 Мои мятежныя желанья
 Я самъ не могъ опредѣлить:
 Томился чувспвомъ ожиданья,
 Не могъ спокойствія найпипъ;
 Какой-то милый идеалъ
 Мои всѣ мысли занималъ.—
 Но, лишь тебя передъ собою,
 Элеонора, я узрѣлъ,

Сей міръ исчезъ передо мною—
 Я все мое въ тебѣ обрѣлъ!—
 Предметъ надежды и мечты
 Была, единственная, ты.—

VII.

Любивъ всегда уединенъе,
 Какъ могъ я прежде полагать,
 Чѣмъ споль надолго опчужденъе
 Опъ всѣхъ людей мнѣ испытать.—
 Товарищей моихъ несчастныхъ,
 Сихъ жертвъ враждующей судьбы,
 И нашихъ приставовъ ужасныхъ
 Возможно ли назвать людьми?—
 Давно бы рапня морила
 Моимъ удѣломъ здѣсь была,
 Когда-бъ опчаянїя сила
 Мой гордый духъ превозмогла.—
 Но кто видалъ, чѣмъ испуганнымъ
 Я до безумїа бывалъ?
 На Провидѣнїе чѣмъ ропталъ
 Въ бреду, шоской произведенномъ?
 Тюрьма, гдѣ я живу съ шоскою,
 Несноснѣ скалы пустой,
 Куда пловець, съ одной доскою,
 Зброшенъ бурною волной.—
 Онъ проспиралъ взоръ унылой,
 Міръ Божїй видишь предъ собой:
 Увы! мой міръ передо мной
 Немного болѣе могилы.—
 Оспрадный блескъ свѣтила дня
 Сей сводъ скрываетъ опъ меня....
 Но, я шерпиль имѣю силы.—

VIII.

Въ семь спрашномъ мракѣ заключенъя
 Едва ли сохраню мой умъ;
 Уже чудесныя видѣнъя,
 Плоды превожныхъ, черныхъ думъ,
 Мнѣ предспавляясь начинають;
 И зрїтся: иногда блистають
 Спѣна и сводъ моей шюрмы,
 И злые духи напѣвають
 Мнѣ пѣсни спрашныя свои.—
 Я началъ чувствовать тѣ боли,
 Коихъ, среди оспрадной воли,

Не можешь смерпный испытать.—
 Мнѣ спрашенъ спалъ сей звукъ цѣпей!
 Мнѣ душенъ мракъ шюрмы моей!..—

Бышь можешь, что враждебный геній
 Воспоржеспвуетъ надо мной,
 Упошребивъ для испушенїй
 Минуты скорби роковой.—

IX.

Я прежде пылокъ былъ душою
 И живо могъ все ошущать;
 Но, все прошло!.. Теперь мечпою
 То время я могу назвать.—
 Изгрызло ноги мнѣ цѣпями!...
 И если сими кандалами
 Не могъ себя я умершвить,
 Могъ всѣ спраданъя пережить:
 То симъ обязанъ нежеланью
 Прослышь убійцею себя,
 И дашь возможность къ оправданью
 Клевепъ пирановъ на меня,
 Чѣмъ будшо умъ поперянь мною.—
 Я не хотѣлъ молвой шакою
 Безчестить память о себѣ.—
 Нѣтъ, нѣтъ, одно безсмертнѣ мнѣ
 Въ удѣлъ назначено судьбою.—

Льпа спремшительно пройдушь,
 Здѣсь келья въ храмъ преобрашнися,
 Куда народы поклонншся
 Съ благоговѣнїемъ придуть!—
 Феррара! И тебѣ не спанепъ,
 Наступнш и швоѣ чреда!...
 Твое могущество уянешъ,
 Чертоги рушатся;—шогда,
 Тогда швоею прочной славой
 Моя шемница можешь бышь,
 И лавръ поэта величавой
 Тебѣ вѣнецъ швоѣ замѣнш.
 Элеонора! и швоѣ
 Исчезнепъ красота и младость,
 Какъ исчезаетъ жизни радость,
 Какъ исчезаетъ опблескъ дня.—
 Въ черпогахъ брата швоего
 Замолкнепъ шумъ шировъ его.—
 Тогда сорвешъ ты лавръ зелѣный

На камнѣ гробовомъ моемъ,
 И онъ блистательный короны
 Возблещетъ на челъ пвоемъ.—
 По смерти же меня съ побою
 Не разлучишь уже ничто,
 Какъ въ мѣръ семъ тебя шкпо
 Не разлучимъ съ моею душою.—
 Элеонора! рокъ судилъ,
 Карающій насъ здѣсь споль грозно,
 Чтوبъ я соединеннымъ былъ
 Съ побой, увы!.. по слишкомъ поздно!..

В. Трубищевъ.

Рязань.
 1855.

LOGOGRIPHE.

Des amans bien épris, je comble tous les vœux;
 Dérange un de mes pieds, et je chante les Dieux.

Въ Но 51, помѣщенный логогрифъ значить: *Мракъ.*

MODES.

Nous avons annoncé quelques détails sur une riche corbeille qui nous a été montrée récemment; nous nous arrêterons seulement aux objets de fantaisie les plus saillans. Parmi les robes, on remarquait des poux de soie chinés à dessins bizarres, et d'autres brochés à fleurs de couleurs vives, fond blanc, fond noir, et une troisième écruë. — Le pou de soie fond blanc, à roses informes, était une redingote habillée. La jupe de dessous, garnie d'un haut volant de dentelle blanche; celle de dessus, ouvrant tout-à-fait vers le bas, garnie d'une ruche découpée sur le devant; le corsage de dessus demi-montant, plat, fermant en cœur, était garni d'une mantille de dentelle blanche, qui retombait en pélerine sur le dos et les épaules; dessous, le corsage plat était décolleté, les manches courtes, avaient d'énormes sabots de dentelle qui couvraient le coude.

L'étoffe à fond noir, chinée en larges flammes violettes, entrecoupées de rosaces bizarres, jaunes et rou-

ges, était faite sur le modèle de la blanche, excepté que les dentelles étaient noires.

Le pou de soie écru, chiné rouge et noir, avait été réservé pour redingote de promenade; la jupe très-simple, se fermait devant par cinq nœuds de ruban, parfaitement assorti à l'étoffe. La pélerine avait été faite en mantille, garnie d'un volant d'étoffe, et se fermait par des nœuds semblables à ceux de la robe.

Pl. No 19. Les habits portés à Paris le 12 Juin n. st.

МОДЫ.

Мы обѣщали нѣсколько подробностей о богатой корзинкѣ, которую недавно видѣли; мы остановимся только на предметахъ прихоти, самыхъ значительныхъ. Между платьями, замѣны были изъ волнистыхъ *pou de soie*, съ спранными узорами; другія съ запканными цвѣточками яркихъ цвѣтовъ, по бѣлому, чѣрному и суровому грунту.—Нарядный рединготъ былъ *pou de soie*, по бѣлому грунту неправильныя розы. Нижняя юбка сдѣлана широкою оборкою изъ бѣлаго кружева; верхняя же, открывшая совершенно къ низу, сдѣлана высѣченнымъ рюшемъ спереди; верхній полу-открытый гладкой лифъ, спереди сердцемъ, обшитъ бѣлою кружевною маншильею, которал висѣла какъ пелеринка на спицѣ и на плечахъ; нижній лифъ гладкой, открытый; рукава коропкѣ, съ огромными кружевными *sabots*, закрывавшими локоть.

Черная матерія волнистая, широкими фиолетовыми пламями, перерѣзанными спранными кружками, желтыми съ краснымъ; платье сдѣлано было на подобіе перваго, выключая кружево, котораго были чѣрныя.

Pou de soie суроваго цвѣта, по которому красныя съ чѣрнымъ волны, оставленъ былъ для редингота, для прогулки; юбка весьма проста, схватывалась спереди плъью бантами изъ ленгъ, соотвѣтствующихъ шкани. Пелеринка сдѣлана была маншильею, обшита оборкою изъ матеріи, и схватывалась бантами, также какъ платье.

Карп. No. 19. Платья, кои появились въ Парижѣ 12 Юня н. ст.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ или ВТОРОЙ 1833 ГОДА.

С. П. Бургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія П. С.—Печаташь позволяется: 26 Юня 1833 года

Цензоръ *А. Никитенко.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ВТОРОЙ

н а

1833 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Деревенскій бытъ некоторыхъ Русскихъ помѣщико- ковъ въ началѣ XIX-го вѣка. <i>Статья исстала.</i> стрн. 209.	
Въ послѣднемъ вкусѣ Парижанка. <i>Маленькій романъ.</i> . . . . . 217.	
Таинственная свашба; пер. <i>Ипполита Глбова.</i> . . . . . 225.	
Рянопласника . . . . . 255.	
Дуэль; пер. <i>Ипполита Глбова.</i> . . . . . 241.	
Кау-шуковыя шляпы. . . . . 257.	
Балы въ Парижѣ . . . . . 273.	
Деревенскій бытъ некоторыхъ Русскихъ помѣщико- ковъ въ началѣ XIX-го вѣка; соч. <i>П. Сіа-</i> <i>нова.</i> . . . . . 281, 289, 297.	
Плясовая вечеринка; соч. <i>А. Кораблинскаго</i> . . . . . 305.	
Пятница . . . . . 313.	
Радостное и печальное извѣстіе . . . . . 337.	
Непростительные промахи Французскихъ журна- листовъ въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ ими о Россіи . . . . . 338.	
Сравненіе двѣцъ, дамъ и мушкетъ съ мѣсяцами . . . . . —	
Ошибки грамматиковъ . . . . . —	
Воспоминанія солдата; пер. <i>П. Сіанова</i> . . . . . 345.	
Англичане-путешественники; пер. <i>Иль Г...ва</i> . . . . . 361.	
Предисловіе къ моему роману; <i>Иванъ Кривоногій,</i> или божба и брань вмѣстѣ; соч. <i>Кабанова</i> . . . . . 369.	
Выборъ вдовы; соч. <i>Герас. Калишева</i> . . . . . 393.	
Расходъ съ приходомъ вѣренъ . . . . . 395.	
Трусъ; пер. <i>Иль Глбова</i> . . . . . 401 и 409.	

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Вампиръ; пер. <i>В. Олина</i> . . . . . 214.	
Чёрная голова; пер. <i>Вильгельма Тило</i> . . . . . 227, 234, 243, 249, 258, 265.	

Повѣдка въ Алгамбру; пер. <i>Бр.</i> . . . . . стрн. 274.	
Ужасный сонъ; соч. <i>В. Олина</i> . . . . . 277.	
Потоп, или собака, несчастная по привязанности къ своей госпожѣ и свирѣпая изъ ревности; пер. <i>М...ра</i> . . . . . 283 и 292.	
Дѣнь на Баденскихъ водахъ въ 1832 году . . . . . 299.	
Сцена изъ прозанческой жизни . . . . . 301.	
Повѣдка изъ Дерпта въ Псково - Печерскій мопа- спырь . . . . . 306, 315 и 321.	
Пріемъ воспитанника въ Политехническую школу . . . . . 308.	
Раздавленная собака нищаго . . . . . 317.	
Воспоминанія солдата; пер. <i>П. Сіанова</i> . . . . . 329.	
Два матери; пер. <i>Ипполита Глбова</i> . . . . . 338.	
Человѣчскій остовъ и тюремный ключъ; пер. <i>Вильгельма Тило</i> . . . . . 353.	
Морская жел, сказаніе; соч. <i>Слита, пер. В. Тило</i> . . . . . 364.	
Пиръ, Испанская историч. повѣсть; пер. <i>Иль Г...ва</i> 371 и 378.	
Письмо Ламартина . . . . . 380.	
Кадузь, восточная сказка; пер. <i>В. Романовича</i> . . . . . 385.	
Картина Босфора въ льпшій день . . . . . 395.	
Воспоминаніе потерь, сдѣланныхъ Русскою Лите- рашурою въ послѣдніе три года . . . . . 391.	

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Предостереженіе; соч. <i>В. Каюперскаго</i> . . . . . 215.	
Пѣсня; соч. <i>В. Ш...скаго</i> . . . . . —	
Эпиграмма; соч. <i>Егора Алимпанова.</i> . . . . . —	
Потеря сердца; соч. <i>Ө. Глинки.</i> . . . . . 223.	
Картина Финляндіи; соч. <i>Великопольскаго.</i> . . . . . —	
Въ Альбомѣ К. С. Н.; соч. <i>П. Нилифорова</i> . . . . . 230.	
Къ Кокеткѣ; соч. <i>А. Крокова.</i> . . . . . —	
Утро 11-го Апрѣля; соч. <i>В. Каюперскаго</i> . . . . . 231.	
Предложеніе XLVIII псалма . . . . . 238.	

Романсъ; соч. Л.	239.
Падгробіе; соч. И. <i>Пальмина</i>	—
Встрѣча съ домовымъ; соч. В. <i>Капонерскаго</i>	247.
Русская пѣсня	стрн. 247.
Разоблаченіе; соч. <i>Т. Глинки</i>	253.
Мелодія; соч. В. <i>Романовича</i>	—
Я васъ забылъ; соч. П. <i>Никифорова</i>	263.
Эпиграмма	—
Земная цѣпь; соч. <i>Тришуннаго</i>	269.
Мечты	278.
La folle de la vallée de ***	279.
Весна; соч. П. <i>Никифорова</i>	286.
Фантазія; соч. А. <i>Слѣпникова</i>	287.
Эпиграмма; соч. <i>Сарандинаки</i>	—
Звуки; соч. <i>Якубовича</i>	295.
Разлука; соч. П. <i>Чижова</i>	—
Пѣсня; соч. В. Ш.	—
Элегія; соч. П. <i>Никифорова</i>	303.
Эпиграмма; соч. <i>Сарандинаки</i>	—
Н. Н. при поднесеніи монахъ повѣстей и разсказовъ; соч. <i>Карлгофа</i>	311.
Освященное мѣсто	—
Экспромптъ; соч. В. <i>Романовича</i>	—
Хмѣль; соч. <i>Т. Слѣпникина</i>	319.
Спаруха, басня; Е. <i>Алипанова</i>	—
Черты осени; соч. <i>Т. Глинки</i>	327.
Характеристика	—
Шампанское; соч. <i>Т. Слѣпникина</i>	—
Алтанъ-Аргинакъ; соч. И. <i>Нагибина</i>	333.
Муза	340.
Элегія; соч. <i>Т. Туманскаго</i>	341.
17 Сентября 1824 года	—
Къ монахъ спихамъ; соч. П. <i>Никифорова</i>	350.
Къ звѣздѣ; соч. Н. <i>Ставелова</i>	351.
Le sylphe; par <i>Alexandre Dumas</i>	—
Смерть <i>Фигера</i> ; соч. <i>Т. Глинки</i>	357.
Къ Н. Н.; соч. <i>Ватюшкова</i>	367.
Сопеть, въ альбомѣ ***; соч. В. <i>Щистнаго</i>	—
Новый годъ; соч. Б. <i>Федорова</i>	374.
Романъ моего опца; соч. <i>Бартдишскаго</i>	380.
Обиовленіе; соч. А. <i>Глыбова</i>	389.
Деревня; соч. А. <i>Грена</i>	390.
Эпиграмма; соч. М. <i>Сарандинаки</i>	—
Ночь на Безобдалѣ; соч. И. <i>Косляревскаго</i>	398.

Цвѣты любви; соч. А. <i>Подолискаго</i>	407.
Наташа, послыщ. А. Д. О. . . . .; соч. П. <i>Обо-</i> <i>довскаго</i>	—
Свѣтованіе Тасса, поэма лорда <i>Байрона</i> , посвящ. В—рѣ И—виѣ <i>Фонъ-Дервизъ</i> ; соч. В. <i>Труби-</i> <i>кова</i>	стрн. 411.

IV.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Репершуаръ за 1833 годъ (<i>Оконч.</i>)	254.
Обозрѣніе концершовъ, данныхъ въ продолженіе послѣдняго Великаго поста	341.

V.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Евгеній Онегинъ, романъ въ стихахъ; соч. А. <i>Пушкина</i>	270.
---	------

VI.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, АНАГРАММЫ, ОМОНИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія. — *Шарады*: 1) Шар-а-да; 2) Пол-уда; 3) Порш-ной; 4) По-бѣда; 5) Крап-ива; 6) Я-бѣда; 7) Пор-охъ. *Логогрифы*: 8) Громъ; 9) Мракъ. *Анаграммы*: 10) Миръ; 11) Паръ. *Омонимы*: 12) Буракъ; 13) Орель.

Французскія. — *Шарады*: 1) A-larme; 2) Bal-bec; 3) Sourire; 4) Bis-bille. *Логогрифы*: 5) Charme; 6) Balle; 7) Bamberg; 8) Patrie; 9) Palmure; 10) Нумен. *Загадки*: 11) Le masque; 12) Nameçon; 13) Pouls.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и крашенныхъ картинокъ.